ВЕСТНИК

Томского государственного университета

2016. № 410. Сентябрь

• ФИЛОЛОГИЯ

• PHILOLOGY

• ИСТОРИЯ

• HISTORY

ПРАВО

• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2016. № 410. September

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.; С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов, д-р техн. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.; Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.; Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р ист. наук, проф.; В.И. Канов, д-р экон. наук, проф.; А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; В.П. Парначев, д-р геол.-минерал. наук, проф.; О.В. Петрин, директор Издательского Дома Томского государственного университета; Т.С. Портнова, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; А.И. Потекаев, д-р физ.мат. наук, проф.; Л.М. Прозументов, д-р юрид. наук, проф.; 3.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.; Ю.Г. Слижов, канд. хим. наук., доц.; В.С. Сумарокова, директор Издательства ТГУ; С.П. Сущенко, д-р техн. наук, проф.; П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р пед. наук, проф.; Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); D. Katunin, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); V. Bertsun, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Ye. Borisov, Dr. of Philosophy, Professor; D. Vorobyov, PhD in Biology, Associate Professor; S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; A. Glazunov, Dr. of Engineering, Professor, A. Gortsev, Dr. of Engineering, Professor; L. Grinkevitch, Dr. of Economics, Professor; S. Gural, Dr. of Education, Professor; T. Demeshkina, Dr. of Philology, Professor; Yu. Yershov, Dr. of Philology; V. Zinoviev, Dr. of History, Professor, V. Kanov, Dr. of Economics, Professor; A. Korotaev, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher, I. Malkova, Dr. of Pedagogy, Professor, V. Parnachev, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; O. Petrin, Head of Tomsk State University Publishing House; T. Portnova, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; A. Potekaev, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; L. Prozumentov, Dr. of Law, Professor, Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor, Yu. Slizhov, PhD in Chemistry, Associate TSU V. Sumarokova, Director of Publishing House: S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor; P. Tarasenko, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, G. Tatianin, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; V. Utkin, Dr. of Law, Professor; O. Chaikovskava, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, E. Chernyak, Dr. of History, Professor; V. Shilko, Dr. of Education, Professor; E. Shrager, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **В.П. Зиновьев,** д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора: Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, профессор В.А. Уткин, д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь – Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доцент

Р.Л. Ахмедшин, д-р юрид. наук, профессор Л.М. Прозументов, д-р юрид. наук, профессор П.П. Румянцев, канд. ист. наук, доцент А.С. Янушкевич, д-р филол. наук, профессор

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief **Tatiana A. Demeshkina**, Doctor of Philology, Professor **Vladimir A. Utkin**, Doctor of Law, Professor

Executive Editor **Dmitry A. Katunin**,

PhD in Philology, Associate Professor

Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Aleksandr S. Yanushkevich,
Doctor of Philology, Professor

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection. Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection. The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 410 Сентябрь 2016 № 410 September 2016

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694, электронный вариант № 018693 выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г. ISSN: печатный вариант – 1561-7793; электронный вариант – 1561-803 X от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Certificates of registration: printed version № 018694,
electronic version № 018693

Issued by the Russian Federation State Committee for Publishing
and Printing on April 14, 1999.

ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
April 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Козлов А.Е. Рефлексия и нарратив в «Путешествии критики»	
С.К. Ферельцта	5
Меняйло В.В. Англичане и иностранцы в «Саге о Форсайтах»	
и «Современной комедии» Дж. Голсуорси	13
, , , , , , , , , , , , , , , , , , ,	

история

Абсеметов М.О., Зиновьев В.П. К вопросу об особенностях	
процесса модернизации Казахстана в 1920–1940-е гг	19
Арапина С.В., Карин А.Д. Революция 1848 г. в Галиции	
сквозь призму концепции Ш. Эйзенштада	24
Ахмедов Т.А. Преодоление прокурдской Демократической	
партией народов избирательного барьера на выборах	
в июне 2015 г. в Турции: победа или поражение курдов?	31
Бадмаев А.З. Организация технической инспекции	
в студенческих строительных отрядах	
(на примере Бурятии)	34
Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. История создания	
кедровой промышленности	41
Гетман М.А. «Европа для детей»: адаптированный вариант	
Европейского Союза	50
Гордеев А.Г. Восстановление деятельности Алтайской	
губернской земской управы (июнь – июль 1918 г.)	58
Захаров А.И. Индийская политика администрации	
Билла Клинтона (1993–2001 гг.)	63
Иванова Л.М. Сибирский фронтир: изучение вопроса	
в отечественной исторической науке	72
Комилова Х.Г. Теоретические основы и подходы	
к определению внешнеполитических интересов	
в международных отношениях Центральной Азии	77
Комлева Е.В. Сибиряки в столице: впечатления наследников	
красноярского купца А.П. Ларионова от Санкт-Петербурга	
начала 1870-х гг.	84
Косыгина С.В. Динамика народонаселения Западной Сибири	
1914–1923 гг. в современной историографии	91
Крылова В.К. «Лично мне он известен	
как честный и способный чиновник»	97
Курнаков А.Н. Роль религии в политической жизни Нигерии	103
Лиджиева И.В. Местное самоуправление калмыцкой степи	
в деятельности временного правительства	108
Мальцев Р.К. К вопросу о деятельности Сибирской	
ассоциации исследователей первобытного искусства	114
Мишенин С.Е. Железнодорожный транспорт	
Западной Сибири в контексте мониторингов железных дорог	
сети СССР 1960–1980-х гг. (по материалам газеты «Гудок»)	118
Савелова О.А. Организация подготовки специалистов-	
физхимиков в высшей школе на примере деятельности	
Новосибирского государственного университета во второй	
половине XX в.	123
Сафонова О.Е. К вопросу о добровольных неполитических	
общественных объединениях в Рязанской губернии в конце	
XIX – начале XX в.	131
Спичак А.В. Классификация документальных источников	
по истории приходских церквей Тобольской епархии	
XVIII – начала XX в.	138
Сушко А.В., Нехаев А.В. Теории национализма	
и историческая наука: партикуляризм vs универсализм	142

CONTENTS

PHILOLOGY

Kozlov A.E. Reflection and narration in The Journey

of Criticism by S.K. Fereltst	5
Meniailo V.V. English people and foreigners	
in J. Galsworthy's The Forsyte Saga and A Modern Comedy	13
HISTORY	
Absemetov M.O. Features of Kazakhstan's modernization	
process in the 1920s–1940s	19
Arapina S.V., Karin A.D. The revolution of 1848 in Galicia	
in the concept of S. Eisenstadt	24
Akhmedov T.A. Surpassing the electoral threshold by the Peoples'	
Democratic Party in the Turkish general election of June 2015:	
victory or loss for Kurds?	31
Badmaev A.Z. Organisation of technical inspection	
in student construction brigades	
(a case study of Buryatia)	34
Gaidin S.T., Burmakina G.A. The history of the formation	
of Siberian pine nuts industry	41
Getman M.A. "Europe for Kids": the adapted version	
of the European Union	50
Gordeev A.G. Restoration of the Altai Provincial Zemstvo	
Council activities in June–July 1918	58
Zakharov A.I. The Bill Clinton Administration's India policy	
(1993–2001)	63
Ivanova L.M. The Siberian frontier: the study of the issue	
in the Russian historical science	72
Komilova Kh.G. Theoretical bases and approaches	
to the determination of foreign policy interests in the	
system of Central Asia	77
Komleva E.V. Siberians in the capital: impressions	
of the inheritors of the Krasnoyarsk merchant	
Aleksandr P. Larionov of St. Petersburg of the early 1870s	84
Kosygina S.V. Modern historiography of the population	
dynamics in Western Siberia in 1914–1923	91
Krylova V.K. " I personally know him as an honest	
and capable official	97
Kurnakov A.N. The role of religion in the political life of Nigeria	103
Lidzhieva I.V. Local government of the Kalmyk steppe	
in the Provisional Government activities	108
Maltsev R.K. On the activities of the Siberian Association	
of Prehistoric Art Researchers	114
Mishenin S.E. Railway transport of Western Siberia	
in the context of the USSR railway network monitoring	
in the 1960s–1980s (on materials of the <i>Gudok</i> newspaper)	118
Savelova O.A. Training of specialists	
in physical chemistry	
in universities (NSU) in the second half	123
of the 20th century	
Safonova O.Ye. On the question of voluntary	
non-political public associations in Ryazan Province	
in the late 19th – early 20th centuries	131
Spichak A.V. Classification of documentary sources	1
on the history of parish churches of the Tobolsk eparchy	
of the 18th – early 20th centuries	138
Sushko A.V., Nekhaev A.V. The theory of nationalism	150
and historical research: universalism vs particularism	142
and motorious resources, and resources to particularism	1 12

Тишкина К.А. Участие Г.Д. Гребенщикова в работе и ликвидации Третьего Сибирского Новониколаевского	and elimination of the Third Siberian Novonikolaevsk Medical	1.50	
врачебно-питательного отряда (1917–1918 гг.)	and Nutritional Group (1917–1918) Troitskiy E.F. Representation of federal states in the Council	153	
в Совете ЕС: роль регионов	of the EÜ: roles of the regions	159	
Аранцов А.Б. Прослемы формирования органов местного самоуправления в городах Западной Сибири (1870-е гг.)	in the cities of Western Siberia (the 1870s)	164	
международных связей в XVI–XVII вв	•	168	
ПРАВО	LAW		
Карелин Д.В., Мещерякова Э.И., Ларионова А.В., Трусов П.А. Особенности взаимосвязи социопрофессиональных и личностно-коммуникативных характеристик судебных приставов	Karelin D.V., Meshcheryakova E.I., Larionova A.V., Trusov P.A. Special aspects of interconnection between socio-professional and personal-communicative characteristics of bailiffs	172	
Хоменков Р.О., Ахмедшин Р.Л. Классификация серийных убийц: синтез результатов	Khomenkov R.O., Akhmedshin R.L. Classification of serial killers: a synthesis of the results		
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 184	BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	184	

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1+82.0

А.Е. Козлов

РЕФЛЕКСИЯ И НАРРАТИВ В «ПУТЕШЕСТВИИ КРИТИКИ» С.К. ФЕРЕЛЬПТА

Статья подготовлена в рамках реализации гранта РГНФ Аннотированный указатель «Русский травелог XVIII — начала XX века» (грант № 15-04-00508, тип проекта «а»).

«Путешествие критики» С.К. Ферельцта – памятник русской литературы, занимающий пограничное место между сатирой екатерининского времени и сентиментальным травелогом. Написанное в 1810 г. «Путешествие» обнаруживает явное тяготение к сюжетике конца XVIII в., часто воспроизводя отдельные сцены и типы, характерные для новиковской и страховской публицистики или обличительной словесности в духе А.Н. Радищева. В этом ракурсе очевидно эпигонское, несамостоятельное воспроизведение существующего образца. Тяготение иного рода обусловлено рецепцией Л. Стерна. Как текст «Путешествие» демонстрирует множество неслиянных нарративных стратегий, среди которых на внешнем уровне выделяются критика и оппозиционность власти. Однако в отличие от философов и утопистов своей эпохи писатель представляет свои проекты в ироническом модусе. Ирония становится образующей, она затрагивает и фабулу произведения с ее характерными типами, и сюжет с его центростремительным действием. Наконец, иронии подвергается и ключевая в метатекстуальном смысле стратегия письма как текстопорождения.

Ключевые слова: русская литература XIX в.; русский травелог; литературная репутация; нарратив; вторичность и альтернативность.

«Путешествие критики» анонимного автора, оставившего на титульном листе криптоним C. фон Φ ., было передано в цензурный комитет в 1810 г., однако еще 8 лет книга ждала цензурного разрешения и была опубликована только в 1818 г. Судя по сдержанной реакции читателей, общественного резонанса она не вызвала, впоследствии в XIX в. не переиздавалась и в скором времени стала библиографической редкостью. Эта ситуация находит объяснение: большинство тем и сюжетов, которые затронул в своем эпистолярном романе анонимный писатель, к началу XIX в. утратило свой злободневный смысл, став рудиментом просветительского классицизма. Принципиальная смена «большого литературного стиля», освоение качественно иного романтического мировидения и, наконец, поиск новой идентичности сделали данное произведение явлением даже не второго, а третьего ряда.

Кажется закономерным, что обращение к этому памятнику и попытки его «реабилитации» приходятся на 50-е гг. XX в. Именно тогда произведение, снабженное вступительной статьей А.В. Кокорева, было опубликовано в издательстве Московского государственного университета. По замечанию исследователя, «автор "Путешествия критики" стремится продолжить изображение Радищевым жизни и быта феодально-крепостнического общества России начала XIX века, и это в некоторой степени ему удалось...» [1. С. 18]. Кокореву принадлежит попытка определения авторства (впоследствии признанная ошибочной): исследователь атрибутировал произведение С.П. Фонвизину племяннику Д.И. Фонвизина². Это предположение было опровергнуто в начале 1960-х гг. Г.П. Макогоненко, который вслед за В. Орловым и М.А. Шнеерсон установил авторство произведения, атрибутировав его С.К. Ферельцту. Как отметил Г.П. Макогоненко, «Савелий Ферельцт – ученик русских просветителей XVIII века, причем, безусловно, в

большей мере ученик Фонвизина и Новикова, чем Радищева, хотя Радищевское "Путешествие" он отлично знал» [3. С. 719]. Таким образом, атрибуция Кокорева переводится в иной разряд, становясь интерпретацией. Отметим, что именно в 50-е гг. ХХ в. за «Путешествием критики» закрепляется репутация оппозиционного произведения, хотя в то же время снимается определенная жесткость, связанная с включением его в контекст произведений так называемых радищевцев. В одно время с исследованием Макогоненко в антологии «Русские очерки» под редакцией Б.О. Костелянца был опубликован фрагмент произведения (в частности, II, III и IV, XVI письма)³. В дальнейшем, в конце 80-х гг., Г.Д. Овчинниковым были представлены разыскания о личности учителя владимирской гимназии Савелия Ферельцта и специфике его творчества.

Со сменой идеологического ориентира интерес к этому памятнику ослаб; вряд ли будет большим преувеличением утверждение, что в последнее двадцатилетие не появилось ни одного исследования, посвященного исключительно изучению поэтики этого текста. Основная причина этого, по-видимому, определяется литературным качеством произведения и *нулевой* репутацией Савелия Ферельцта. Действительно, эта фигура существует вне литературного фона, вне привычных литературных связей и контекстов. Тем не менее изучение данного произведения позволяет прийти к некоторым выводам, имеющим отношение как к истории литературы в целом, так и к эволюции нарративных структур начала XIX в. [4, 5].

Безусловно, значимую проблему представляют стиль и дискурс произведения, существующие, как сказано выше, между двумя традициями: просветительской классицистической (связанной с сатирической публицистикой и драматургией екатерининского времени) и обличительно-архаической (в какой-то мере ориентированной на творчество В.К. Тредиаковского и представленной «Путешествием...» А.Н. Радищева). К названным выше традициям следует прибавить иронико-сентименталистскую, связанную с наследием Л. Стерна и Г. Филдинга. Более того, на наш взгляд, именно «Путешествие критики» является свидетельством постепенного переосмысления «Сентиментального путешествия», что объясняется фактическим присвоением приемов и игровых техник, характерных для Стерна⁴. Иными словами, предполагаемый адресат произведения должен был читать «Путешествие» в контексте обличительной традиции, однако в ходе чтения он неизбежно бы вовлекался в игру, приводящую к своеобразной нейтрализации обличения.

Заметим, что на двадцать лет предвосхищая «Повести Белкина», Савелий Ферельцт выстраивает повествование как систему взаимосвязанных повествовательных рамок. Несмотря на относительную простоту повествовательной конструкции, не соотносимую с разветвленной нарративной системой «Путешествия из Петербурга в Москву», рассматриваемое произведение представляет ряд уровней, каждый из которых как бы отменяет семантику предыдущего. Одним из таких способов нейтрализации является и введение заглавной повествовательной инстанции некоторого С. фон Ф. Употребление криптонима становится частью игры, заставляя предполагать в авторе как условного повествователя (типа Йорика в «Сентиментальном путешествии»), так и конкретное биографическое лицо. Это же можно сказать и об адресате большинства писем – некотором Л.Д.

Оценивая произведение с реалистических пози-Б.О. Костелянец проницательно «...условен не только адресат – некий "друг", но, что гораздо существеннее, условным, почти никак не конкретизированным, выступает и повествователь. Само название книги свидетельствует об этом. <...> Путешествует негодующая, но вместе с тем и безличная критика» [9. С. 15]. Действительно, двойное название произведения – «Путешествие критики, или Письма одного путешественника, описывающего другу своему разные пороки, которых большею частию сам был очевидным свидетелем» - обнаруживает возможность двух разных фокализаций, организуемых некоторым третьим условным, и в этой условности недостоверным, повествователем. Кроме экзегезиса условным выглядит и диегезис: часть событий, согласно названию, не находится в зоне непосредственного видения повествователя и не может фиксироваться им.

По-видимому, такая подвижность инстанций и изменчивость нарративных стратегий могут быть рассмотрены в контексте закономерной эволюции метатекстовых повествовательных структур [4, 10]. Руководствуясь этим принципом, далее мы будем говорить о «Путешествии...» С.К. Ферельцта как о «Путешествии» С. фон Ф., нарративная организация которого предвосхищает появление «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина», изданных П.: С. Фон Ф. / «Критика» / Любезный друг (Л.Д.) + один путешественник.

Об осмысленности и высокой доле рефлексивности игры с повествовательными планами свидетельствует предваряющий произведение эпиграф из Горация: Quid rides? Mutāto nomĭne de te fabŭla narrātur. Содержание эпиграфа в большей мере связано с просветительской традицией сатиры на пороки (ср. с радищевским «премени имя, повесть о тебе вещает»⁵). В то же время fabŭla narrātur имеет отчётливый метасюжетный потенциал, который реализуется в отдельных главах-письмах, чье содержание далеко не всегда удовлетворяет канону классического эпистолярия, обнаруживая несоответствие на уровне жанра и сюжетно-мотивной организации⁶.

В «Предисловии» к произведению сообщается: «Друг мой никогда не имел желания быть страдальцем учености, или, просто сказать, автором» Таким образом, интенцию пишущего нельзя назвать креативистской: он занимает позицию собеседника, адресанта, отказываясь от права на вымысел и домысел. Это высказывание одновременно лишает нарратора критической компетенции, поскольку основная задача текста - сообщение определенной информации. Следующее за этим предложение дезавуирует цель создания произведения и обозначает его бесполезность: «Впрочем, я не знаю, какую оно может принести пользу. Ежели предположить, что люди, коих пороки здесь описываются, прочитавши письма сии, ужаснутся преступлений своих и исправятся, так их давно уже и на свете нет...».

Следовательно, в произведении фиксируется определенная временная точка, относительно которой критикуемые пороки не релевантны настоящему моменту (т.е. моменту чтения). Самое путешествие ретроспективно и по своему содержанию описывает давнопрошедшие и утратившие актуальность события. Продолжение высказывания также снимает прагматическую направленность произведения: «...ежели же почесть пользою то, что современники наши и потомки, прочитавши их и почувствовав отвращение к описываемым в них порокам других, почувствуют, может быть, отвращение и к порокам собственным: так пороки в мире всегда есть и всегда будут. Следовательно, всегда и всякой может видеть их в натуре». С одной стороны, здесь ставится под вопрос образующий принцип сатиры на нравы, с другой - что не менее важно - утверждается принцип миметического подобия. Порочность мира осознается как неотъемлемая данность; тем отменяются возможные проекты по исправлению человечества.

Наконец, в заключение предисловия фиксируется еще один аспект произведения — гедонистический: «Друг мой писал их не с тем, чтобы злословить других и не с тем, чтобы делать другим нравоучения. Короче сказать, он писал только для моего удовольствия; а я вздумал поделиться сим удовольствием с другими». Данный аспект явно противоречит названию произведения, в котором заключена идея критического осмысления действительности. Таким образом, с первых страниц «Путешествия критики» нарратив представляет несколько взаимоисключающих интенций⁸. Однако, если рассматривать «Предисло-

вие» как неотъемлемую часть «Путешествия...», можно утверждать, что формируемая здесь модальность определенным образом влияет на основные сюжетные ситуации произведения.

В начальном письме «Первое воззрение...», задающем определенную тональность дальнейшему повествованию, сенсуализму противопоставляется эмпиризм. Заметим, что изменение исходно данной оптики связано здесь с рассогласованием реального впечатления (или выдаваемого за реальное) и литературного образа, закрепленного в соответствующей традиции: «Теперь я не удивляюсь, любезный друг, почему многие путешественники наводят на читателей тягостную дремоту сочинениями своими, состоящими большею частью в длинных описаниях и скучных рассказах обо всем том, что они видели и слышали во время путешествия своего. - Собственный опыт удостоверил меня, что и сами они, переезжая из одного места в другое, не беспрестанно восхищаются новостью зрелищ: но иногда, или позабыв, что они от природы весьма любопытны, или, утомясь от любопытства, подобно обыкновенным смертным зевают, дремлют и нередко засыпают со скуки» (I, с. 1).

Практически с первого предложения в письме эксплицировано соотношение двух инстанций — писателя и читателя. Разрушение характерной границы, отделяющей биографического повествователя от фиктивного, и в этом смысле безличного, определяется опытом — своеобразным переходом от читательских ожиданий к непосредственным переживаниям и ощущениям: «Родясь в городе, и никогда почти из оного не выезжая, я знал природу по одним только описаниям; и сердце мое, как бы не доверяя сим описаниям, стремительно искало тех пленительных предметов, коих изображение произвело в нем весьма сильные и приятные впечатления» (I, с. 2).

Таким образом, первое письмо носит не только состязательный характер в отношении карамзинской повествовательной традиции, что неоднократно отмечалось исследователями, но и составляет оппозицию литературе и литературности как таковой. Повествователь лишает наблюдаемую картину эстетических свойств, стремясь к поиску некоторого «голого, неприкрытого» слова (что в некотором роде предвосхищает прозу Пушкина). Так, описание увиденного редуцируется словом просто, что заключает не только эмпирический ландшафт, но и ландшафт воображения в несложную повествовательную раму⁹. Заметим, что чаще всего это интерпретируется в контексте полемики с Карамзиным; однако, на наш взгляд, изменения в стилистике и сюжете, сигнализируя о радикальном обновлении жанра, свидетельствуют о кризисе травелога начала XIX в. Как отмечает А. Шёнле: «С.К. Ферельцт уже в заглавии своего сочинения <...> заявляет о намерении развенчать реальность, которую прежние путешественники старались представить в засахаренном виде» [8. С. 19]. Заметим, что развенчание, дискредитация действительности в данном случае не отменяют фикциональности, а, наоборот, подразумевают создание альтернативы фикционального типа.

В то же время выступление против литературности и эстетического вовсе не исключает некоторых установок Радищева: «Астреин век прошел. Зло владычествует над всем миром - только что не во всех местах с равною силою и могуществом. Там, где более просвещения и людскости - где, по словам одного писателя, утвержден престол его, оно располагает сердцами людей с неограниченным полномочием; напротив менее оказывает могущества там, где природа не потеряла права свои, или лучше не перерождена искусством» (I, с. 6-7). Скорее всего, среди подобных гуманистов, искусно соединенных в нарочито безличной номинации один писатель, подразумеваются и А.Н. Радищев, и Н.М. Карамзин. Однако переключение двух голосов, двух точек зрения, соотносимых с позицией Радищева и Карамзина, характерно не для всех писем С. фон Ф.

По замечанию А. Кокорева, «Автор "Путешествия критики" в заглавии своей книги подчёркивает, что будет описывать то, "очевидным свидетелем" чего был. Он выполняет свое обещание: факты, явления, описанные им, не вызывают сомнения, относительно их реальности» [1. С. 14]. Признавая фикциональбольшинства сюжетов «Путешествия...», Г.Д. Овчинников в то же время указывает: «Основная литературно-педагогическая деятельность Савелия Ферельцта прошла во Владимирской губернии. Несомненно, что в основу "Путешествия критики" легли наблюдения и впечатления о пребывании писателя в 1792-1802 гг. домашним учителем "во многих дворянских домах", что и дало ему богатый материал для сатирического изображения провинциального общества» [11. С. 284]. В действительности социальное измерение сюжета предстает его одномерной проекцией, не отражая семантического потенциала на уровне содержательных структур. Конечно, большинство описанных происшествий, представляя своеобразную сатиру на пороки, мотивировано наблюдаемыми нарушениями этики и морали, однако даже это обстоятельство требует комментария.

Говоря о социальном измерении, стоит отметить, что большинство сюжетных схем, реализуемых в эпистолярии, многократно повторяется и как бы воспроизводит само себя. В частности, можно говорить о пяти повторяемых сюжетных схемах и образующих их мотивах 10 .

Отношения помещиков и крестьян (письма 2, 10, 15, 16, 22, 23, 33).

Брак по расчету (письма 4, 11, 13, 18, 25, 26, 28). Супружеская измена (письма 7, 12, 29, 32). Воспитание детей (письма 9, 19, 21, 30). Тяжба / сословный спор (письма 3, 14, 31, 27).

Несмотря на то что данные типы не представляют сюжетного единства, между ними можно установить определенную тематическую взаимосвязь. Повторяя структуру просветительских путешествий, С. фон Ф. представляет обобщенную картину людских пороков, возникающих на уровне семьи, общества и народа. Нельзя утверждать, что в изображении нравов наблюдается градация, скорее, показанные эпизоды образуют ряд композиционно-сюжетных дублетов. Дубли-

рование и повторение рассказанного зачастую изменяют и понижают социальную направленность произведения. Действительно, при отмечаемой однозначности фабул сюжетные механизмы не только разнообразят описанные происшествия, но и позволяют поразному интерпретировать исходные ситуации.

Значимое измерение произведения составляет его дискурсивность, понимаемая нами как особое свойство фикциональности, присущее произведению риторического типа. Заметим, что путешествие, реализованное в произведении Радищева, ближе всего к «ментальному», в связи с чем Донателла ди Лео справедливо называет его путешествием в пространстве души [12]. При изменении семантики такого путешествия его дискурсивные границы остаются неизменными. Последовательность писем в «Путешествии критики» представляет цепь речевых пространств; повторение эпизодов (как своего рода вторение) показывает абсолютную значимость рассказывания над рассказываемым. Сопоставляя риторические модели «Путешествия» Радищева и рассматриваемого произведения, можно утверждать, что большинство писем ориентировано на главу «Зайцово», т.е. связано с молвой и слухами, зафиксированными на письме. В аксиологическом смысле именно мотив молвы становится ключевым, обозначая границу между нормой скорее, как подразумеваемым, но не существующим и антинормой как непосредственно явленным сознанию путешественника. Существенный контраст между кажущимся и явленным закрепляется через сопоставление провинция / столица. При этом обозначенное сопоставление не представляет оппозиции. Провинция оказывается менее просвещенной, однако столица в представлении повествователя подвержена тем же самым порокам. Например, рассказывая о развращении нравов столичных барышень, повествователь делает вывод: «...а я рад был тому, что дал ему надлежащее понятие о девицах большого света, об которых здесь, в мелких городах, по невежеству своему, не очень хорошо думают» (XX, с. 95). В заключительном письме, представляющем описание бахвальств молодых щеголей, путешественник замечает: «Не одни наши модники за удовольствие почитают хвалиться пороками своими - эту честь разделяют с ними очень многие, в уездных городах живущие» (XXXIV, с. 131).

Из приведенных примеров следует, что норма и антинорма не соотнесены с отдельными пространствами и являются общей чертой художественного мира, что приводит к тотальному мимесису в диегезисе и экзегезисе. Действительно, в разных сюжетных ситуациях персонажи стремятся к подражанию, в связи с чем каждое письмо предстает пространством неподлинности и травестии. Например, желая казаться просвещенным в столичных нравах, встреченный Беспорядков задает вопрос: «Какая ныне в столице мода?» (IV, с. 51), его супруга, поддерживая светский тон, спрашивает: «Каковы у вас льны?» (Ibid., с. 54). В обоих случаях заданные вопросы сопровождаются тягостным молчанием и изменением мимики, что свидетельствует о намерении казаться, выйти за пределы очерченного круга жизни.

Свойство подобия при постоянном уподоблении касается не только действующих лиц, но и вещей в художественном мире автора. Так, например, скатерть в доме помещика Г.А. «казалось, служила мешком или веретьями» (III, с. 30), мысли его приятеля «...казалось, пригвождены были к любезным денежкам, и с ними вместе в городе летали по трактирам» (Ibid., с. 38), «казалось, что стакан сей наполнен слезами и кровью нечастных крестьян его» (XXII, с. 216), собравшиеся в уездном суде чиновники, «казалось, весьма стыдились опрометчивости своей, потому что все они, исключая может быть очень немногих, одобряли взорами мнение молодого собрата своего» (XXXI, с. 276), обдумывая аферу провинциальные игроки из XVII письма приходят к выводу, что «тысяча восемьсот рублей покажутся ему (г. Банкометову. – A.К.) за десять тысяч» (XVII, с. 173). Наконец, сам повествователь, попадая в кризисную ситуацию и желая оказать помощь обесчещенной крестьянке, внезапно отступает от своих намерений: «Если бы возможно было, я не пощадил бы, кажется, жизни для защищения сей любезной, или, сказать, языком романиста, божественной красавицы. Или только так кажется...»¹¹ (X, с. 109). Таким образом, критика становится родом кажимости, общего мимесиса, которому подчиняются не только персонажи, но и повествователь, в ведомстве которого находятся все описанные ситуации.

С высокой долей очевидности можно утверждать, что именно дискурсивное пространство «Путешествия...» первично по отношению к эмпирическому. В произведении используется два привычных топонима: М. и П. Однако сюжетная динамика постоянно нарушается: путешественник направляется не привычным для русского травелога маршрутом из П. в М., он едет из М. в М. Согласно реконструкции Г.Д. Овчинникова, криптоним М. скрывает реальную номинацию — Муром¹². Тем не менее импликация данного обстоятельства в тексте открывает возможность иной интерпретации и рассмотрения данной номинации в контексте характерной игры стерновского типа (достаточно вспомнить главы, происходящие в Calais)¹³.

Подобное небрежение криптонимами показывает не только условность плана выражения - критики, но и плана содержания - критикуемого. Отметим подобную условность в повествовании Л. Стерна: «In my return from Italy I brought him with me to the country in whose language he had learned his notes; and telling the story of him to Lord A-, Lord A- begg'd the bird of me;in a week Lord A- gave him to Lord B-; Lord B- made a present of him to Lord C-; and Lord C-'s gentleman sold him to Lord D-'s for a shilling; Lord D- gave him to Lord E-; and so on-half round the alphabet. From that rank he pass'd into the lower house, and pass'd the hands of as many commoners. But as all these wanted to get in, and my bird wanted to get out, he had almost as little store set by him in London as in Paris»¹⁴ [13. P. 464]. B этом знаменитом фрагменте «Сентиментального путешествия» через обнажение приема явлена простейшая формула кумулятивного сюжета, зачастую используемого в травелогах начала XIX в. Гипотетическое знакомство автора «Путешествия критики» с произведением Стерна — не в переводах, а оригинале — могло стать определяющем в выборе повествовательной стратегии. Заметим, что аналогичный принцип кумуляции повествования использовался в сатирической публицистике екатерининского времени.

Вообще, повествователь неоднократно акцентирует внимание читателя на литературной подоплёке многих происшествий: «В здешнем городе, сколько я мог приметить, всякие приключения, точно в какойнибудь школе сочинения, всегда делаются из какогонибудь нравственного предложения или старинной пословицы» (XXVI, с. 238–239).

Учитывая условность пространства, в котором происходит действие, кажется возможным соотнести его с основным принципом сюжетообразования. Действительно, многие письма С. фон Ф. предстают риторическим упражнением, вырастая из сентенции, пословицы или фразеологизма: Ревнивость или не ревнивость: что лучше, Хороший эконом, или белый торгующий белыми. Некоторые названия с двойной номинацией, соединенные посредством союза «или», отсылают читателя к драматургии екатерининского времени: Бедный муж и богатая жена, или сколь худо бедному жениться на богатой; Наказанная гордость, или невеста, отданная в приданое. Наконец, некоторые риторические вопросы имеют непосредственное отношение к критике и сатире: Справедлив ли суд судей? и пр. Заканчивая XII письмо, путешественник пишет: «Здесь по городу носится слух, что одни неизвестный писец выпустил в свет драму под заглавием "Вероломная жена, или сила корыстолюбия". Говорят, что она содержит подробное описание сего удивительного брака. Но я не мог ее здесь отыскать» (XII, с. 144). Представленная бытовая ситуация теряет свою единичность и событийную значимость, становясь универсальной картиной пороков целого поколения. Эта мысль находит развитие и в других письмах: «Особенно попужай журналом, журнал для них всего страшнее; ибо всякий попавшийся в журнал, по мнению их, есть человек подозрительный, лишенный всех чинов, привилегий и самого титула: дворянин» (XXVII, с. 272–273).

План риторической дискурсивности тесно связан с планом аллюзий и реминисценций, а также интертекстом (если под последним понимать совокупность как узнаваемых, так и анонимных формул). Очевидно, что аллюзии в «Путешествии» охватывают продолжительный период развития русской литературы. Прямую цитацию повести о Шемякином суде можно найти в письме XXXI, где предприимчивый друг крестьянина доказывает несостоятельность доводов судебных чиновников¹⁵. Наряду с сатирической литературой второй половины XVII в., во многом ориентированной на фольклор, здесь в предельно редуцированном виде воспроизводятся фабулы авантюрных произведений: повестей и романов конца XVIII в. Так, в XII письме представленная ситуация больше всего напоминает сюжет авантюрной повести («Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины»

М. Чулкова, «О несчастных приключениях купецкой дочери Аннушки» И. Новикова): жена отрекается от живого мужа и уходит к любовнику. Общий подзаголовок указывает на проблематику такого сюжета: «Жена двух живых мужей, или кум женился на куме. Богаты ли они были?» В письме XXIX супружеская измена становится результатом домашней тирании и сопровождается общим подзаголовком «Ревнивость или неревнивость: что лучше?». Часто неожиданной выглядит ориентация автора писем на некоторые сентиментальные повести, в частности, письмо XIII воспроизводит фабулу «Бедной Маши» А.Е. Измайлова. В некоторых письмах подобная установка, напротив, осмысляется в ироническом, травестийном ключе. Желая спасти племянницу от корыстного бракосочетания, повествователь восклицает: «Л.Д., если мне не удается сделаться Гоген-Штауфеном, то я непременно сделаюсь сватом Гаврильичем» (XXV, с. 237). Наиболее востребованный фонд сюжетов и мотивов для «Путешествия критики» составляют журналы екатерининского времени: многие письма представляют практически буквальную цитацию статей из «Трутня» и «Живописца» Н.И. Новикова и «Сатирического вестника» Н.И. Страхова. Следует отметить, что этому формату соответствуют и внешний вид книги, и ее оформление. Наиболее прозрачным это становится в XXII письме: «Правду ты говорил, подумал я сам в себе: дети Г.П. в школу твою вступили поросятами, а из нее выйдут взрослыми свиньями» (XXI, с. 97).

Следуя просветительскому канону, «Путешествие критики» изображает типы, предельно обобщенные и восходящие к известным порокам. В связи с этим текст лишен развернутых портретных описаний, которые часто заменяются отсылкой к определенному метатипу: недоросля Митрофана, глупца Простакова, хищного помещика Гура Филатова и др. Согласимся с утверждением А.В. Кокорева: «Он рисует жизнь дворянского крепостнического общества на новом этапе: Вральман вырос в городничего, Митрофан – в отставке, хотя остался таким же, как был в недорослях» [1. С. 18]. Характерным в этом ряду оказывается эпизод, в котором описывается бахвальство немца Вральмана: «Я был в городе N городничим, - сказал он (неоспоримое доказательство)» (VI, с. 67). Ставя под сомнение факт из жизни Вральмана, повествователь обнажает несостоятельность такого топонима, как N, показывая, что за этим именем может скрываться любое содержание. Рассуждая о словах Вральмана, путешественник обращается к поиску достоверных источников: «В каких летописях ты найдешь, что за несколько лет перед сим в таком-то городе был городничим г. Вральман?» (Ibid.). Ставя такой риторический вопрос, путешественник показывает вымышленность, нефактичность рассказываемой истории, поскольку авторитетный документальный источник, как и место его нахождения, отсутствует и - более того - не может существовать.

Постоянная игра с подлинным и неподлинным, вымышленным и существующим (в фикциональной действительности) делает невозможным построение сколько-нибудь законченной и связной аксиологиче-

ской системы. Это можно было бы соотнести с крушением в сознании путешественника Радищева: «Я начал опять думать, прежняя система пошла к чорту, и я лег спать с пустою головою» [14. С. 268], однако в романе С.К. Ферельцта поиск истины не представляет самоценной, организующей сюжет произведения задачи. В отличие от «Путешествия» Радищева, рассматриваемый текст не может быть назван травелогом в силу отсутствующей динамики: от первого до последнего письма сюжет лишен сколько-нибудь значимых семантических приращений. В этом смысле кажется важным обращение к заключительному письму, в котором, как в обратном отражении, явлен сюжет первого письма и определяются границы исходно существующей повествовательной рамки: «Например, мог ли бы я прежде сего поверить, что в природе действительно находятся все те люди, которые в истории и в театральных пьесах изображены самыми чернейшими красками, и которых мы вовсе не зная, с ужасом и омерзением произносим имена их? <...> А теперь, теперь, Л.Д., никакая сила человеческая не может разуверить меня в том, что их нет. Поверишь ли, что в столь короткое время путешествия моего удалось мне видеть такого сорта людей несравненно более, нежели сколько я знал их по рассказам всякого рода писателей» (XXXIV, с. 303).

Соотнося свой читательский и литературный опыт с существующим в практике, путешественник приходит, на первый взгляд, к парадоксальному выводу: граница, привычно отделяющая литературу от действительности, стирается, в результате чего весь мир, подобно демонической книге или гротесковой галерее, предстает во множестве негативных образов. «Сверх сего приметил я, что большая часть из них (страстей и пороков. -A.К.) в подлиннике несравненно сквернее и гаже, нежели те, какие изображаются в комедиях и трагедиях. <...> Филантроп, взирая на сие повреждение естества человеческого, непременно пролил бы источники филантропических слез, а Мизантроп со всею адскою злобою рассмеялся; но я, не принадлежа ни к тому, ни к другому ордену, делал только тебе коротенькие поучения из предложения: должно избегать пороков», - подводит итог путешественник (Ibid., с. 303).

Предположительно, понятие подлинника в описанном контексте существенно деформируется и становится частью травестированного художественного мира, логика которого в большей мере соответствует сюжетам русской литературы XVIII в. Вместе с этим окончательно исчезает подлинность повествовательной инстанции: рассказчик утрачивает возможность не только именоваться достоверным, но и вообще какнибудь именоваться. Иными словами, С. фон Ф. одним из первых реализует художественный экспери-

мент, представляя увиденное с точки зрения некоторого человека без свойств, — возвращаясь к словам Б.О. Костелянца — безличной и бездушной критики.

Из сказанного выше следует: отрицая литературность на уровне повествовательной задачи, рассказчик (а вместе с ним и читатель), тем не менее, совершает не реальное и не воображаемое, а литературное путешествие. В этом контексте «Путешествие критики» предстает грандиозным реферированием беллетристической прозы от ее популярно-сатирических истоков до обличительских и изящно-сентименталистских изводов.

В заключение кажется возможным рассмотреть социальный и дискурсивный уровни в подчинении некоторым сугубо герменевтическим интенциям автора. «Путешествие критики», как и «Путешествие» Радищева, рождает диссонанс между реальной топонимикой и сюжетами, чье дискурсивное измерение оказывается первичнее социального. В то же время сюжетосложение «Путешествия критики» кажется связанным с беллетристикой Л. Стерна или ближайшим к нему текстом-посредником, при этом объектом сатирической насмешки могли становиться и первые в высшей степени несовершенные переводы романов Л. Стерна и не менее эпигонские попытки подражания «Сентиментальному путешествию». В этом ракурсе «Путешествие критики» может быть рассмотрено как способ прочтения «Путешествия из Петербурга в Москву», своеобразный комментарий к исходному тексту и его интерпретация через оптику «Сентиментального путешествия». Вернёмся к суждению А. Шенлё: «...подвергнувшись критике уже в 1803 г., наблюдаемая реальность то оказывалась неудовлетворительной, то литературное отрицание (как, например, в виде пародии или иронии) заключало текст в скобки» [8. С. 19]. Очевидно, «Путешествие критики» представляет подобный способ переосмысления, порою пересоздания действительности посредством пародических и пародийных механизмов, разворачивая в своем дискурсивном пространстве литературную рефлексию. В этом ракурсе «Путешествие критики» становится семантическим медиатором, придающим предшествующей культурной традиции принципиально иное звучание.

Сказанное выше показывает настоятельную потребность в академическом издании данного памятника и его квалифицированном комментировании. По-видимому, условием включения «Путешествия критики...» в нормативную историю литературы является «извлечение» произведения из контекста политической литературы и рассмотрение его эстетических свойств, в которых отразилось напряжённое взаимодействие отечественной риторической и западноевропейской художественных традиций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полное название произведения: «Путешествие критики, или Письма одного путешественника, описывающего другу своему разные пороки, которых большею частию сам был очевидным свидетелем» (1818). Установлено, что произведение создавалось с 1802 по 1809 г. Информацию о памятнике и его авторе см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Ед. хр. 38762; РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 27 (Владимирская губерния). Знаменательно, что библиографии В. Сопикова и А. Неустроева не содержат информации об этом тексте.

² Альтернативный вариант атрибуции принадлежит А. Кузьменко, рассматривавшему С. фон Ф. как один из псевдонимов В.Т. Нарежного [2]).

- ³ В кн. Русские очерки: в 3 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 1. На этом основании Б.О. Костелянец назвал произведение *собранием бытовых очерков в* эпистолярной форме.
- ⁴ Как известно, первые переводы произведений Л. Стерна были выполнены недостаточно точно [6, 7]. В частности, в них, как правило, не учитывалась многозначность отдельных фраз и неоднозначность общего повествовательного модуса. Кроме того, читающей публике эти произведения часто были знакомы по отрывкам, публикуемым в периодике или цитируемым в других прозаических произведениях. По справедливому замечанию А. Шенлё, «действительно, первый перевод Стерна сглаживает все остроумные шероховатости и выставляет очищенный, одномерный портрет Йорика как серьезного человеколюбца, вытесняя образ шута и женолюба. Но и во всей остальной Европе он был известен прежде всего слезливыми пассажами» [8. С. 8].
- ⁵ Данная сентенция также связана с оптическими метафорами «Путешествия из Петербурга в Москву»: «...если, читая сон мой, ты улыбнешься с насмешкою или нахмуришь чело, ведай, что виденная мною странница отлетела от тебя далеко и чертогов твоих гнушается» [14. С. 258], «...да представит вам зерцало истины, не мните, однако же, затмить взоры прозорливости» [14. С. 296], «поглядитесь в сие зеркало; кто из вас себя в нем узнает, та брани меня без всякого милосердия» [14. С. 309]. Впоследствии эта семантика выразится в лаконичном эпиграфе, избранном Н.В. Гоголем к «Ревизору».
- ⁶ Заметим, что героем сатиры Горация является жаждущий влаги и еды Тантал (ср. в «Путешествии критики»: «Видеть скупого богача, отдающего отчет самому себе в собственных издержках в присутствии самого кошелька, который, прижимаясь к груди его, кажется, грызет сердце его всеминутным напоминанием о маленьком своем истощении и внутренне не смеяться столько же почти невозможно, как видеть Тантала, силящегося запекшимися устами достать воды, которая по мере приближения его удаляется от него, и не почувствовать сожаления» (III, с. 30). В общем контексте произведения такой эпиграф может быть связан с невозможностью единой фокализации, своего рода модусом ускользающей истины.
- ⁷ Предисловие // Путешествие критики или письма одного путешественника, описывающего другу своему разные пороки, которых большею частью сам был очевидным свидетелем. Сочинение С* Фон Ф*. М.: Типография Селивановского, 1818. Далее цитируется по этому изданию с указанием в скобках номера письма и страницы. Предисловие в издании 1818 г. лишено пагинации.
- ⁸ Приведенные фрагменты свидетельствуют о реализации этикетной функции, характерной для публицистики екатерининского времени и, в частности, сатиры Н.И. Новикова и Н.И. Страхова.
- ⁹ См., например: «На месте зелено-бархатных лугов увидел я просто зеленые луга. Это заставило меня выбросить из головы все описания, какие только я знал. "Пусть сама природа напечатлевает образ свой на сердце моем, сказал я. Для чего изображать нам ее в бархатных, атласных и прочих уборах? Она их никогда не носит; свой собственный и ей одной приличный наряд служит ей всегдашним украшением» (I, с. 3). Далее по этой логике деконструируется пасторальная сцена: «Вообразив, что на прекрасной долине, которая была пред глазами моими, непременно должны быть хоры резвых пастухов и веселых пастушек, я повсюду искал взорами сих счастливых любимцев природы; но нигде ничего не видно. Наконец к несказанному удовольствию моему увидел я стадо, увидел самого пастуха и в то же мгновение, едва переводя дыхание свое, приложил внимательное ухо, чтоб насладиться нежными звуками свирели, или восхитительным пением его. Но вообрази удивление мое и досаду! Я услышал один пронзительный свист и хрипловатые вскрикивания: "Эй!.. Куда! Я тебя…"» (I, с. 3–4).
- ¹⁰ В последнем письме этот принцип вообще соответствует двойной референции: «Известно, об чем могут говорить молодые люди, притом же люди со вкусом. Любовные интриги, карты, псовая охота вот предметы, которые они более всего на свете разумеют и любят» (XXXIV, с. 297).
 ¹¹ В настоящих примерах курсив автора.
- ¹² По замечанию исследователя, «...на основании основных фактов биографии Савелия Ферельцта можно расшифровать названия городов, по которым проходил маршрут героя книги <...>: из Москвы (М.), через уездный город Владимирской губернии и Муром (М.)» [11. С. 284].
 ¹³ Далее такой принцип *нулевого травелога* реализован в произведении В.И. Даля «Бедовик».
- ¹⁴ Ср., например: «Л.Д., бывши в гостях у господина 3., я имел честь видеть Г.М.» (XVI, с. 163).
- ¹⁵ См.: «Судьи выразумели смысл шутки сей, которая сперва показалась им глупостию, закусили губы, покачали головами, посмотрели друг на друга и тотчас сделали совсем другое решение делу, в пользу должника; а на истца за несправедливое требование в ту же минуту наложили цепь» (XXXI, с. 280–281).

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Кокорев А.В. Путешествие критики социальная сатира писателя-радищевца // Путешествие критики. М., 1951.
- 2. Кузьменко А. Хто ж автор «Путешествия критики»? // Архивы Украины. 1967. № 2.
- 3. Макогоненко Г.П. Радищев и его время. М.: ГИХЛ, 1956.
- 4. Киселев В.С. Метатекстовые повествовательные структуры в русской прозе конца XVIII первой трети XIX века. Томск : Изд-во ТГУ, 2006.
- Киселев В.С. Метатекст как тип художественного целого (к постановке проблемы) // Вестник Томского государственного университета.
 № 282
- 6. Маслов В.И. Интерес к Стерну в русской литературе конца XVIII начала XIX века // Историко-литературный сборник. Л. : Изд-во ЛГУ, 1924.
- 7. Лотман Ю.М. «Езда в остров любви» Тредиаковского и функция переводной литературы // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб. : Искусство, 1997.
- Шенлё А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790–1840. СПб.: Академический проект. 2004.
- 9. Костелянец Б.О. Русский очерк // Русские очерки: в 3 т. М.: ГИХЛ, 1956.
- 10. Янушкевич А.С. Русский прозаический цикл: нарратив, автор, читатель // Русская повесть как форма времени. Томск: Изд-во ТГУ, 2002
- 11. Овчинников Г.Д. Савелий Ферельцт автор «Путешествия критики» // XVIII век. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989.
- 12. Лео Д. Радищев и его «Путешествие» в пространстве души // Русский травелог XVIII-XX веков. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2015.
- 13. Sterne L. Sentimental Journey. Selected Prose and Letters of Laurence Sterne. Moscow: Progress Publishments, 1981.
- 14. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Радищев А.Н. Собр. соч. : в 3 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. Т. 1.
- 15. [Ферельцт С.К.] Путешествие критики, или Письма одного путешественника, описывающего другу своему разные пороки, которых большею частью сам был очевидным свидетелем. Сочинение С* Фон Ф*. М.: Типография С. Селивановского, 1818.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 августа 2016 г.

REFLECTION AND NARRATION IN THE JOURNEY OF CRITICISM BY S.K. FERELTST

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 5–12.

DOI: 10.17223/15617793/410/1

Alexey E. Kozlov, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru **Keywords:** Russian literature of the 19th century; Russian travelogue; literary reputation; narrative; secondariness and alternativity.

The article analyzes the narrative schemes, motifs and stylistic organization of *The Journey of Criticism* in the aspect of metatext and reflection. The text was written in 1810, but it was published in 1818 only. The book needed censorship permission. It had no reader's interest at that time. The text was republished in 1951, and then it came into the sphere of research interest. This matter is investigated on the material of research papers, articles and monographs of Aleksandr Kokarev, Gennady Ovchinnikov, Georgy Makogonenko and others. Moreover, features of epistolary narration as a complex cycle form were investigated following the conceptions of Aleksandr Yanushkevich and Vitaly Kiselev. The Journey of Criticism as a metatext accumulates themes, plots and fables of the literature of the second half of the 18th – beginning of the 19th centuries. The author of the book bases on a type of a polyphonic narrative and polysemantic words, building ambiguous contexts and, at the same time, reducing his identity, hiding it behind its conventional "criticism" (Kostelyanets). Equally important, narrative here exists between Alexander Radishchev's and Laurence Sterne's strategies. The first tradition is connected with exposing satiric narration that represents reality as results of social processes and crimes (as Alexander Radishchev's Journey From St. Petersburg to Moscow, Nikolay Novikov's and Nikolay Strakhov's journey nalism). The other tradition is connected with different forms of sentimentalism (including narration as game, characteristic for Laurence Sterne and Henry Fielding). In general, the so-called "provincial plot" of the The Journey of Criticism creates dissonance between the actual names and subjects whose discourse is the primary social dimension. At the same time, the plot in *The Journey of* Criticism seems to be associated with L. Sterne's fiction, or texts of the intermediary closest to it, and the object of satirical derision could be first highly imperfect translations of novels by L. Sterne. In this perspective, *The Journey of Criticism* can be considered as a way of reading A Journey from St. Petersburg to Moscow, a type of a commentary to the original text and its interpretation through the optics of L. Sterne. Obviously, The Journey of Criticism is a similar process of reinterpretation, sometimes recreating reality through parody and grotesque mechanisms, a place for literary reflection in its discursive space. In this perspective, The Journey of Criticism becomes a semantic mediator, giving the previous cultural tradition a fundamentally different sense. Results and observations which are presented in the article could be used in teaching the history of Russian literature of the 19th century. Perspective of the research is determined by the analysis of archival materials of the Russian State Historical Archive.

REFERENCES

- 1. Kokorev, A.V. (1951) Puteshestvie kritiki sotsial'naya satira pisatelya-radishchevtsa [The Journey of Criticism a social satire by a Radishchevtype writer]. In: Kokorev, A.V. Puteshestvie kritiki [The Journey of Criticism]. Moscow: Moscow State University.
- Kuz'menko, A. (1967) Khto zh avtor "Puteshestviya kritiki"? [Who is the author of The Journey of Criticism?]. Arkhivy Ukrainy. 2.
- 3. Makogonenko, G.P. (1956) Radishchev i ego vremya [Radishchev and his time]. Moscow: GIKhL.
- 4. Kiselev, V.S. (2006) Metatekstovye povestvovatel nye struktury v russkoy proze kontsa XVIII pervoy treti XIX veka [Metatext narrative structures in the Russian prose of the end of the 18th - the first third of the 19th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
- 5. Kiselev, V.S. (2004) Metatekst kak tip khudozhestvennogo tselogo (k postanovke problemy) [Metatext as a type of artistic whole (to the problem)]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 282.
- 6. Maslov, V.I. (1924) Interes k Sternu v russkoy literature kontsa XVIII nachala XIX veka [The interest in Stern in the Russian literature of the late 18th - early 19th centuries]. In: Istoriko-literaturnyy sbornik [Historical and literary collection]. Leningrad: Leningrad State University
- 7. Lotman, Yu.M. (1997) "Ezda v ostrov lyubvi" Trediakovskogo i funktsiya perevodnoy literatury ["Riding in the Island of Love" by Trediakovsky and the function of translated literature]. In: Lotman, Yu.M. O russkoy literature [About Russian literature]. St. Petersburg: Iskusstvo.
- 8. Schönle, A. (2004) Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoy literatury puteshestviy 1790-1840 [The authenticity and fiction in the author's consciousness of Russian travel literature of the 1790s-1840s]. St. Petersburg: Akademicheskiy proekt.
- 9. Kostelyanets, B.O. (1956) Russkiy ocherk [A Russian essay]. In: Kostelyanets, B.O. Russkie ocherki: v 3 t. [Russian essays: in 3 vols]. Moscow: GIKhL.
- 10. Yanushkevich, A.S. (2002) Russkiy prozaicheskiy tsikl: narrativ, avtor, chitatel' [A Russian prose cycle: the narrative, the author, the reader]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) Russkaya povest' kak forma vremeni [Russian novel as a form of time]. Tomsk: Tomsk State University
- 11. Ovchinnikov, G.D. (1989) Saveliy Ferel'tst avtor "Puteshestviya kritiki" [Savely Fereltst the author of The Journey of Criticism]. In: Panchenko, A.M. (ed.) XVIII vek [The 18th century]. Vol. 16. Leningrad: Nauka
 12. Leo, D. (2015) Radishchev i ego "Puteshestvie" v prostranstve dushi [Radishchev and his Journey in the space of the soul]. In: Pecherskaya, T.I.
- (ed.) Russkiy travelog XVIII–XX vekov [Russian travelogue of the 18th—20th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
- 13. Sterne, L. (1981) Sentimental Journey. Selected Prose and Letters of Laurence Sterne. Moscow: Progress Publishments.
- 14. Radishchev, A.N. (1938) Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu [A Journey from St. Petersburg to Moscow]. In: Radishchev, A.N. Sobr. soch.: v 3 t. [Works: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
- [Ferel tst, S.K.] (1818) Puteshestvie kritiki, ili Pis'ma odnogo puteshestvennika, opisyvayushchego drugu svoemu raznye poroki, kotorykh bol'sheyu chast'yu sam byl ochevidnym svidetelem. Sochinenie S* Fon F* [The Journey of Criticism, or Letters of a Traveler who Describes Various Flaws, Most of which He Was a Witness to His Friend. A Composition by S* von F*]. Moscow: Tipografiya S. Selivanovskogo.

Received: 18 August 2016

УДК 81

В.В. Меняйло

АНГЛИЧАНЕ И ИНОСТРАНЦЫ В «САГЕ О ФОРСАЙТАХ» И «СОВРЕМЕННОЙ КОМЕДИИ» ДЖ. ГОЛСУОРСИ

Статья посвящена анализу образов англичан и иностранцев в «Саге о Форсайтах» и «Современной комедии» Дж. Голсуорси с целью выявления основных черт английского национального характера, представленных в тексте романов. На основании проведенного анализа сформулирована концепция национальной идентичности в романах, в частности описаны категории «Мы» и «Другие» и критерии их противопоставления, а также выделены базовые концепты (NATURE, PRIVACY, HOUSE), лежащие в основе репрезентации английской идентичности.

Ключевые слова: Дж. Голсуорси; национальная идентичность; английский национальный характер; англичанин; иностранец.

Осмысление феномена национальной идентичности, принципов ее формирования и критериев причисления индивида к определенной национальной общности входит в сферу интересов разнообразных гуманитарных наук. Идентичность определяется как «осознание принадлежности объекта (субъекта) другому объекту (субъекту) как части и целого, особенного и всеобщего», а её главным характерным признаком и основанием называют «тождественность самому себе» [1. С. 6-7]. Идентичность как термин обязательно предполагает наличие «Другого», противопоставленного субъекту и не тождественному понятию «Мы», с которым субъект себя ассоциирует. Для исследователей в области лингвистики важно понять, как представления о национальной идентичности отражаются в языке и как эти представления изменяются со временем. Художественная картина мира, репрезентированная в литературном произведении и отражающая представления автора об определенном фрагменте действительности, дает богатый материал для изучения обозначенных вопросов. В этой связи английская литература не может не привлекать исследователей, поскольку вопрос о том, что же значит быть англичанином в многонациональной Британской империи, волновал писателей с конца XIX в. и не утратил актуальности до сих пор. Исследователи национальной идентичности в английской литературе, как правило, ставят в качестве цели выявление и описание базовых лингвокультурных концептов, лежащих в основе формирования идентичности [2-4], либо анализ собственно лингвистических средств репрезентации национальной идентичности в тексте [5]. Перспективным представляется сочетание этих подходов, что позволяет проанализировать способы формирования идентичности на разных уровнях текста и комплексно описать концепцию авторской национальной идентичности.

В настоящей статье предпринимается попытка подобного комплексного анализа двух трилогий Дж. Голсуорси («Сага о Форсайтах» и «Современная комедия»). Выбор произведений для анализа обусловлен тем, что, будучи писателем-реалистом, в обеих трилогиях Голсуорси тщательно исследует современное ему общество, одновременно пытаясь найти корни описываемых характеров и социальных явлений в Викторианской эпохе. В свою очередь обращение Голсуорси к Викторианской эпохе также не случайно:

по мнению современных историков и культурологов, Викторианская эпоха является ключевой вехой в становлении современной английской идентичности (подробнее см. [6]). Необходимо отметить, что, несмотря на внимание исследователей к творчеству Голсуорси, проблема национальной идентичности затрагивалась ими лишь весьма опосредованно.

Так, в работе Е.В. Котовой [7] на материале трилогии «Конец главы» описывается ряд типичных черт английского национального характера в их соотнесенности с исторической эпохой. Однако в работе отсутствует лингвистический анализ выделенных черт, автор в основном сосредоточен на описании того, как национальный характер изменяется под воздействием ряда исторических событий. В работе Ф.Т. Разумовской [8] проводится сравнительный анализ того, как национальный характер представлен в творчестве Голсуорси, Оруэлла и Олдриджа. В фокусе внимания автора оказываются сходства и различия картин мира выбранных писателей, конструирование же их моделей национальной идентичности в задачи работы не входит. Работа Е.А. Кострубиной [9] представляет интерес с точки зрения того, что в ней описан концепт ДОМ, являющийся одним из базовых в картине мира Голсуорси. Однако в данной работе произведения Голсуорси используются лишь в качестве иллюстративного материла, призванного продемонстрировать специфику содержания и языковой репрезентации анализируемого концепта в сравнении с аналогичным концептом в русской лингвокультуре.

В предисловии к «Современной комедии» Голсуорси заявляет, что за 40 лет, описываемых в романах (1886–1926), английский национальный характер практически не изменился: «The English character has changed very little, if at all» [10]. Вместе с тем, по мнению автора, ряд исторических событий и социальных изменений начала XX в. подтолкнул людей к переосмыслению традиционных ценностей, лежащих в основе английской идентичности, и переоценки роли Англии и англичан в мировой политике: «The epoch we are passing through is one which favours misjudgement of the English character, and of the position of England» [10]. Писатель фактически манифестирует репрезентацию английского национального характера в качестве одной из художественных задач произведения. Так как же национальный характер представлен в тексте?

Методом сплошной выборки были выявлены контексты употребления эксплицитных репрезентантов категорий «Мы» (English, British) и «Другие» (foreign, French, American) в анализируемых романах. При этом сразу стало очевидно, что Голсуорси не разграничивает категории «English» и «British», включая гражданский компонент в понятие национальной идентичности: «...as a woman of business she understood that the British could not abandon their legitimate commercial interests <...> But Madame Lamotte found that the English were a little hypocrite...» [11. Р. 527]. Как видно из примера, в одном контексте употребляются лексемы «English» и «British» при референции к одной и той же категории людей. Лексемы «foreign» и «French» широко используются для номинации «Других» в обеих трилогиях, в то время как лексема «American» встречается только во второй, что обусловлено сюжетом произведения (Джон возвращается из Америки с женой американкой, Энн, также в повествовании появляется ее брат Фрэнсис). В обеих трилогиях присутствуют и другие лексемы, обозначающие иные национальности (Russian, German, Chinese), но они используются в своем прямом словарном значении и не приобретают в тексте дополнительной смысловой нагрузки.

Комплексный контекстуально-стилистический анализ позволил выявить, что разграничение «Своих» и «Других» находит отражение в системе персонажей. При этом категория «Другие» включает не только собственно иностранцев (Helene Hilmer, Annette, Mme Lamotte, Prosper Profond, Anne, Francis Wilmot), но и англичан, не разделяющих базовые английские ценности и не обладающих набором типичных английских характеристик (Irene). Противопоставление персонажей-англичан и персонажей-иностранцев - это, прежде всего, противопоставление идеологическое. Так, к примеру, Флер (наполовину француженка по матери) ассоциируется с англичанами, поскольку разделяет их базовые ценности и соответствует представлениям об английском национальном характере.

Важно отметить, что и на уровне лексической сочетаемости, и на уровне сюжета «англичане» оцениваются преимущественно положительно, а «иностранцы» либо отрицательно, либо нейтрально, но неизменно как нечто чуждое, странное и непонятное. Так, для характеристики иностранцев в целом в тексте используются лексические единицы «strange», «alien», «diabolical», «loose-living». Если первая из них нейтральна и просто называет нечто в качестве непривычного или непонятного, то остальные имеют отрицательную коннотацию, поскольку содержат семы «disturbing», «bad», «careless» [12. P. 40, 479, 1035, 1746]. Французы и французское характеризуются лексическими единицами «foreign», «queer» (обе используются для категоризации французского в качестве «Другого»), «selfish», «супіс» (эгоизм и циничность, как правило, оцениваются отрицательно в западной культуре), «unpredictable» (имеет нейтральное значение, но в рамках английской культуры, где традиционно ценятся стабильность и порядок, может восприниматься как отрицательная характеристика). Американцы описываются лексическими единицами «youthful», «unconscious», «ecstatic», «enthusiastic», чье словарное значение нейтрально [12. Р. 552, 579, 1916, 2046]. Однако качества, обозначаемые данными словами, прямо противоположны таким типичным английским достоинствам, как сдержанность и здравомыслие, соответственно, они оцениваются отрицательно в контексте романа.

Противопоставление двух миров (английского и иностранного) актуализировано в следующих контекстах. Вспоминая старшее поколение Форсайтов, Сомс называет их «очень английскими», что в его речи звучит как безусловно положительная оценка: «Very English, all the Forsytes!» [13. Р. 233]. Восклицательный знак в конце высказывания и инверсивное построение предложения с эллипсисом сказуемого усиливают оценочность и экспрессивность высказывания. Показательно, что для самих старших Форсайтов мир четко делится на англичан и иностранцев. Так, Старый Джолион, путешествуя за границей, предпочитает останавливаться в отелях, преимущественно населенных англичанами, поскольку не выносит любых иностранцев, называя их всех немцами, вне зависимости от национальности: «In the hotels, filled with British Forsytes – for old Jolyon could not bear a 'set of Germans', as he called all foreigners...» [11. Р. 303]. Для его брата Джеймса даже принц Альберт (муж королевы Виктории) остается всего лишь «немецким парнем»: «...he had seen her [Victoria] married to that German chap, her husband – he had turned out all right before he died, and left her with that son of his» [Ibid. P. 734]. Лексема «chap» относится к разговорному стилю в английском языке [12. Р. 288] и в сочетании с фразой «turned out all right», резюмирующей жизнь принца, создает эффект покровительственного отношения англичанина Джеймса к немецкому принцу. Роль Альберта в понимании Джеймса сводится к тому, что он дал королеве наследника.

Для Форсайтов не только люди делятся на англичан и иностранцев, но и мир делится на Англию и все остальные места. Так, Сомс, никогда не уезжавший дальше Европы, довольно смутно представляет («had a sketchy idea of...») страны, входящие в состав Британской империи: «Having never been outside Europe, he had a somewhat sketchy idea of places like South Africa, Australia, Canada, and New Zealand...» [14. Р. 19]. Когда же Сомс вынужден отправиться в кругосветное путешествие с Флёр, больше всего он удручен необходимостью надолго покинуть Англию: «He would miss it – the scents, the sighs of the river under the wind, the chuckle down at the weir, the stars. They had stars out there, of course, but not English stars. And the grass – those great places had no grass, he believed!» [Ibid. P. 275]. В данном контексте даже английские звезды противопоставлены звездам, видимым в других странах, что призвано показать уверенность Сомса в том, что ничто за границей не может превзойти английскую природу. Эта мысль актуализирована и за счет использования гиперболы «those great places had no grass». Идея органической связи Сомса с Англией представлена в следующем контексте: «It seemed to Soames as if England, too, must all go to pieces, if he left it» [14. Р. 275].

Часто в романе критерием для противопоставления английского и иностранного миров является язык. Несмотря на многолетний брак с француженкой Аннет, Сомс не проникается идеями французской культуры, равно как и Аннет не чувствует себя англичанкой («After twenty years of a French wife Soames had still little sympathy with her language» [11. P. 815]). B Te моменты, когда Сомс не понимает или не одобряет поведение жены, он объясняет это ее национальностью: «An English girl wouldn't have said that!» [Ibid. Р. 766] (реакция на фразу Аннет о том, что она рада, что больше не сможет иметь детей), «This came of marrying a Frenchwoman!» [Ibid. P. 971] (после разговора с Аннет о ее связи с Проспером Профондом). В этой семье, где каждый из супругов живет своей жизнью, французский язык используется для того, чтобы избежать открытой конфронтации. Когда Аннет высказывает что-то, что заведомо не понравится Сомсу, она говорит по-французски, Сомс, хотя и понимает смысл высказывания, предпочитает на него не реагировать: «Soames was glad she had spoken it in French - it seemed to require no dealing with» [Ibid. Р. 1013]. Еще одна семейная пара, в которой супруги принадлежат к разным лингвокультурам, - это англичанин Джон и американка Энн. Однако этот союз строится на гармонии и любви, супруги стремятся к максимальному взаимопониманию, и, как следствие, у них принципиально иное отношение к культурным и языковым различиям. Приехав с мужем в Англию, Энн не хочет, чтобы окружающие видели в ней американку, поэтому просит Джона исправлять ее американский акцент: «Well, I do want <...> to speak English. I'm English by law now <...> If we have children, they'll be English, and we're going to live in England» [15. P. 175].

Иностранцы в романе являются катализаторами конфликтов, нарушая устои английского мира Форсайтов. Из-за любви к французской гувернантке Элен Молодой Джолион разрывает отношения с семьей, Проспер Профонд вторгается в семейную жизнь Сомса, его отношения с Аннет едва не заканчиваются публичным скандалом, Фрэнсис хотя и не нарушает жизнь Форсайтов напрямую, но в конфликте Флер и Марджори Феррар принимает сторону последней, а его сестра Энн окончательно лишает Флер надежды на счастье с Джоном (о роли иностранных персонажей в романе см. также [16]). Подобную функцию в первой трилогии выполняет и Ирэн, сначала разрушая мечты Сомса о семейной идиллии, а затем мечты его дочери о браке с Джоном. Не случайно в ее портретной характеристике неоднократно используются прилагательные «French» и «foreign»: «Her figure swayed faintly, like the best kind of French figures; her dress, too, was a sort of French grey» [11. Р. 386]. Вполне закономерно, что Ирэн скрывается от Сомса в Париже и снова уезжает за границу после смерти Джолиона. Сомс, воплощающий в романе представления о типичном англичанине, считает «неанглийскость» Ирэн главной причиной того, что она чувствует себя ком-

фортно за границей: «He [Soames] shouldn't wonder if Irene quite enjoyed this foreign life; she had never been properly English!» [11. Р. 679]. В данном контексте использование наречия «properly» в сочетании с неградуируемым прилагательным «English» возводит английскость в статус стандарта, которому человек может соответствовать с разной степенью успешности (см. paнee «very English»). Неспособность Ирэн соответствовать этому стандарту является ее недостатком в глазах настоящих англичан Форсайтов. В следующих контекстах «неанглийскость» Ирэн воспринимается как синоним проблемы: «Soames will have trouble with her <...> she's got a foreign look» [Ibid. P. 23], «And, as he [James] looked at her, an odd feeling crept over him, as though he had come across something strange and foreign» [Ibid. P. 89] – иностранная внешность (foreign) как предвестник проблем (trouble) или как минимум как нечто непонятное (strange).

Представления об английской идентичности реализуются через базовые английские лингвокультурные концепты NATURE и PRIVACY. Концепт NATURE является ключевым не только для понимания английского национального характера, но и для понимания английской литературы. Английский поэт и профессор Оксфорда Э. Бланден резюмировал роль природы в английской литературной традиции следующим образом: «To give a linked, sustained, and exact chronicle of our writers on Nature would necessitate a library of many thousand volumes <...> and a leisure of many thousand hours» [17. Р. 5]. В зависимости от принадлежности к определенной эпохе, литературной школе или личных предпочтений того или иного писателя концепт NATURE может репрезентироваться посредством разных образов в творчестве разных авторов. В анализируемых произведениях Голсуорси природа - это, прежде всего, традиционная сельская Англия («countryside»), противопоставленная образу города (Лондона), ускоряющийся в XX в. ритм жизни которого угрожает традиционному английскому укладу жизни. Не случайно Сомс затевает строительство загородного дома (Robin Hill), чтобы увезти Ирэн из Лондона. Он надеется, что там они наконец-то смогут обрести гармонию: «То get Irene out of London, away from opportunities of going about and seeing people, away from her friends and those who put ideas into her head! <...> It would be everything to get Irene out of town» [11. Р. 64]. В данном контексте конвергенция стилистических приемов (рамочная конструкция «to get Irene out of...», параллельные конструкции «away from... and...» и гипербола «it would be everything») репрезентирует убежденность Сомса в успешности подобного решения проблемы. Впоследствии многие ключевые моменты романа происходят в этом месте.

Еще одним знаковым загородным локусом является ферма Вэла и Холли Дарти (the Sussex Downs) — там завязываются отношения Флер и Джона. Помимо важной сюжетообразующей функции концепт NATURE обладает социокультурной нагруженностью, поскольку во второй трилогии автор рассуждает о необходимости разгрузить перенаселенные города,

вернув людей к природе, в сельскую местность. Эту теорию отстаивает в парламенте Майкл Монт, видя в ней решение многих социальных проблем. Органическая связь с природой как отличительная черта англичан актуализируется и в следующей детали: предки Форсайтов – фермеры: «And something moved in him, as if the salty independence of that lonely spot were still in his bones. Old Jolyon and his own father and the rest of his uncles – no wonder they'd been independent, with this air and loneliness in their blood» [15. P. 280]. В следующем контексте происходит сближение концептов NATURE и PRIVACY: автор поэтизирует сельскую Англию, описывая ее как место, где человек может остаться наедине с собой, забыть о существовании других людей («without another house», «nothing but expanse of grass»): «...and there they'd lived, the old Forsytes, for generations, pickled in this air, without another house in sight – nothing but this expanse of grass in view and the sea beyond, and the gulls on that rock, and the waves beating over it» [Ibid].

Концепт PRIVACY относится к ключевым англосаксонским идеалам и аккумулирует в себе идеи невторжения в личное пространство, «ненавязывания», внутренней свободы [18. С. 438-444; 19]. Англичане не склонны выставлять напоказ свою личную жизнь, что находит отражение в обеих трилогиях: в «Саге о Форсайтах» это развод Сомса с Ирэн и развод (в итоге не состоявшийся) его сестры Уинифрид с Монтегью Дарти, в «Современной комедии» - судебный процесс Флёр против Марджори Феррар. Во всех перечисленных ситуациях Форсайты испытывают дискомфорт от необходимости публично решать свои частные проблемы. Так, например, сын Уинифрид просит отложить судебное слушание дела о разводе родителей до начала каникул в его университете, чтобы избежать возможных вопросов однокурсников: «Himself, the girls, their name tarnished in the sights of his schoolfellows and of Crum, of the men at Oxford, of – Holly! Unbearable!» [11. Р. 517]. Флёр после суда и вовсе вынуждена отправиться в долгое путешествие, чтобы к ее возвращению в обществе перестали обсуждать эту историю.

Идея важности личного пространства представлена и в культурном концепте HOUSE, также являющемся ключевым в английской лингвокультуре [20. С. 2]. В контексте романа можно говорить о взаимодействии концетов PRIVACY и HOUSE. Образ дома занимает центральное место в тексте Голсуорси и актуализирует, прежде всего, значение выражения «an Englishman's home is his castle» [21. C. 194]. B poмане представлен целый ряд домов, оберегающих личное пространство героев: для Сомса это дом его отца, дом Тимоти, и впоследствии дом, в котором он живет с Аннет и дочерью, с символическим названием «Shelter». Для Старого Джолиона, а затем для его сына убежищем от внешнего мира становится Robin Hill. Необходимо подробнее остановиться на анализе контекстов употребления лексем-репрезентантов концепта HOUSE (лексема «house» и названия вышеупомянутых домов). Дома старших Форсайтов (Джеймса и Тимоти) символизируют стабильность и комфорт (лексические единицы «stability», «comfort», «cosy») уходящей Викторианской эпохи: «This house, where he [Soames] had been born and sheltered, had never seemed to him so warm, and rich, and cosy, as during this last pilgrimage to his father's room. It was not his taste; but in its own substantial, linerusta way it was the acme of comfort and security. And the night was so dark and windy; the grave so cold and lonely!» [11. Р. 758]. В данном примере лексические единицы «sheltered» и «security» способствуют выдвижению смысла «дом-крепость». Противопоставление теплого и уютного дома и темной ветреной ночи за его пределами усиливает выдвижение этого смысла. Следующий контекст развивает идею о том, что дома старшего поколения Форсайтов - это не просто частные владения, но квинтэссенция Викторианского образа жизни («specimen of mid-Victorian»): «When Timothy died – why not? Would it not be almost a duty to preserve this house – like Carlyle's - and put up a tablet, and show it? 'Specimen of mid-Victorian abode...'» [Ibid. P. 837]. Для Сомса его дом не просто убежище от внешнего мира, но и хранилище его коллекции картин, в которое в качестве еще одной редкости («something very new and chic») он планирует поместить и новую жену Аннет: «In the riverside house which he [Soames] now inhabited near Mapledurham he had a gallery, beautifully hung and lighted... <...> he could bring her [Annette] back as something very new and chic with her French taste and self-possession, to reign at 'The Shelter'» [Ibid. P. 448].

Дом Флёр – не просто ее крепость, это зеркало, в котором отражаются жизнь и увлечения хозяйки. В «Современной комедии» Голсуорси подробно описывает интерьер дома, несколько раз изменяющийся вслед за изменением образа жизни Флёр. Во второй главе «Белой обезьяны» в интерьерах дома сочетаются три стиля: «Chinese, Spanish, and her [Fleur's] own» [13. Р. 8]. В модном китайском стиле решена гостиная, в которой Флер собирает модный богемный кружок - ее увлечение в начале романа. Вместе с тем стиль, который действительно нравится Флер, можно увидеть только в ее спальне – личном пространстве, недоступном для посторонних глаз. В «Серебряной ложке» гостиная Флёр уже решена в серебряных и золотых тонах: золотой цвет в европейской культуре традиционно ассоциируется с властью (исторически, с божественной властью) (подробнее см.: [22]), что соответствует новому общественному положению Флёр, чей муж Майкл теперь член парламента.

Собственный дом как личное изолированное от внешнего мира пространство является ценностью не только для богатых англичан, но и для представителей рабочего класса: «...they [workmen] don't like those barrack flats <...> They'd much rather have a little house, if they can; or the floor of a house if they can't <...> That's in the English nature» [15. P. 129]. Параллельная конструкция («a little house, if they can; or the floor of a house if they can't») актуализирует важность для рабочих отдельного жилища, а фраза «That's in the English nature» эксплицирует связь между этим желанием и английским менталитетом. Вместе с тем для «персонажей-иностранцев» дом не обладает такой

же значимостью, как для англичан. Показательно, что «не настоящая англичанка» Ирэн к дому не привязана, ей безразлично, жить ли в богатом доме, крохотной съемной квартирке или заграничных отелях. Проспер Профонд – космополит, кочующий по миру, для него понятие дома в принципе не релевантно. Для Энн дом – это то место, где живет ее муж.

Таким образом, анализ «Саги о Форсайтах» и «Современной комедии» Дж. Голсуорси позволил сделать следующие выводы о национальной идентичности в его произведениях. Категория «Мы» (англичане), имеющая положительные коннотации, противопоставлена «Другим» (иностранцам, в большинстве случаев французам или американцам), имеющим

нейтральные или отрицательные коннотации, при этом «English» и «British» трактуются автором как синонимы. Четкое разделение «англичан» и «иностранцев» прослеживается на уровне системы персонажей, которые причисляются к выделенным категориям не только по национальному принципу, но и по принципу разделения базовых культурных ценностей и установок (например, отождествление Ирэн с иностранцами). Критерием противопоставления англичан и иностранцев зачастую выступает язык. Национальная идентичность англичан конструируется посредством актуализации в тексте базовых английских лингвокультурных концептов NATURE, PRIVACY и HOUSE.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Смирнова А.Г., Киселёв И.Ю. Идентичность в меняющемся мире. Ярославль : ЯрГУ, 2002. 300 с.
- 2. Шапкина А.В. Романы А.К. Дойла «Белый отряд» и «Сэр Найджел»: проблема национальной идентичности : автореф. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. 24 с.
- 3. Кончакова С.В. Проблема национальной идентичности в позднем творчестве Ч. Диккенса: «Большие надежды», «Наш общий друг», «Тайна Эдвина Друда» : автореф. ... канд. филол. наук. Воронеж., 2011. 23 с.
- Коноплюк Н.В. Идея национально-культурной идентичности в творчестве Джона Фаулза 1960-х годов // Universum: Филология и искусствоведение: электрон. науч. журн. 2014. № 12 (14). URL: http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1815 (дата обращения: 02.04.2016).
- 5. Гасанова И.М. Языковые средства изображения самоидентификации личности в постколониальном романе XX–XXI вв. : автореф. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 22 с.
- 6. Paterson M. A brief history of life in Victorian Britain. Philadelphia; London: Running Press; Robinson, 2008. 288 p.
- 7. Котова Е.В. Отражение английского национального сознания в трилогии Джона Голсуорси «Конец главы» // Вестник ВятГГУ. 2009. № 2 (2). С. 169–174.
- 8. Разумовская Ф.Т. Проблема национального характера в интерпретации английских писателей (Д. Голсуорси, Д. Олдридж, Д. Оруэлл) // Вестник Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Филология. 2000. Вып. 1. С. 112–118.
- 9. Кострубина Е.А. Гиперконцепт семья/дом family/home в русской и английской лингвокультурах : автореф. ... канд. филол. наук. М.,
- 10. Galsworthy J. Preface to «A Modern Comedy». URL: https://ebooks.adelaide.edu.au/g/galsworthy/john/white/preface.html (дата обращения: 02.04.2016).
- 11. Galsworthy J. The Forsyte Saga. London: Heinemann, 1922. 1104 p.
- 12. Oxford Dictionary of English. Second edition, revised. Oxford : Oxford University Press, 2006. 2088 p.
- 13. Galsworthy J. A Modern Comedy. М. : Изд-во лит. на иностр. языках, 1956. Vol. I. 328 с.
- 14. Galsworthy J. A Modern Comedy. М.: Изд-во лит. на иностр. языках, 1956. Vol. II. 320 с.
- 15. Galsworthy J. A Modern Comedy. М.: Изд-во лит. на иностр. языках, 1956. Vol. III. 344 с.
- 16. Hargreaves T. Nostalgic Retrieval: Sexual Politics, Cultural Aesthetics and Literary Form in John Galsworthy's The Forsyte Saga // English: Journal of the English Association. 2007. № 56. P. 127–145.
- 17. Blunden E. Nature in English Literature. London: Hogarth Press, 1929. 168 p.
- 18. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
- 19. Westin A. Privacy and Freedom. N.Y.: Atheneum, 2005. 285 p.
- 20. Богатова С.М. Концепт «дом» как средство исследования художественной картины мира Вирджинии Вулф : автореф. ... канд. филол. наук. Омск, 2006. 20 с.
- 21. Collins COBUILD Dictionary of Idioms. M.: ACT, 2004. 751 c.
- 22. Кошеренкова О.В. Символика цвета в культуре // Аналитика культурологии. 2015. Вып. 2 (32). URL: http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/2045-символика-цвета-в-культуре.html (дата обращения: 02.04.2016).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 22 июля 2016 г.

ENGLISH PEOPLE AND FOREIGNERS IN J. GALSWORTHY'S THE FORSYTE SAGA AND A MODERN COMEDY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 13–18. DOI: 10.17223/15617793/410/2

Vera V. Meniailo, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: menyaylo917@mail.ru

Keywords: J. Galsworthy; national identity; English national character; English; foreigner; J. Fowles; author's text; artist; creativity; freedom.

The article examines how the national identity is represented in J. Galsworthy's *The Forsyte Saga* and *A Modern Comedy*. The choice of the novels for analysis is determined by the fact that being a realistic writer, Galsworthy thoroughly examines contemporary society but tries to find its roots in the Victorian epoch, which many contemporary historians and cultural studies scholars consider a key period in the formation of the English identity. The term "identity" implies a compulsory presence of the category "Others", contrasted to the subject and the category "We", with which the subject identifies himself. In the analysed novels the category "We" is expressed through the images of English people (represented on the lexical level by the lexemes "English" and "British"), while the category "Others" is expressed through the images of foreigners (lexemes "foreign", "French", "American"). The above mentioned categories are also contrasted in the system of characters, where "Others" include not only foreigners by nationality (He-

lene Hilmer, Annette, Mme Lamotte, Prosper Profond, Anne, Francis Wilmot) but also those English people, who do not share basic English values and the set of typical English characteristics (Irene). Both at the lexical and plot level "English" are evaluated predominantly positively, while "foreigners" are evaluated negatively or neutrally, but always as something alien, strange and puzzling. Besides, foreigners initiate conflicts that breach foundations of the English world of the Forsytes. The language often serves as a criterion to contrast English and foreign worlds (an example of it being the relations between a typical Englishman Soames and his French wife Annette). The author's vision of the English identity is realised through the basic English cultural concepts of NATURE and PRIVACY. For Galsworthy nature is primarily associated with a traditional rural England, which is represented by images of farms and countryside estates (Robin Hill, the Sussex Downs). The countryside is opposed to the image of a city (London), whose hastened rhythm of life presents a certain danger to the traditional English lifestyle. The concept of PRIVACY belongs to the basic Anglo-Saxon values and accumulates ideas of the importance of a private space preservation. It is possible to state that within the novel the concept of PRIVACY interacts with that of HOUSE. The image of the house occupies a central place in the text and foregrounds the meaning of the idiom "an Englishman's home is his castle". There is a number of such houses in the novel: for Soames these are his father's house, that of Timothy and later "Shelter", where he lives with Annette and Fleur; Old Jolyon and his son find such a "castle" in Robin Hill. A private house as a private space, isolated from the outer world, is similarly important for the young generation (represented by Fleur) and even for English workers. In contrast, "foreigners" do not give such significance to a house (e.g. Irene).

REFERENCES

- 1. Smirnova, A.G. & Kiselev, I.Yu. (2002) *Identichnost' v menyayushchemsya mire* [Identity in the changing world]. Yaroslavl: Yaroslavl State University.
- 2. Shapkina, A.V. (2008) Romany A.K. Doyla "Belyy otryad" i "Ser Naydzhel": problema natsional noy identichnosti [A.C. Doyle's The White Company and Sir Nigel: the problem of national identity]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.
- 3. Konchakova, S.V. (2011) Problema natsional noy identichnosti v pozdnem tvorchestve Ch. Dikkensa: "Bol'shie nadezhdy", "Nash obshchiy drug", "Tayna Edvina Druda" [The problem of national identity in the late works of Charles Dickens: Great Expectations, Our Mutual Friend, The Mystery of Edwin Drood]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.
- 4. Konoplyuk, N.V. (2014) Idea of national-cultural identity in John Fowles's works of the 1960s. *Universum: Filologiya i iskusstvovedenie Universum: Philology & Art History*. 12 (14). [Online] Available from: http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1815. (Accessed: 02nd April 2016). (In Russian).
- Gasanova, I.M. (2013) Yazykovye sredstva izobrazheniya samoidentifikatsii lichnosti v postkolonial'nom romane XX–XXI vv. [Language means of
 presenting self-identification of the individual in the post-colonial novel of the 20th—21st centuries]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
- 6. Paterson, M. (2008) A brief history of life in Victorian Britain. Philadelphia; London: Running Press; Robinson.
- 7. Kotova, E.V. (2009) The Reflection of English National Consciousness in John Galsworthy's Trilogy "End of the Chapter". *Vestnik VyatGGU*. 2 (2), pp. 169–174. (In Russian).
- 8. Razumovskaya, F.T. (2000) Problema natsional'nogo kharaktera v interpretatsii angliyskikh pisateley (D. Golsuorsi, D. Oldridzh, D. Oruell) [The problem of the national character in the interpretation of English writers (J. Galsworthy, J. Aldridge, G. Orwell)]. Vestnik Nizhegorodskogo gosuniversiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya Filologiya Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Philology. 1. pp. 112–118.
- 9. Kostrubina, E.A. (2011) Giperkontsept sem 'ya/dom family/home v russkoy i angliyskoy lingvokul'turakh [Hyperconcept family / house family / home in Russian and English linguistic cultures]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
- Galsworthy, J. (n.d.) Preface to A Modern Comedy. [Online] Available from: https://ebooks.adelaide.edu.au/g/galsworthy/john/white/pre-face.html. (Accessed: 02.04.2016)
- 11. Galsworthy, J. (1922) The Forsyte Saga. London: Heinemann.
- 12. Oxford University Press. (2006) Oxford Dictionary of English. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press.
- 13. Galsworthy, J. (1956) *A Modern Comedy*. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh.
- 14. Galsworthy, J. (1956) *A Modern Comedy*. Vol. 2. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh.
- 15. Galsworthy, J. (1956) A Modern Comedy. Vol. 3. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh.
- Hargreaves, T. (2007) Nostalgic Retrieval: Sexual Politics, Cultural Aesthetics and Literary Form in John Galsworthy's The Forsyte Saga. English: Journal of the English Association. 56. pp. 127–145. DOI: 10.1093/english/56.215.127
- 17. Blunden, E. (1929) Nature in English Literature. London: Hogarth Press.
- 18. Wierzbicka, A. (1999) Semanticheskie universalii i opisanie yazykov [Semantic universals and language description]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
- 19. Westin, A. (2005) Privacy and Freedom. New York: Atheneum.
- 20. Bogatova, S.M. (2006) Kontsept "dom" kak sredstvo issledovaniya khudozhestvennoy kartiny mira Virdzhinii Vulf [The concept "home" as a means to study the artistic picture of the world of Virginia Woolf]. Abstract of Philology Cand. Diss. Omsk.
- 21. Collins Cobuild. (2004) Collins Cobuild Dictionary of Idioms. Moscow: AST.
- 22. Kosherenkova, O.V. (2015) Simvolika tsveta v kul'ture [The symbolism of colors in culture]. *Analitika kul'turologii*. 2 (32). [Online] Available from: http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/2045-simvolika-tsveta-v-kul'ture.html. (Accessed: 02nd April 2016).

Received: 22 July 2016

ИСТОРИЯ

УДК 94(574)

М.О. Абсеметов, В.П. Зиновьев

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОЦЕССА МОДЕРНИЗАЦИИ КАЗАХСТАНА В 1920–1940-е гг.

Предпринята попытка определить особенности модернизации Казахстана в 20–40-е гг. XX в. По сравнению с европейской частью СССР в Казахстане модернизация сопровождалась седентаризацией кочевников, притоком промышленных мигрантов, наличием инонациональных (русских) городов и эвакуацией в регион промышленных предприятий и научнообразовательных учреждений.

Ключевые слова: Казахстан; модернизация; седентаризация; индустриализация.

Как известно, модернизация – это процесс, при котором традиционные, аграрные общества преобразуются в современные индустриальные, он сопровождается появлением и развитием передовых индустриальных технологий, а также соответствующих им политических, культурных, социальных механизмов, позволяющих поддерживать, использовать данные технологии [1. С. 59]. Этот процесс имеет всемирный масштаб и влияние. Начался он в странах Западной Европы, затем распространился на Северную Америку, Восточную Европу, Японию, Австралию и Новую Зеландию. Впоследствии он охватил остальные страны Азии, Латинской Америки и Африки. Продолжается он и сейчас. Российская империя (СССР) относилась к регионам второго эшелона модернизации. Здесь также, как и во всем мире, экономическая, социальная, культурная и политическая модернизации шли крайне неравномерно и постепенно захватывали регионы страны. Азиатская Россия, Белоруссия, Бессарабия, Закавказье, большая часть прибалтийских губерний являлись периферийными территориями процесса модернизации с догоняющим развитием. В каждом из них он имел свою специфику, темпы и формы, требующие специального исторического анализа [2-4].

К таким регионам относится и Казахстан. Исторический феномен казахстанского общества, которое в сравнительно небольшие временные сроки осуществило путь от военно-кочевого, полукочевого, полуземледельческого (от сохи и лопаты) в индустриальное общество, также требует особого изучения. Историография довоенной советской модернизации Казахстана основательно изучена Р.Ж. Кадысовой [5, 6]. Она проследила и выявила основные тенденции в развитии историографии проблемы. В целом с выводами ее монографии о характере оценки модернизации Казахстана в историографии можно согласиться. Действительно, в советской и постсоветской историографии преобладают позитивные оценки результатов индустриализации, несмотря на выделение ряда негативных ее черт, связанных с административнокомандными, мобилизационными методами ее проведения, применение насилия к сельскому населению [5. С. 238–241]. В более поздней статье Р.Ж. Кадысова, давая оценки характера модернизации Казахстана

(более негативные, чем у других историков), отметила создание индустриального населения в регионе в основном за счет мигрантов, что задерживало модернизацию казахского этноса, примитивность сырьевой индустриализации региона, опору на морально устаревшую заграничную технологию, большую долю лагерной экономики [6. С. 123-125]. Полагаем, что эти претензии не отрицают самого процесса модернизации, часть из них надо доказывать. Среди казахстанских исследователей необходимо отметить также Г.К. Шалабаеву, разрабатывающую цивилизационную парадигму развития казахского общества в контексте диалога культур [7]; С.И. Ковальскую, исследовавшую проблему советского опыта модернизации Казахстана через ракурс англо-американской историографии [8]; А.И. Оразбаеву, рассматривающую цивилизационные особенности социокультурного развития казахского общества [9, 10].

Цель статьи - обратить внимание исследователей на особенности модернизации Казахстана и попытаться их объяснить. Прежде всего, следует отметить, что тезис об абсолютном преобладании у казахов кочевого образа жизни не выдерживает критики. Стремительный скачок Казахстана в промышленном производстве в первой половине XX в. был обусловлен историческими предпосылками. Казахстан издревле был носителем не только кочевой, но и городской и земледельческой культуры. Об этом свидетельствуют артефакты археологических раскопок таких древних городов Казахстана, как Отрар (Фараб), Туркестан, Сыганак, Баласагун, Сарайчик, Тараз и др., где сохранились следы городской цивилизации (храмы, дворцы, архитектурные сооружения, фрагменты кузнечных печей, канализационных устройств, гончарных мастерских, монетных дворов, настенная живопись, глиняная посуда, домашняя утварь, украшения и др.) [11]. Храм Ходжа Ахмеда Яссави (г. Туркестан, XIV в.), построенный по типу собора Святой Софии (г. Константинополь), занесен в список культурного наследия ЮНЕСКО как образец архитектурной и инженерной мысли Среднего Востока наряду с дворцами Сирии, Ирака и Египта [12].

После распада Золотой Орды и империи Тамерлана, в которых казахи играли существенную роль, города Казахского ханства пришли постепенно в упа-

док. На долгие годы и даже столетия казахский народ был вынужден перейти, в целях физического и экономического выживания, на военно-кочевой и полукочевой образ жизни. Однако память о земледельческом, оседлом прошлом сохранялась в сознании народа [9. С. 6]. Во второй половине XIX – начале XX в. довольно быстрыми темпами шел процесс седентаризации казахов, приведший к тому, что к началу XX в. треть казахов постоянно занималась земледелием, 90% казахов имели стационарные жилища. Это объяснялось, по мнению А.Ю. Быкова, стабилизацией условий жизни казахов в рамках Российской империи, ростом народонаселения на ограниченных для развития кочевого хозяйства территориях, необходимостью интенсификации хозяйствования, влиянием русского населения и поощрением перехода к оседлости царскими властями [13. С. 261–262].

Одними из позитивных факторов модернизации Казахстана следует считать наличие русского и татарского населения в городах, приток промышленных мигрантов в Казахстан в 1920–1930-е. гг. Именно вследствие этого процесс индустриализации Казахстана приобрел необратимый характер и получил прочный фундамент. Сетовать на то, что не все рабочие на новых заводах были жителями Казахстана, могут только тенденциозные историки. При гигантских темпах развития индустрии региона обойтись местными трудовыми ресурсами было невозможно. Сухие цифры статистики говорят о том, что за годы предвоенных пятилеток в Казахской ССР валовое производство промышленности выросло в 13 раз, число рабочих увеличилось в 6 раз и достигло 390 тыс. чел. В 1940 г. в республике действовали 2 342 крупных предприятия, 95% которых были построены в советские годы. Доля городского населения в республике достигла 30%, т.е. общесоюзного уровня по сравнению с 8,6% в 1913 г. Казахстанская промышленность развивалась по сравнению с общесоюзными показателями опережающими темпами. В 1913 г. промышленность Казахстана составляла 0,3% общеимперской, как и в 1926 г. от общесоюзной, а в 1937 г. – 1,4%. Но в Казахстане ярче был выражен перекос в сторону опережающего развития тяжелой индустрии, которая в 1940 г. дала уже 52% продукции промышленности по сравнению с 27% в 1913. За годы предвоенных пятилеток Казахская степь из поставщика сельскохозяйственного сырья и пищевой промышленности превратилась в один из крупнейших металлургических и топливных районов страны. Нефтепромыслы Эмбы, Балхашский, Карсакпайский медеплавильные комбинаты, Лениногорский (Риддерский) и Чимкентский полиметаллические комбинаты, Актюбинский химический, Семипалатинский и Петропавловский мясокомбинаты были предприятиями союзного значения и масштаба, Турксиб был символом прогресса и обновления степи [14. С. 217–218]. Вместе с тем сельское хозяйство Казахстана понесло больше потерь, чем в целом по стране, если к концу 1930-х гг. производство аграрной сферы в СССР упало на 15-20% по сравнению с концом 1920-х гг., то в Казахстане – более чем в 4 раза [Там же. С. 177].

Интенсификацией этого процесса стала эвакуация промышленных предприятий и научных организаций в период Великой Отечественной войны в Казахстан, в такой же мере, как и для Сибири. Казахстан являлся глубоким юго-восточным тылом и должен был с первых дней войны переориентировать свою экономику на обеспечение нужд фронта: освоить и расширить производство оборонной продукции и стратегического сырья, широко развернуть промышленное строительство, осуществить перераспределение трудовых и материальных ресурсов, принять массу перемещаемых из прифронтовой полосы предприятий и ускорить ввод их в действие на новых местах. В 1941-1942 гг. в Казахстан из европейской части России было передислоцировано 220 заводов и фабрик, цехов и артелей, с 50 тыс. кадровыми рабочими и инженернотехническими работниками, а также более 20 научноисследовательских учреждений, более 40 высших и средних специальных учебных заведений [15. С. 9]. Основными районами размещения перебазированных предприятий и учреждений стали Алма-Ата, Уральск, Петропавловск, Чимкент, Семипалатинск, Караганда, Актюбинск, Кзыл-Орда. При размещении в Казахстане в годы Великой Отечественной войны эвакуированных и перебазированных предприятий, прежде всего, требовалась сверхсрочная выдача фронту военной продукции.

Сырьевая база Казахстана была максимально использована в оборонной промышленности. Например, Балхашский медеплавильный завод, Чимкентский свинцовый завод и другие промышленные предприятия стали максимально увеличивать темпы производства цветных металлов для изготовления броневого листа и стали. В этой связи увеличились добыча таких полезных ископаемых, как молибден, вольфрам, ванадий, никель и др., разработка нефтяных и угольных месторождений [16. С. 22].

Казахская ССР стала основным поставщиков марганцевой руды для заводов Урала. Почти перед самым началом войны на месте обнаружения молибдена был заложен рудник «Восточный Коунрад», который в начале ноября 1941 г. произвёл первую партию молибдена. В годы войны в республике «было произведено 30% общесоюзной выплавки меди, 50% добычи медной руды, 60% добычи марганцевой руды, 70% добычи полиметаллической руды, 85% производства свинца в стране, сталей» [17. С. 98]. Возросла роль Карагандинского угольного бассейна. В 1945 г. добыча общесоюзного угля по сравнению с довоенным 1940 г. составляла на Урале — 214,5%; в Кузбассе — 137,4%; в Караганде — 179,3% [18. С. 23].

В 1941—1945 гг. было построено 460 заводов, фабрик, рудников, шахт и отдельных производств. В их число вошли и эвакуированные предприятия, в том числе металлообрабатывающие и машиностроительные заводы, выпускавшие мины и снаряды, торпеды и бомбы, огнеметы, радиостанции и другие виды оружия и военной техники. Доля металлообработки и машиностроения в валовой продукции индустрии Казахстана выросла с 16 в 1940 г. до 35% в 1945 г. В целом же промышленное производство республики

выросло за военные годы на 37%, что на 2% выше прироста ее продукции за четыре предвоенных года. В г. Алма-Ата были эвакуированы 22 завода и фабрики, в Петропавловск – 7; Чимкент – 8; Кокшетау – 1; Гурьев – 2; Кустанай – 6; Балхаш – 1; Караганду – 4; Уральск – 5; Акчатаустрой – 1; Семипалатинск – 8; Кзыл-Орду – 3; Джамбул – 2; Павлодар – 2; Лениногорск – 1; Актюбинск – 5; Аягуз – 1.

Главную роль в мобилизации сырьевых ресурсов восточных районов страны на нужды обороны сыграли научные силы Казахской ССР. Казахский филиал организовал многочисленные экспедиции: число экспедиционных отрядов филиала увеличилось с 32 в 1941 г. до 102 в 1944 г. Активно развивалась работа одного из крупных учреждений Казахского филиала – Института геологических наук. Изучение марганцевых месторождений, изучение и освоение железорудных месторождений, месторождений цветных, редких и рассеянных металлов, месторождений минерального топлива, изучение нерудного сырья, водных ресурсов Казахстана - таков круг проблем, которыми занимался этот Институт. За одно только первое полугодие 1943 г. филиалы и базы выполнили 154 научные работы, значительная часть которых была внедрена в производство.

Особенно успешной оказалась деятельность Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, созданной в Свердловске в августе 1941 г. Возглавил Комиссию президент Академии Наук СССР В.Л. Комаров. Комиссия разработала проект плана оборонных исследований по мобилизации ресурсов Урала. В начале декабря 1941 г. академик И.П. Бардин доложил о проекте плана в Совнаркоме, и он был одобрен. План представлял собой внушительную и очень конкретную программу по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды фронта.

Комиссия академика В.Л. Комарова координировала деятельность почти 60 научных учреждений, как местных, так и эвакуированных из западных районов. В дальнейшем деятельность Комиссии распространилась на другие восточные и южные районы, и с апреля 1942 г. она получила официальное название — Комиссия по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны. В оценке Комиссии говорилось: «По своим природным богатствам Казахстан является поистине сокровищницей СССР. Здесь имеются крупные запасы каменного угля, меди, свинца, цинка, железных руд и хромитов,

полиметаллических руд, нефти, вольфрама, молибдена, марганца. Казахстан богат запасами сырья для огнеупорной промышленности и рядом других нерудных ископаемых. Республика располагает огромными залежами химического сырья — фосфоритов, боритов, глауберовой соли, соды и др. Казахстан — родина ценных растений, являющихся сырьем для производства каучука, лекарств и других химических препаратов. Таков далеко неполный перечень естественных богатств Казахской республики» [19]. Комиссия Академии наук оставила глубокий след и в научной жизни восточных районов. Ее деятельность послужила замечательной школой для научных кадров Казахского филиала АН СССР, для организации АН КазССР.

Модернизационные процессы в 20–40-е гг. прошлого столетия в Казахстане развивались в рамках советской государственно регулируемой модели индустриализма, составившей альтернативу частнокапиталистической англо-саксонской модели. Задуманная В.И. Лениным государственно-капиталистическая модель модернизации аграрного российского общества вследствие внешних угроз была заменена мобилизационной административно-плановой экономикой во главе с тоталитарной политической системой. Ведь страна оказалась непосредственно втянута в общемировые конкурентные процессы в годы индустриализации и Великой Отечественной войны [8. С. 22]. СССР смог победить в борьбе с военным и экономическим потенциалом практически всей Европы, пожертвовав кроме 21 млн жизней еще и рынком, и демократией. Ведущая роль государства и коммунистической партии (монокоммунистический диктат), бюрократизация и политизация советского общества наложили огромный отпечаток на развитие экономической и научной жизни СССР, в том числе и Казахстана.

Необходимо отметить, что рассматриваемая нами проблема — начало превращения Казахстана в индустриальное общество в предвоенный и военный период в сравнительно короткий промежуток времени — является уникальным феноменом. Особенностями модернизации Казахстана по сравнению с Европейской Россией можно считать необходимость седентаризации, наличие инонациональных (русских) городов и приток промышленных мигрантов, эвакуацию промышленных предприятий и научно-образовательных учреждений в период Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. Теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 240 с.
- 2. Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 430 с.
- 3. Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М.: Наука, 2000, 246 с.
- 4. Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. : сб. материалов конф. Новосибирск, 2003. 324 с.
- 5. Кадысова Р.Ж. Советская модернизация Казахстана (1917–1940 гг.): историография проблемы. Алматы: Гылым, 2004. 288 с.
- Кадысова Р.Ж. Довоенная промышленная модернизация в Казахстане: историографические тенденции постсоветского периода // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 297. С. 122–127.
- 7. Шалабаева Г.К. Казахстан: от древних цивилизации к современности. Алматы: Экономика, 2007. 258 с.
- 8. Ковальская С.И. Англо-американская историография советского опыта модернизации Казахстана : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Астана, 2008. 50 с.
- 9. Оразбаева А.И. Цивилизационные особенности социокультурного развития традиционного казахского общества в XV–XVIII вв. (теоретические и методологические проблемы) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Алматы, 2005. 50 с.

- 10. Оразбаева А.И. Методологическое значение цивилизационного измерения истории казахского общества // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: тез. докл. и сообщений III науч. конф. Астана; Омск; Томск, 203. С. 174–176.
- 11. Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии // Материалы Всесоюзного совещания 1981 года. Алма-Ата, 1983. 231 с.
- 12. Ходжаев М. Туркестан столица позднесредневекового Казахстана. Чимкент, 1995.
- 13. Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана. Барнаул, 2003. 268 с.
- 14. Очерки экономической истории Казахской ССР / под общ. ред. С.Б. Баишева. Алма-Ата: Казахстан, 1974. 360 с.
- 15. Жангельдин Т.Ж. Историческое значение и источники победы СССР в Великой Отечественной войне // Известия Академии наук Каз-ССР. Сер. общественных наук. 1965. Вып. 4. С. 3–13.
- 16. Балакаев Т. Казахстан арсенал фронта // Вестник АН КазССР. 1970. № 5. С. 22–28.
- 17. Вторая мировая война. Материалы научной конференции, посвященной 20-й годовщине победы над фашистской Германией. Книга первая: Общие проблемы. М., 1966. 440 с.
- 18. Первухин М.Г. Перебазирование промышленности // Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 2: Трудовой подвиг народа / под общ. ред. П.Н. Поспелова. М.: Мысль, 1974. 367 с.; 8 л. ил.
- 19. Все ресурсы Казахстана на нужды обороны! // Казахстанская правда. № 133. 1942. 7 июня.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 августа 2016 г.

FEATURES OF KAZAKHSTAN'S MODERNIZATION PROCESS IN THE 1920S-1940S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 19–23.

DOI: 10.17223/15617793/410/3

Marat O. Absemetov, National Archive of the Republic of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan). E-mail: m.absemetov@gmail.com

Vasily P. Zinoviev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru

Keywords: Kazakhstan; modernization; sedentarization; industrialization.

The article discusses the features and factors of modernization of Kazakhstan in the 1920s-1940s. The Russian Empire (USSR) was a region of the second tier of modernization. Here, like in the world, economic, social, cultural and political modernization was extremely uneven and conquered regions gradually. Asian Russia, India, Bessarabia, the Caucasus, most of the Baltic provinces were peripheral territories with the modernization process of catching-up development. Each of them had its own specificity, speed and shape that require a special historical analysis. These regions include Kazakhstan. The historical phenomenon of Kazakhstan society, which transformed from a military-nomadic to an industrial society in a relatively small time, requires a special study. The purpose of the article is to attract the attention of researchers to the features of Kazakhstan modernization and try to explain them. First of all, it should be noted that the thesis of the absolute predominance of the nomadic lifestyle among the Kazakhs does not withstand scrutiny. In the early twentieth century about 90 % of the Kazakhs had permanent homes, one-third was engaged in farming. Moreover, the Kazakhs had a historical experience of settled existence interrupted by the Mongol invasion. Another positive factor in the modernization of Kazakhstan was the presence of the Russian and Tatar population in the cities, the influx of migrants in Kazakhstan industry in the 1920s-1930s. It is due to this factor that the process of Kazakhstan industrialization was irreversible and received a solid foundation. This process was intensified by the evacuation of industrial enterprises and scientific organizations in the Great Patriotic War in Kazakhstan. In 1941-1942, 220 factories and artisan shops with 50 thousand workers and engineering and technical personnel, more than 20 research institutions, 40 higher and secondary special education institutions were relocated to Kazakhstan from the European part of Russia. They were mainly located in Alma-Ata, Uralsk, Petropavlovsk, Shymkent, Semey, Karaganda, Aktobe, Kyzylorda. In 1941-1945, 460 plants, factories, mines and individual production facilities were built. Industrial production increased during the war years by 37 %. Modernization processes in the 1920s-1940s in Kazakhstan developed in the framework of the Soviet state-controlled models of industrialism, an alternative to the private Anglo-Saxon model. Compared with the European part of the USSR, in Kazakhstan modernization went along with the sedentarization of nomads, the influx of industrial workers, the presence of other nationalities (Russian) cities and evacuation of industrial enterprises, scientific and educational institutions in the area.

REFERENCES

- 1. Poberezhnikov, I.V. (2006) Perekhod ot traditsionnogo k industrial nomu obshchestvu. Teoretiko-metodologicheskie problemy modernizatsii [The transition from a traditional to an industrial society. Theoretical and methodological problems of modernization]. Moscow: ROSSPEN.
- Vishnevskiy, A. (1998) Serp i rubl'. Konservativnaya modernizatsiya v SSSR [Sickle and ruble. Conservative Modernization in the USSR]. Moscow: OGI.
- 3. Alekseev, V.V. (ed.) (2000) Opyt rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XX veka [Experience of Russian modernization of the 18th–20th centuries].

 Moscow: Nauka.
- 4. Lamin, V.A. (ed.) (2003) Sibirskoe obshchestvo v kontekste modernizatsii XVIII–XX vv. [Siberian society in the context of the modernization of the 18th–20th centuries]. Novosibirsk: RITs NG.
- 5. Kadysova, R.Zh. (2004) Sovetskaya modernizatsiya Kazakhstana (1917–1940 gg.): istoriografiya problemy [Soviet modernization of Kazakhstan (1917–1940): Historiography of the problem]. Almaty: Gylym.
- Kadysova, R.Zh. (2007) Dovoennaya promyshlennaya modernizatsiya v Kazakhstane: istoriograficheskie tendentsii postsovetskogo perioda [The
 pre-war industrial modernization in Kazakhstan: historiographical trends of the post-Soviet period]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Tomsk State University Journal. 297. pp. 122–127.
- 7. Shalabaeva, G.K. (2007) Kazakhstan: ot drevnikh tsivilizatsii k sovremennosti [Kazakhstan: from ancient civilizations to the present]. Almaty: Ekonomika.
- 8. Koval'skaya, S.I. (2008) Anglo-amerikanskaya istoriografiya sovetskogo opyta modernizatsii Kazakhstana [The Anglo-American historiography of the Soviet experience of Kazakhstan modernization]. Abstract of History Dr. Diss. Astana.
- Orazbaeva, A.I. (2005) Tsivilizatsionnye osobennosti sotsiokul'turnogo razvitiya traditsionnogo kazakhskogo obshchestva v XV-XVIII vv. (teoret-icheskie i metodologicheskie problemy) [Civilization features of the socio-cultural development of the traditional Kazakh society in the 15th–18th centuries (theoretical and methodological problems)]. Abstract of History Dr. Diss. Almaty.
- 10. Orazbaeva, A.I. (2003) [The methodological significance of the civilization dimension of the Kazakh society history]. Stepnoy kray Evrazii: istoriko-kul'turnye vzaimodeystviya i sovremennost' [The Steppe Region of Eurasia: historical and cultural interaction and modernity]. Proceedings of the III conference. Astana; Omsk; Tomsk. pp. 174–176. (In Russian).

- 11. Tulepbaev, B.A. (ed.) (1983) Srednevekovaya gorodskaya kul'tura Kazakhstana i Sredney Azii. Materialy Vsesoyuznogo soveshchaniya 1981 goda [Medieval city culture of Kazakhstan and Central Asia. Materials of 1981 All-Union Conference]. Alma-Ata: Nauka.
- 12. Khodzhaev, M. (1995) Turkestan stolitsa pozdnesrednevekovogo Kazakhstana [Turkestan the capital of the late medieval Kazakhstan]. Chimkent
- 13. Bykov, A.Yu. (2003) Istoki modernizatsii Kazakhstana [The origins of Kazakhstan modernization]. Barnaul: AzBuka.
- 14. Baishev, S.B. (ed.) (1974) Ocherki ekonomicheskoy istorii Kazakhskoy SSR [Essays on the Economic History of the Kazakh SSR]. Alma-Ata: Kazakhstan.
- 15. Zhangel'din, T.Zh. (1965) Istoricheskoe znachenie i istochniki pobedy SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne [The historical significance and the sources of the victory of the Soviet Union in the Great Patriotic War]. *Izvestiya Akademii nauk KazSSR. Seriya obshchestvennykh nauk.* 4. pp. 3–13.
- 16. Balakaev, T. (1970) Kazakhstan arsenal fronta [Kazakhstan the front arsenal]. Vestnik AN KazSSR. 5. pp. 22-28.
- 17. Samsonov, A. et al. (1966) *Vtoraya mirovaya voyna* [The Second World War]. Proceedings of the scientific conference dedicated to the 20th anniversary of victory over Nazi Germany. Vol. 1. Moscow: Nauka.
- 18. Pervukhin, M.G. (1974) Perebazirovanie promyshlennosti [Relocation of industries]. In: Pospelov, P.N. (ed.) Sovetskiy tyl v Velikoy Otechestvennoy voyne [Soviet rear in the Great Patriotic War]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
- 19. Kazakhstanskaya pravda. (1942) Vse resursy Kazakhstana na nuzhdy oborony! [All resources of Kazakhstan for defense!]. *Kazakhstanskaya pravda*. 133. 7 June.

Received: 14 August 2016

УДК 94(436).07.+08

С.В. Арапина, А.Д. Карин

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 г. В ГАЛИЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИИ Ш. ЭЙЗЕНШТАДА

Революции 1848 г. сыграли большую роль в становлении национального самосознания многих народов Европы. В статье рассматриваются события революции 1848 г. в Восточной Галиции и Буковине. Автор уделяет особое внимание анализу хода и результатов революции. В работе также дается краткий очерк предреволюционной ситуации в регионе, в котором показаны социальные и национальные предпосылки революции. Для исследования революционных событий была использована концепция израильского ученого Ш. Эйзенштада.

Ключевые слова: Галиция; революция; Эйзенштад; русины; национализм.

В центре научных интересов израильского социолога Шмуэля Эйзенштада находились проблемы модернизации, революции и развития цивилизаций. В своей работе «Революция и преобразования обществ» [1] Эйзенштад предпринял попытку дать научное объяснение феномену революции в Новое и Новейшее время. Он пришел к выводу, что революция наряду с эволюцией - один из способов преобразования общества. К революциям приводит совокупность внешних и внутренних факторов. К первым относятся возникновение современной системы международных отношений, формирование международной капиталистической системы, войны и соперничество между государствами. Ко второй группе факторов относятся: внутреннее давление, вызванное формированием элит и других социальных групп, заинтересованных в коренных переменах в жизни общества; внутриэлитная борьба; возникновение новых способов производства; появление новых идеологических систем и технологий. В своей работе Ш. Эйзенштад подразделяет революции на «чистые» и «нечистые». К первой категории относятся великие революции, к которым, по мысли автора, принадлежат: «Великий мятеж (1640-1660 гг.) и Славная революция (1688) в Англии, Американская революция (ок. 1761-1776 гг.) и Французская революция (1787-1799 гг.), а вместе с ними события, которые передали революционный импульс всему миру, - европейские революции 1848 г., Парижская коммуна (1870-1871 гг.) и, прежде всего, революции в России (1917-1918 гг.) и Китае (1911-1948 гг.)...» [1. С. 43]. Именно эти революции во многом определили образ мышления современного мира.

«Чистые» революции характеризуются большим количеством революционного насилия и разрывом с прошлым: «Образ революции, включающий такие элементы, как всеобщий характер перемен, разрыв с прошлым, новизна (и насильственность), сохраняется в относительно недавних исследованиях и определениях революции» [Там же. С. 46]. В целом всем «чистым революциям» присущи следующие черты: насильственная смена политического режима; приход к власти новой элиты; коренные перемены во всех сферах жизни общества; радикальный разрыв с прошлым; концепция «нового человека» и обновленного более справедливого и лучшего общества. Эти черты, как отмечает Эйзенштад, «составляют образ чистой революции, как он сложился в общественном сознании и социологической литературе» [Там же. С. 45]. Отсутствие вышеупомянутых черт у той или иной революции не позволяет отнести её к категории «чистых» или «истинных» революций.

Хотя в своей книге Ш. Эйзенштад не занимался конкретно рассмотрением революции в Галиции, он весьма подробно охарактеризовал феномен революции. Поэтому работа Эйзенштада и его воззрения вполне могут быть использованы для изучения революции 1848 г. в Галиции.

После первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. населенная русинами (украинцами) Галиция оказалась в составе Австрийской империи. На этой территории австрийцы создали провинции Галиция и Лодомерия. В 1774 г. к Галиции и Лодомерии присоединили населенную русинами Буковину. Население, Буковины в отличие от преимущественно униатской Галиции было православным. После третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. к русинской Галиции присоединили польские земли, вошедшие в состав империи (Малая Польша). Таким образом, поляки и русины оказались в составе одной административной единицы. Третьей территорией, заселенной русинами, в составе империи Габсбургов было Закарпатье, являвшееся частью Венгерского королевства.

Долгое нахождение в составе польского государства оставило неизгладимый отпечаток на культуре и социуме восточной Галиции. Местная шляхта состояла преимущественно из поляков либо ополяченных русинов. Польская культура и население преобладали в городах. Русины в этот период составляли большинство среди крестьян и униатского духовенства. В Буковине элита состояла по преимуществу из румын, большую роль играла румынская культура.

Жизнь основной массы населения края – крестьян – была тяжелой. Малые земельные наделы крестьян и феодальная эксплуатация, преимущественно аграрная экономика создали Галиции репутацию одной из самых бедных и отсталых окраин империи Габсбургов. По данным О. Субтельного, в первой половине XIX в. проблема крестьянского малоземелья лишь усугублялась: «Так, если в 1819 г. средний надел крестьянина в Восточной Галичине составлял 14 акров, то в 1848 г. – уже 9,6, а размеры среднего поместья за те же годы увеличились с 1051 до 1400 акров» [2. С. 271].

В условиях фактического перехода русинской шляхты в польскую национальность роль элиты в русинской среде стало играть униатское духовенство: «Вместо дворянских династий, веками связанных со

своим «родовым гнездом», в Западной Украине появляются «династии» местных священников. Это стало возможным благодаря тому, что греко-католическим приходским священникам, в отличие от высших иерархов, разрешалось обзаводиться семьями» [2. С. 273].

Дети духовенства, как правило, заключали браки в собственной среде. Духовенство, таким образом, превращалось в наследственную касту с ярко выраженной групповой солидарностью. Оно пользовалось большим авторитетом и было единственной образованной прослойкой русинского населения. Последнее обстоятельство обусловило его большую роль в национальном возрождении первой половины XIX в.

Начиная с 80-х гг. XVIII в. по инициативе центральной власти в Галиции начинает развиваться образование. Здесь создаются немецкие и латинские школы, в 1783 г. по инициативе императора Иосифа II во Львове открывается семинария для униатского духовенства, в 1788 г. здесь же был создан Ставропигийский институт. В 1784 г. по решению императора Иосифа II основан Львовский университет. Основными языками обучения в университете были латынь и немецкий. Для студентов-русинов в 1787 г. при университете был открыт «studium ruthennum», языком обучения в котором было так называемое язычие — смесь церковнославянского и разговорного русинского языков. Studium ruthennum просуществовал до 1809 г. [3. С. 15].

Несмотря на постепенное развитие образования, в крае продолжала доминировать польская культура. Все книги, кроме церковных, издавались на польском. Только польский, латынь и немецкий были языками науки. Русинский язык использовался исключительно на бытовом уровне. Проповеди в церквах зачастую также читались по-польски. Полонизация дошла до того, что многие униатские священники даже не знали кириллицы. Специально для не знающих кириллицу священников был издан в 1830 г. словарь, где попольски давалось пояснение церковнославянским словам [4. С. 41].

Господство в Галиции польской культуры, с одной стороны, и распространение образования — с другой, вызвало к жизни такое явление, как национальное возрождение. Его начало связывают с деятельностью «руськой троицы».

«Руськая троица» - такое название получил просветительский кружок, созданный тремя львовскими семинаристами. Именно члены троицы дали старт национальному возрождению и во многом определили пути дальнейшего развития русинской культуры и языка. Основателями и лидерами кружка были Маркиян Шашкевич (1811-1843), Яков Головацкий (1814-1888), Иван Вагилевич (1811-1866). Все они были детьми униатских священников. На момент создания кружка М. Шашкевич, Я. Головацкий, И. Вагилевич были семинаристами, в то же время изучавшими философию во Львовском университете. Вскоре к кружку примкнули другие семинаристы и студенты: Николай Устинович, Григорий Илькевич, Иван Билинский, Иван Головацкий, Николай Вирищинский и др. Члены кружка интересовались историей и культурой родного народа. Между собой они предпочитали говорить на русинском языке, выступали за просвещение народа, развитие народного языка. Члены троицы выбрали для себя славянские псевдонимы: Шашкевич стал называться Русланом, Вагилевич – Далибором, Головацкий – Ярославом.

«Руськая троица» установила контакты с представителями других славянских народов, благодаря чему прониклась идеями панславизма. Так, члены кружка завязали переписку с российскими учеными: филологом Измаилом Срезневським, историком Погодиным, филологом и фольклористом Михаилом Максимовичем. Установившиеся связи дали возможность Вагилевичу и Головацкому публиковаться в московских и петербургских журналах. Активные контакты троица установила также с чешскими учеными поэтом Яном Колларом, филологом и историком Павлом Шафариком, филологом и публицистом Карелем Главличеком и др.

Итогом таких активных международных контактов кружка стало то, что Вагилевич и Головацкий стали публиковаться также в чешских изданиях, а чешские деятели, в свою очередь, в галицких изданиях.

Для сохранения народной культуры М. Шашкевич, Я. Головацкий, И. Вагилевич стали собирать народные песни и думы. На основе собранных ими материалов в 1834 г. они создали сборник народных песен «Зоря», в который Шашкевич поместил статью, где изложил биографию Б. Хмельницкого. Однако «Зоря» не была издана по цензурным соображениям.

В 1837 г. «Руськая троица» подготовила и издала другой сборник — «Русалка Днестровая». Сборник был написан живым народным языком, содержал в себе народные песни, сказки, а также переводы сербских песен. В «Русалке Днестровой» авторы провозглашали национальное единство Галицких русинов и малороссов юга России, выступали против перевода русинского языка на латиницу.

Из-за антифеодальных мотивов, содержавшихся в сборнике, он был запрещен цензурой, тираж конфискован. Однако из тысячи напечатанных экземпляров до читателей дошли около 200 [5. С. 19]. «Русалка Днестровая» стала первой книгой, вышедшей на простом народном языке, она оказала огромное влияние на развитие русинского языка.

Впоследствии членами кружка были изданы и другие работы: «Галицкие приповедки и загадки» 1841 г. Георгия Илькевича (1803–1841), «Венок русинам на обжинки» 1846 г. М. Шашкевича, «Становления русинов в Галичине» Я. Головацкого и др. [6. С. 106].

В дальнейшем идеи национального возрождения завоевывали все больше сторонников. События 1848 г. позволили сторонникам национального возрождения вывести свою борьбу на политический уровень. В этот год волна революций, прокатившихся по Европе, поставила казавшуюся прочной империю Габсбургов на грань развала. На первый план стали выходить национальные требования. Венгры, поляки, итальянцы и немцы боролись за создание своих национальных государств. Представители других народов империи выступили с национальными требованиями более умеренного характера.

Восстание 13–5 марта в Вене и отставка Меттерниха эхом отозвались во всех уголках империи. Тогда же в марте 1848 г. революционные события охватили и провинциальную Галицию. Уже 17 марта в Кракове прошла манифестация, собравшаяся толпа требовала освобождения всех политических заключенных. В результате все содержавшиеся в тюрьмах польские националисты были освобождены в тот же день. Несколько дней спустя в Кракове был создан Национальный комитет. Однако в скором времени центр польского движения в Галиции переместился во Львов, где была создана «Rada Narodowa» и началось формирование национальной гвардии и академического легиона.

«Rada Narodowa», стремясь перетянуть на свою сторону как можно большее количество населения, в том числе крестьянство, планировала произвести отмену панщины. Но помещики, входившие в состав рады, не спешили с её отменой, надеясь получить компенсацию от правительства и крестьян за отказ от панщины. Галицкий губернатор Франц Стадион, хорошо знакомый с ситуацией в крае, решил вырвать этот козырь из рук польских политиков. Он убедил Вену произвести отмену панщины раньше, чем это сделают поляки, пробудив, таким образом, в крестьянских массах чувство благодарности по отношению к австрийским властям. Императорским указом от 22 апреля панщина в Галиции отменялась, что в остальных частях империи произошло на несколько месяцев позже. Цель, поставленная губернатором Галиции, была достигнута: «Украинские крестьяне с восторгом приветствовали манифест и клялись в верности цісареві» [2. С. 313]. Польским помещикам была обещана компенсация. Дата вступления в силу императорского указа об отмене панщины – 3 (15) мая – на долгие годы сделалась праздничным днем: «В память данной свободы 3 (15) мая 1848», и наш народ десятками лет праздновал годовщины отмены панщины-неволи...» [7. C. 313].

Польские националисты своей конечной целью видели возрождение Речи Посполитой в границах 1772 г. Однако большинство польских деятелей понимали недостижимость этой цели в текущей обстановке. Отсюда польские политики видели свою задачу в превращении Галиции в польскую национальную автономию. 18 марта 1848 г. шляхта и интеллигенция города Львова, возглавляемая польскими политиками Ф. Смолькой и Ф. Земялковским, направила петицию к императору, в которой нашли отражение устремления поляков к созданию автономии. Авторы петиции выступили за реорганизацию края, провозглашение равенства сословий перед законом, свободу совести, слова, создание краевого сейма и некоторые другие преобразования: «По существу "национальная реорганизация" (т.е. введение польского языка в школе, суде и администрации, удаление немецких чиновников, создание национальной гвардии и национальной армии и т.п.) означало предоставление Галиции национальной автономии, хотя национальный характер требований в адресе не акцентировался: речь шла о правах Галиции как провинции австрийской империи» [8. C. 225].

Русинов при этом авторы петиции, как и большинство польских политиков, считали частью польского народа, а русинский язык — диалектом польского языка. В своей аргументации польские национальные деятели часто прибегали к историческим аргументам, утверждая, что Речь Посполитая была общим отечеством для русинов и поляков и что за долгое время проживания в одном государстве они слились в один народ.

Русины, считавшие себя отдельным народом, 19 апреля направили свою петицию к императору. В ней содержались требования повсеместного использования русинского языка в системе образования в тех местностях, где русины составляют большинство: «Чтобы во всех народных школах, то есть в сельских, приходских, главных и окружных школах (училищах) тех округов Галиции, в которых население целиком или большею частью руськое, наука школьная преподавалась на руськом языке» [7. С. 17]. Авторы петиции также настаивали на переводе всех императорских и губернаторских указов на русинский язык, овладении русинским языком всеми чиновниками администрации, уравнивании в правах латинских католиков, грекокатоликов и православных. Эти требования нашли поддержку в лице императорской власти.

Для отстаивания прав русинов 2 мая во Львове была создана Головна Руська Рада. Члены новой организации собрались в зале Собора св. Юра, их было 66 человек. Участники собрания заявили, что их край никогда больше не должен входить в состав Польского государства. Среди делегатов рады преобладали представители духовенства, поэтому неудивительно, что во главе её был поставлен униатский епископ Григорий Яхимович.

По отношению к австрийской власти Головна Руська Рада заняла лояльную позицию. Так, уже на первом заседании рада призвала своих членов пребывать «во всякой верности к императорскому, царскому Величеству Фердинанду, конституционному Царю Галиции и Володимирии и к его Габсбургсколотарингским наследникам» [9. С. 1]. Это был логичный шаг, так как австрийские власти и галицкий губернатор Стадион, опасаясь угрозы со стороны польских революционеров, надеялись сыграть на национальных противоречиях в крае и поддерживали русинов.

8 мая 1848 г. рада приняла устав, в котором оговаривала условия членства: «членом собрания может быть каждый честный русин греческого обряда» [10. С. 21]. Русины, перешедшие в латинский обряд католической церкви, в раду не принимались, так как восточный обряд воспринимался как маркер, позволяющий отличить русина от поляка. Русин, отказавшийся от родного обряда, воспринимался как ополяченный национально несознательный человек.

Для распространения и донесения идей Головной Рады до населения во Львове была создана газета «Зоря Галиции», тираж которой составлял 4 тыс. экземпляров [11. С. 27]. В своем первом номере газета подчеркивала национальную самостоятельность русинов и их единство с малороссами Юга России: «Мы русины Галицкие принадлежим к великому руському

народу, который одним говорит языком и составляет 15 миллионов, из которых два с половиной миллиона проживают в Галиции» [7. С. 21].

Головна Руська Рада нашла широкую поддержку в провинции. В течение нескольких недель после организации головной рады во всей восточной Галиции было создано 50 местных рад [5. С. 35], подчиняющихся головной.

Обеспокоенные таким положением дел польские политики попытались расколоть русинское движение, способствуя организации пропольски настроенных русинов. 23 мая во Львове собрались представители шляхты и интеллигенции и образовали «Руський собор». Новая организация объявила именно себя представляющей интересы русинов. Во главе собора встали богатые магнаты Людвиг Сапега, Владимир Дидушицкий, Генрих Яблонский. Его члены провозгласили себя русинами польской нации (gente Rutheni natione Poloni) [11. С. 193]. Для пропаганды своих идей члены собора создали газету «Ruskyj Dnewnyk». «Руський собор не получил сколько-нибудь существенной поддержки среди населения края. Вышло всего девять номеров Ruskogo Dnewnyka, после чего газета закрылась. Единственным заметным успехом собора стал переход на его строну одного из лидеров руськой троицы Ивана Вагилевича.

В скором времени на заседаниях Головной рады прозвучала идея раздела Галиции на две провинции: «В отдел народности подан: концепт прошения о разделении Галиции на две провинции руську и мазурску (польскую. – Прим. авт.)» [12. С. 30]. Политические лидеры русинов, таким образом, фактически стремились к созданию национальной автономии. Поляки и пропольски настроенные русины из «Руського собора» выступали против раздела Галиции, считая, что это может привести к расколу польской нации.

В июне 1848 г. важным событием для всего австрийского славянства стал славянский конгресс, собравшийся в Праге. Конгресс ставил перед собой задачу способствовать единению славян с целью противостоять угрозе со стороны немецкого национализма. Галицию на конгрессе представляли три делегации от трех организаций — «Rady Narodowoj», «Руського собора» и «Головной руськой рады». Головну раду на конгрессе представляли Григорий Гинилевч, Иван Борискевич и Алексей Заклинский. Они попытались реализовать идею разделения Галиции на русинскую и польскую части. Поляки и делегаты от Руського собора выступили категорически против этой идеи. Тогда в качестве арбитра между конфликтующими сторонами выступили чехи.

После переговоров удалось достичь компромисса, суть которого заключалась в том, что русины отказывались от раздела Галиции, а поляки в свою очередь соглашались признать их самостоятельной нацией. Русинскому языку и культуре гарантировалось равноправие с польским языком и культурой. Русинам по соглашению также гарантировались равные с поляками возможности в вопросе занятия административных должностей. Однако вскоре 12 июня в Праге началось восстание. Съезд прекратил свою работу. В дальней-

шем условия польско-русинского соглашения не соблюдались обеими сторонами. Пражский съезд, тем не менее, сыграл определенную роль в борьбе русинов за свои интересы, так как позволил им выйти на международный уровень и заявить о своей национальной самобытности.

Весной—летом 1848 г. прошли выборы в первый австрийский парламент. За Галицией в парламенте было закреплено 108 мест. Русинам, однако, удалось провести только 35 своих депутатов, оставшиеся места достались полякам. По данным Левицкого, из выбранных в парламент депутатов 23 были селянами, 8 — священниками, 4 — представителями светской интеллигенции [7. С. 32]. Парламент собрался в Вене 10 июля. Из-за революционных событий в столице империи 22 июля парламент переехал в моравский город Кромерж.

На заседании парламента русинские депутаты поднимали в основном два вопроса: во-первых, о выкупе панщины, во-вторых, о разделе Галиции. Касаемо первого вопроса они хотели добиться безвозмездной отмены панщины. В этом своем устремлении депутаты-русины не имели успеха - парламент проголосовал за выплату компенсаций помещикам за их отказ от права на панщину. По второму вопросу депутаты-русины и их сторонники в Галиции организовали массовую компанию. Головна Руська Рада и её сторонники из числа униатского духовенства попытались мобилизовать население края в поддержку раздела Галиции. Им удалось собрать 200 тыс. подписей за раздел [5. С. 37]. Однако после нескольких месяцев дебатов и это предложение русинских политиков не смогло набрать большинства голосов в парламенте.

Решение о выплате компенсаций помещикам за отмену панщины разочаровало крестьянских депутатов. Некоторые из них попытались поднять крестьянские массы на борьбу под антипомещичьими лозунгами. Так, депутат парламента Лукьян Кобылица, вернувшись в родную Буковину, встал во главе крестьянского движения: «Из информации, которая до нас дошла, депутат рейхстага Лукьян Кобылица со своими местными единомышленниками распространял идею что доминии (феодальные владения. -Прим. авт.) прекратили существовать и что он получил от его величества императора распоряжение выбирать новых войтов и десятников, которые будут управлять без всякого вмешательства доминий» [13. C. 200]. В скором времени антифеодальное движение буковинских крестьян вылилось в восстание, охватившее в основном горные села Буковины. В следующем 1849 г. восстание крестьян было подавлено.

Октябрьское восстание в Вене привело к радикализации польского Национального движения в Галиции. 1–2 ноября Львов стал ареной боев между австрийскими войсками, национальной гвардией и академическим легионом. Национальная гвардия в Галиции, по существу, была польской, так как русины отказывались в неё вступать и добивались создания своей отдельной национальной гвардии. Восставшие ставили своей целью возрождение польского государства. Однако после артобстрела г. Львова 2 ноября восстание было быстро подавлено. По данным

М. Когутяка, «более 150 человек было убито и ранено» [7. С. 39–40]. В провинции вводилось чрезвычайное положение, гвардия была распущена, многие политические организации и все газеты были временно закрыты. «Rada Narodowa» прекратила свою деятельность.

Совсем по-другому в условиях обострения революции повели себя лидеры русинского движения. Головна Руська Рада продолжала занимать лояльную позицию по отношению к династии Габсбургов. Рада приветствовала победы австрийской армии в Италии знаменитым «Маршом Родецкого». В честь успехов в борьбе с итальянскими революционерами было решено устроить торжественное богослужение: «Чтобы был отслужен благодарственный молебен за победу в Италии, чтобы через Радецкого послать войнам нашим похвалу» [14. С. 53].

Рада поддержала также борьбу правительства с венгерской революцией. С этой целью было создано воинское подразделение, состоявшие из русинов, — батальон «руських стрільців». В этом подразделении служили около 1 400 человек, и оно принимало участие в подавлении венгерской революции. Однако стремление Головной рады создать на базе батальона национальную гвардию не нашло поддержки у правительства.

По мысли русинских политиков, все русинские земли должны были входить в состав одной провинции. Таким образом, от Венгрии следовало отделить Закарпатье, населенное русинами, которые страдали от венгерского национализма, не признававшего их национальную самобытность: «Читалось послание Рады Головной до русинов Угорских, что войска наши идут с Галиции до Венгрии, чтобы сопротивление их народа против мадьяризму подержать, пускай не станут войск наших по большей части русинов как неприятелей принимать» [15. С. 87]. После подавления революции в Венгрии батальон «руських стрільців» был распущен, а воссоединение Закарпатья с остальными русинскими землями не состоялось. Более того, раздробленность русинских земель усилилась в результате выделения Буковины в отдельный коронный край по октроированной (дарованной) конституции 1849 г. Несмотря на это, рада признала «дарованную» конституцию. В дальнейшем Головная рада постепенно сворачивала свою деятельность, пока в 1851 г. не была окончательно распущена. В том же году октроированная конституция была отменена, а абсолютистский режим был восстановлен.

Как видно из вышесказанного, сторонникам Головной рады не удалось достичь своих политических целей. Несколько более благоприятная для них ситуация сложилась в сфере культуры. Помимо введения русинского языка в школах в определенной степени культурным достижением стало открытие 13 сентября 1849 г. кафедры русинского языка и литературы при львовском университете. Во главе кафедры встал Я. Головацкий, который в том же году подготовил и издал свою «Грамматику руського языка», ставшую одним из первых учебных пособий по изучению русинского языка. В это время активно расширялась

русинская пресса. Помимо уже упоминавшейся выше газеты «Зоря Галиции» стали печататься еще несколько изданий: «С июля 1849 г. начал выходить официальный орган "Глицко-Руский вестник" под редакцией Николая Устиновича. Были основаны и начали выходить также газеты "Новины" и "Пчола"» [16. С. 38]. Во Львове и других городах стали открываться первые театры, в которых ставили спектакли на простом народном языке. В селах в это время появляются первые избы-читальни. Яков Головацкий в письме к российскому ученому О.М. Бодянському так охарактеризовал успехи русинского движения на ниве культуры: «В школе вводится руський язык. Молодёжь охотно берется за изучение руського языка... Всюду отзывается руськое слово и руський дух» [17. С. 401–402].

Одним из ключевых событий периода революции стал «собор руських ученых», проходивший с 19 по 26 октября 1848 г. На собрание во Львов съехались около 118 представителей духовенства и светской интеллигенции. Собор выступил за развитие литературы на основе народного языка: «...будем в письме держатся того языка каким говорит наш народ» [5. С. 39]. Среди решений собора заслуживает внимания также решение об открытии во Львове Народного дома и Галицко-руськой матицы. Первое учреждение - Народный дом - призвано было стать центром культурной жизни города. Его строительство, начавшееся только в 1851 г., завершилось в 1864 г. Глицкоруськая матица, основанная в том же 1848 г., была создана с целью издания дешевых книг, доступных для населения.

Для революций в Восточной Европе, по мнению Эзейнштада, характерна руководящая роль традиционных элит [1. С. 309], которые стремились играть руководящую роль в революционных преобразованиях. Для Галиции такими традиционными элитами были униатское духовенство для русинского движения и шляхта для польского национального движения. По результатам революции упомянутые группы сохранили ключевые позиции в крае. Таким образом, скольконибудь существенной смены элит, характерной для «чистых революций», не произошло. В политической сфере во всей империи Габсбургов после отмены конституции в 1851 г. произошла реставрация абсолютизма. Все «конституционные» достижения революции, таким образом, были пересмотрены, и говорить о каких-то существенных подвижках в политической сфере не приходится. Тем не менее чисто революционной чертой можно считать выход на политическую арену новой идеологии национализма, которая подразумевала «созидание нового национального политического центра и установление соответствующих границ» [1. С. 309]. Однако ни русинский ни польский национализм не смог реализовать свои устремления по созданию национальной автономии в рамках Галиции.

События в Галиции 1848–1849 гг., с точки зрения концепции Ш. Эйзенштада, являются характерным примером «нечистой» революции. В пользу этого заключения свидетельствует относительно малое количество революционного насилия, которое ограничилось лишь боями во Львове 1–2 ноября и локальным

крестьянским восстанием на Буковине. Все остальные революционные события проходили в форме написания петиций, парламентских дебатов, различного рода культурных мероприятий. Достижения революции в социально-экономической области свелись к отмене панщины, что, безусловно, являлось шагом на пути модернизации общества, однако к коренным переменам в социально-экономических отношениях это не

привело, так как шляхта во многом сохранила свою власть над крестьянством. Одним из немногих достижений революции, которое сохранилось и продолжило укрепляться в последующие годы, стала активизация культурной деятельности русинского движения. В этом смысле революция 1848 г. характеризуется наивысшим подъемом национального возрождения русинов Галиции первой половины XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Эйзенштад Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Пресс, 1999. 416 с.
- 2. Субтельный Орест. Украина: история. Либідь, 1994. 784 с.
- 3. Сухий О. Галичина: між сходом и захидом. Нариси Історії ХІХ початку ХХ ст. Львів, 1999. 226. с.
- 4. Возняк М. Як пробудилось українське народне життя в Галичині за Австрії. Львів, 1924. С. 180. URL: https://toloka.to/t64665
- 5. Кугутяк М. Галичина: сторінки історії. Івано-Франківськ, 1993. 200 с.
- 6. Франко І. Нарис Істрорії Українсько-руської літератури до 1890 р. Львов, 1910. 446 с.
- 7. Левицкий К. Історія політичної думки галицьких українців 1848–1914 г. Львів, 1926. 737 с. URL: https://toloka.to/t19508
- 8. Виноградов В.Н., Исламов Т.М. Европейские революции 1848 г. «Принцип национальности» в политике и идеологии. М.: Индрик, 2001. 456 с.
- 9. Заседанье первое. С. 1–18 // Головна Руська Рада 1848–1851. Протоколы Засідань і кнги кореспонденції / за ред. О. Турія. Львів, 2002. 270 с.
- Заседанье четверте. С. 21–22 // Головна Руська Рада 1848–1851. Протоколы Засідань і кнги кореспонденції / за ред. О. Турія. Львів, 2002.
 270 с.
- 11. Мудрий Мар'ян. Руський собор 1848 року: Історіографічний та джерелознавчий огляд // Вісник Львівского ун-ту. 2014. Вип. 8. С. 193–206. URL: http://library.franko.lviv.ua/bibl/images/Vudanna_WEB_pdf/1Visnuk_NB/2014_Vupysk_VIII/193-206.pdf
- 12. Заседанье дванайцяте. С. 30 // Головна Руська Рада 1848—1851. Протоколы Засідань і кнги кореспонденції / за ред. О. Турія. Львів, 2002. 270 с.
- 13. З повідомлення Буковинської обласної президії колминскому областному старості про антипоміщицьку агітацію Лукяна Кобилиці. С. 200 // Історія Ураінї Документы и матеріалы / уклад. В.Ю. Колол. Київ : Академія, 2002. 449 с.
- 14. Заседаніе 32-рое. С. 52-53 // Головна Руська Рада 1848—1851. Протоколы Засідань і кнги кореспонденції / за ред. О. Турія. Львів, 2002. 270 с.
- 15. Заседаніе 56-тое. С. 87 // Головна Руська Рада 1848—1851. Протоколы Засідань і кнги кореспонденції / за ред. О. Турія. Львів, 2002. 270 с.
- 16. Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX-XX вв. М., 2001. 201 с.
- 17. З листа Я.Ф. Головацького до О.М. Бодянського про ситуацію з українською мовою в Галичині (1849 р., квітня 9). С. 401–402 // Історія України: Хрестоматія / упоряд. В.М. Литвин. К. : Наук. думка, 2013. 1056 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 июля 2016 г.

THE REVOLUTION OF 1848 IN GALICIA IN THE CONCEPT OF S. EISENSTADT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 24–30.

DOI: 10.17223/15617793/410/4

Svetlana V. Arapina, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: arapina77@mail.ru **Anton D. Karin,** Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: donfernando.karin@yandex.ru **Keywords:** Galicia; revolution; Eisenstad; Rusyns; nationalism.

The article discusses the events of the revolution of 1848 in Eastern Galicia. The main attention is paid to the consideration of the progress and results of the revolution. The paper also presents a brief overview of the pre-revolutionary situation in the region, which highlighted the social and national background of the revolution. In the analysis of the revolutionary events in the region, the authors used the concept of the American and Israeli sociologist S. Eisenstadt proposed in his Revolution and Transformation of Societies. In his work, Eisenstadt divided the revolution into "clean" and "unclean" after giving a convincing justification of this classification and showing in detail the features typical in his view of the revolution of the both denoted types. The use of the above concepts allows a better assessment of the scale of the studied events. Insufficient coverage of the 1848 revolution in Galicia in the Russian historiography makes the research topic relevant. The events of 1848 became one of the key milestones in the history of the Rusyn revival in the first half of the 19th century. It stepped up until then a purely cultural Rusyn national movement and translated it to the political plane. In this period the first political organization of Rusyns, Golovna Ruska Rada, was created. However, the opposition of the Rusyn movement to Polish nationalism made it impossible to create a national autonomy that would unite all Rusyn lands. A change of the political elite, characteristic for "clean" revolutions, did not occur. Besides, the few political successes of the Rusyns were short-lived. They were all revised after the abolition of the Constitution of 1849 and the advent of "neoabsolutism". In addition to politics, the revolution initiated changes in the cultural sphere. Since that time, the development of the Rusyn language accelerated. The Rusyn language was actively used in newspapers, theatres and in the education system. The most important achievements of the Rusyn movement in the cultural sphere began: the founding of the Galician-Rusyn Matica, the construction of the People's House in Lviv, the opening of the Department of the Rusyn Language and Literature at Lviv University. According to the study, the authors come to a conclusion that the revolution in Galicia should be categorized as an "unclean" revolution. This conclusion is based on the fact that the absence of a significant and lasting political change is typical for revolutions of this type.

REFERENCES

1. Eisenstad, S. (1999) Revolyutsiya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsiy [Revolution and social transformation. Comparative Study of Civilizations]. Moscow: Press.

- 2. Subtel'nyy, O. (1994) Ukraina: istoriya [Ukraine: history]. Libid.
- 3. Sukhiy, O. (1999) *Galichina: mizh skhodom i zakhidom. Narisi Istorii XIX pochatku XX st.* [Galicia: between East and West. Essays on the History of the 19th early 20th centuries]. Lviv.
- 4. Voznyak, M. (1924) Yak probudilos' ukraïns'ke narodne zhittya v Galichini za Avstriï [As Ukrainian national life awakened in Galicia for Austria]. Lviv. [Online] Available from: https://toloka.to/t64665.
- 5. Kugutyak, M. (1993) Galichina: storinki istorii [Galicia: pages of history]. Ivano-Frankivsk.
- 6. Franko, I. (1910) Naris Istrorii Ukrains'ko-rus'koi literaturi do 1890 r. [Sketch of the History of Ukrainian-Russian literature to 1890]. Lvov.
- 7. Levitskiy, K. (1926) *Istoriya politichnoï dumki galits'kikh ukraïntsiv 1848–1914 g*. [The history of the political thought of Galician Ukrainians in 1848–1914]. Lviv. [Online] Available from: https://toloka.to/t19508.
- 8. Vinogradov, V.N. & Islamov, T.M. (2001) Evropeyskie revolyutsii 1848 g. "Printsip natsional nosti" v politike i ideologii [The European revolution of 1848. "The principle of nationality" in politics and ideology]. Moscow: Indrik.
- 9. Turiya, O. (ed.) (2002) Zasedan'e pervoe [Meeting One]. In: *Golovna Rus'ka Rada 1848–1851. Protokoly Zasidan' i kngi korespondentsii* [Home Rusyn Council 1848–1851. Minutes of meetings and correspondence books]. Lviv.
- 10. Turiya, O. (ed.) (2002) Zasedan'e chetverte [Meeting Four]. In: Golovna Rus'ka Rada 1848–1851. Protokoly Zasidan' i kngi korespondentsii [Home Rusyn Council 1848–1851. Minutes of meetings and correspondence books]. Lviv.
- 11. Mudryi M. (2014) The Ruthenian council of 1848: historiographic and source criticism overview. *Visnik L'vivskogo un-tu Visnyk of the Lviv University. Series Bibliol. Libr. Stud. Inform. Techn.* 8. pp. 193–206. [Online] Available from: http://library.franko.lviv.ua/bibl/images/Vudanna WEB pdf/1Visnuk NB/2014 Vupysk VIII/193-206.pdf. (In Ukrainian).
- 12. Turiya, O. (ed.) (2002) Zasedan'e dvanaytsyate [Meeting 12]. In: Golovna Rus'ka Rada 1848–1851. Protokoly Zasidan' i kngi korespondentsii [Home Rusyn Council 1848–1851. Minutes of meetings and correspondence books]. Lviv.
- 13. Kolol, V.Yu. (ed.) (2002) Z povidomlennya Bukovins'koï oblasnoï prezidiï kolminskomu oblastnomu starosti pro antipomishchits'ku agitatsiyu Lukyana Kobilitsi [Notification of Bukovina Regional Presidium to Kolmyn regional head on anti-landlord propaganda of Lukyan Kobylytsa]. In: *Istoriya Uraini*. *Dokumenty i materialy* [The history of Unkraine. Documents and materials]. Kyiv: Akademiya.
- 14. Turiya, O. (ed.) (2002) Zasedanie 32-roe [Meeting 32]. In: Golovna Rus'ka Rada 1848–1851. Protokoly Zasidan' i kngi korespondentsii [Home Rusyn Council 1848–1851. Minutes of meetings and correspondence books]. Lviv.
- 15. Turiya, O. (ed.) (2002) Zasedanie 56-toe [Meeting 56]. In: *Golovna Rus'ka Rada 1848–1851. Protokoly Zasidan' i kngi korespondentsii* [Home Rusyn Council 1848–1851. Minutes of meetings and correspondence books]. Lviv.
- 16. Pashaeva, N.M. (2001) Ocherki istorii russkogo dvizheniya v Galichine XIX–XX vv. [Essays on the history of the Russian movement in Galicia in the 19th–20th centuries]. Moscow: Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii.
- 17. Litvin, V.M. (ed.) (2013) Z lista Ya.F. Golovats'kogo do O.M. Bodyans'kogo pro situatsiyu z ukraïns'koyu movoyu v Galichini (1849 r., kvitnya 9) [A letter of J.F. Glovatskiy to O.M. Bodyanskiy on the situation with the Ukrainian language in Galicia (1849, April 9)]. In: *Istoriya Ukraïni: Khrestomatiya* [The history of Ukraine: Anthology]. Kyiv: Nauk. dumka

Received: 29 July 2016

УДК 94/99

Т.А. Ахмедов

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОКУРДСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИЕЙ НАРОДОВ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО БАРЬЕРА НА ВЫБОРАХ В ИЮНЕ 2015 г. В ТУРЦИИ: ПОБЕДА ИЛИ ПОРАЖЕНИЕ КУРДОВ?

Рассматриваются позитивные и негативные итоги преодоления прокурдской Демократической партией народов избирательного барьера на очередных выборах в парламент Турецкой Республики в июне 2015 г. как для самих курдов, так и для турецких властей. Раскрывается последовательность событий, приведших к назначению Президентом Турции Р. Эрдоганом повторных выборов. Анализируется совокупность факторов, в результате которых Демократическая партия народов по итогам повторных выборов потеряла часть мест в парламенте.

Ключевые слова: парламентские выборы в Турции; Демократическая партия народов; Северный Курдистан; избирательный барьер; президент Р. Эрдоган; Рабочая партия Курдистана; досрочные выборы.

После очередных выборов в парламент Турции в июне 2015 г. многие наблюдатели и политические обозреватели говорили, что прокурдская Демократическая партия народов (ДПН), которая смогла провести в Великое Национальное Собрании Турции (ВНСТ) своих представителей, была главным победителем выборов. Давайте всестороннее рассмотрим, является ли преодоление ДПН избирательного барьера на этих выборах победой курдов в Турции или, наоборот, это поражение в их борьбе за полноценные, а не мнимые, права курдов в Северном (Турецком) Курдистане.

С момента легализации курдской оппозиции в Турции в 1991 г. и до наших дней легальные курдские силы стремились к тому, чтобы быть представленными в ВНСТ и на парламентском уровне вести борьбу за права курдского меньшинства в стране. Между тем власти периодически преследовали прокурдские партии по подозрению в ограниченных связях с Рабочей партией Курдистана. Как правило, после выборов эти партии обвинялись в поддержке сепаратизма и терроризма, и в итоге их запрещал Суд государственной безопасности. На выборах, прошедших в июне 2015 г., объединившая прокурдские силы Демократическая партия народов наконец-то преодолела высокий избирательный барьер и оказалась в парламенте Турции. В ходе этих выборов основным соперником ДПН в курдских вилайетах страны была Партия справедливости и развития (ПСР), поддерживаемая Президентом Турции Р. Эрдоганом. В результате Демократическая партия народов набрала 13,12% голосов [1], и это позволило ей провести в ВНСТ 80 своих депутатов [2].

Итог выборов привел многих к осознанию того, что 10%-ный барьер, установленный в избирательной системе Турции в первую очередь для того, чтобы блокировать прохождение прокурдских сил в парламент, все-таки возможно преодолеть даже в условиях постоянного преследования курдских политических сил. Впервые в республиканский период истории Турции курдская политическая партия самостоятельно вошла в ВНСТ, изменив климат конституционного мироустройства Турции. Мировые новостные агентства наперебой сообщали о массовых уличных празднествах среди курдского населения [3]. Успех

ДПН выглядел особенно внушительно на фоне существенного падения результатов правящей Партии справедливости и развития. Курдские источники сообщали, что впервые с 2002 г. ПСР набрала не более 7% голосов от общего числа избирателей восточных и юго-восточных вилайетов [4. С. 1, 10–14]. Однако официальные итоги выборов свидетельствовали, что только в трех вилайетах из тех, где курды составляют большинство, ПСР получила от 8 до 10% голосов, в остальных же довольно уверенно набрала от 10 до 30% [5].

На первый взгляд, успех Демократической партии народов в июньских парламентских выборах в Турции дал сторонам предпосылки для дальнейшего разрешения курдского вопроса в стране политическим путем и мирного сосуществования в едином государстве. Однако с первых же дней турецкие власти начали использовать эту, с точки зрения политических перспектив, незначительную победу курдских сил в своих интересах. С одной стороны, турецкие власти получили возможность уверенно заявлять перед международным сообществом, что курдский вопрос в Турции успешно разрешается: курды активно принимают участие в политической жизни страны и уже представлены своей партией в парламенте. Однако в Турции есть проблема с курдским сепаратизмом и терроризмом, с которыми власти беспощадно борются. С другой стороны, турецкие власти по-прежнему подозревали Демократическую партию народов в ограниченных связях с запрещенной Рабочей партией Курдистана (РПК) и опасались, что через определенное время сама РПК под прикрытием легальных организаций сможет захватить власть во всех вилайетах с курдским населением.

Пропрезидентская Партия справедливости и развития по итогам выборов не смогла набрать необходимого количества голосов для получения парламентского большинства. А оно было необходимым условием, чтобы ПСР, в настоящее время возглавляемая Премьер-министром А. Давутоглу, могла сформировать правительство, не вступая в парламентскую коалицию. В результате партия Р. Эрдогана вынуждена была искать союзников. Однако коалиционное правительство существенно стеснило бы свободу действий правящей партии. При непартийном большинстве

президент Р. Эрдоган не смог бы в условиях обострения региональной и международной ситуации провести планируемые реформы, в частности проект новой Конституции, в соответствии с которым Турция превратилась бы из парламентской в президентскую республику. Можно сказать, что именно голоса курдских избирателей воспрепятствовали формированию правительства, которое служило бы в первую очередь политическим интересам президента Р. Эрдогана.

Турецкие власти, не достигшие компромисса в формировании коалиционного правительства, искали предлог для борьбы не только с запрещенными, но и с легальными курдскими политическим силами. Таким предлогом стал теракт в курдском городе Суруче 20 июля 2015 г. [6]. Официальное расследование установило, что теракт совершил смертник, завербованный Исламским государством (ИГ) [7], однако Рабочая партия Курдистана заявила, что теракт был организован совместно ИГ и турецкими спецслужбами, и 22 июля провела акт возмездия, убив двух турецких полицейских, подозреваемых в сотрудничестве с ИГ. В свою очередь, сопредседатель Демократической партии народов Селахаттин Демирташ сразу после теракта объявил, что ответственность за него в первую очередь лежит на турецком правительстве [8]. Это стало поводом для сворачивания ранее декларируемого Р. Эрдоганом «процесса решения» курдскотурецкого конфликта. В ходе начатой после теракта операции «Мученик Ялчин» турецкие ВВС нанесли авиаудары по базам РПК и других курдских сил в Северном Ираке.

Почему резкий скачок напряженности произошел именно в этот период времени? Это связано с рядом крайне негативных для турецких властей обстоятельств. Налицо раздражение правящей Партии справедливости и развития и лично Р. Эрдогана неудачной «пантюркской» политикой в Сирии и на всем Ближнем Востоке, в противоположность успешной реализации плана курдов (в лице Партии демократического союза) создать реальную автономию в Западном (Сирийском) Курдистане. Но особенно важен изменившийся баланс сил в самой Турции: в результате июньских выборов Партия справедливости и развития не получила абсолютного большинства в ВНСТ и оказалась не в состоянии сформировать правительство самостоятельно. Президент Р. Эрдоган в политическом отношении был ослаблен и вынужден был принимать во внимание мнение оппозиционных партий, в том числе вошедшей в парламент Демократической партии народов. Если вначале это был козырь в руках Анкары, то после того, как попытки сформировать парламентскую коалицию потерпели неудачу, стали автоматически срабатывать националистический рефлекс и «курдофобия» турецкой правящей элиты. Теперь, на волне открытой антикурдской политики Р. Эрдоган рассчитывал вытеснить Демократическую партию народов из парламента. Верховный суд Турции начал расследование в отношении ДПН и ее лидера Селахаттина Демирташа по обвинению в терроризме. В свою очередь, ДПН обвинила Президента Р. Эрдогана в раздувании конфликта, чтобы провести досрочные выборы и воспользоваться возможностью укрепить свою личную власть.

Сопредседатель ДПН С. Демирташ дал свою оценку политике Р. Эрдогана и ПСР: «Одна наша победа на июньских выборах перечеркнула 13-летнее монопартийное царствование правящей националистически-сектантской партии. Поэтому мы стали врагом, которого требовалось победить любой ценой. Президент Эрдоган ловко заблокировал формирование коалиционного правительства, объявил нас "террористами" сразу после выборов, окончательно свернул мирный процесс и вернул людей обратно в ужас гражданской войны 90-х. Мы были целью терроризма ИГИЛ <...> и с нами же обращались как с террористами. Турция, под прикрытием присоединения к анти-ИГИЛовской коалиции, начала бомбить РПК. Истинная цель, конечно же, заключалась в консолидации голосов националистов на ноябрьских внеочередных выборах. Это сработало» [9].

Таким образом, успех на выборах в июне 2015 г. для прокурдской Демократической партии народов не стал долгосрочным. Политические интересы и националистические амбиции Президента Р. Эрдогана привели к тому, что 20 августа 2015 г. он распустил парламент и назначил досрочные выборы в ВНСТ на 1 ноября 2015 г. [10].

В результате выборов в ноябре 2015 г. правящая Партия справедливости и развития смогла вернуть себе парламентское большинство, достаточное для формирования правительства, однако не набрала количества мест, которое позволило бы ей внести изменения в конституцию. Прокурдская Демократическая партии народов набрала 10,76% голосов, с трудом преодолев 10% барьер, и получила в итоге 59 мест в ВНСТ, потеряв по сравнению с июньскими выборами 21 место. Надежды националистически настроенных турецких элит на то, что прокурдские силы на фоне обострения отношения с Рабочей партией Курдистана не пройдут в парламент или, в крайнем случае, не наберут столько голосов, чтобы играть одну из ведущих ролей в парламенте страны, оправдались.

ЛИТЕРАТУРА

- Yüksek Seçim Kurulundan Duyuru // Yüksek Seçim Kurulu Başkanlığı. URL: http://www.ysk.gov.tr/ysk/content/conn/ YSKUCM/path/Contribution%20Folders/SecmenIslemleri/Secimler/2015MV/D.pdf
- 2. 25.Dönem Milletvekili Genel Seçimi sonucu // Yüksek Seçim Kurulu Başkanlığı. URL: http://www.ysk.gov.tr/ysk/content/conn/YSKUCM/path/Contribution%20Folders/SecmenIslemleri/Secimler/2015MV/E.pdf
- 3. Turkey election: ruling party loses majority as pro-Kurdish HDP gains seats // The Guardian. URL: http://www.theguardian.com/world/2015/jun/07/turkey-election-preliminary-results-erdogan-akp-party
- 4. Результаты голосования в областях и районах Северного Курдистана. Парламентские выборы в Турции и Северном Курдистане // Свободный Курдистан. Июнь 2015. С. 1, 10–12.
- 5. Türkiye Haziran 2015 Genel Seçimi Sonuçları // yenisafak.com. URL: http://www.yenisafak.com/secim-2015/secim-sonuclari

- 6. Добров Д. Турция в «Курдском капкане» // ИноСМИ.ru. URL: http://inosmi.ru/world/20150813/229613972.html?id
- 7. Suruc massacre: 'Turkish student' was suicide bomber // BBC News. URL: http://www.bbc.com/news/world-europe-33619043
- 8. Demirtaş: Saldırının birinci sorumlusu hükümettir // SiyasiHaber.org. URL: http://siyasihaber3.org/demirtas-saldirinin-birinci-sorumlusu-hukumettir#.Vaz58Zmcsso.facebook
- 9. Selahattin Demirtas: It is the Kurds', and Turkey's, democracy at stake // europe.newsweek.com. URL: http://europe.newsweek.com/selahattin-demirtas-it-kurds-and-turkeys-democracy-stake-434024?rm=eu
- 10. Агаев К. Досрочные выборы в Турции // glavcom.ua. URL: http://glavcom.ua/articles/32044.html

Статья представлена научной редакцией «История» 28 июля 2016 г.

SURPASSING THE ELECTORAL THRESHOLD BY THE PEOPLES' DEMOCRATIC PARTY IN THE TURKISH GENERAL ELECTION OF JUNE 2015: VICTORY OR LOSS FOR KURDS?

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 31–33.

DOI: 10.17223/15617793/410/5

Teub A. Akhmedov, Technical Institute (Branch) of North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov (Neryungri, Russian Federation). E-mail: RSevoi@yandex.ru

Keywords: Turkish general election; Peoples' Democratic Party; Northern Kurdistan; electoral threshold; President R. Erdoğan; Kurdistan Workers Party; snap elections.

This article examines the contradictory outcomes of the surpassing of the 10 % electoral threshold by the pro-Kurdish Peoples' Democratic Party (HDP) in the Turkish general election of June 2015. The importance of this research is due to the significance of the Kurdish issue in the domestic policy and foreign relations of the Republic of Turkey. For many years the Kurdish minority in Turkey struggled for being represented in Parliament and other political institutions. The 10 % electoral threshold in Turkey is one of the highest in the world and was admittedly adopted to prevent national minorities from gaining seats in the Grand National Assembly. In 2015, relying on the growing support, pro-Kurdish organizations united under umbrella of HDP as a national party and surpassed the threshold with a comfortable margin. HDP gained 80 seats in the Grand National Assembly and became an influential opposition force. This success was widely celebrated in the Kurdish districts. The aim of this article is to evaluate the long-term outcomes of the HDP's electoral success. The presence of HDP in Parliament gave an opportunity for Turkish officials to reject allegations of minorities' rights abuse. Also it interfered with President R. Erdoğan's intention to amend the Constitution to create a presidential rather than a parliamentarian system in Turkey. After failed efforts to form a parliamentary coalition, President R. Erdoğan called for new elections. The 25th Parliament of Turkey was the shortest in the Grand National Assembly's history, lasting for just five months. This article follows the trajectory of the events that caused the breakdown of the "solution process" between Turkey and Kurdish insurgents. Renewed clashes between the militant wing of the Kurdistan Workers' Party and the Turkish army led to the HDP marginalization, when it came under scrutiny and its co-chair S. Demirtas also came under investigation. This article reveals that one of the real aims of the anti-Kurdish hostility was to consolidate the nationalist votes for the November snap elections. In the Turkish general election of November 2015, the governing Justice and Development Party (AKP), backed by President R. Erdoğan, won the majority sufficient to form a single-party government. HDP barely surpassed the 10 % threshold with 10.76 % of the vote, and lost 21 seats in the Grand National Assembly. On the basis of the election results it can be concluded that the goal of the Turkish nationalist-oriented elites to decrease the power and influence of opposition was achieved.

REFERENCES

- Yüksek Seçim Kurulu Başkanlığı. (2015) Yüksek Seçim Kurulundan Duyuru [Announcement of the Supreme Election Board]. Yüksek Seçim Kurulundan Duyuru [Announcement of the Supreme Election Board]. Yüksek Seçim Kurulundan Duyuru [Announcement of the Supreme Election Board]. Yüksek Seçim Kurulundan Duyuru [Announcement of the Supreme Election Board]. Yüksek Seçim Kurulundan Duyuru [Announcement of the Supreme Election Board]. Yüksek Seçim Kurulundan Duyuru [Announcement of the Supreme Election Board]. Yüksek Seçim Kurulundan Duyuru [Announcement of the Supreme Election Board]. Yüksek Seçim Kurulundan Duyuru [Announcement of the Supreme Election Board]. Yüksek Seçim Kurulundan Duyuru [Announcement of the Supreme Election Board]. Yüksek Seçim Kurulundan Duyuru [Announcement of the Supreme Election Board]. Yüksek Seçim Kurulundan Duyuru [Announcement of the Supreme Election Board]. Yüksek Seçim Kurulundan Duyuru [Announcement of the Supreme Election Board]. Yüksek Seçim Kurulundan Duyuru [Announcement of the Supreme Election Board]. Yüksek Seçim Kurulundan Duyuru [Announcement of the Supreme Election Board]. Yüksek Seçim Kurulundan Duyuru [Announcement of the Supreme Election Board]. Yüksek Seçim Kurulundan Duyuru [Announcement of the Supreme Election Board]. Yüksek Seçim Kurulundan Duyuru [Announcement of the Supreme Election Board]. Yüksek Seçim Kurulundan Duyuru [Announcement of the Supreme Election Board]. Yüksek Seçim Kurulundan Duyuru [Announcement of the Supreme Election Board]. Yüksek Seçim Kurulundan Duyuru [Announcement of the Supreme Election Board]. Yüksek Seçim Kurulundan Duyuru [Announcement of the Supreme Election Board].
- Yüksek Seçim Kurulu Başkanlığı. (2015) 25.Dönem Milletvekili Genel Seçimi sonucu [25. Period General Election results]. Yüksek Seçim Kurulu Başkanlığı. [Online] Available from: http://www.ysk.gov.tr/ysk/content/conn/YSKUCM/path/ Contribution%20Folders/SecmenIslemleri/Secimler/2015MV/E.pdf.
- 3. The Guardian. (2015) Turkey election: ruling party loses majority as pro-Kurdish HDP gains seats. *The Guardian*. [Online] Available from: http://www.theguardian.com/world/2015/jun/ 07/turkey-election-preliminary-results-erdogan-akp-party.
- 4. Svobodnyy Kurdistan. (2015) Rezul'taty golosovaniya v oblastyakh i rayonakh Severnogo Kurdistana. Parlamentskie vybory v Turtsii i Severnom Kurdistane [The voting results in regions and districts of the Northern Kurdistan. Parliamentary elections in Turkey and Northern Kurdistan]. Svobodnyy Kurdistan. June. pp. 1, 10–12.
- 5. Yenisafak.com. (2015) Türkiye Haziran 2015 Genel Seçimi Sonuçları [Turkey June 2015 General Election Results]. *yenisafak.com*. [Online] Available from: http://www.yenisafak.com/secim-2015/secim-sonuclari.
- Dobrov, D. (2015) Turtsiya v "Kurdskom kapkane" [Turkey in the "Kurdish trap"]. *InoSMI.ru*. [Online] Available from: http://inosmi.ru/world/20150813/229613972.html?id.
- BBC News. (2015) Suruc massacre: 'Turkish student' was suicide bomber. BBC News. [Online] Available from: http://www.bbc.com/news/world-europe-33619043.
- 8. SiyasiHaber.org. (2015) Demirtaş: Saldırının birinci sorumlusu hükümettir. SiyasiHaber.org. [Online] Available from: http://siyasihaber3.org/demirtas-saldirinin-birinci-sorumlusu-hukumettir#.Vaz58Zmcsso.facebook.
- 9. Europe.newsweek.com. (2016) Selahattin Demirtas: It is the Kurds', and Turkey's, democracy at stake. *europe.newsweek.com*. [Online] Available from: http://europe.newsweek.com/selahattin-demirtas-it-kurds-and-turkeys-democracy-stake-434024?rm=eu.
- Agaev, K. (2015) Dosrochnye vybory v Turtsii [Early elections in Turkey]. glavcom.ua. [Online] Available from: http://glavcom.ua/ articles/32044.html.

Received: 28 July 2016

УДК 378.183(571.54)

А.З. Бадмаев

ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНСПЕКЦИИ В СТУДЕНЧЕСКИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОТРЯДАХ (НА ПРИМЕРЕ БУРЯТИИ)

Показано, как не новая идея общественного контроля, борьбы за качество выпускаемой продукции в деятельности студенческих строительных отрядов нашла воплощение в создании студенческой технической инспекции. Анализируется процесс формирования нового подразделения в составе ССО. Установлен первый состав инспекции. Исследуются особенности его повседневной деятельности. Оценены основные формы работы по обучению студентов технике безопасности в подготовительный период.

Ключевые слова: студенческие строительные отряды; техника безопасности; обучение; охрана труда; студенческая техническая инспекция.

На этапе становления студенческих строительных отрядов (ССО) в Бурятской АССР план подготовительного периода к летнему трудовому семестру в каждом вузе или техникуме обязательно включал цикл лекций и практические занятия по технике безопасности (ТБ). С августа 1969 г. стал ежегодно публиковаться приказ по областному штабу ССО, адресованный руководителям передвижных механических колонн, строительно-монтажных предприятий, хозяйств о принятии необходимых мер по пресечению случаев нарушения техники безопасности. Командирам ССО предписывалось принять экстренные меры по усилению контроля над соблюдением устава ССО, правил техники безопасности; обеспечить максимальную дисциплину; запретить выход на работу без предварительного инструктажа и подготовки рабочего места; запретить купание в не отведенных для этого местах. Обращалось внимание на личную недисциплинированность бойцов и безответственность руководителей отрядов [1. Л. 3]. В соответствии с постановлением центрального штаба ССО в процессе подготовки студентов к самостоятельному обращению со сложным техническим оборудованием и допуска к работе с ним неизменным стало проведение «недели техники безопасности» [2. Л. 100]. В республиканском ССО к 1970 г. объективно назрела необходимость создания инженерно-технической службы или инспекции труда. Нарастающие популярность и численность ССО, примкнувшие к вузовскому стройотрядовскому движению учащиеся техникумов, формирование специальных студенческих отрядов (лесосплавных, энергетиков, транспортных), связанные с этим возросшие требования и ответственность за здоровье и жизнь студентов, частая травматичность среди студентов, а порой и их гибель во время летнего трудового семестра обусловили повышенное внимание к ним областного штаба и оперативное принятие решения об организации технической инспекции ССО.

В апреле 1970 г. (в разгар подготовительного периода) вопрос о необходимости создания студенческой технической инспекции был включен в повестку дня на областном семинаре командиров и комиссаров студотрядов республики. 5 мая состоялось совещание с участием руководителей строительных организаций и учебных заведений, на котором обсуждался порядок формирования техинспекции [3. Л. 2]. Ректоратам, дирекциям техникумов в соответствии с планом ком-

плектования новой службы были направлены предложения: до 15 мая осуществить подбор наиболее подготовленных и грамотных студентов для работы в инспекции. Призыв областного штаба ССО представителями вузов и техникума не был услышан и подбор кандидатов в техническую инспекцию затянулся. В некоторых учебных заведениях (Восточно-Сибирский технологический институт, БГПИ им. Д. Банзарова, электротехникум связи) подбор кандидатов был осуществлен формально: из 13 человек, рекомендованных для технической инспекции, только 7 соответствовали заявленным требованиям. О серьезности подхода к выбору кандидатур, которые будут обеспечивать соблюдение правил техники безопасности и условий труда на производстве и в быту, в целом безопасность жизнедеятельности отрядов на объектах, свидетельствуют скупые биографические данные кандидатов – 6 мужчин и 1 девушки [3. Л. 14].

Во-первых, это были не юнцы, год рождения которых варьировался от 1932 до 1948 г. (из 7 только 4 человека являлись студентами). Несложный подсчет (самому старшему кандидату было 38 лет, самым молодым — 22 и 23 года) позволяет утверждать, что рекомендованные люди в подавляющем большинстве имели жизненный и, возможно, армейский опыт.

Во-вторых, об их становлении говорит солидное резюме: 2 коммуниста, 1 кандидат в члены КПСС, 2 комсомольца. Самый старший в этой команде В.Н. Шадонов (38 лет) являлся инженером-технологом машиностроения в авиатехникуме и в учебном заведении был ответственным за производственную практику, имел опыт работы командиром ССО. А.И. Черняев (33 года) был студентом лесотехнического техникума, В.А. Семенов (29 лет) работал в должности преподавателя физической культуры и был рекомендован кандидатом в члены КПСС. Коммунисты: секретарь комсомольской организации индустриально-педагогического техникума Ю. Иванов (25 лет) и студент III курса ВСТИ Н.С. Макуха (23 года). Все кандидаты имели опыт и стаж работы в ССО от года до трех лет. Они прошли трехдневный курс обучения и сдали экзамены. Технические инспекторы вошли в состав формирующейся инженерно-технической службы Бурятского областного штаба ССО. Новое подразделение возглавил главный инженер областного студенческого строительного отряда 3.Р. Карпиеня (инженер-строитель). Ему подчинялись инженер по технике безопасности Ветошников, инженер по снабжению В. Хоженоев (студент IV курса ВСТИ), технические инспекторы, общественные инспекторы из отрядных студентов [4. Л. 4].

На заседаниях областного штаба ССО были трижды поставлены вопросы практической организации обучения всего личного состава ССО технике безопасности. 11 апреля состоялось совещание группы инженеров и командиров объединенных отрядов. Обсуждался вопрос об организации учебы по ТБ всех членов ССО. Штабам, формирующим отряды, были даны инструкции по организации учебы бойцов. В середине апреля началась разъяснительная работа среди руководителей ССО, мастеров, бригадиров, студентов-отрядников [Там же. Л. 4-5]. Для специальных отрядов (лесосплавных, энергетиков, транспортных) программы обучения были переработаны с учетом специфики их деятельности. Строительные организации (тресты) и ведомства проявили активную заинтересованность и с готовностью выделили по разнарядке инженеров для обучения членов ССО. Обучение технике безопасности приобретало массовый характер. Программа обучения включала четыре раздела: общие вопросы по культуре производства и безопасности труда; техника безопасности; техника безопасности в стройотрядах; промышленная санитария [3. Л. 21-23]. В подготовке будущих техинспекторов и членов ССО было задействовано 23 лектора от 15 организаций: главные и старшие инженеры (18 чел.) – представители строительных трестов и ведомств, 5 преподавателей технических дисциплин [3. Л. 17]. Статус экзаменационной комиссии по технике безопасности также был достаточно высок. В ее работе участвовали 2 технических инспектора областных советов профсоюзов строительных рабочих и рабочих лесопромышленности Бычков и Ю.М. Кривошеин и 5 инженеров из строительных организаций. Старшие инженеры Ю.Я. Габрусевич (трест «Бурводстрой») и М.Б. Сотнич («Мехколонны-56) были отмечены областным штабом как преподаватели, обеспечившие активное и четкое проведение учебы по технике безопасности [5. Л. 5].

Вместе с тем областной штаб ССО столкнулся с проблемой будущего трудоустройства технических инспекторов. Во-первых, отсутствовали вакансии для новой единицы в штате строительных организаций. Во-вторых, в некоторых трестах и строительных управлениях должность техинспектора не «дотягивала» до контрольных цифр необходимого количества студентов-строителей [3. Л. 2]. Также выяснилось, что часть учебных заведений приняла завышенные показатели по обучению студентов технике безопасности или пыталась организовать учебный процесс за один день перед началом трудового семестра (табл. 1). Областной штаб счел такую практику неприемлемой.

Таблица 1

VivoSvivo apparative de marinario como como vivo apparativ	Сроки проведения обучения		Число бойцов, обучающихся ТБ	
Учебные заведения, формирующие строительные отряды	по плану	фактически	по плану	фактически
Восточно-Сибирский технологический институт	3-30 мая	10 мая – 19 июня	850	805
Восточно-Сибирский государственный институт культуры	11-30 мая	20 июня – 10 июля	110	80
Бурятский государственный педагогический институт им. Д. Банзарова	4–15 мая	15 мая – 25 июня	380	260
Бурятский государственный сельскохозяйственный институт	11-30 мая	Не было	150	-
Индустриально-педагогический техникум	4-30 мая	Май	205	205
Электротехникум связи	15 мая – 10 июня	Июнь	180	110
Железнодорожный техникум	15-30 мая	Июнь	150	140
Авиационный техникум	11-25 мая	10-20 мая	175	175
Сельскохозяйственный техникум	15-30 мая	Июнь	150	110
Лесотехнический техникум	-	Май	165	125
Улан-Удэнский индустриальный техникум	4-20 мая	Май	30	30
Селенгинский индустриальный техникум	4-25 мая	Июнь	100	70
Иволгинский гидромелиоративный техникум	15-30 мая	Июнь	90	50
Итого:			2 735	2 190

Источник: [3. Л. 20].

Наиболее организованно и оперативно прошла учеба в авиационном техникуме, отрядах «Энергия» ВСТИ. В дальнейшем бойцы этих отрядов на местах дислокации оправдали ожидания областного штаба ССО, показали пример высокой дисциплины и серьезного подхода в организации работ. Однако в целом уровень организации учебы по технике безопасности в ряде студенческих отрядов областным штабом был признан неудовлетворительным. Слабая организованность отрядов на подготовительном этапе отрицательно отразилась на их работе в трудовом семестре. Такими отрядами оказались «Котокель», «Исинга» (ВСТИ), «Старт» (БГПИ), «Строитель» железнодорожного техникума, отряды Иволгинского мелиоративного техникума [5. Л. 6].

Центральный штаб ССО к началу подготовительного периода снабдил областной штаб печатными материалами по технике безопасности. В апреле, к началу работы областного семинара командиров и комиссаров ССО, были подготовлены папки и материалы для его участников: «Охрана труда и ТБ», памятка «Береги свою жизнь», инструкция по организации обучения ТБ и порядок проведения экзамена по ТБ в студстройотряде, положения об общественном и техническом инспекторах. В республиканской типографии были заказаны и отпечатаны три тысячи талонов ТБ (разрешение студенту для зачисления в отряд после сдачи экзамена по ТБ). Все районные штабы ССО получили талонную продукцию. Студенческим техинспекторам были вручены: а) Положение об об-

щественном и техническом инспекторах; б) бланки «Протокола о несчастном случае»; в) бланки «Предписания». Преподаватели и подготовительные штабы отрядов получили программы занятий по ТБ [3. Л. 4].

Был опубликован перечень рабочих профессий, предусматривающий повышенные требования по технике безопасности, специальное обучение, испытание и выдачу спецудостоверения на право управления техникой и право производства работ [Там же. Л. 26]. К примеру, перечень включал следующие специальности: монтажники конструкций (верхолазы), слесари-монтажники, кислотоупорщики, трубоклады, изолировщики, маляры (использующие материалы с токоператоры сичными свойствами), строительномонтажного пистолета, работники (применяющие радиоактивные вещества, бензин), землекопы, кровельщики, транспортные рабочие, плотники (занятые пропиткой древесины антисептическими и огнезащитными составами) и др.

Обращает на себя внимание тот факт, что содержательная часть протокола о несчастном случае включала подробный механизм рассмотрения произошедшего. Он состоял из следующих пунктов: информация мастера о несчастном случае; причины; виновные лица в произошедшем, по мнению докладчика; объяснения пострадавшего, очевидцев; принятие постановления с указанием причин несчастного случая и рекомендуемых мероприятий [Там же. Л. 32-33]. Следует признать, что в изданных приказах и директивах областного штаба ССО, различных ведомств карательный намек в тексте протокольных бланков указывал на высокую степень ответственности и дисциплины всех участников трудового семестра. Но это не застраховало повседневную деятельность отрядов от проявлений халатности и банальной невнимательности. Уже в ближайшей перспективе они обернулись трагедиями и травмами.

Областной штаб обеспечил безопасную перевозку автотранспортом 95% личного состава стройотрядов на места дислокации. Технические инспекторы приступили к текущей проверке объектов ССО. За свой первый рабочий период в июле-августе студенческая техническая инспекция провела 53 тщательные проверки соблюдения правил охраны труда и ТБ в студстройотрядах. Принципиальность и профессионализм в контроле правил по охране труда и за соблюдением мер по технике безопасности проявили инспекторы-студенты Н. Тихонова (индустриальнопедагогический техникум), А. Михайлов (БГПИ). При наличии нарушений технические инспекторы не ограничивались формальным указанием на недостатки, а в большинстве случаев добивались их немедленного устранения [5. Л. 6].

В совхозе «Большелугский» (Кяхтинский район) студенты перед началом работ на строительном объекте не были проинструктированы прорабом ответственной организации. Инструктаж провел командир отряда на неудовлетворительном уровне, так как сам был недостаточно подготовлен в вопросах ТБ. На объекте «Сельсовет» в Дондо-Кирети Бичурского района подмости для студенток-отделочниц не отвечали техническим требованиям. По договорным обя-

зательствам за устройство подмостей отвечал заказчик студотряда «Бичурская строительная организация». Предписание студенческого техинспектора Н. Тихоновой устранить недостатки заказчик проигнорировал. Руководство Байкальской лесоперевалочной базы не проявляло особого рвения в создании безопасных условий жизнедеятельности строительного отряда. Техинспектор А. Черняев обнаружил ряд неисправностей в механизмах, с которыми работали студенты лесотехникума. Мастер-руководитель лесоперевалочных работ после указаний техинспектора частично устранил неисправности.

Характерно, что почти все закрепленные за студенческими отрядами мастера не имели заключенных договоров с областным штабом ССО. Они не стремились ознакомить бойцов отрядов с дополнительными условиями, связанными со спецификой их работы. Основные требования к обеспечению безопасности студентов-строи-телей не выполнялись. Допустимо предположить, что мастера просто руководствовались принципом «делай, как я», считая соблюдение студентами элементарных мер техники безопасности само собой разумеющимся. В 36 отрядах студенты на строящихся объектах были вынуждены заниматься транспортировкой стройматериалов или подготовкой древесины к переработке на пилорамах. Строительство 6 объектов было связано с демонтажем и переносом сооружений. Руководство совхозов и колхозов, где были задействованы студенты индустриально-педагогического техникума, явно недооценивало бойцов ССО, имеющих 4-5-й разряды специалистов и опыт строительных работ. Во всех отрядах в жаркую погоду фиксировались нарушения требований к рабочей экипировке. Юноши работали в плавках, девушки зачастую находились на объектах в босоножках. Это распространенное явление способствовало увеличению случаев мелкого травматизма. К примеру, в отряде «Прометей» ВСТИ студент поранил оголенную (не обутую в сапог) ногу топором. При подготовке студентов, управляющих бетономешалками, транспортерами, ответственные лица ограничились инструктажем без соответствующего экзамена и выдачи удостоверения машиниста, подтверждающего допуск к работе с техникой [3. Л. 4-5].

Почти во всех отрядах по требованию командиров были проведены текущие инструктажи и собрания, на которых был установлен жесткий распорядок дня. До бойцов были доведены требования по перевозке студентов. В отрядах «Романтик», «Байкал», «Транспорт-1», «Транспорт-2», «Амалат» были строго распределены места и установлен порядок купания. Техническая инспекция обратила внимание на тот факт, что некоторые командиры и бригадиры не прониклись ответственностью за жизни стройотрядовцев, и их требовательность к созданию безопасных условий труда для членов отряда была на недостаточном уровне. Так, в отряде «Бригантина» в связи с отсутствием автокрана приспособили экскаватор для укладки железобетонных плит в каналах оросительных систем. В отряде «Математик», занятом на строительстве грязелечебницы в Киране (Кяхтинский район), установленные трапы не отвечали требованиям: были узкими, не имели ограждений.

Фиксировались не единичные случаи, когда руководители отрядов не проверяли документы об исправности транспорта, о квалификации водителей [3. Л. 6]. В отряде «Энергия-2» автомобиль, предназначенный для перевозки бойцов, не был полностью оборудован. Инспектор Н. Макуха дал предписание мастеру участка, и оборудование машины привели в соответствие с правилами безопасной перевозки людей. На объекте отряда «Романтик» (авиатехникум) подъемник «Пионер» был установлен на краю чердачного перекрытия и не имел ограждения. По требованию студинспектора ограждение соорудили. Бойцы отряда «Прометей», работающие на кирпичном заводе, превышали нормы переноски тяжестей. Инспектор В. Шадонов провел разъяснительную беседу со студентами, добился снижения веса переносимых тяжестей до нормативов. В целом правила ТБ в студотрядах соблюдались. В необходимых случаях было выдано 6 предписаний мастерам и командирам. Нарушения правил ТБ и охраны труда были обнаружены в 16 из 83 действующих отрядов. После проверки всех отрядов студенческие технические инспекторы на отрядных собраниях обсуждали случаи тяжелого травматизма в областном отряде. Дополнительно разъясняли правила охраны труда и техники безопасности. В этом отношении особенную активность проявили техинспекторы Н. Тихонова и В. Шадонов [Там же. Л. 8].

Общим недостатком всех организаций (особенно колхозов и совхозов) являлось отсутствие на объектах иллюстративного материала по технике безопасности: плакатов, объявлений, предупредительных надписей. Как выяснилось, плакатами и инструкциями по ТБ и производственной санитарии областной штаб не рас-

полагал. 74 отряда из 83 были снабжены требованиями и памяткой «Береги свою жизнь!». В строительных организациях плохо было поставлено снабжение отрядов материалами по ТБ. Только в 12 отрядах имелись памятки, листки, плакаты по ТБ. В число обеспеченных плакатными наборами попали отряды, работавшие в системе Бурятского управления строительства треста «Бурятцелинстрой» и «Мехколонны-56». Наилучшим образом, по оценке технической инспекции и областного штаба, охрана правил труда и техники безопасности пропагандировалась в отрядах «Энергия-1», «Энергия-2», работающих в «Мехколонне-56». Инженер по ТБ тов. М. Сотнич провел «Неделю по ТБ», оборудовал стенды ТБ в каждом из отрядов «Энергия» [3. Л. 6].

Представленные в табл. 2 данные отражают нормированность рабочего дня (продолжительность рабочей смены), установленную в студенческих отрядах. Видно, что в отрядах, занимающихся транспортным строительством, лесосплавом, обработкой рыбы и шерсти, рабочий день не превышал 8 часов. Студенты-энергетики ежедневно работали около 10 часов. Наиболее продолжительный рабочий день был характерен для 11 отрядов, выполняющих плотничные работы. Строительство деревянных жилых домов, кошар ежедневно занимало около 11-12 часов. Сказывались невысокая производительность труда, обусловленная низким уровнем механизации сельского строительства, громоздкость поставленных задач на селе (без учета реальной обстановки и численности отрядов) и неравномерное снабжение объектов строительными материалами.

Таблица 2

Характер основных работ по студотряду	8-часовой (стандартный) рабочий день		9-10-часовой рабочий день		11–12-часовой рабочий день	
	Кол-во отрядов	Кол-во бойцов	Кол-во отрядов	Кол-во бойцов	Кол-во отрядов	Кол-во бойцов
Транспортные работы	9	412	_		_	
Строительство ЛЭП, линий связи	-	_	8	258	-	_
Плотничные, бетонные, отделочные работы	12	330	36	1249	11	215
Обработка рыбы, обработка шерсти	4	125	-		-	
Лесосплавные работы	3	146	-		-	
Итого	28	1013	44	1507	11	215

Источник: [3. Л. 7].

Следует отметить, что бойцы этих (с самым длинным рабочим циклом) стройотрядов самостоятельно установили продолжительность рабочего дня и техническая инспекция, по всей видимости, не увидела возражения несоблюдением режима. Кроме молодежного энтузиазма не последним доводом являлось стремление студентов при эффективном использовании светового дня максимально заработать.

Соблюдение правил техники безопасности в 2 из 7 студотрядов, действующих в системе комбината «Забайкаллес», контролировал техинспектор областного профсоюза рабочих лесной промышленности И.А. Сикерин. За рабочий период только один отряд был проверен техинспектором Бычковым от профсоюза рабочих строительства. Вместе с тем отмечалось, что контакт между областным штабом ССО и област-

ным советом профсоюзов не был установлен. Областной штаб не проявил должной настойчивости в организации проверки строительных отрядов техническими инспекторами от профсоюзов. Но все строительные организации, принимающие студенческие отряды, обеспечили обязательное проведение инструктажа по технике безопасности. Несмотря на возросшую посещаемость студенческих отрядов инженерами по ТБ из разных строительных подразделений, некоторые нарушения на объектах имели устойчивый характер. К примеру, при копке котлована с вертикальными стенками не применялись технологии раскрепления стенок. Трапы, настилы лесов по ширине и ограждению не отвечали правилам безопасного ведения работ. Техническая инспекция зачастую упускала эти нарушения. Бытовые условия на некоторых объектах не отвечали установленным нормам: 530 стройотрядовцев проживали в палатках. В свою очередь, это отражалось на здоровье бойцов областного отряда (имели место простудные заболевания, кожные воспаления и др.) и временных простоях. Из спецодежды многие бойцы ССО получили только верхонки. Студенты-строители ЛЭП были дополнительно экипированы сапогами и куртками. В 19 специальных отрядах (лесосплавные, энергетиков, строителей железных дорог) соблюдение правил техники безопасности при проведении работ не вызывала нареканий. Для наблюдения за бригадами студентов были прикреплены опытные рабочие, бойцы постоянно инструктировались мастерами и бригадирами. Единственное нарушение, зафиксированное у лесосплавщиков, коснулось неисправности багров [3. Л. 8–10].

В республике в 1965-1966 гг. в составе Улан-Удэнской механизированной колонны-56 работал студенческий отряд «Энергия» Московского энергетического института. В 1967 г. к ним примкнул местный отряд «Энергия» (ВСТИ). На строительные объекты «Мехколонны-56» ежегодно стали прибывать студенческие отряды общей численностью 200 человек. В 1970 г. в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР (от 26 мая 1970 г. № 483) и решением секретариата ЦК ВЛКСМ (от 3 ноября 1969 г.) на строительные объекты Министерства энергетики и электрификации СССР были направлены студенческие строительные отряды общей численностью свыше 20 тысяч человек. В стране в организациях «Главсельэлектросетьстроя» на строительстве сельских электросетей работали студенческие строительные отряды общей численностью около 10 тысяч человек. На объекты строительства «Мехколонны-56» прибыли 146 бойцов студотрядов «Энергия-70» (ВСТИ) и «Кабель-70» Бурятского сельскохозяйственного техникума [5. Л. 20]. Строительно-монтажные работы по сооружению высоковольтных линий сопряжены с серьезным риском для здоровья и жизни исполнителя. Поэтому в подготовительный период отдел техники безопасности «Мехколонны-56» уделял большое внимание обучению и инструктажу студентов. До прибытия отрядов на объекты строительства в аудиториях учебных учреждений проводились занятия со студентами по специально разработанной программе обучения с последующим принятием зачетов по технике безопасности. По прибытии на место дислокации со всеми студентами инженером по ТБ был проведен вводный инструктаж, который дополнялся демонстрацией целевых кинофильмов по ТБ (что тогда было редким явлением). Для лучшего усвоения наглядной агитации по вопросам техники безопасности отрядам выделили плакаты, памятки по ТБ, оформили уголки по ТБ в группах. Начальники участков, прорабы, мастера, бригадиры провели производственный инструктаж непосредственно на рабочем месте. Ими была осуществлена демонстрация безопасных приемов в работе при соблюдении технических правил и норм, учитывая каждое изменение в характере выполняемых работ [5. Л. 21].

Необходимо отметить, что работа студотрядов на объектах «Мехколонны» была сопряжена с преодоле-

нием горных участков местности, покрытых густым лесным массивом. Бойцы отряда «Энергия-1» в Окинском районе Бурятии столкнулись с неоднократными переходами бурных потоков горных рек. На местности они были ограничены в применении средств механизации, многие виды работ, особенно связанные со скальным грунтом и болотистой местностью, приходилось выполнять вручную. С не меньшими трудностями боролся и отряд «Энергия-2» в Хоринском районе республики. Как выяснилось, многие студенты не имели производственного опыта и качественной подготовки (не знали элементарных правил техники безопасности), несмотря на обучение в вузе. И все же отряды энергетиков выполнили повышенный объем работ на сумму 210 тыс. рублей. Этому способствовал четкий контроль производства работ, охраны труда, налаженный инженерами «Мехколонны-56». Руководство «Мехколонны-56» укомплектовало студенчеопытными электромонтажникамиотряды бригадирами, звеньевыми, которые обеспечивали технический контроль производства работ студентами и несли персональную ответственность за соблюдение правил техники безопасности. Нарушения, допущенные в ходе строительно-монтажных работ, в тот же день обсуждались трудовым коллективом в бригадах и отрядах. С целью тщательной проверки технического состояние машин и механизмов, грузоподъемных средств и приспособлений, инструментов, соблюдения правил техники безопасности, состояния дисциплины и условий студенческого быта осуществлялась однодневная остановка (день прекращения работ) студенческих стройотрядов. Во время остановки отрядов проводились внеочередные инструктажи с разбором несчастных случаев, зафиксированные в областном отряде. Качественные усилия руководства «Мехколонны» в организации и устройстве быта студентов, в обеспечении их продуктами питания, постельными принадлежностями, культурным и спортивным инвентарем также способствовали минимизации рисков на производстве. На подведомственных строительных объектах на протяжении нескольких лет бойцы ССО в составе «Мехколонны» не допустили ни одного несчастного случая [5. Л. 22]. Существенную помощь в обеспечении безопасных условий производства работ, перевозок студентов оказал представитель главка «Главсельэлектросетьстрой» Чеблаков. Он проверил состояние техники безопасности в отрядах, работающих на электрификации объектов [3. Л. 8].

В 1970 г. в летнем трудовом семестре студенты стройотрядов получили 124 травмы. 32 случая были связаны с потерей трудоспособности. Тот год для студенческих отрядов был омрачен трагическими событиями. Произошли 2 смертельных случая в отрядах «Елочка» ВСТИ (с. Леоновка Кижингинского района) и «Колос» БГСХИ (с. Мухоршибирь), связанных с дорожно-транспортными происшествиями. В первом случае причиной трагических событий стало нарушение правил дорожного движения водителем грузовика, протаранившим мотоцикл с двумя представителями ССО и мастером участка. Во втором случае при транспортировке песка из карьера на объект автомо-

биль потерял управление из-за неисправности рулевого механизма. Машина опрокинулась, и два студента, находящихся в кузове, получили травмы (один смертельные). Анализ травматизма личного состава ССО за этот период позволил установить основные его причины, которые носили в большей степени производственный характер [6. Л. 4, 15; 18–19]. Показательно, что и за летний семестр 1971 г. бойцы ССО получили 162 травмы, 35 из них были связаны с потерей трудоспособности. Подавляющие цифры – 3/4 от общего количества травм - носили производственный характер, что объяснялось незнанием элементарных правил техники безопасности, пренебрежительным отношением к изучению этих правил, восприятием их как формальности [7. Л. 6]. В этой связи был издан приказ «О мерах по усилению контроля за выполнением правил техники безопасности», доведенный до всех отрядов. Практически на каждом итоговом республиканском слете ССО звучали серьезные рекомендации всем заинтересованным ведомствам по усилению профессиональной подготовки юношей и девушек, акцентировалось внимание на их обучении технике безопасности.

По каждому случаю серьезного травматизма или гибели бойца отряда областной штаб принимал предупредительные меры. На место трагического происшествия (с. Леоновка) выехали секретарь областного комитета ВЛКСМ В. Подлеснов и главный инженер областного штаба ССО. До всех студенческих отрядов был немедленно доведен приказ № 1 (от 23 июля 1970 г.) по соблюдению правил техники безопасности. Дополнительно были высланы «Требования к командиру, комиссару и мастеру отряда», памятки «Береги свою жизнь!», нормы выдачи инструментов, перечень особо опасных работ. Приказ № 2 (от 14 августа 1970 г.) по технике безопасности был опубликован в связи со вторым трагическим случаем. В адрес организаций, курировавших отряды, поступили телеграммы о трагическом случае, были переданы рекомендации о проведении дня остановки отрядов. Всем районным комитетам ВЛКСМ было рекомендовано способствовать студенческим отрядам в проведении мероприятий по технике безопасности. Технические инспекторы получили задание обсудить приказ на собраниях проверяемых отрядов и организовать проведение дня остановки. В результате произошедшие в областном отряде несчастные случаи были обсуждены на отрядных собраниях, бойцы ССО проработали памятку «Береги свою жизнь!». В 65 отрядах был проведен день остановки отрядов, 7 отрядов не получили распоряжение о проведении дня остановки, 11 отрядов выехали с мест дислокации до выхода распоряжения [3. Л. 6].

Ведомства также отреагировали на трагические события, произошедшие в областном ССО. Комбинат «Забайкаллес» представил справку о мерах, принимавшихся для обеспечения безопасности работ ССО (от 2 сентября 1970 г.). В ней сообщалось, что до начала трудового семестра руководителям предприятий было дано специальное указание (письмо от 16 июня 1970 г. № 15-3) с каждым бойцом ССО про-

вести документированный инструктаж. Наличие у студента талона по технике безопасности не влияло на проведение инструктажа. Предписывалось установить постоянный квалифицированный технический надзор за работой и выполнением студентами отрядов безопасных приемов труда [Там же. Л. 35]. После несчастного случая в Хандагатайском леспромхозе, повлекшего смерть студентки, вышел приказ комбината (от 7 августа № 128). Он был разослан всем предприятиям для обсуждения обстоятельств и причин несчастного случая в студенческих отрядах. Всем руководителям предприятий было предложено принять меры, исключающие использование личного транспорта с нарушением правил перевозки рабочих (студентов) к месту работы и обратно. Материал по несчастному случаю с заключением технической инспекции был передан в следственные органы для привлечения виновных лиц к ответственности. Водитель автомобиля «Сельхозтехника» Сивко, виновный в столкновении с мотоциклом (где находились мастер и студентки), был привлечен к уголовной ответственности. Мастеру Витошникову, получившему тяжелую травму в дорожно-транспортном происшествии, обвинение на тот момент предъявлено не было [Там же. Л. 36]. Работники комбината «Забайкаллес» взяли на контроль условия работы стройотрядовцев на лесосплавных работах в Удинской сплавной конторе и Хандагатайском леспромхозе.

По второму несчастному случаю с трагическими последствиями был издан приказ начальника строительного управления «Буркоопсоюза» Бернаева (от 1 сентября 1970 г. № 101 «в»). В нем кратко излагалась суть произошедшего 12 августа 1970 г., и за допущение грубого нарушения техники безопасности на своем строительном участке прорабу Мухоршибирского строительного участка В.Н. Гуслякову был объявлен строгий выговор. Приказ обязывал и.о. главного инженера Ц.Б. Бадмаева, прорабов и мастеров управления в том же сентябре провести дополнительную проверку состояния техники безопасности на всех строительных участках управления, инструктаж всех рабочих, занятых на строительстве, с занесением в журнал учета [3. Л. 37]. Начальник строительного управления «Буркоопсоюза» приказал устранить выявленные проверкой недочеты и упущения, усилить на строительных участках наглядную агитацию из имеющихся резервов. Он категорически запретил всем производителям работ использовать студентов и «других неопытных лиц» на заготовке и вывозе строительного материала (камня, леса, песка, гравия), использовать технически неисправный автотранспорт, предписал строго соблюдать установленные правила перевозки людей [3. Л. 38].

Итак, к концу 1960-х гг. областной штаб студенческих строительных отрядов стал уделять вопросам безопасности жизнедеятельности студентов особое внимание. Трудовая практика была постоянно связана с определенными рисками для жизни и здоровья молодых людей. Введение новой студенческой службы — технической инспекции, новые формы отчетности и контроля, включая печатную продукцию, централизо-

ванное обучение инспекторов и бойцов отрядов, отражали процесс постепенного усиления контроля за соблюдением правил охраны труда и техники безопасности в деятельности ССО. По всей видимости, студенческая техническая инспекция активно приступила к исполнению возложенных на нее областным штабом ССО обязанностей. Мастера, бригадиры на участках строительных объектов вынуждены были обращать внимание на выявленные ею недостатки и исправлять их. Но если технические нарушения требований безопасности студентов во время производства устранялись достаточно оперативно, то собственная невнимательность, отсутствие дисциплины и пренебрежение студентов своей безопасностью, ослабление контроля со стороны ответственных лиц, командиров отрядов в завершающий период работ только увеличивали риск травматизма.

Первые отчеты студенческой инспекции дали богатый материал, анализ и обобщение которого позволили областному штабу ССО наметить меры по улучшению организации службы техники безопасности в следующем 1971 г. и представить лишний аргумент таким организациям, как трест «Бурводстрой», Бурятское управление строительства и стройуправление ТЭЦ, которые еще не доверяли новому студенческому подразделению. В подготовительный период 1970 г. обучением правилам техники безопасности в вузах и техникумах было охвачено почти 2 400 студентов. Первый опыт работы технической инспекции подтвердил, что обучение бойцов ССО технике безопасности должно прочно войти в практику как необходимый элемент серьезного и правильного формирования отрядов. Доказать эффективность работы студенческой технической инспекции в качестве нового подразделения ССО предстояло в последующие годы.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Государственный архив Республики Бурятия (далее ГАРБ). ФП. 36. Оп. 4. Д. 36.
- 2. ГАРБ. ФП. 36. Оп. 4. Д. 38.
- 3. ГАРБ. ФП. 36. Оп. 5. Д. 26.
- 4. ГАРБ. ФП. 36. Оп. 5. Д. 23.
- 5. ГАРБ. ФП. 36. Оп. 5. Д. 10.
- 6. ГАРБ. ФП. 36. Оп. 5. Д. 27.
- 7. ГАРБ. ФП. 36. Оп. 6. Д. 7.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 июля 2016 г.

ORGANISATION OF TECHNICAL INSPECTION IN STUDENT CONSTRUCTION BRIGADES (A CASE STUDY OF BURYATIA)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 34–40.

DOI: 10.17223/15617793/410/6

Andrey Z. Badmaev, Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: badmaevaz@yandex.ru **Keywords:** student brigades; operational safety; training; labour protection; students technical inspection.

The article analyses the way a general idea (of public control, of striving for a higher quality of released products, etc.) found its practical implementation in the creation of the student technical inspection for student construction brigades (SCB). The archival documents provide information for tracking the growth of popularity and increase of the number of SCBs. By the end of the 1960s students of training colleges who joined brigades selected from students of higher education institutions, organization of specialpurpose student brigades (i.e. logging, power engineering, transport, etc.) and stricter requirements and responsibility for health and lives of students during the summer labour semester attracted great attention of the local SCB headquarters and forced them to create a technical inspection promptly. The author focuses his attention on the selection process of candidates for the inspection which was designed scrupulously to make sure the future inspectors would provide for a thorough implementation of operational safety rules and secure labour conditions, as well as secure living at construction objects. The analysis of available data proved that the regional headquarters observed strictly the practical training of SCBs in the operational safety rules. During this period a large scale operational safety training was launched. The training programme was designed for future technical inspectors and SCB members, and was implemented by technical instructors, as well as by professional engineers and skilled workers who represented construction groups and departments. It was a typical fact that the new subdivision within the structure of SCBs confronted not only violations of rules specified for the sphere of labour relations, but also an obsolete thinking of some managers of construction objects. Such managers viewed students as low skilled labour force capable of accessory work only. The study revealed that daily activities of the technical inspection proved its potential in resolving conflicts between the employer and students, in settling issues concerning production processes and daily life, revealed its most significant positive results. This allowed in a short-term perspective to determine the ways and means to make the work of the technical inspection more efficient, to analyse the accumulated data and present the arguments to the organizations and departments whose trust was to be earned. The author comes to a conclusion that measures undertaken by the regional SCB headquarters to introduce a compulsory safety training to students in the preliminary period, to create a new students' service (technical inspection), and efforts to ensure its activity remain an actual and paramount goal.

REFERENCES

- 1. State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund 36. List 4. File 36. (In Russian).
- 2. State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund 36. List 4. File 38. (In Russian).
- 3. State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund 36. List 5. File 26. (In Russian).
- 4. State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund 36. List 5. File 23. (In Russian).
- 5. State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund 36. List 5. File 10. (In Russian).
- 6. State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund 36. List 5. File 27. (In Russian).
- 7. State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund 36. List 6. File 7. (In Russian).

Received: 20 July 2016

УДК 639 (571.51)

С.Т. Гайдин, Г.А. Бурмакина

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ КЕДРОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Впервые исследованы материалы Всесоюзного треста кедровой промышленности «Союзкедр» за 1931—1933 гг. Они позволили проанализировать основные направления политики государства по созданию самостоятельной кедровой промышленности в СССР, а также выяснить, что правительство при принятии решения о её создании исходило из потребностей страны, не учитывая реальные возможности созданного треста в условиях корректировки финансовой политики и проведения сплошной коллективизации.

Ключевые слова: Всесоюзный трест кедровой промышленности; Кедротрест; Союзкедр; восточные регионы страны; кедропромхозы; договоры контрактации.

Проведение индустриализации в нашей стране сопровождалось созданием многоотраслевого промышленного комплекса. На рубеже 20–30-х гг. ХХ в. в СССР шло создание авиационной, автомобильной, тракторной, подшипниковой и других отраслей тяжелой промышленности.

По мере становления тяжелой индустрии руководство страны ставило задачу развития легкой промышленности, которая должна была наладить производство сырья для промышленных предприятий и товаров народного потребления для населения, обеспечить прекращение их закупок за рубежом. Акцент делался на развитии текстильной, резиновой, кожевенной, консервной, рыбной, сахарной, масложировой и других отраслей легкой промышленности [1. С. 251].

Выступая на XVI съезде ВКП (б) в июле 1930 г., председатель ВСНХ и Госплана СССР В.В. Куйбышев говорил о необходимости выявлять, изучать и использовать имеющиеся в стране запасы природного сырья. В качестве примера успешной работы он приводил использование диких растений хандрила и таусагыза в качестве сырья для резиновой промышленности, кендыря и кенафа для текстильной промышленности [Там же. С. 124, 133, 142]. В этих условиях был поставлен вопрос о создании в стране самостоятельной кедровой промышленности.

Проведено изучение истории создания военной, автомобильной, авиационной, химической, подшипниковой, целлюлозно-бумажной и других отраслей промышленности [2–7]. Есть немногочисленные исследования по истории легкой промышленности. Однако исследований по истории становления кедровой промышленности страны пока не существует.

Авторы вышеназванных исследований по созданию новых отраслей промышленности выявили комплекс мер, применяемых государством при их организации. В качестве обязательных для этого шагов они назвали: осознание необходимости создания новой отрасли; принятие необходимого для этого правительственного решения; формулирование поручений управленческим, хозяйственным структурам, партийным и советским органам по оказанию помощи в становлении отрасли; создание необходимых для нее научно-исследовательских институтов и подразделений; подбор, расстановка управленческих кадров; создание системы подготовки специалистов отрасли; определение для отрасли плановых заданий по объему и структуре производства; создание системы пря-

мой и обратной связи с вышестоящими органами и контроля за работой руководителей отрасли.

Целью нашей работы является исследование деятельности государства по созданию кедровой промышленности как самостоятельной отрасли легкой промышленности страны. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: определить состояние кедрового промысла до начала создания кедровой промышленности, выявить деятельность СНХ СССР и конкретных наркоматов по ее созданию, проанализировать основные направления и проблемы работы учрежденного в 1932 г. Союзного треста кедровой промышленности «Союзкедр», сделать выводы о результатах и уроках проведенного эксперимента.

Источниковую базу исследования составляют впервые введенные в научный оборот документы Всесоюзного треста кедровой промышленности «Союзкедр» за 1931–1934 гг., хранящиеся в Государственном архиве Красноярского края.

Заготовка кедровых орехов населением восточных районов страны для собственных нужд имеет давнюю историю. Однако ввод в эксплуатацию Сибирской железной дороги позволил начать их скупку и вывоз за пределы Сибирского региона. По данным за 1899—1908 гг., в среднем в год со всех станций Сибирской железной дороги вывозилось более 3 900 т кедрового ореха, из которых 435—450 т затем отправлялось за границу [8. Л. 18].

Дефицит масла в стране в годы Первой мировой войны побудил специалистов, связанных с продовольственным обеспечением армии и гражданского населения, ставить на заседаниях Московского продовольственного и Омского военно-промышленного комитетов в начале 1917 г. вопрос о необходимости налаживания производства кедрового масла [Там же].

Большевики для решения этой проблемы весной 1921 г. создали специализированный трест «Кедропром». Но в условиях экономического хаоса после окончания Гражданской войны он не смог развернуть заготовку кедровых орехов и менее чем через год был расформирован. Заготовка орехов и производство кедрового масла в 1922 г. были переданы «Союзрасмаслотресту», который для выполнения этой задачи создал в своем составе «Кедротрест», проработавший около десяти лет.

Анализ документов «Кедротреста» позволяет говорить о том, что его руководство накопило определенный опыт работы по выявлению перспективных

районов заготовки кедровых орехов, заключению договоров о контрактации с населением на их заготовку, использованию дефицитных продуктов и товаров для стимулирования заготовительной деятельности. За десятилетний период своей деятельности «Кедротрест» провел ряд экспериментов по выработке кедрового масла на Енисейском маслобойном заводе. В конце 20-х гг. он ввел в эксплуатацию Бийский маслозавод на Алтае. В сентябре 1931 г. трест получил разрешение исполкома Красноярского городского Совета на строительство Красноярского маслозавода на правом берегу Енисея [9. Л. 2]. В перспективных планах треста было строительство кедровых маслозаводов в Томске, Иркутске и Нижне-Удинске [Там же. Л. 46].

Однако, несмотря на предпринятые усилия, «Кедротресту» не удалось наладить ежегодную стабильную заготовку орехов для производства масла. Причинами этого были зависимость заготовки орехов от их урожая, различающегося по годам, отсутствие у «Кедротреста» достоверных данных о кедровых насаждениях восточных регионов страны, оперативной информации об ожидаемом урожае, собственного штата заготовителей. Очень затратными были вывозка и первичная обработка орехов, которая поглощала до половины всех накладных расходов [10. Л. 51-52]. Поэтому руководство «Союзрасмаслотреста» рассматривало работу «Кедротреста» как вспомогательную и, в силу этого, не шло на выделение необходимых для его развития финансовых средств. Вместе с тем оно считало, что даже без принятия мер по оказанию финансовой поддержки «Кедротрест» мог бы в 1931 г. заготовить на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке не 5 806 т кедровых орехов, как это было сделано, а значительно больше [11. Л. 28].

Не имея реальной возможности увеличить заготовку орехов, руководство «Кедротреста» вынуждено предпринимать нетрадиционные меры по сохранению урожая в плодоносящих кедровниках. Так, в середине сентября 1931 г. оно призвало заготовителей начать истребление птиц-кедровок, уничтожавших урожай орехов, и установило довольно высокую цену в 2 руб. 40 коп. за килограмм, предъявленную в заготовительных пунктах [12. Л. 27]. Это привело к перерасходу финансовых средств, но не повлияло на выполнение плана заготовки орехов.

После начала в 1930 г. сплошной коллективизации крестьянских хозяйств стало очевидно, что дальнейшее привлечение индивидуальных крестьян к заготовке кедровых орехов вскоре станет проблематичным. Поэтому «Кедротрест» в 1931 г. заключил договор с Сибирским научно-исследовательским институтом на разработку новой модели заготовок орехов на основе создания постоянно действующих хозяйств кедрового профиля со штатным составом работников [10. Л. 54]. Однако руководство «Союзрасмаслотреста» не смогло профинансировать выполнение заказанных ученым работ.

В годы индустриализации, когда создавались десятки новых отраслей экономики, некоторые хозяйственные руководители, ученые, энтузиасты стали настаивать на необходимости создания в стране пол-

ноценной кедровой промышленности. Примером такого подхода является поданная в правительство страны записка ученого-лесовода Л. Бонишко. Он резонно утверждал, что, запретив рубку сибирского кедра и не используя ресурсы кедровников, страна теряет огромные средства. Автор записки приводил расчеты специалистов о том, что заготовка и переработка кедровых орехов на масло, жмых и сопутствующую продукцию помогут преодолеть дефицит масла в стране и дать доход, в четыре раза превышающий доход от переработки кедра на древесину. Приведенные им данные свидетельствовали о том, что из тонны кедровых шишек можно было получить 200-300 кг кедрового ореха, 11,5 кг кедрового масла и более 30 кг жмыха [10. Л. 2-4]. Предложения Л. Бонишко и других авторов совпадали с представлениями сотрудников СНК, Госплана и ВСНХ СССР о путях решения экономических и социальных проблем страны за счет использования имеющихся природных ресурсов.

Правительство страны сочло аргументы сторонников создания кедровой промышленности обоснованными, и в декабре 1931 г. СНК СССР принял постановление об организации и развитии кедровой промышленности, выделении «Кедротреста» из системы «Союзмаслотреста» и преобразовании его во Всесоюзный трест кедровой промышленности «Союзкедр», входящий в систему Наркомата снабжения СССР.

Учитывая, что заготовка кедровых орехов имела сезонный характер, правительство сделало ставку на создание крупных комбинированных кедровых хозяйств с постоянным контингентом работников. Помимо заготовки и переработки кедровых орехов, они должны были заниматься сбором грибов, ягод, добычей пушных зверей и промысловых птиц, проведением подсочки хвойных массивов, использованием древесины, полученной при проведении рубок ухода. На 1932 г. «Союзкедру» был установлен план заготовки 30 тыс. т кедровых орехов [11. Л. 33].

Следует отметить, что правительство страны предусмотрело, на первый взгляд, логичный и разумный комплекс мер по становлению кедровой промышленности. Оно обязало Наркомат снабжения СССР выделить «Союзкедру» уставной капитал в размере 1,2 млн руб. и оборотный капитал в размере 3 млн руб., на пять лет освободило трест от взимания промыслового и других видов налогов, позволив ему направлять сэкономленные за счет этого средства на укрепление своей материально-техни-ческой базы. Для привлечения населения к заготовке кедрового ореха тресту был выделен целевой фонд стимулирующих продовольственных и промышленных товаров [Там же. Л. 33—34].

В соответствии с существующими тогда представлениями о централизации планового руководства и децентрализации оперативных функций было решено разместить Управление Всесоюзного треста кедровой промышленности в городе Красноярске. В его составе было предусмотрено создание кадрового, планово-экономического, заготовительного, финансово-счетного, транспортного секторов и сектора снабжения и сбыта [13. Л. 6].

Уже через неделю после принятия постановления СНК СССР о создании Всесоюзного треста кедровой промышленности, на коллегии Наркомата снабжения страны была утверждена программа его работы, направленная на создание кедропромхозов, обследование кедровых массивов, проведение лесоустройства на закрепленных за кедровыми хозяйствами территориях, подготовку кадров для кедровой промышленности.

В соответствии с постановлением правительства Народный комиссариат лесной промышленности приступил к закреплению кедровых массивов за предприятиями «Союзкедра» и разрешил им заготавливать орехи в лесосырьевой базе лесозаготовительных предприятий [11. Л. 35]. В свою очередь, Комитет по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СТО СССР закрепил приоритетное право «Союзкедра» на заготовку орехов в кедровых массивах, разрешив другим заготовительным организациям либо работать на условиях сотрудничества с ним, либо заниматься заготовкой только после завершения работы заготовителей треста [Там же. Л. 38].

Совет труда и обороны СССР, учитывая отсутствие у треста в период проведения организационных работ, собственной рабочей силы, запланировал «Союзкедру» заготовку в 1932 г. 2 500 т ореха. Ответственность за заготовку 7 500 т ореха он возложил на такие уже работающие организации, как «Союзпушнина» и «Потребкооперация», которые должны были заготовить по 1 500 т ореха и Охоткооперацию, которая должна была обеспечить заготовку 4 500 т ореха. Тем более что эти организации, занимавшиеся промыслом и закупкой пушнины на сезонной основе, могли использовать часть своих кадров в том числе и для заготовки кедрового ореха. Еще 20 000 т ореха планировалось заготовить за счет заключения договоров о контрактации с колхозами, сельсоветами и крестьянами-бедняками [11. Л. 46].

В январе 1932 г. Наркомснаб СССР принял решение об организации в Красноярске при правлении «Союзкедра» Всесоюзного научно-исследовательского института по кедру, который должен был заниматься исследованием всего комплекса проблем, связанных с работой кедровой промышленности [Там же. Л. 33]. Таким образом, кедровая промышленность получала возможность создать свою собственную научную базу.

Исполнительным комитетам Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского и Дальневосточного краев, Уральской области, советам народных комиссаров Бурят-Монгольской и Казахской АССР было предложено в месячный срок после принятия правительственного постановления создать комитеты содействия форсированному развитию и разрешению кедровой проблемы [Там же. Л. 52–53].

В целях оперативного контроля за ходом исполнения правительственного постановления Коллегия наркомата снабжения СССР обязала руководство «Союзкедра» ежемесячно отчитываться о проделанной им работе непосредственно перед наркоматом снабжения [Там же. Л. 51].

Таким образом, можно утверждать, что при создании кедровой промышленности были применены уже апро-

бированные правительством страны подходы к созданию других отраслей производства, которые вселяли уверенность в получении ожидаемого результата.

В течение мая—июня 1932 г. в Красноярске было организовано Правление Всесоюзного треста кедровой промышленности и началось создание его Восточно-Сибирской и Западно-Сибирской контор в Иркутске и Новосибирске. В Дальневосточный край, Уральскую область, Бурят-Монгольскую, Казахскую и Ойротскую АССР были направлены уполномоченные треста [13. Л. 3].

Однако, по утверждению руководства «Союзкедра», партийные и советские органы Уральской области, Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского, Дальневосточного краев уклонялись от оказания поддержки в работе Всесоюзного треста. Не исключено, что размещение его правления не в Москве, а в одном из городов Сибирского региона, создавало проблемы субординационного характера. Также не исключено, что Уральский областной, краевые советы Сибири и Дальнего Востока не хотели брать на себя ответственность за неперспективное направление работы, так как они не имели реальных возможностей для оказания тресту финансовой и кадровой поддержки.

Например, крайисполком Восточно-Сибирского края потребовал переноса центральной конторы треста в административный центр края г. Иркутск и всячески сопротивлялся открытию там его краевой конторы. Эту контору в Иркутске удалось открыть только во второй половине сентября 1932 г., т.е. в самый разгар заготовки орехов, что обернулось срывом всей подготовительной работы к сезону заготовки [14. Л. 88].

Организация работы управления «Союзкедра» осложнялись почти полным отсутствием в Красноярске специалистов кедрового хозяйства. Из-за низких зарплат сотрудников и отсутствия у треста жилого фонда он не мог привлекать специалистов из других городов региона. К тому же имело место «переманивание» его опытных сотрудников в партийные, советские и хозяйственные органы областного и краевых центров. В 1932 г., который был годом становления структуры треста, текучесть управленческих кадров «Союзкедра» при его 123 ставках превысила 200% [15. Л. 59].

Практическая работа Наркомата снабжения СССР и правления треста была нацелена на достижение положительного результата в создании кедровой промышленности. Но начинать работу приходилось с того «вспомогательного» уровня, который достался «Союзкедру» в наследство от «Кедротреста».

Из-за объявленного в 1932 г. сокращения объёмов нового капитального строительства в стране «Союзкедру» в первый год своего существования пришлось отказаться от организации кедровых комплексных хозяйств, на создание которых нацеливало правительство страны. Выделенных правительством финансовых средств хватило на организацию только одного Каракокшинского кедропромхоза в Успенском аймаке Ойротской автономной области [13. Л. 4].

Отказ от создания кедропромхозов означал отказ от формирования кедровой промышленности на интен-

сивной основе и обрекал «Союзкедр» на продолжение той работы экстенсивного характера, которой до 1932 г. занимался расформированный «Кедротрест».

«Союзкедр» начал организационную работу по подготовке к заготовительной кампании 1932 г. с разверстки доведенного до него плана заготовки 30 000 т кедровых орехов между краевыми конторами и своими представителями в восточных регионах. В соответствии с этим планом в Западно-Сибирском крае предстояло заготовить 14 370 т орехов, в Восточно-Сибирском крае и Бурят-Монгольской АССР – 13 770 т, в Уральской области – 1 000 т, в Дальневосточном крае – 500 т орехов [13. Л. 3–4].

В целях получения достоверной информации о размещении, продуктивности кедровников и ожидаемом урожае орехов руководство «Союзкедра» весной 1932 г. направило в закрепленные за ним кедровые массивы специальные экспедиции и стало создавать собственную корреспондентскую сеть по обследованию кедровников и определению возможного урожая кедровых шишек.

Проведенные обследования и анализ имеющихся данных за прошлые годы позволили определить 9 перспективных для заготовки кедровых орехов районов в Уральской области, 12 – в Дальневосточном крае, 16 – в Западно-Сибирском крае и 20 – в Восточно-Сибирском крае [10. Л. 55].

Внутри двух сибирских краев были выявлены административные округа с наибольшим потенциалом для развития кедровой промышленности. К ним были отнесены Красноярский округ с возможностью заготовки 9 000 т ореха, Томский, Канский и Иркутский округа, где в случае хорошего урожая можно было заготовить соответственно 10 100; 14 300 и 20 200 т кедрового ореха, а также Бурятская АССР с возможностью заготовки 19 800 т ореха [9. Л. 31].

Внутри округов были определены места приоритетной заготовки ореха, такие как Кемчугская дача Красноярского округа, где в урожайные годы заготавливали почти 24 т орехов. Заготовки в Лево-Канской лесной даче давали почти 32 т орехов, в Мостовской даче — 48 т, в Верхне-Манской даче — 352 т орехов [16. Л. 165].

Однако если руководство «Союзкедра» представляло, как можно было со временем определить наиболее подходящие места заготовки орехов, то вопрос о кадрах заготовителей был крайне сложным.

Создание кедровой промышленности страны осложнялось кадровой политикой Наркомата снабжения СССР, руководство которого в случае задержек в решении имеющихся и возникающих в работе треста проблем заявляло о несоответствии председателей «Союзкедра» занимаемой должности. В результате такого подхода за пять месяцев работы Всесоюзного треста кедровой промышленности было уволено пять его управляющих [10. Л. 55]. Но новые руководители оказывались в капкане прежних проблем.

Руководству «Союзкедра» в существующей системе централизованного управления оказалось непросто принимать оперативные решения из-за удаленности от наркоматов и ведомств, расположенных в

Москве. Общение через почтовую и телеграфную связь, имевшее обезличенный характер, осложняло процедуру согласования на республиканском и союзном уровне, но упрощало принятие решений о наложении наказаний на руководителей и сотрудников «Союзкедра».

Шестым по счету управляющим «Союзкедра» был назначен М.Е. Костюков. Судя по его докладу, сделанному 26 августа 1932 г. на Конференции по технической реконструкции промышленности в Главном управлении молочно-жировой промышленности Наркомата снабжения СССР, это был специалист, хорошо представляющий состояние, проблемы и возможные перспективы кедровой отрасли.

М.Е. Костюков доказывал необходимость выполнения правительственного решения о создании всесезонных комплексных хозрасчетных кедропромхозов с сочетанием видов деятельности в зависимости от наличия природных ресурсов, рабочей силы, тяглового скота, потребителей. Помимо Каракокшинского кедропромхоза он предлагал создать Кебежский и Чичка-Юльский кедропромхозы в Западно-Сибирском крае, Манский и Восточно-Саянский в Восточно-Сибирском крае, Итанцинский в Бурят-Монгольской АССР и Бичурский в Забайкалье [10. Л. 54]. Позицию управляющего можно считать вполне обоснованной, но для ее реализации было необходимо немало времени, финансовых средств и рабочей силы. А от «Союзкедра» ждали немедленных результата, так как в восточных регионах уже приступили к заготовке кедровых орехов.

Следует признать, что за девять месяцев существования Всесоюзного треста кедровой промышленности была проделана большая работа. «Союзкедром» было проведено обследование значительных площадей кедровых насаждений, развернута деятельность научно-исследовательского института кедра, заключены договоры о контрактации, проведен конкурс предложений по механизации кедрового промысла, организована работа 70 пунктов по приему орехов от заготовителей [15. Л. 39]. Однако это было только началом необходимой работы.

Если управляющий «Союзкедра» в своем докладе обозначал существующие проблемы, насколько это ему позволяла служебная субординация, то служебная переписка треста с Наркоматом снабжения помогла нам выяснить степень сложности проблем, снижавших эффект проделанной работы.

В ходе подготовки к заготовительной кампании сотрудники «Союзкедра» столкнулись с тем, что большинство колхозов, которые, пользуясь своим привилегированным положением, заключили договоры на заготовку орехов, оказались не в состоянии их выполнять. Они проходили тяжелейший организационный период и не могли осуществлять даже возложенную на них функцию продовольственного обеспечения страны. Тем более что колхозников по разнарядке райисполкомов повсеместно привлекали к заготовке и вывозу леса, охотничьему и рыбному промыслу, другим видам непрофильных для них хозяйственных работ.

Собственных аргументов в пользу привлечения колхозников и некооперированного населения к заготовительным работам у «Союзкедра» было недостаточно, так как Наркомат снабжения СССР к началу заготовительной кампании не успел доставить стимулирующие продовольственные и промышленные товары, которые могли бы заинтересовать население. По нормативам, утвержденным наркоматом, заготовители за тонну сданного ореха могли бы на полученные деньги приобрести 44,6 кг муки, 8,3 кг крупы, 2 кг сахара, 0,3 кг махорки, 2,5 кг выделанной кожи для пошивки бродней. Поэтому сотрудники «Союзкедра» сумели выполнить план по заключению договоров о контрактации всего на 49% [16. Л. 29].

Во время заготовки кедровых орехов выяснилось, что часть сведений, полученных от экспедиций и корреспондентов, об урожае ореха оказались недостоверными. В результате многие заготовительные организации, заключившие договоры о контрактации, стали требовать снятия с них ответственности за невыполнение договорных обязательств. Красноярский городской отдел снабжения, который должен был заготовить 500 т ореха, потребовал расторгнуть договор изза предоставления ему недостоверных данных об урожае кедрового ореха [12. Л. 6].

Проблема заключалась не столько в просчетах или недобросовестности исполнителей работы, сколько в том, что во многих районах Урала, Сибири и Дальнего Востока еще не было проведено лесоустройство. Ситуацию с использованием имеющихся данных осложнило проведенное в 1930–1931 гг. реформирование системы управления лесной промышленностью с упразднением лесхозов и изменением границ лесосырьевой базы леспромхозов, а также создание в 1932 г. самостоятельного Наркомата лесной промышленности [9. Л. 4].

Отсутствие стимулирующих товаров и недостоверность информации об урожае ореха подтолкнули часть заготовителей, подписавших договоры контрактации, уклониться от выполнения взятых на себя обязательств. Из-за этого осенью 1932 г. в Западно-Сибирском крае на заготовку орехов вышло 7,6 тыс. чел. вместо законтрактованных 24,2 тыс. чел. Похожая ситуация была в Восточно-Сибирском, Дальневосточном краях и в Уральской области [15. Л. 12].

Поскольку процесс заготовки орехов имел сезонный характер, Наркомат снабжения СССР вынужден был переложить заготовку кедровых орехов на производственно-заготовительные организации, которые имели свои заготовительные пункты во всех восточных районах страны и договоры о контрактации с колхозами и населением на участие в заготовке пушнины, вылове рыбы, сборе дикоросов. Наркомат расширил перечень заготовительных организаций, привлеченных к заготовке орехов, и увеличил плановые задания для Промкооперации до 1 500 т, Союзпушнины – до 2 500 т, Потребкооперации – до 4 000 т, «Союзкедра» – до 8 500 т, Охоткооперации – до 13 500 т ореха. Это было волевое решение, к выполнению которого вышеперечисленные организации не были готовы. Повсеместно не хватало лошадей для вывозки ореха из тайги. Расчеты, сделанные по 14 районам Восточной Сибири, показали необходимость дополнительного выделения для перевозок 1 030 лошадей [9. Л. 47].

Для того чтобы выполнить хотя бы часть плана заготовки кедровых орехов, руководство страны потребовало от партийных и советских органов Уральской области, Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского и Дальневосточного краев использовать свои возможности для исправления сложившейся ситуации. Наркомат заготовок СССР в августе 1932 г. принял решение о повышении закупочных цен на кедровые орехи. Затем наркомат разрешил увеличить выдачу заготовителям продуктов и товаров в качестве аванса перед выходом в тайгу с 20-30 до 70-80% от общего их количества, указанного в договорах о контрактации [10. Л. 58]. Центральный комитет ВЛКСМ начал кампанию по привлечению комсомольских организаций восточных регионов страны к проведению ударного месячника по заготовке орехов [11. Л. 65]. Осенью 1932 г. партийные и советские органы восточных районов страны стали регулярно обсуждать вопросы, связанные с заготовкой кедровых орехов.

К обеспечению заготовительной кампании подключилась прокуратура Восточно-Сибирского края, которая потребовала от районных прокуроров принятия срочных мер по борьбе с пресечением самовольной заготовки и продажи кедрового ореха. Совнарком Бурят-Монгольской АССР запретил свободную продажу и скупку ореха вплоть до 1.03.1933 г. А руководство Восточно-Сибирской конторы «Союзкедра» потребовало от райисполкомов, правлений колхозов и сельсоветов преодолеть благодушие и идти на штурм естественных богатств сибирской тайги [14. Л. 94].

Правление «Союзкедра», в свою очередь, попыталось использовать возможности партийных и советских органов для решения производственных проблем. В частности, его руководитель М.Е. Костюков обратился к крайкому Западно-Сибирского края с просьбой наказать виновных в срыве заготовок кедрового ореха за оппортунистическое отношение к выполнению плановых заданий [16. Л. 39, 51].

Таким образом, руководящие работники всех уровней, прямо или косвенно отвечавшие за проведение заготовительной кампании, пытались показать, что они предприняли все возможные меры для выполнения плана заготовок ореха, но ответственность за сложившуюся ситуацию лежит на других лицах и организациях.

Руководству кедровой промышленности пришлось на время отказаться от объявленного ранее курса на сотрудничество с колхозами и сельсоветами и перейти к приемке ореха от единоличников и других лиц, не охваченных контрактацией. Проблема привлечения к заготовке орехов бедняков и батраков, еще не охваченных колхозами, осложнялась необходимостью их предварительного обеспечения одеждой, обувью и продуктами [12. Л. 65].

По данным на 1 января 1933 г., «Союзкедр» из 30 000 т кедрового ореха, который он должен был заготовить по плану, сумел заготовить 4 962,4 т, или

всего 16,5% от плана [15. Л. 55]. Это было на 844 т меньше, чем было заготовлено в 1931 г. «Кедротрестом» до создания Всесоюзного треста кедровой промышленности. В Дальневосточном крае план заготовки орехов был выполнен на 1,8%, в Восточно-Сибирском крае — на 6,6%, в Западно-Сибирском крае — на 23,1%, в Уральской области — на 58,9% [17. Л. 35].

Однако даже в тех случаях, когда удавалось заготовить орехи на глубинных участках, у «Союзкедра» не было возможности их вывезти в полном объеме изза отсутствия лошадей, которых колхозы использовали на уборочных работах, а после их завершения — на вывозке древесины. А отсутствие железнодорожных вагонов не позволяло отправлять вывезенные на железнодорожные станции орехи потребителям. В результате на 1 января 1933 г. из Восточно-Сибирского края было отгружено всего 113 т ореха [14. Л. 98].

В первый год работы самостоятельного Всесоюзного треста кедровой промышленности он не продемонстрировал очевидных преимуществ в работе по сравнению с расформированным «Кедротрестом». Тем более что ему пришлось заниматься той же работой, что и предшествующей организации.

Вместе с тем, несмотря на большие проблемы в организации практической работы, руководство «Союзкедра» в 1932 г. занималось разработкой планов развития кедровой промышленности на вторую пятилетку (1933–1937 гг.) Этой работой применительно к своим отраслям занимались тогда все предприятия и организации страны. В планах на следующую пятилетку «Союзкедр» исходил из идей, заложенных в правительственном постановлении о создании кедровой промышленности.

К 1937 г. он планировал создать 50 кедропромхозов, освоить 40% площади кедровников в восточных районах страны, привлечь к заготовке кедровых орехов около 8% всего трудоспособного населения, живущего в районах его хозяйственных интересов. За счет изучения кедровых массивов и закладки кедровых плантаций трест планировал в перспективе выйти на устойчивый ежегодный урожай ореха и за счет подготовки специалистов отрасли, использования технических средств повысить производительность труда одного сборщика с 500 кг в 1932 г. до 1 000 кг в 1937 г. [10. Л. 59–60, 63–64].

Во второй пятилетке «Союзкедр» планировал заняться облесением гарей, прокладкой дорог к кедровникам, строительством жилья для работников и телефонизацией кедропромхозов [18. Л. 9]. Однако реализация этих планов была возможна лишь при условии выделения достаточного союзного финансирования и стечения благоприятных обстоятельств.

Следует подчеркнуть, что первоначальные проекты перспективного плана развития кедровой промышленности прошли экспертизу, к которой были привлечены ученые, специалисты отрасли и сотрудники Наркомата снабжения СССР. Они обратили внимание на то, что развитие отрасли потребует огромных финансовых средств и времени на создание кедропромхозов, закладку культурных плантаций кедра и неизбежно столкнется с нарастающей нехват-

кой рабочей силы и тяглового скота в связи с появлением в восточных регионах многих новых производств [19. Л. 13–14].

Экономист М. Бухтенс, учитывая совпадение по времени уборочной кампании в сельском хозяйстве и заготовительной кампании в кедровой промышленности, предлагал развивать кедровую промышленность в районах рискованного земледелия. Экономист С. Розинг считал, что «Союзкедру» нет необходимости создавать собственные заготовительные пункты, так как в районах заготовки орехов уже работают заготовительные пункты Охотсоюза, Интегралсоюза, потребкооперации и других организаций, имевших опыт заключения договоров контрактации с населением на заготовку ресурсов дикой природы [19. Л. 67; 20. Л. 2–3].

Наркомат снабжения СССР, проанализировав возможности «Союзкедра», по итогам заготовительной кампании 1932 г. довел до него на 1933 г. план заготовки 10 000 т кедрового ореха, что было в три раза меньше плановых показателей предыдущего года. Руководство «Союзкедра» на основе приобретенного в 1932 г. опыта старалось минимизировать действие факторов, негативно повлиявших на выполнение плана прошедшего года.

Оно попыталось включить кедровый орех в перечень экспортной продукции. Если бы иностранный сектор Наркомата снабжения СССР принял это предложение, то трест мог бы рассчитывать на гарантированное поступление финансовых средств под заготовку орехов [21. Л. 3].

В 1933 г. руководство «Союзкедра» поручило своим региональным конторам брать данные о состоянии кедровых насаждений в леспромхозах, а данные о наличии рабочей силы — в региональных органах народно-хозяйственного учета. Это давало возможность пользоваться создаваемыми в стране государственными базами данных и в случае необходимости объяснять просчеты в своей работе невысокой достоверностью официальных данных.

Вместе с тем «Союзкедр», заинтересованный в получении достоверных данных об ожидаемом урожае кедровых орехов, продолжал заниматься созданием собственной системы его прогноза. Для привлечения населения к обследованию кедровников сотрудники треста раздавали им «Опросные анкеты по выявлению урожая 1933 года», за заполнение которых платили по 2 руб. Анкета содержала вопросы о расположении и площади кедровников, их транспортной доступности, видах на урожай, наличии рабочей силы, желательном ассортименте стимулирующих продовольственных и промышленных товаров для заготовителей конкретного района [16. Л. 46, 48].

Такие анкеты давали руководству треста возможность получать относительно достоверную информацию, позволяющую заранее начинать подготовку к заготовительной кампании, а потенциальным заготовителям, принимавшим участие в заполнении анкет, при наличии ожидаемого урожая — заранее начать выстраивать отношения по месту основной работы, чтобы принять участие в заготовке орехов. Действия

правления «Союзкедра» по подготовке к заготовительной кампании 1933 г. можно считать вполне логичными.

Однако, вопреки расчетам «Союзкедра», исполкомы Уральской области и Восточно-Сибирского края в духе культивируемых тогда встречных инициатив настояли на повышении плановых заданий по заготовке кедровых орехов с 10 000 до 16 240 т. Этот объем добычи, как показала практика предыдущего года, не смог бы выполнить ни союзный трест, ни работающие с ним заготовительные организации.

Если в Западно-Сибирском крае было сохранено первоначальное задание по заготовке 5 000 т кедровых орехов, то в Восточно-Сибирском крае оно было повышено на 340 т и доведено до 4 340 т. Для Уральской области плановое задание было увеличено в 6,9 раза и доведено до 6 900 т. Причем ответственность за его выполнение была возложена не на «Союзкедр», а на Уралохотсоюз, Уралпушнину и Уральский облпотребсоюз [22. Л. 100]. Не исключено, что это было экспериментом Наркомата снабжения СССР, который осознал бесперспективность ставки на создание кедровой промышленности и искал подходы к заготовке кедрового ореха сторонними организациями.

Однако из-за плохого урожая орехов в 1933 г. пришлось снизить искусственно взвинченные объемы плановых заданий. Например, по Восточно-Сибирскому краю план заготовки был снижен до 3 340 т. В Красночикойском районе он был снижен с 1 100 до 700 т, в Малетинском — с 280 до 200 т, в Енисейском — со 125 до 25 т, в Балахтинском районе — с 70 до 50 т [16. Л. 24].

Для того чтобы заинтересовать колхозы в заготовке орехов, руководство «Союзкедра» пошло на использование принципа их материальной заинтересованности в результатах заготовительной кампании. При подписании договоров о контрактации оно обязывалось, при условии выполнения колхозниками договорных обязательств, в день оплаты сданных ими орехов перечислять на счет колхоза 2% от их стоимости и выплачивать членам правления колхоза еще 2% в виде денежной премии [23. Л. 61].

Для стимулирования интереса конкретных заготовителей «Союзкедр» установил норму заготовки в размере одной тонны на трех человек. Они могли собранный сверх нормы орех либо оставлять себе, либо сдавать его приемщикам треста по двойной цене. Государство освобождало колхозы, колхозников и единоличников от налога на доход, полученный от заготовки кедровых орехов. Колхозам, активно участвующим в их заготовке, давалась отсрочка на 2,5 месяца от выполнения трудгужповинности и участия в заготовке древесины [Там же. Л. 32, 91].

Заготовительная кампания 1933 г., несмотря на значительную подготовительную работу, наличие более достоверной, чем в предыдущем сезоне, информации об урожае кедрового ореха, столкнулась с еще большей нехваткой рабочей силы и тяглового скота, чем это было раньше. После завершения коллективизации в большинстве зерновых районов Сибири возникла ситуация, изложенная в докладной

Манского райисполкома в «Союзкедр». В ней говорилось о том, что уполномоченные по хлебозаготовкам не позволяют отвлекать колхозников до завершения уборки зерновых культур. А после выпадения снега колхозники не соглашаются идти на заготовку орехов. Поэтому докладная заканчивалась словами: «Не посылайте нам больше уполномоченных. Дайте нам реальные стимулы, которыми можно заинтересовать сборщиков. Шлите крупы, соль, керосин, спички, мыло, котлы, ведра, подковные гвозди, бродни, платки и женские ботинки» [16. Л. 19].

В этих критических для «Союзкедра» условиях неизбежными стали внутренние конфликты между руководством Всесоюзного треста и руководителями его контор по поводу качества и результатов их работы. Так, в середине августа 1933 г. руководство треста обвинило начальника Западно-Сибирской конторы Ф.И. Архипова в том, что он заключил договоры с заготовителями ореха на кабальных для треста условиях [8. Л. 50]. Это обвинение можно было направить в адрес руководителей всех контор и представительств. Но Ф.И. Архипов, в отличие от них, демонстративно проигнорировал распоряжения «Союзкедра». Он был назначен на должность распоряжением народного комиссара снабжения СССР в феврале 1933 г., после увольнения предыдущего руководителя конторы. Не исключено, что он как недавний выдвиженец знал настроения, бытовавшие в наркомате по поводу дальнейшей судьбы «Союзкедра». Это предположение подтверждает тот факт, что Наркомат снабжения не только отказался уволить Ф.И. Архипова за превышение должностных полномочий, но впоследствии назначил его управляющим Новосибирской конторы «Сибрасмасло» [11. Л. 41].

В свою очередь, Ф.И. Архипов в записке в адрес Главжирпрома, работавшего в структуре Наркомата снабжения, обвинил правление «Союзкедра» в неоправданной с точки зрения производства кедрового масла трате финансовых средств на обследование кедровников, оплату почти трехсот железнодорожных вагонов для доставки ореха потребителям, тогда как при производстве кедрового масла на Урале и в Сибири для его доставки в европейскую часть страны потребовалось бы всего 120 вагонов [Там же. Л. 20].

Заготовительные организации, не имевшие права работать в закрепленных за «Союзкедром» кедровниках, отреагировали на конфликты внутри Всесоюзного треста кедровой промышленности как на возникшую для них возможность отказа от выполнения заключенных договоров о контрактации и самовольного захвата закрепленных за ним кедровников. Уралторг и Уралпродснаб переманивали заготовителей, заключивших договоры с «Союзкедром», выплачивая по 5 руб. за килограмм ореха, тогда как областная контора треста могла платить им не более 75 коп. за килограмм [19. Л. 9].

Наркомат снабжения СССР, проанализировав результаты работы «Союзкедра» по итогам проведения двух заготовительных сезонов, сделал вывод, что в существующих условиях обеспечить работу самостоятельной кедровой промышленности невозможно. Ее

становление потребовало бы длительного времени и больших капитальных вложений. К этому времени во Всесоюзном тресте насчитывалось 25 подразделений, а именно контор, представительств, районных заготовительных и перевалочных пунктов, с общим числом штатных сотрудников 320 человек.

Одна из версий наркомата предусматривала сохранение контор «Союзкедра» в качестве самостоятельных хозрасчетных трестов с прямым подчинением тресту «Главрасжирмасло» [24. Л. 2]. На уровне СНК СССР прорабатывался вопрос о возможном слиянии «Союзкедра» и треста «Заготжирснаб» Наркомата легкой промышленности СССР, на который была возложена ответственность за обеспечение жирами мыловаренной и других отраслей промышленности [Там же. Л. 4]. Но эта версия была снята с обсуждения в связи с принятием 16 августа 1933 г. постановления СНК СССР о передаче планирования всей жировой промышленности страны Наркомату снабжения СССР [25. Л. 1].

8 октября 1933 г. СНК СССР принял постановление о ликвидации Всесоюзного треста кедровой промышленности «Союзкедр» и передаче до начала ноября того же года его функций сырьевому сектору «Главжирмасло» Наркомата снабжения СССР. Его региональные конторы было решено подчинить Уральской конторе треста «Уралмасло», Новосибирской и Иркутской конторам треста «Сибрасмасло», возложив на них ответственность за заготовку кедровых орехов [11. Л. 41].

После ликвидации самостоятельного Всесоюзного треста кедровой промышленности Наркомат снабжения СССР закрыл проработавший всего год Научноисследовательский институт кедровой промышленности, работы которого были сориентированы на длительную перспективу. Это было приговором существованию самостоятельной кедровой промышленности и возвратом к модели заготовки кедровых орехов, которая существовала до создания «Союзкедра».

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Куйбышев В.В. Избранные произведения: в 2 т. Т. 2: 1929–1934 гг. М.: Политиздат, 1988. 463 с.
- 2. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. 336 с.
- 3. Прокофьева Е.Ю. Отечественная автомобильная промышленность: этапы развития, структура и организация управления, научноисследовательская база (1896-1991 гг.). Тольятти ; Самара : Ас Гард, 2010. 290 с.
- 4. Сидорова И.Т. Строительство предприятий химической промышленности в СССР на этапе индустриализации 1928-1939 гг.: на примере Березниковского химического комбината : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск : Удмурт. гос. ун-т, 2011. 24 с.
- 5. Прохоров В.С. Создание и развитие подшипниковой промышленности в СССР (1929-1940 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972.
- 6. Мухин М.Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 гг. М.: Наука, 2006. 320 с.
- 7. История целлюлозно-бумажной промышленности России. Архангельск: Правда Севера, 2009. 232 с.
- 8. Государственный архив Красноярского края (далее ГАКК). Ф. Р-962: Всесоюзный трест кедровой промышленности по заготовке и реализации кедрового ореха Народного комиссариата снабжения. Оп. 1. Д. 18.

```
9. ГАКК. Ф. Р-962. Оп. 1. Д. 4.
```

10. ГАКК. Ф. Р-962. Оп. 1. Д. 67.

11. ГАКК. Ф. Р-962. Оп. 1. Д. 14. 12. ГАКК. Ф. Р-962. Оп. 1. Л. 2.

13. ГАКК. Ф. Р-962. Оп. 1. Д. 30.

14. ГАКК. Ф. Р-962. Оп. 1. Д. 26. 15. ГАКК. Ф. Р-962. Оп. 1. Д. 37.

16. ГАКК. Ф. Р–962. Оп. 1. Д. 1.

17. ГАКК. Ф. Р-962. Оп. 1. Д. 60.

18. ГАКК. Ф. Р-962. Оп. 1. Д. 36.

19. ГАКК. Ф. Р-962. Оп. 1. Д. 28.

20. ГАКК. Ф. Р–962. Оп. 1. Д. 63.

21. ГАКК. Ф. Р-962. Оп. 1. Д. 53.

22. ГАКК. Ф. Р-962. Оп. 1. Д. 21. 23. ГАКК. Ф. Р-962. Оп. 1. Д. 12.

24. ГАКК. Ф. Р–962. Оп. 1. Д. 44.

25. ГАКК. Ф. Р-962. Оп. 1. Д. 48.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 июня 2016 г.

THE HISTORY OF THE FORMATION OF SIBERIAN PINE NUTS INDUSTRY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 41–49. DOI: 10.17223/15617793/410/7

Sergei T. Gaidin, Krasnoyarsk State Agrarian University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: gaydinsergey@rambler.ru A. Burmakina, Krasnoyarsk State Agrarian University (Krasnoyarsk, Russian Federation). burmakinagalina@rambler.ru

Keywords: Pan-Soviet Union Trust of Siberian Pine Nuts Industry; Kedrotrust; SoyuzKedr; eastern regions of Soviet Union; Siberian pine nuts industry; farms of Siberian pine nuts; contracts.

The article studies the activities on the formation of "cedar industry" in the USSR in the period of the country's industrialization. The chronological scope of the research covers the period from December 1931 to November 1933, when the government of the Soviet Union, using the approaches tested in the development of other industries, took steps to establish a new industry for the exploitation of the cedar forests of the Eastern regions of the country. It is shown that the Council of People's Commissars of the USSR relied on the foundation of large complex Siberian pine farms. To support a new industry a share capital and working capitals were allocated, tax incentives were introduced, the raw material base was agreed upon, the problem of attracting personnel was settled, a specialized research institute was established. The trust Board was located in Krasnoyarsk. The research team analyzed the documents of SoyuzKedr, the Pan-Soviet Union Trust of Siberian Pine Nuts Industry, stored in the State Archive of Krasnoyarsk Krai and never used for studies before. The research is based on the methodological principles of historicism and objectivity, which allowed the authors to consider the development of the issue of the Siberian pine nuts industry formation in specific historical conditions. The analysis of the archival materials allowed to conclude that, despite the great work done by the management of SoyuzKedr on surveying the resource base, opening of procurement centers, organizing research work, concluding agreements on harvesting nuts, the formation of Siberian pine nuts industry encountered problems associated with industrialization and collectivization in the Soviet Union. The reduction of investments in new capital construction in the country in 1932 resulted in abandoning the organization of integrated Siberian pine nuts industry farms. The idea of attraction of developing collective farms for harvesting nuts was not successful. The failure to put to practice the conceptual ideas of a new industry development made management look for workarounds. It had to increase procurement prices for nuts, increase the number of goods and products given to suppliers, involve cooperative and komsomol organizations to nuts harvesting. But all the measures did not stabilize the situation as the People's Commissariat of Supply of the USSR constantly changed the industry's leaders. The results of two harvesting seasons organized by SoyuzKedr proved that methods used in the establishment of industries of the technical profile are not quite applicable to Siberian pine nuts industry. Natural cycles of crop of nuts did not fit into the logic of the planned economy. Development of Siberian pine nuts industry required long-term work and substantial financial costs to make and support the annually fruiting Siberian pine forests. Therefore, in 1933 the People's Commissariat of Supply of the USSR had to stop the experiment of establishing an independent Siberian pine nuts industry

REFERENCES

- 1. Kuybyshev, V.V. (1988) Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. [Selected Works: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Politizdat.
- Simonov, N.S. (1996) Voenno-promyshlennyy kompleks SSSR v 1920–1950-e gody: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizatsiya proizvodstva i upravlenie [Military-industrial complex of the USSR in the 1920s–1950s: growth, structure, organization, production and management]. Moscow: ROSSPEN.
- 3. Prokof eva, E.Yu. (2010) Otechestvennaya avtomobil naya promyshlennost': etapy razvitiya, struktura i organizatsiya upravleniya, nauchno-issledovatel skaya baza (1896–1991 gg.) [Domestic automotive industry: development stages, structure and organization of management, scientific research base (1896–1991)]. Tolyatti; Samara: As Gard.
- 4. Sidorova, I.T. (2011) Stroitel'stvo predpriyatiy khimicheskoy promyshlennosti v SSSR na etape industrializatsii 1928–1939 gg.: na primere Bereznikovskogo khimicheskogo kombinata [Construction of the chemical industry in the Soviet Union at the stage of industrialization in 1928–1939: a case study of the Berezniki Chemical Plant]. Abstract of History Cand. Diss. Izhevsk: Udmurt State University.
- Prokhorov, V.S. (1972) Sozdanie i razvitie podshipnikovoy promyshlennosti v SSSR (1929–1940 gg.) [Formation and development of the bearing industry in the USSR (1929–1940)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
- 6. Mukhin, M.Yu. (2006) Aviapromyshlennost' SSSR v 1921-1941 gg. [Aviation industry of the USSR in 1921-1941]. Moscow: Nauka.
- 7. Antropova, E.B. et al. (2009) Istoriya tsellyulozno-bumazhnoy promyshlennosti Rossii [History of the pulp and paper industry of Russia]. Arkhangelsk: Pravda Severa.
- State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-962: Vsesoyuznyy trest kedrovoy promyshlennosti po zagotovke i realizatsii kedrovogo orekha Narodnogo komissariata snabzheniya [All-Union Trust of Cedar Industry on Preparation and Implementation of Pine Nuts of the People's Commissariat of Supply]. List 1. File 18.
- 9. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-962. List 1. File 4. (In Russian).
- 10. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-962. List 1. File 67. (In Russian).
- 11. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R–962. List 1. File 14. (In Russian).
- 12. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-962. List 1. File 2. (In Russian).
- 13. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-962. List 1. File 30. (In Russian).
- 14. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-962. List 1. File 26. (In Russian).
- 15. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-962. List 1. File 37. (In Russian).
- 16. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R–962. List 1. File 1. (In Russian). 17. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R–962. List 1. File 60. (In Russian).
- 18. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R–962. List 1. File 60. (In Russian).
- 19. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R–962. List 1. File 28. (In Russian).
- 20. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-962. List 1. File 63. (In Russian).
- 21. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-962. List 1. File 53. (In Russian).
- 22. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R–962. List 1. File 21. (In Russian).
- 23. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-962. List 1. File 12. (In Russian).
- 24. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-962. List 1. File 44. (In Russian).
- 25. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-962. List 1. File 48. (In Russian).

Received: 13 June 2016

УДК 372.3/4-053.2(4)

М.А. Гетман

«ЕВРОПА ДЛЯ ДЕТЕЙ»: АДАПТИРОВАННЫЙ ВАРИАНТ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Анализируются некоторые образцы печатной продукции, изготовленной под эгидой Европейской комиссии и предназначенной для детей разных возрастных групп. Целью этих материалов является представить детям официальную точку зрения на историю развития Европы и ЕС, а также сформировать у них чувство «европейской идентичности». Концепция европейской идентичности подразумевает чувство солидарности внутри объединенной Европы, представление гражданина ЕС о себе как о «европейце». Автор приходит к выводу, что в данных текстах акцент сделан исключительно на благоприятных моментах в истории Европы, поскольку ЕС заинтересован в формировании у юных граждан положительного образа континента, вызывающего эмоциональный отклик, ведь только в таком случае дети захотят идентифицировать себя с Европой.

Ключевые слова: Европейский Союз; европейская идентичность; образование.

В педагогической науке установлено, что все основные мировоззренческие императивы, модели поведения, стереотипы и прочие ментальные установки формируются на протяжении детства [1]. По этой причине кажется вполне логичным, что общество и государство уделяют большое внимание той информации, которая посредством образовательных институтов закладывается в сознание юных граждан. Дошкольные и образовательные учреждения, ответственные (помимо семьи) за социализацию и распространение принятых в данном обществе норм, взглядов и представлений, являются своеобразным транслятором официальных установок, в поддержании коих заинтересован социум.

Содержание образования демонстрирует те образы и образцы, сторонниками которых заказчик (в лице официальной структуры) желал бы видеть прошедших обучение. В данном случае весьма специфичный оттенок несет дошкольное и младшее школьное образование: самую необходимую информацию нужно сделать максимально доступной с расчетом на то, что она пустит глубокие корни. Контент школьного образования помогает понять, к каким идеалам стремится данное сообщество, лояльности к чему оно ожидает и что считает недопустимым. Стоит отметить, что большая роль здесь отводится прежде всего гуманитарным наукам, в особенности истории.

Данная статья посвящена рассмотрению содержания «официального» образа Европы, который конструируется Евросоюзом и транслируется посредством специальных печатных изданий для детей разных возрастных групп. Эти печатные издания (в диапазоне от книг, буклетов, брошюр до игр для самых маленьких) рекомендованы в качестве вспомогательных пособий учителям с целью рассказать детям об идеалах и деятельности ЕС, а также о странах европейского континента, входящих в его состав. «Паспорт Европейского Союза», «Европа в ореховой скорлупе», «Исследуй Европу!», «Европа в движении», «Европа и ты» — в самих названиях отражена идея взаимодействия Европы и её юного гражданина.

Наиболее очевидной задачей подобных материалов является формирование у юных граждан ЕС чувства принадлежности к большой европейской семье, гордости за историю и достижения континента, осознания важности существования единой Европы, т.е. того, что мы можем назвать европейской идентичностью. Европейская идентичность — объективная данность, она выступает как совокупность характеристик, отличающих европейцев от неевропейцев в традициях, культуре, образе жизни и системе мышления. Это европейское самосознание как осознание собственной принадлежности к Европе. Кроме того, европейскую идентичность можно рассматривать как единство государств Европы в силу таких факторов, как единая территория, единство цивилизационного и исторического развития [2].

На современном этапе существования ЕС на первый план выходит проблема кризиса общеевропейской идентичности в связи с внутренними и внешними проблемами, проявляющимися в росте евроскептицизма и регионализма. Однако от того, смогут ли европейцы выработать в себе эту идентичность, зависит будущее единой Европы, поскольку наднациональное сообщество, коим стремится стать Европейский Союз, немыслимо без существования идеи, которая бы способствовала складыванию разрозненной мозаики европейского континента во что-то одно. По этой причине тема европейской идентичности является предметом академических и общественных дискуссий, что объясняется её актуальностью и значимостью для Европейского Союза.

Кроме того, в современном мире, в условиях глобализации, встает проблема размывания традиционных идентичностей, долгое время служивших для людей основными идентификаторами. Европейская идентичность в таком случае выступает как пример сознательного конструирования новой идентичности, одной из задач которой является идейное обоснование интеграции.

Определение «европейская идентичность» впервые зафиксировано на официальном уровне в «Декларации о европейской идентичности», подписанной в 1973 г. девяткой стран – участниц Европейского экономического сообщества. Авторы декларации отмечали, что создание документа, в котором бы говорилось о европейской идентичности, обусловлено поиском наиболее точной дефиниции для связи, установившейся между их странами и другими государствами, а также обязанностей Европы (в отношении других), и того, какое место ЕЭС занимает в международных отношениях. В декларации указано, что фундаментальные элементы европейской идентичности включают в себя принципы представительной демо-

кратии, правового государства, социальной справедливости и уважение прав человека. Упоминается также и многообразие культур в рамках единой цивилизации Европы, которое, однако, не препятствует сближению интересов стран, что также является важнейшей составляющей европейской идентичности [3]. Европейская идентичность означает здесь позицию объединяющихся стран Европы по отношению к остальному миру, определенный образ на международной арене и отстаивание, в соответствии с логикой данного образа, ряда ценностей послевоенного западноевропейского общества. Потребность в ней объясняется, прежде всего, внешнеполитической ситуацией того времени. После подписания Маастрихтского договора в феврале 1992 г. концепт европейской идентичности перемещается в плоскость создания сообщества граждан Европы, разделяющих определенные ценности, иначе говоря, европейская идентичность становиться по большей части внутренним делом Европейского Союза, в отличие от зафиксированного в 70-е гг. внешнеполитического подхода.

Как пишет итальянская исследовательница Кэтлин Кантнер, «...для реализации больших политических проектов... политическому сообществу недостаточно только рациональной аргументации, нужен еще и энтузиазм среди тех, кто к нему принадлежит, ведь подобные проекты нуждаются в сильной общественной поддержке. Без коллективной идентичности, выходящей за рамки национальных сообществ, и могущей стать фундаментом для наднационального проекта, усилия европейцев по институционализации принятия общих политических решений, процедур, обречены на провал. Этим объясняется столь повышенный общественный, политический и научный интерес к вопросам формирования европейской идентичности» [4]. Однако проблемой по-прежнему остаются отсутствие однозначной трактовки понятия «европейская идентичность», которое все еще выглядит слишком абстрактным, и хождение в политическом и общественном обороте разнообразных неунифицированных трактовок этого концепта. Европейскими исследователями была предпринята попытка суммировать разнообразные подходы к изучению вопросов европейской идентичности. В 2012 г. опубликован сборник под названием «Развитие европейской идентичности / идентичностей: незавершенный процесс», в который вошли материалы, изданные на базе докладов конференции «Развитие европейских идентичностей: политические и научные вопросы». Организована данная конференция была Европейской комиссией в Брюсселе в феврале 2012 г.

Ученые выделяют здесь четыре ключевых теоретических концепта, на которых базируются исследования европейской идентичности:

1. Европейская идентичность и идентификация с Европой. В идентичности заключен индивидуальный компонент сознательного выбора, дополненный коллективным компонентом: индивиды ориентируются на одну и более совокупные группы или коллективы. Общности, на которые ориентирован индивид, зависят от контекста или условий и могут быть множе-

ственными. Поэтому вернее говорить о мозаике идентичностей, обусловленных конкретными ситуациями, нежели о том, что идентичности «вложены» одна в другую в постоянной зависимости. Тем не менее у некоторых людей идентичность «европейца» может быть приоритетной и выйти на первый план в определенных условиях.

- 2. Европеизация соотносится с гипотетической тенденцией в отношении институтов национальных государств и национально-ориентированных сфер деятельности, согласно которой в будущем произойдет замена этих институтов и сфер деятельности европейским уровнем. Обоснованность этой концепции может быть поставлена под сомнение, поскольку в действительности европеизация становится лишь периферийным вариантом более масштабной тенденции глобализации.
- 3. Межнационализм противопоставляется долговременной миграции и означает «трансграничное проживание», когда личность, благодаря современной инфраструктуре, может поддерживать социальное существование как в стране текущего проживания, так и в стране рождения.
- 4. Космополитизм означает признание ценности культур «других» и активного поиска взаимодействия с носителями других ценностей и, следовательно, совпадает с провозглашаемыми Европой ценностями толерантности и равенства [5. Р. 2].

К проблемам европейской идентичности тесно примыкает вопрос определения Европы. Авторы отмечают существование пяти образов Европы: 1) Европа как мировая экономическая сила; 2) Европа как географическая сущность, континент без границ; 3) Европа как нормативная и моральная «мягкая сила»; 4) Европа как кластер привлекательных узловых линий в глобальной сети; 5) концепты «Европы», выступающие как препятствие на пути Европейского Союза [Ibid. P. 5–6].

Кроме того, исследователи выделяют две модели построения европейской идентичности:

- культуралистскую. Это модель, в которой ориентация на Европу происходит коренным образом благодаря воздействию признанных европейских ценностей, а также их выражению в общественных практиках, главным образом в управлении и процессе функционирования правовой системы. Данная точка зрения обращает внимание на сущность Европы и механизмы, благодаря которым идентификация с Европой идет «сверху вниз». Кроме того, отмечается, что усвоение и становление идентичности происходят за счет воздействия дискурсов и символов;
- структуралистскую. В этой модели ориентация на Европу происходит прежде всего за счет связей с другими европейцами. Идентичность возникает из взаимодействия с другими и понимания того, что этот другой имеет много общего с взаимодействующим индивидом. Следовательно, в структуралистской модели постулируются механизмы, в которых идентификация с Европой происходит «снизу вверх» [Ibid. P. 6].

На наш взгляд, в рассматриваемой печатной продукции осуществляется культуралистская модель по-

строения идентичности. В частности, это подтверждается активным оперированием символикой единой Европы, европейскими ценностями. И факт того, что эти материалы изданы под эгидой Европейской комиссии, указывает на нисходящий путь формирования идентичности.

Сама концепция европейской идентичности, рассматриваемая в литературе, как правило, в качестве проекта европейских элит [6], однако, является одним из оснований существования ЕС. Термин «идентичность», пришедший в гуманитарные науки из психологии, означает чувство принадлежности и отождествления человеком себя с чем-то большим, чем он сам. Наличие определенной идентичности подразумевает не только общность, но и то, что индивид разделяет некий набор ценностей, характерный для того сообщества, частью которого он себя ощущает. Идентичность не является бессознательной установкой, скорее она активно рефлексируется индивидом. У человека может быть несколько идентичностей, их соотношение колеблется в зависимости от различных обстоятельств, как то: смена места жительства, взаимодействие с носителями иной идентичности, искусственное навязывание идентификации или сознательное конструирование её индивидом [7. С. 83]. В общем виде можно выделить две базовые функции идентичности - негативную и позитивную. Негативная функция направлена на противопоставление образа «своего» образам «других», позитивная – на принятие и распространение принятых ценностей и норм, понимание их уникальности и значимости. В каком-то смысле любая идентичность является и средством упорядочивания этого мира, поскольку предлагает человеку занять уже готовые духовные и социальные

Европейская идентичность – это предполагаемое у граждан ЕС чувство принадлежности к Европе, представление о себе как «европейце», носителе культурно-исторического опыта континента, солидарном со своими европейскими соседями. «Европеец» должен понимать ценность культур и традиций всех стран, входящих в ЕС и вместе формирующих облик континента. Кроме того, носитель европейской идентичности разделяет определенный набор ценностных установок, получивших в общественном дискурсе название «европейские». Руководствуются этими ценностями не только на уровне принятия каких-либо политических решений, но также в ходе повседневных практик. Отметим, что образ Европы, с которым должны идентифицировать себя жители ЕС, является таким же конструктом, как и европейская идентичность, и состоит из наиболее привлекательных черт.

Евросоюз проводит определенную политику, преследующую цель складывания «Европы граждан», носителей новой идентичности. Делается это по ряду причин: институты Европейского Союза стремятся легитимировать существование такой политической сущности, как ЕС, что означает получение одобрения действий властей со стороны граждан. Формирование идентичности Евросоюза является попыткой совместить без противопоставления и соподчинения нацио-

нальную и наднациональную идентичность граждан EC, выделяя важные объединяющие элементы идентичностей [8]. Причем, по мнению некоторых исследователей, шаблоны построения европейской идентичности поразительно схожи на аналогичными конструктами национальной идентичности, несмотря на то что EC отличается от государства-нации [9. P. 6].

Большую роль для достижений этой цели играет сфера символов: принятие общеевропейского гимна, флага и герба, введение праздников всеевропейского масштаба, оперирование некими концептами типа «большая европейская семья», «единство в разнообразии». Однако самым значимым символом европейского единства стала общая валюта - евро [Там же. Р. 7]. Символы берут на себя коммуникативную функцию, выступая в качестве идентификаторов и являясь активным полем взаимодействия между европейскими гражданами [8]. Значение символических средств принадлежности особенно велико, когда сама принадлежность к определенной общности является проблемой [10. С. 9], что мы можем наблюдать в современном Европейском Союзе. Тем не менее символы – лишь внешние атрибуты провозглашаемой европейской идентичности, которым затруднительно оказать влияние на внутреннее самоощущение граждан Евросоюза, особенно когда речь заходит о коллективной памяти [11. Р. 70].

Однако помимо использования «символической политики» проводятся вполне конкретные программы, прежде всего в сфере образования и культуры (например, программа по академическим обменам «Эразмус»; программа «Культурная столица Европы»). Еще одним примером деятельности ЕС в сфере конструирования европейской идентичности мы можем назвать языковую политику, направленную на поддержание языкового разнообразия [12. С. 97]. Одним из примеров практики формирования европейской идентичности являются рассматриваемые нами издания для детей, причем, на наш взгляд, издание этих материалов находится на стыке между «символической» и «реальной» политикой.

Определенную роль в развитии европейского самосознания играют средства массовой информации. Так, систематические новостные сообщения об успехах европейской интеграции, вероятно, способствуют росту чувства идентификации граждан с Европой, в то время как регулярные новостные сообщения о негативных моментах могут угрожать складыванию европейской идентичности [13. Р. 1151].

Несмотря на обширность институциональных действий, их эффективность и успех противоречивы и ограничены. ЕС пытается выстроить как политическую идентичность (в границах гражданства ЕС), так и культурную, создавая общие места памяти и культурные мифы. Формирование первой наталкивается на функциональные противоречия, связанные с механизмом принятия решений в ЕС. Вторая же является чрезвычайно сложным конструктом, поскольку опирается на концепцию единства в многообразии [12. С. 97].

Наиболее ярко желание элит построить новую идентичность, адресованную рядовым гражданам,

прослеживается в упомянутой выше печатной продукции. «Европа для детей» предстает наиболее предпочтительной Европой в принципе. Опросы общественного мнения среди взрослого населения Европы, проведенные социологической службой «Евробарометр», показывают, что национальная идентичность более актуальна (по последним доступным данным, на момент весны 2015 г. 38% из опрошенных граждан ЕС ставят на первое место свою принадлежность к определенной нации) по сравнению с европейской идентичностью (только 2% респондентов думают о себе исключительно как о европейце) [14]. Поэтому политическая элита Евросоюза делает ставку на будущее поколение европейцев, которым с детства должны прививаться определенные взгляды.

Печатные материалы, выпускаемые под эгидой Европейской комиссии, рассчитаны на детей в возрасте 0–15+ лет. Поскольку в рамках нашего исследования особый интерес представляет дошкольная и младшая школьная возрастные группы, остановимся на той продукции, которая затрагивает детскую аудиторию до 12 лет включительно. Эти материалы имеют ряд общих черт, среди которых назовем следующие: активное использование географических карт с изображением континента, причем акцентируется внимание на тех странах, которые являются членами ЕС. Восточная граница проходит по Уральским горам, западная - по Атлантическому океану, южная - по Средиземному морю. Однако нет упоминания какойлибо геополитической концепции «большой Европы», но нет географической привязки континента исключительно к странам ЕС. Не объясняется и того, почему некоторые страны, расположенные на континенте Европа, не являются частью единого пространства. Следовательно, идентичность не является здесь следствием общей географии, речь идет прежде всего о том, входит ли страна в Европейский Союз или нет. Другим общим сюжетом является упоминание о характерном для Европы языковом разнообразии, которое представляет собой специфику континента. Подчеркивается и важность изучения иностранных языков «для такого континента, как наш», потому что «мы проводим каникулы в других европейских странах, знакомимся с жителями этих стран, и поэтому имеем возможность практиковаться» [15. P. 9].

Сначала проанализируем буклет под названием United in diversity («Единство в разнообразии»), направленный на самых юных жителей Евросоюза [16]. Здесь практически отсутствует текст, зато иллюстративный материал представлен достаточно ярко и богато. В аннотации к нему сказано, что буклет «дает детям представление о европейском многообразии. Учителя могут использовать пособие для пояснений касательно европейской валюты, а также для знакомства детей с культурным и природным наследием стран, входящих с состав Европейского Союза» [17]. На первых страницах, на 24 языках, дана базовая информация о ЕС: флаг, гимн, единая валюта; датой основания ЕС называется 1957 г., т.е. год подписания Римских соглашений. Затем следует красочная карта Европы, с выделением на ней стран-участниц, где особо указано, в каких именно странах имеет хождение единая валюта. Далее представлены изображения номиналов монет и купюр евро. Видимо, здесь нашло свое выражение представление о значении единой валюты для конструкции европейской идентичности: этот символ, имеющий влияние на повседневную жизнь рядовых европейцев, еще раз напоминает им о том, что они принадлежат к чему-то большему, нежели национальное государство. Опросы общественного мнения показывают, что у жителей стран, не входящих в еврозону, европейская идентичность не так сильна, по сравнению с теми государствами, которые имеют на своей территории общеевропейскую валюту. Из 38% тех, кто считает себя только представителям своей национальности, 49% респондентов проживают в странах, не присоединившихся к единой валюте, в то время как в зоне евро таких людей 33% [14].

Остальные страницы посвящены каждой из стран ЕС: за основу берется карта государства, на которой размещаются рисунки знаковых для данной территории явлений. На картинках изображены исторические персоналии, наиболее прославленные деятели науки и культуры, самые узнаваемые и даже стереотипные для массового сознания символы, ассоциирующиеся с этим государством. В выборе символов наблюдается большое разнообразие: это животные, памятники архитектуры и искусства, блюда, герои современной массовой культуры, фольклора и т.д. Конечно, этим составители стремились показать равноценный вклад каждой из стран ЕС в общую сокровищницу европейской цивилизации. Однако трудно не заметить, что вклад каждой из стран различается по степени значимости, что обусловлено рядом причин. Кроме того, авторы пытались показать страны исключительно с положительной стороны, что тоже имеет свое объяснение: недопустимо, чтобы в образ единой Европы, к тому же адаптированный для детей, попали какиелибо негативные моменты.

Для детей, попадающих в возрастную группу 9—12 лет, приготовлено издание «Let's explore Europe!» («Исследуй Европу!») [15].

Здесь юных читателей «проводят» сквозь европейскую историю: от дописьменного периода до начала европейской интеграции. Авторы останавливаются только на благоприятных моментах истории: «изобретение» демократии античными греками, римское право, средневековая христианская культура, взлет эпохи Ренессанса, индустриальная революция (правда, уже уточняется, что, помимо создания «океанских лайнеров, автомобилей и бытовой техники, индустриальная эпоха сотворила мощное оружие и бомбы» [Ibid. P. 25]).

Конечно, не обошлось без упоминания триумфа европейцев периода великих географических открытий, давшего толчок развитию естественных наук; здесь детям внушается мысль, что именно изобретения европейцев создали современный мир. Особо упоминается и эпоха Просвещения, идеи которой легли в основу Великой французской революции, «когда люди решили, что не хотят больше правления королей и королев», но дали миру лозунг «свобода, равенство, братство» [Ibid. Р. 27]. Отметим, что все пере-

численные исторические явления и события имеют значение, прежде всего, для Западной Европы, которая предстает и генератором «европейских ценностей», которые распространились на страны иной, не-Западной Европы. В этом проявляется унифицирующий характер европейской идентичности. Слабые попытки упоминания достижений стран Восточной и Южной Европы теряются на фоне «ценностной экспансии» Западной Европы.

Как уже говорилось, авторы делают акцент на положительных событиях европейской истории: это необходимо для создания привлекательного образа Европы, после знакомства с которым дети захотят идентифицировать себя как европейцы. Однако составители не могли не затронуть несколько «уроков истории», а именно войны между народами Европы («которые всегда велись за материальные ценности или из-за религии»), последствия колониальной экспансии и две мировые войны, «ссоры в европейской семье» [15. Р. 28]. Стоит отметить, что Вторая мировая война упоминается в следующем контексте: европейцы осознали, что вооруженным конфликтам нет места на континенте, но мирное обсуждение проблем и сотрудничество являются действительным выходом. Вторая мировая война интересует составителя постольку, поскольку она явилась тем толчком, который запустил процесс интеграции.

Далее следует перечисление ряда компонентов, являющихся, по сути, составными европейской идентичности: «Мы, европейцы, принадлежим к разным странам, но похожи на одну большую семью» [Там же. Р. 29]. Причины этого лежат в следующем: европейцы живут на одном континенте в течение многих веков; языки имеют большое число сходных черт; сохраняется тесная связь между людьми, живущими в разных европейских странах; общие истоки многих традиций, обычаев и праздников; общее культурное наследие; вера европейцев в честную конкуренцию, добрососедство, право на свободу отстаивать собственное мнение, взаимоуважение. Конечно, специфика стран важна, но «мы можем радоваться тому общему, что имеем, будучи европейцами» [Там же]. На наш взгляд, это перечисление сразу после упоминания Второй мировой войны имеет свою логику и возникало здесь не случайно: события Второй мировой войны не стали достоянием истории в тот момент, когда политические элиты начали процесс объединения, а поколение европейцев, прошедших войну, еще помнило о том, кто был по разные стороны баррикад. По этой причине политикам, запустившим интеграцию, необходима была идея, которая содержала бы в себе объединительное и мирное ядро и подводила бы народы Европы к мысли о том, что все они являются «одной большой европейской семьей».

История европейской интеграции с момента создания Европейского сообщества угля и стали (1949) и Европейского экономического сообщества (1957) до учреждения Европейского Союза (1992) показана как поступательное движение к более благополучному и прогрессивному обществу. Достичь этого удалось посредством построения общего рынка, выгоды кото-

рого быстро стали очевидны как для стран-участниц, так и для соседних стран, которые присоединялись к сообществу позднее. Авторы отмечают, что ЕЭС изменилось, и теперь было нацелено не только на общую экономику (ведь строительство общего рынка завершилось к 1992 г.), но и на совместные проекты по строительству и усовершенствованию систем коммуникаций, взаимопомощь, скорейшее открытие границ для свободы передвижений граждан. Словом, это был совершенно иной уровень интеграции, открывший новую страницу в славной истории Европы. Как видим, здесь совсем не упоминаются какие-либо негативные моменты, трудности, возникавшие в ходе строительства единой Европы, разногласия между странами. Но, пожалуй, самым триумфальным для Европы событием оказались падение «железного занавеса» и распад восточного блока. Долгое время в дискурсе европейских политиков и общественности существовал взгляд на СССР как главную помеху объединения Европы, в какой-то степени сохранившийся и сейчас [18]. В данной продукции не нашлось места для упоминания Советского Союза, однако мысль о том, что страны Восточной и Центральной Европы, вышедшие из его сферы влияния после 1989 г., и начавшие проводить демократические реформы по западноевропейскому образцу, стали частью европейской свободной семьи, видна отчетливо.

Юным европейцам рассказывается о том, как в течение долгого времени народы западной и восточной Европы были разделены, потому что правители восточной части верили в систему управления под названием «коммунизм», что привело к тяжелым условиям жизни для населения. И когда все большее число людей спасались бегством на Западе, власти построили стены и укрепления, такие как в Берлине, с целью предотвратить миграции. Многие люди, совершившие попытки покинуть страну без разрешения, были убиты на месте. Но, наконец, в 1989 г. разделение закончилось, Берлинская стена пала, «железный занавес» перестал существовать, коммунистическая система была сломлена. «Они, в итоге, стали свободны, и наступил праздник!» [15. Р. 33]. Свободные страны практически сразу изъявили желание присоединиться к ЕС, получили статус кандидатов и время, чтобы приобрести соответствие критериям стран участниц Европейского Союза (работоспособная экономика, демократия, свободы личности, уважение к правам человека). Последующее расширение Евросоюза (2004, 2007 и 2013 гг.) названо подлинным «воссоединением семьи», когда Западная, Восточная и Центральная Европа стала одним целым.

Здесь в наиболее полной форме отражается концепция «большой европейской семьи», которая смогла воссоединиться после падения коммунистических режимов, бывших до этого самым главным препятствием на пути к единой Европе.

В следующем разделе речь идет об успехах ЕС в различных сферах, таких как борьба с глобальным потеплением и защита окружающей среды, хождение единой валюты, облегчающей как ведение бизнеса, так и повседневную жизнь, новый уровень свободы

передвижения внутри Европы, создание доступных рабочих мест, помощь проблемным регионам и поддержка неевропейских бедных стран. Но главным достижением ЕС авторы называют искоренение войн на европейском континенте, а также помощь в установлении мира в других регионах (например, «наведение порядка в бывшей Югославии» [15. Р. 36]).

Завершающий раздел посвящен описанию функционирования институтов Европейского Союза, а также вызовов, с которыми сталкивается современная Европа. Первой проблемой авторы называют обеспечение молодежи Европы работой и, как следствие, уверенность в будущем. Это «нелегко, поскольку компании предпочитают дешевую рабочую силу из других частей света» [Там же. Р. 42]. Далее следует вполне логичный призыв к сегодняшним европейским детям быть ответственными за судьбы Европы как сейчас, так и потом, когда они станут взрослыми европейцами. И, разумеется, будущее определяется только совместными действиями.

Еще одним примером формирования европейской идентичности через чувство солидарности и интереса к другим странам континента является буклет «Паспорт Европейского Союза» [19]. Концепт «единство в разнообразии» проходит здесь красной линией, поскольку на страницах этого издания отражены представления о культурах, традициях и положительных стереотипах каждого из 28 государств, входящих в ЕС. Столь непохожие европейские культуры все же находятся в едином географическом и политическом пространстве и вместе составляют особую цивилизацию Европы.

Отметим, что Европейский Союз — не единственный политический актор, создающий продукцию с целью формирования идентичности, ориентированную на детскую аудиторию. Так, на официальном сайте Президента Российской Федерации существует специальный раздел «Гражданам школьного возраста» [20]. Если посмотреть на сайт Президента РФ, то сложится впечатление, что здесь хотят сформировать «гражданина» в ограниченном, формальном смысле этого слова. Нет ни России, ни её культурного богатства и своеобразия, ни тех, кто является наиболее яркими выразителями «национального духа». Зато есть институты государственной власти, конституция, история власти. Российская идентичность находится в вакууме, будто бы порвавшая со всем наследием России.

В Европе все-таки хотели бы видеть «европейского гражданина» в том смысле, что это гражданин не только формально-юридически, но и тот человек, который понимает важность европейского культурного наследия, европейской идеи, ценностей и пр. Европа, так или иначе, предстает здесь неким самоценным образованием со своей историей, людьми. Россия – словно государство и только. Есть ветви власти, есть армия, являющаяся ключевым институтом и гарантом устойчивости суверенного государства. Россия без своих корней, разве что прошлое отражается в истории власти (читай – правителей).

Таким образом, официальная точка зрения ЕС на образ Европы, адаптированная для детей, получила отражение в специальной печатной продукции, вы-

пускаемой под эгидой Европейской комиссии. Информация, размещенная в этих изданиях, преследует несколько целей:

- 1. Дать представление о странах, входящих в состав ЕС.
- 2. Показать культурное разнообразие, присущее этим странам, которое, однако, не мешает единству внутри Европы.
- 3. Рассказать об истории, достижениях и деятельности Евросоюза.

Эти цели «лежат» на поверхности. Однако не столь очевидно следующее: в первую очередь, Евросоюз заинтересован в том, чтобы новые поколения европейцев с детства привыкли думать о единой Европе только в положительном ключе. Для этого был осуществлен отбор некоторых событий европейской истории, демонстрирующих исключительно благоприятные моменты на пути к созданию ЕС. Конечно, авторы вскользь упоминают о войнах, в том числе о Второй мировой войне, главным последствием которой стало осознание важности совместных действий ради будущего Европы. Повествуя об этапах евроинтеграции, составители не касаются проблем и трудностей, возникших в ходе построения единого пространства. Напротив, речь идет только об успехах и преимуществах тех стран, которые стали частью сначала ЕЭС, а затем и ЕС. В каком-то смысле это похоже на национальные нарративы истории, существовавшие в течение двух последних столетий: саморепрезентация Европейского Союза раскрывается через представление о том, что вся история европейского континента - предшествующий этап перед кульминацией - созданием единого пространства ЕС. Причем упор делается именно на западноевропейскую историю, историю «Старой Европы», в которую «новым» странам приходится вписываться. европейским Стремление выдать западноевропейскую историю за исторический путь всего континента приводит если не к искажению действительности, то к умолчанию определенной части реальности. Рефрен «европейского разнообразия», который так важен для понимания политики ЕС в области конструирования европейской идентичности, на деле оборачивается сведением всех социокультурных моделей Европы к западноевропейскому образцу. Не стоит забывать о том, что европейская интеграция подразумевала экономическое измерение, однако в данной печатной продукции видна попытка представить её как нечто изначально большее с ретроспективным указанием на глубокие исторические корни единства европейцев. Такой подход приводит к построению новых мифологем, которые необходимы для конструкта идентичности.

Большое внимание уделено истории падения железного занавеса и «воссоединению европейской семьи», которое подано как триумф Европы и закономерное событие: ведь коммунистическая система препятствовала завершению строительства единого пространства континента. Но, пожалуй, главное назначение подобной продукции заключается в развитии европейской идентичности у детей, чувства солидарности с другими странами-участницами, взгляда

на Европейский Союз как единственно возможную форму существования Европы. Здесь наблюдается подмена понятий: ЕС выступает от имени Европы, и для молодого поколения это, пожалуй, приемлемо: ведь другой Европы оно не знает. ЕС не отменяет национальную идентичность. Но он явно приспосабливает её, модифицирует в том ключе, в котором считает нужным. Национальная идентичность в этом смысле приобретает проевропейский оттенок: государство, в котором проживает индивид, - это часть единой Европы, и чем оно благополучнее, тем лучше для Европы. ЕС, скорее, стремится встроить европейскую идентичность в систему идентичностей европейца, однако по возможности выше, чем национальную. Идентичность гражданина Европы с определенными возможностями, правами и обязанностями, транслируемая через программы Евросоюза и его институты, доступна только для стран, входящих в ЕС. В частности, речь идет о возможностях Шенгенского пространства с его свободой передвижения, проживания в других европейских странах, а также о единой валюте. Европейское гражданство, дополняющее национальное, - важный фактор складывания европейской идентичности, ведь граждане получают политические, экономические и социальные права на уровне всего единого европейского пространства.

Для ЕС важно, чтобы будущие граждане Европы понимали те преимущества, которые дает им Евросоюз. Неудивительно, что при постановке такой цели социальный заказчик (официальные структуры ЕС) акцентирует внимание юных читателей на положительных моментах, которые способны дать некий эмоциональный отклик: только в этом случае у детей возникнет желание чувствовать себя европейцами и быть лояльными к Евросоюзу.

Стоит отметить, что печатные издания, проанализированные нами, не являются официальными учебными пособиями, но рекомендуются Европейской комиссией как вспомогательная литература, при помощи которой учителя могут знакомить детей с Европой. Тем не менее эти материалы достаточно ясно демонстрируют то, приверженцами каких взглядов элиты Евросоюза они желали бы видеть будущих взрослых граждан ЕС.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Сластенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н. и др. Педагогика: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / под ред. В.А. Сластенина. М.: Академия, 2002. 576 с. URL: http://krotov.info/lib_sec/shso/71_slas2.html (дата обращения: 15.05.2016).
- 2. Арапина С.В. Европейская идентичность: теория и практика (некоторые аспекты). URL: ashpi.asu.ru/ic/?p=2232 (дата обращения: 04.05.2016).
- 3. Document on the European Identity published by Nine Foreign Ministers (Copenhagen, 14 December 1973). http://aei.pitt.edu/4545/1/epc_identity_doc.pdf (дата обращения: 16.05.2016).

 4. Kantner C. What is European identity? The emergence of a shared ethnical self-understanding in the European Union // EUI Working Papers.
- RSCAS No.2006/28. URL: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/6226/RSCAS_2006_28.pdf?sequence=1 (дата обращения: 04.05.2016).
- 5. The Development of European identity/identities: Unfinished business. A policy review. URL: https://ec.europa.eu/research/socialsciences/pdf/policy_reviews/development-of-european-identity-identities_en.pdf (дата обращения: 15.05. 2016).
- 6. Burgess J. Peter. What's so European about the European Union? Legitimacy between Institution and Identity // European Journal of Social Theory. 2002. № 5(4). P. 467-468.
- 7. Гетман М.А. Европейская идентичность глазами европейцев; микроанализ интернет-форума сайта Eupedia // Вестник магистратуры. 2015. № 12 (51), т. 1. C. 83-87.
- 8. Дериглазова Л.В. Деятельность Европейского союза по формированию европейской идентичности // Алтайская школа политических исследований. URL: http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2273 (дата обращения: 03.05.2016).
- 9. Cinpoes R. From national identity to European identity // Journal of Identity and Migration Studies. 2008. Vol. 2, № 1. P. 3-14.
- 10. Левада Ю.А. Люди и символы. Символические структуры в общественном мнении. Заметки для размышления // Мониторинг общественного мнения. 2001. № 6 (56). С. 7-13.
- 11. Siljanovska L. The Politicization of European Identity in International Scientific Circles // Social Sciences. 2013. Vol. 2, № 2. P. 66–75.
- 12. Климова Г.С. Европейский Союз и проблема формирования наднациональной идентичности // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: сб. науч. ст. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. С. 92-103.
- 13. Bruter M. Winning hearts and minds for Europe. The Impact of News and Symbols on Civic and Cultural European Identity // COMPARATIVE POLITICAL STUDIES. December 2003. Vol. 36, № 10. P. 1148–1179.
- 14. Standard Eurobarometer 83 / Spring 2015. European citizenship. Report // European Commission. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb83/eb83_citizen_en.pdf (дата обращения: 26.04.2016).
- 15. Let's explore Europe! // EUROPA. Teachers' corner. URL: http://bookshop.europa.eu/en/let-s-explore-europe--pbNA0114598/ (дата обращения: 29.02.2016).
- 16. United in diversity // EUROPA. Teachers' corner. URL: http://bookshop.europa.eu/en/united-in-diversity-pbKC0113688/ (дата обращения: 29.02.2016).
- 17. All about the EU // EUROPA. Teachers' corner. URL: http://europa.eu/teachers-corner/0 9/index en.htm (дата обращения: 29.02.2016).
- 18. The Fall of the Soviet Union and Reunification of Europe / Webzine of the Young European Federalists. URL: http://www.thenewfederalist.eu/ The-Fall-of-the-Soviet-Union-and-Reunification-of-Europe (дата обращения: 05.05.2016).
- 19. Passport to the European Union//EUROPA. Teachers' corner. URL: http://bookshop.europa.eu/en/passport-to-the-european-union-pbIK0215959/ (дата обращения: 26.04.2016).
- 20. Президент России гражданам школьного возраста // Президент России. URL: http://kids.kremlin.ru/index.php (дата обращения: 16.05.2016).

Статья представлена научной редакцией «История» 1 июня 2016 г.

"EUROPE FOR KIDS": THE ADAPTED VERSION OF THE EUROPEAN UNION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 50-57.

DOI: 10.17223/15617793/410/8

Margarita A. Getman, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: margarita.getman2015@yandex.ru Keywords: European Union; European identity; education.

The article considers practices of European identity construction which target on children of the 0-15 age group. The European Union promotes European identity among its citizens, and pays special attention to young Europeans through the educational system. It is education that has a specific role in transferring views to children and young citizens by social institutions, because community needs to maintain its basic beliefs. If one analyzes the content of school education, it is easy to understand the ideals and purpose the society wants to achieve. Nowadays the European Union faces challenges to European identity and a crisis of it appears in the increase of Euroscepticism and regionalism. But European identity is still one of the most important issues of the EU, because the future of the united Europe depends on the Europeans' capabilities to accept this feeling of belonging to one community: there is no supranational union without a unifying idea which brings together the mosaic of Europe. The European Union constructs its own image of Europe and translates it through special publications for kids of different age printed under umbrella of the European Commission. These materials aim to represent the official point of view on European history and the European Union and also help children to create the feeling of "European identity". Children should feel proud of being Europeans and belonging to the big European family. Knowing the history of the continent, they can understand the significance of the European path that let Europeans build a common space as a result of all historical development. Public opinion polls demonstrate that adult citizens of the EU do not have a strong feeling of European identity. This fact explains why the political elite concentrates on the future generation of Europeans, who are used to thinking about themselves as part of the "European family" since childhood. The printed materials mentioned above make emphasis only on the great moments of European history. For example, the development of the EU integration is shown as a progressive advance to a more fair and prosperous community without touching any difficulties and problems arising during the creation of a united Europe. The EU conception "United in Diversity" is represented in full measure in these materials: compilers tell that the dissimilitude of the continent's cultures and traditions is not a barrier for the realization that all Europeans have common roots, and all states make an equal contribution to the European civilization treasury. The aim of these publications is to form a good image of Europe and the EU among young citizens. Such an image makes children want to relate themselves to the united Europe. Besides, the EU is interested in the understanding of Europe as identical to the European Union, a formation that makes itself legitimate using the European culture legacy. Thus, the analysis of the printed materials allows receiving the idea of what future adult citizens of Europe must support according to the elite of the European Union.

REFERENCES

- Slastenin, V.A. (ed.) (2002) Pedagogika [Education]. Moscow: Akademiya. [Online] Available from: http://krotov.info/lib_sec/shso/71_slas2.html. (Accessed: 15th May 2016).
- 2. Arapina, S.V. (2013) Evropeyskaya identichnost': teoriya i praktika (nekotorye aspekty [European Identity: Theory and Practice (some aspects)]. [Online] Available from: ashpi.asu.ru/ic/?p=2232. (Accessed: 04th May 2016).
- 3. Aei.pitt.edu. (1973) Document on the European Identity published by Nine Foreign Ministers (Copenhagen, 14 December 1973). [Online] Available from: http://aei.pitt.edu/4545/1/epc_identity_doc.pdf. (Accessed: 16th May 2016).
- 4. Kantner, C. (2006) What is European identity? The emergence of a shared ethnical self-understanding in the European Union. EUI Working Papers. RSCAS No. 2006/28. [Online] Available from: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/6226/RSCAS_2006_28.pdf?sequence=1. (Accessed: 04th May 2016).
- Ec.europa.eu. (2012) The Development of European identity/identities: Unfinished business. A policy review. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/research/social-sciences/pdf/policy_reviews/development-of-european-identity-identities_en.pdf. (Accessed: 15th May 2016).
- 6. Burgess, J.P. (2002) What's so European about the European Union? Legitimacy between Institution and Identity. *European Journal of Social Theory*. 5(4), pp. 467–468.
- 7. Getman, M.A. (2015) Evropeyskaya identichnost' glazami evropeytsev: mikroanaliz internet-foruma sayta Eupedia [European identity through the eyes of Europeans: microanalysis of the internet forum of the Eupedia site]. *Vestnik magistratury*. 12 (51):1. pp. 83–87.
- 8. Deriglazova, L.V. (2013) Deyatel'nost' Evropeyskogo soyuza po formirovaniyu evropeyskoy identichnosti [Activities of the European Union on the formation of European identity]. [Online] Available from: http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2273. (Accessed: 03rd May 2016).
- 9. Cinpoes, R. (2008) From national identity to European identity. Journal of Identity and Migration Studies. 2:1. pp. 3–14.
- 10. Levada, Yu.A. (2001) Lyudi i simvoly. Simvolicheskie struktury v obshchestvennom mnenii. Zametki dlya razmyshleniya [People and symbols. The symbolic structures in public opinion. Notes for reflection]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*. 6 (56), pp. 7–13.
- 11. Siljanovska, L. (2013) The Politicization of European Identity in International Scientific Circles. Social Sciences. 2:2. pp. 66-75.
- 12. Klimova, G.S. (2015) Evropeyskiy Soyuz i problema formirovaniya nadnatsional'noy identichnosti [The European Union and the problem of the formation of a supranational identity]. In: Nam, I.V. & Kharus', O.A. (eds) *Chelovek v menyayushchemsya mire. Problemy identichnosti i sotsial'noy adaptatsii v istorii i sovremennosti* [Man in a changing world. Issues of identity and social integration in the history and the present]. Tomsk: Tomsk State University.
- 13. Bruter, M. (2003) Winning hearts and minds for Europe. The Impact of News and Symbols on Civic and Cultural European Identity. *Comparative Political Studies*. December. 36:10. pp. 1148–1179. DOI: 10.1177/0010414003257609
- 14. European Commission. (2015) Standard Eurobarometer 83. Spring 2015. European citizenship. Report. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/public_opinion/ar-chives/eb/eb83/eb83_citizen_en.pdf. (Accessed: 26th April 2016).
- 15. European Commission. (2014) Let's explore Europe! [Online] Available from: http://bookshop.europa.eu/en/let-s-explore-europe-pbNA0114598/. (Accessed: 29th February 2016).
- European Commission. (2014) United in diversity. [Online] Available from: http://bookshop.europa.eu/en/united-in-diversity-pbKC0113688/. (Accessed: 29th February 2016).
- 17. European Commission. (2015) All about the EU. [Online] Available from: http://europa.eu/teachers-corner/0_9/index_en.htm. (Accessed: 29.02.2016).
- 18. Webzine of the Young European Federalists. (2008) *The Fall of the Soviet Union and Reunification of Europe* [Online] Available from: http://www.thenewfederalist.eu/ The-Fall-of-the-Soviet-Union-and-Reunification-of-Europe. (Accessed: 05th May 2016).
- 19. European Commission. (2015) Passport to the European Union. [Online] Available from: http://bookshop.europa.eu/en/passport-to-the-european-union-pbIK0215959/. (Accessed: 26th April 2016).
- 20. Kids.kremlin.ru. (n.d.) *Prezident Rossii grazhdanam shkol'nogo vozrasta* [The President of Russia to the citizens of school age]. [Online] Available from: http://kids.kremlin.ru/index.php. (Accessed: 16th May 2016).

Received: 01 June 2016

УДК 94(571.15)"1918":352.2

А.Г. Гордеев

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЛТАЙСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВЫ (ИЮНЬ – ИЮЛЬ 1918 г.)

Исследуется процесс восстановления работы высшего земского органа в Алтайской губернии. В основе исследования лежит анализ архивных документов о деятельности алтайского земства в указанный период. Изучается весь комплекс мер, проводившихся в губернии для восстановления разрушенной системы управления, оценивается общий уровень эффективности проводимых мероприятий, раскрывается структура аппарата Алтайской губернской земской управы, рассматривается финансовое положение, в котором оказалось алтайское земство после восстановления своей деятельности.

Ключевые слова: земства; местное самоуправление; Алтайская губерния; внутренняя политика; антибольшевистские правительства; Гражданская война.

Процесс изменения и трансформации органов местного самоуправления до сих пор не завершён в России. Опыт возрождения и формирования демократических органов имеется в нашей истории и, как нам кажется, его следует тщательно изучать. Исследование процессов восстановления земской деятельности на губернском уровне поможет яснее понять принципы построения губернской власти. Хронологические рамки определены нами с июня 1918 г. по июль 1918 г. Первая дата связана со свержением на территории Сибири советской власти. Вторая хронологическая граница обозначена нами в связи с выборами, прошедшими 11 июля в Алтайскую губернскую земскую управу. Вопрос о возможности существования альтернативы большевистской диктатуре является основополагающим для понимания такого сложного периода в истории, как Гражданская война в России.

Интерес исследователей к данному вопросу обозначился только в конце 1980-х гг. Одним из векторов изучения антибольшевистского лагеря стали рассмотрение и анализ деятельности органов местного самоуправления. Как отмечает В.М. Рынков, в период с 1920-х по 1980-е гг. местные органы власти рассматривались лишь с точки зрения их ликвидации и замены советами [1. С. 127]. Вышедшая в 2006 г. коллективная монография «История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века» обозначила то направление, в котором в настоящее время изучаются земские органы местного самоуправления: в центре внимания исследователей оказались процесс формирования земств, а также их деятельность в период революции и Гражданской войны [2. С. 120]. Сибирь являлась центром борьбы за российскую государственность, в частности, В.Д. Зимина рассматривала её как логичную эволюцию имперской государственности [3. С. 263]. Поэтому изучение огромного опыта в построении местного самоуправления вне системы советов позволит понять более точно процессы, протекавшие на данной территории во время Гражданской войны. Изучению деятельности алтайского земства в период Гражданской войны посвящены работы Я.Е. Кривоносова и Н.А. Яковлевой. Я.Е. Кривоносов описывает общие закономерности в деятельности алтайского земства. Н.А. Яковлева более подробно рассматривает работу Алтайской губернской земской управы (см. статью «Деятельность алтайского земского самоуправления в 1917–1919 годах»). Однако, на наш взгляд, этот вопрос достоин более детального описания, например, в указанных исследованиях не освещён сам механизм восстановления деятельности земских органов власти [4, 5].

Цель нашего исследования — показать процесс восстановления деятельности Алтайской губернской земской управы. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: описать процесс преодоления организационного кризиса, финансовое положение алтайского земства. В основе исследования лежит анализ опубликованных и неопубликованных архивных документов.

Сибирское земство, не имея такой обширной истории, как земство Европейской России, смогло предложить альтернативную модель местного самоуправления. По своему социально-политическому развитию особое место в истории «белой» Сибири занимает Алтайская губерния. На момент свержения власти население губернии большевиков составляло 2,5 млн чел. [5. С. 99]. Это превышало население остальных губерний Западной Сибири, что вносило свои коррективы в построение земской модели власти в губернии: по нашему мнению, власть вынуждена была учитывать интересы больших, по сравнению с остальной Сибирью, групп населения. К тому же для обслуживания нужд такого количества населения требовалось больше денежных средств.

Центральным органом земства являлась Алтайская губернская земская управа. Она возникла на основании постановления Временного правительства от 17 июня 1917 г. «О введении земских учреждений» в июле 1917 г. Деятельность управы была прервана 23 марта 1918 г. Вся власть перешла к исполкому Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Упразднение советами земской управы привело к параличу деятельности её отделов, управление которыми было передано в созданный комитет. Однако на практике ими руководили заведующие отделами, а иногда и просто инициативные служащие, пытавшиеся уберечь остатки земства от окончательного разрушения [6. С. 487].

В ходе произошедшего в Сибири антибольшевистского переворота деятельность земств была возобновлена: 15 июня 1918 г. Барнаул был занят белогвардейцами, а уже 19 июня, после прибытия в город председателя управы И.И. Дятлова, работа Алтайской губернской земской управы была восстановлена. Первым мероприятием восстановленного земства явилось совещание членов управы. Оно состоялось 21 июня в следующем составе: И.И. Дятлов, П.Б. Кленце, Л.Д. Гаврюшенко, Д.И. Зверев, В.А. Черневский. В ходе совещания решили немедленно созвать первое чрезвычайное Алтайское губернское земское собрание, которое состоялось 5 июля 1918 г. Одновременно губернским центром указывалось всем уездным земским управам назначить очередные уездные земские собрания сразу после окончания губернского [6. С. 483].

Земство приступало к работе в сложных экономических и политических условиях. После начала работы первого Алтайского чрезвычайного губернского собрания, которое состоялось 5 июля 1918 г. в городе Барнауле, было выяснено текущее положение вещей в губернии: организация земства была разрушена; отделы, обслуживавшие жизнь и хозяйство Алтайской губернии, были переведены в центральные губернские однородные отделы, а отдел сельского хозяйства представлял собой только секретариат с придатком к нему несформировавшегося агрономического отдела при одном инструкторе; страховой подотдел состоял при отделе сельского хозяйства автономно [7. Л. 81].

Сложность воссоздания, а фактически создания, алтайского земства заключалась в том, что параллельно продолжался начатый ещё при Временном правительстве процесс выделения Алтайской губернии из Томской. Поэтому на данном собрании ставились вопросы организационного характера и вопросы, связанные с деятельностью отделов. Принятая в ходе дискуссий резолюция собрания отражала общий дегласных. мократический настрой собравшихся Например, в резолюции указывалось на то, что выборы в Сибирское Учредительное собрание должны проходить на основе «всеобщаго, равного, тайного и прямого избирательного права» [8. Л. 4]. На собрании был принят текст приветственной телеграммы Временному Сибирскому правительству и главнокомандующему сибирской армией Гришину-Алмазову. Также было заявлено о недопустимости политической мести по отношению к инакомыслящим, тем самым земцы дистанцировались от военной власти [5. С. 98]. Работа по восстановлению земского управления велась по всей губернии. Следует отметить высокую активность земских деятелей в Алтайской губернии. Ярким примером может служить список гласных, присутствовавших на сессии чрезвычайного алтайского губернского земского собрания: от Барнаульского уезда было 18 гласных, от Бийского – 9, от Славгородского – 8, от Змеиногорского – 5, от города Барнаула – 5 гласных. Также присутствовали представители уездов: от Каракорума – 2, от Каменского уезда – 8; член губернской земской управы (не гласный) – 1 (П.П. Титаренко); член Каменской земской управы с правом совещательного голоса – 1 (А.А. Бернадский) [8. Л. 33].

7 июля 1918 г. собрание перешло к рассмотрению того, в каком положении находится земство в уездах. Были заслушаны доклады представителей уездных земских управ. Первым выступал А.А. Бернацкий из

Каменского уезда. Проанализировав его доклад, можно понять, что на момент начала губернского собрания земское самоуправление было восстановлено, однако функции земств в некоторых местах пока выполнялись Временными исполнительными комитетами. Следующий доклад был А.А. Девизорова из Славгородского уезда. Он обрисовывал отрицательное отношение крестьян к советской власти. По его словам, уездная земская управа приступила к работе уже с 11 июня, а вслед за этим восстановились многие волостные управы. На народном собрании, где участвовало до 500 депутатов от крестьян, земскому самоуправлению было выражено полное доверие. Григорьев из Змеиногорского уезда заявил о лёгком восстановлении земства. По его словам, этому способствовало то, что фактически волостные земские управы продолжали существовать и при советской власти. Представитель Бийского уезда М. Зятьков в докладе отметил, что Бийская земская управа официально возвратилась к деятельности 20 июня, после свержения советской власти. Также в докладе упоминалось, что пять волостных управ, наиболее удаленных от центра, продолжали свою деятельность и при советской власти. Ситуацию в Барнаульском уезде охарактеризовал К.Ф. Кривчиков. Им было сообщено, что уездная управа приступила к работе 16 июня. Как представитель города Барнаула выступал П.А. Казанский. После освобождения от большевиков городская дума была собрана 16 июня вечером. Переизбрание думы намечено на 18 августа. Также был назван состав управы: 3 социал-демократа и 3 социал-революционера [8. Л. 5].

Таким образом, алтайское земство достаточно оперативно приступило к определению, в каком положении находится губерния. Для этой цели 8 июля 1918 г. были учреждены комиссии и произведена запись в них. Для комиссий был избран следующий порядок работы: 1) в комиссии должно быть не менее 5 человек; 2) в каждой комиссии должны быть избраны председатель и секретарь; 3) комиссиям должно быть представлено право кооптации сведущих лиц; 4) время занятий должно производиться с перерывами по принятому регламенту; 5) по окончании работ комиссии председатель комиссии, гласные входили с решающим голосом в другую комиссию; 6) по окончании работ комиссии председатель комиссии заявлял об этом президиуму собрания и назначал докладчика.

В итоге были оформлены следующие комиссии: финансовая (9 человек), комиссия народного образования (12 человек), страховая (6 человек), врачебноветеринарная и агрономическая (по 10 человек), дорожно-гонебная (9 человек), штатная (6 человек). Поскольку в комиссии по организации милиции не оказалось записавшихся, было решено, что она будет составлена из лиц тех комиссий, которые первыми закончат свою работу [Там же. Л. 7]. Можно предположить, что земцы не хотели брать на себя ответственность за такое важно дело, как организация милиции.

В ходе чрезвычайного алтайского губернского земского собрания были четко поставлены задачи перед алтайским самоуправлением. Круг обозначав-

шихся вопросов не ограничивался лишь узким ведомством созданных отделов. Первостепенной проблемой, вставшей перед земскими деятелями, прежде всего, объявлялись охрана чести, жизни и имущества населения, а также организация необходимого для выполнения поставленной задачи аппарата милиции. На данном этапе оформления российской государственности милиция в Сибири находилась в ведении земств. Однако если мы обратимся к указанному выше факту об отсутствии записавшихся в комиссию по организации милиции, то напрашивается вопрос: насколько такая постановка задачи носила декларативный характер?

Второй неотложной задачей было восстановление печатного земского органа, необходимого для широкого и быстрого осведомления населения во всем, что касается законов, порядков и устроения земской жизни. Также было объявлено о начале процесса перехода в ведение губернского земства всех существовавших учреждений по призрению сирот, воинов, инвалидов и т.п., по закону входивших в круг обязанностей земских учреждений. Данный комплекс мер постепенно приводил в соответствие реальную жизнь с законом о земстве. К переходу в управление местных органов власти готовилось и дело продовольствия, хотя оговаривалось, что скорее это задача не ближайших дней, а недалекого будущего. Земельные комитеты предполагалось также передать в ведение органов местного самоуправления [8. Л. 31].

Далее губернское собрание перешло к выборам членов и председателя Алтайской земской управы. Выборы проводились на основе Положения о земских учреждениях от 1912 г. Тем самым обосновывалась историческая преемственность власти. Согласно ст. 96, число членов управы было расширенно до шести человек, председатель не входил в это число [Там же. Л. 16]. Выборы прошли 11 июля 1918 г. Большинством голосов председателем управы был избран Меринов; членами — Доценко, Дятлов, Казанский, Фаддеев, Исаков, Ненашев [Там же. Л. 12–14].

Восстановленная структура отделов Алтайской губернской земской управы была следующей: 1) секретариат; 2) бухгалтерия; 3) финансово-окладной отдел; 4) инструкторский отдел; 5) отдел народного образования; 6) агрономический отдел; 7) страховой отдел; 8) отдел призрения; 9) врачебно-санитарный отдел; 10) ветеринарный отдел; 11) земельный отдел; 12) статистический отдел; 13) дорожно-строительный отдел; 14) библиотеки; 15) хозяйственный отдел.

Выделим наиболее значимые для нас функции отделов. 1. В обязанности финансово-окладного отдела входил учет объектов обложения в доход земства количества удобных земель и лесов крестьян, иногородцев, городов, частных лиц, составление приходнорасходной ведомости губернского земства и т.д. 2. Задачи инструкторского отдела — ознакомление населения с принципами местного самоуправления; руководящие указания по всем отраслям земской жизни; непосредственная постановка на местах единообразного делопроизводства; организация выборов как в земские волостные и уездные гласные, так и в Учредительное собрание; подготовка земских работников для волостных земских управ и регистрация уже работающих на местах. 3. Отдел народного образования занимался организацией дошкольного, школьного, внешкольного образования. 4. Агрономический отдел был ответствен за принятие мер к улучшению сельского хозяйства. 5. Страховой отдел занимался сельским страхованием и пожарными мероприятиями по всей губернии. 6. Земельный отдел собирал необходимые для земельной реформы сведения. 7. Хозяйственный отдел руководил всей хозяйственной частью губернской земской управы [9. Л. 5].

В зависимости от обширности работ, стоящих перед отделами, находилось количество служащих. Состав служащих отделов был следующим: секретариат - 11 служащих; бухгалтерия - 8; финансовоокладной – 4; инструкторский – 6; народного образования – 5; агрономический – 20; страховой – 31; призрения – 4; врачебно-санитарный – 9; ветеринарный – 4; земельный – 6; статистический – 1; дорожный – 6; библиотека - 1; хозяйственный - 12 [8. Л. 7]. Улучшение урожайности и земское страхование являлись самыми острыми вопросами и требовали наибольшего приложения усилий, видимо, поэтому в агрономический и страховой отделы было нанято наибольшее количество людей. Однако вызывает ряд вопросов малое (всего 6) число служащих в инструкторском отделе. Исходя из обширности и важности для государства возложенных на него функций, данное количество работников в условиях краха российской государственности было, по нашему мнению, крайне мало.

Помимо организационного кризиса, после свержения советской власти земствам достался кризис финансовый. На момент роспуска советами земских учреждений всего денежных средств насчитывалось 2 782 555 руб. 53 коп. Однако к большинству средств не было прямого доступа, чтобы сразу пустить их в дело восстановления нормальной жизни. Например, долг составлял 465 426 руб. 72 коп., недоимки — 836 018 руб. 72 коп., 1 367 900 руб. находилось в процентных бумагах. Наличных денег насчитывалось 2 692 руб., нотариального капитала — 10 630 руб. 74 коп. [Там же. Л. 19]. Сильнее всего кризис проявился в уездах.

Так, в Бийском уезде при ликвидации советской власти из внесенных населением сборов на земские нужды управа получила 45 тыс. руб. Состояние финансов являлось таким, что расширение земского хозяйства было невозможно, все заботы были направлены на сохранение достигнутых результатов и окончание начатых ранее проектов. Каждая управа, чтобы обеспечить неотложные нужды, по-своему выходила из сложившейся ситуации. Например, Барнаульская уездная управа, в которой после ликвидации советской власти осталось 6 тыс. руб., обратилась к кооперативам, от которых получила заем в несколько десятков тысяч рублей. В столице губернии городе Барнауле городская казна была пуста, и земство также было настроено на взятие займа [Там же. Л. 5].

Алтайское земство после восстановления своей деятельности летом 1918 г. столкнулось с рядом проблем.

Земское управление было разрушено, казна земств пуста. Однако алтайские земцы в сжатый срок смогли определить основные направления работы по восстановлению земского хозяйства. Максимально быстро был решён организационный вопрос и практически сразу земцы перешли к решению хозяйственных задач. У власти в губернии вновь оказались представители экономически активного населения, которые хотели скорейшего налаживания мирной жизни. Около трёх недель понадобилось алтайскому земству для восста-

новления деятельности губернской управы. Таким образом, на первом этапе сибирской контрреволюции земство Алтайской губернии смогло частично восстановить разрушенную большевиками систему местного самоуправления и приступить к устройству мирной жизни. Опыт создания работоспособного управленческого аппарата губернского уровня и деятельный подход к решению насущных проблем региона в условиях тотальной нехватки денежных средств могут быть востребованы и в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Рынков В.М. Органы местного самоуправления в антибольшевистском лагере на востоке России (середина 1918 конец 1922 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и Гражданской войны : сб. науч. ст. / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск : Параллель. 2012. С. 125–158.
- 2. История общественного самоуправления Сибири второй половины XIX начала XX века / К.А. Анкушева, Г.А. Бочанова, Е.А. Дегальцева и др. ; отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск : Сова, 2006. 352 с.
- 3. Зимина В.Д. Гражданская война 1918–1922 гг. как политический конфликт в развитии российской государственности // Новый исторический вестник. 2004. № 2 (11). С. 258–279.
- 4. Яковлева Н.А. Деятельность алтайского земского самоуправления в 1917–1919 годах // Местное самоуправление на Алтае. 1747–1919 : сб. док, Барнаул : Управление архивного дела администрации Алтайского края, 2003. С. 434–443.
- 5. Кривоносов Я.Е. Земство Алтая в системе «белых» властей (1917–1919) // История «белой» Сибири : тез. науч. конф. Кемерово, 1997. С 97–101
- Местное самоуправление на Алтае. 1747—1919 : сб. док. Барнаул : Управление архивного дела администрации Алтайского края, 2003.
 694 с.
- 7. Государственный архив Алтайского края (далее ГААК). Ф. 233. Оп. 1. Д. 1.
- 8. ГААК. Ф. 233. Оп. 5. Д. 29.
- 9. ГААК. Ф. 233. Оп. 1-в. Д. 13.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 мая 2016 г.

RESTORATION OF THE ALTAI PROVINCIAL ZEMSTVO COUNCIL ACTIVITIES IN JUNE-JULY 1918

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 58-62.

DOI: 10.17223/15617793/410/9

Aleksandr G. Gordeev, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk, Russian Federation). E-mail: lex.ag@mail.ru

Keywords: Civil War; White Movement; anti-Bolshevik government; Zemstvo; Altai Province; internal policies.

In this article the author shows how the restoration of activities of the supreme Zemstvo body in Altai Province occurred. The study is based on the analysis of the archival documents on the activities of the Altai District Council in the period. The paper describes the whole complex of measures carried out in the province to restore the ruined system of management, evaluates the general level of their effectiveness, describes the structure of the Altai Provincial Zemstvo Council and the financial situation of the Altai District Council after the restoration of the activity. After the restoration of its activities in the summer of 1918, the Altai District Council faced a number of problems, the organization of the Zemstvo was destroyed. All departments serving the life and economy of Altai Province were transferred to central uniform provincial departments, and the Department of Agriculture was only a secretariat with an immature Agronomy Department with a single instructor as an appendix. To resolve the situation, committees were created: financial, of public education, insurance, medical-veterinary, agronomic, road and staff. The restored structure of the Provincial Council included the following departments: secretariat; accounting; financial-accountant; instructor; public education; agronomy; insurance; charity; medical care; veterinary; land; statistical; road construction; library; economic. In addition to the organizational crisis, the local government also faced the financial crisis. The Treasury was empty. There were either no funds, or access to them was difficult. However, the Altai Zemstvo was able to determine the main directions of work on the restoration of the local economy in a short time. The organizational issue was solved quickly, and almost immediately the Zemstvo moved on to solving economic problems. Representatives of the economically active population who wanted to establish a peaceful life came to power in the province again. In June-July 1918, the Altai Zemstvo members were able to recover the structure of the provincial administration in the province. Thus, in the first stage of the Siberian counter-revolution, the Altai Provincial Zemstvo was able to partially restore the system of local self-government the Bolsheviks destroyed and proceed to the arrangement of a peaceful life. The experience of creating a workable administrative unit of the provincial level and the active approach to solving the pressing problems of the region in the conditions of the total shortage of cash can be popular nowadays.

REFERENCES

- 1. Rynkov, V.M. (2012) Organy mestnogo samoupravleniya v antibol'shevistskom lagere na vostoke Rossii (seredina 1918 konets 1922 g.) [Local governments in the anti-Bolshevik camp in the east of Russia (mid-1918 end of 1922)]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Politicheskie sistemy i rezhimy na vostoke Rossii v period revolyutsii i Grazhdanskoy voyny* [Political systems and regimes in eastern Russia during the Revolution and the Civil War]. Novosibirsk: Parallel'.
- 2. Shilovskiy, M.V. (ed.) (2006) *Istoriya obshchestvennogo samoupravleniya Sibiri vtoroy poloviny XIX nachala XX veka* [The history of public self-government in Siberia in the second half of the 19th early 20th centuries]. Novosibirsk: Sova.

- 3. Zimina, V.D. (2004) Grazhdanskaya voyna 1918-1922 gg. kak politicheskiy konflikt v razvitii rossiyskoy gosudarstvennosti [The civil war of 1918–1922. as a political conflict in the development of Russian statehood]. Novyy istoricheskiy vestnik. 2 (11). pp. 258–279.
- 4. Yakovleva, N.A. (2003) Deyatel'nost' altayskogo zemskogo samoupravleniya v 1917-1919 godakh [Activities of the Altai territorial selfgovernment in 1917–1919]. In: Dudareva et al. Mestnoe samoupravlenie na Altae. 1747–1919 [Local government in the Altai. 1747–1919]. Barnaul: Upravlenie arkhivnogo dela administratsii Altayskogo kraya.

 5. Krivonosov, Ya.E. (1997) [Zemstvo of the Altai in the system of "White" authorities (1917–1919)]. *Istoriya "beloy" Sibiri* [The history of the
- "White" Siberia]. Proceedings of the conference. Kemerovo. pp. 97–101. (In Russian).

 6. Dudareva et al. (2003) *Mestnoe samoupravlenie na Altae. 1747–1919* [Local government in the Altai. 1747–1919]. Barnaul: Upravlenie arkhivnogo dela administratsii Altayskogo kraya.
- 7. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 233. List 1. File 1. (In Russian).

 8. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 233. List 5. File 29. (In Russian).
- 9. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 233. List 1-v. File 13. (In Russian).

Received: 12 May 2016

УДК 94(73).092.9

А.И. Захаров

ИНДИЙСКАЯ ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ БИЛЛА КЛИНТОНА (1993-2001 гг.)

Рассматривается внешнеполитический курс США в отношении Индии в период нахождения у власти администрации Билла Клинтона. Автором выделены и проанализированы различные этапы американо-индийских отношений и факторы, оказывавшие на них влияние. Сделан вывод об итогах индийской политики Клинтона и состоянии двусторонних отношений на рубеже XX–XXI вв.

Ключевые слова: США; Индия; Южная Азия; американо-индийские отношения; Б. Клинтон; А.Б. Ваджпаи.

Отношения США и Индии в годы холодной войны имели неустойчивый характер. Это было обусловлено целым рядом факторов, среди которых необходимо выделить глобальное соперничество США и СССР и политику Индии по неприсоединению к блокам, возглавляемым этими странами. В зарубежной и отечественной науке часто встречается характеристика США и Индии того времени как «отчужденных демократий» [1], данная американским исследователем Деннисом Куксом.

Во многом причинами отчуждения двух стран служили неверное восприятие политических курсов и сложившееся, как следствие, взаимное недоверие, оказывавшее влияние на отношения США и Индии не только в период холодной войны, но и долгие годы после ее окончания. Как писал С.А. Оборотов, «Вашингтон неверно трактовал индийскую политику «позитивного нейтралитета» и «дружественной равноудаленности» как просоветскую... Дели ошибочно рассматривал американскую политику в Азии как направленную против Индии» [2. С. 29].

В начале 1990-х гг. окончание холодной войны и развитие глобализации увеличили значимость Южной Азии для Соединенных Штатов. Основными целями американской политики в регионе являлись обеспечение стабильности и безопасности, недопущение распространения ядерного оружия, борьба с терроризмом и наркотрафиком, улучшение состояния прав человека, решение проблемы загрязнения окружающей среды [3].

В августе 1992 г. в Государственном департаменте США произошли некоторые структурные изменения: Управление по ближневосточным и южноазиатским делам было разделено на два отдельных направления. В июле 1993 г. был создан пост помощника госсекретаря по делам Южной Азии, который заняла Робин Рафел (работавшая до этого в посольстве США в Нью-Дели). Эти шаги подчеркивали растущую стратегическую важность региона для внешней политики США.

Чтобы рассмотреть внешнеполитический курс администрации Билла Клинтона в отношении Индии, целесообразно выделить четыре периода.

Первый период: первый срок администрации Клинтона (январь 1993 г. – январь 1997 г.)

В своих мемуарах «Моя жизнь» Билл Клинтон писал: «После окончания холодной войны мне казалось, что у меня есть возможность и обязательство улучшить американо-индийские отношения» [4. Р. 470]. Однако, несмотря на стремление по установлению связей со странами Южной Азии, первый год администрации Клинтона был в большей степени ознаменован отрицательными тенденциями в отношениях США и Индии. Отчасти это было обусловлено высказываниями как самого американского президента, так и членов его команды в отношении проблем, касавшихся Индии.

В центре внимания администрации оказались темы, являвшиеся болезненными для Нью-Дели: проблема спорных между Индией и Пакистаном территорий Кашмира, а также сикхский сепаратизм1. Сначала президент Клинтон в своем обращении к Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 1993 г. назвал Кашмир одной из актуальных угроз миру, местом, где шла этническая, религиозная и гражданская война [6]. Затем помощник госсекретаря Р. Рафел поставила под сомнение легитимность присоединения территорий штата Джамму и Кашмир к Индии, вызвав негодование Нью-Дели. Широкий резонанс в Индии вызвала готовность Клинтона «работать» с представителями сепаратистских движений, проводивших свою деятельность в США². Наконец, письмо американского президента одному из официальных лиц его администрации о необходимости защиты прав сикхов в северо-восточном индийском штате Пенджаб стало причиной протеста со стороны МИД Индии [8].

Несмотря на напряжение в политических отношениях между двумя странами, их экономические связи стремительно развивались. Это выражалось в росте двусторонней торговли, инвестициях США в ряд секторов экономики Индии, в частности в телекоммуникации, и вхождении американских транснациональных компаний на индийский рынок.

В мае 1994 г. состоялся визит премьер-министра Индии Нарасимхи Рао в США. В ходе встречи Клинтон и Рао сосредоточились на обсуждении сближения бизнес-интересов стран, в то время как расхождение взглядов по вопросу Кашмира, состоянию прав человека и ядерной программе было намеренно проигнорировано сторонами [9]. Лидеры двух стран договорились развивать экономические связи и улучшать взаимодействие между частным сектором на базе созданного американо-индийского коммерческого альянса.

К 1995 г. США являлись крупнейшим торговым партнером и зарубежным инвестором Индии. Выступая перед комитетом Сената по международным от-

ношениям на Ближнем Востоке и Южной Азии, помощник госсекретаря Рафел отмечала, что реформа по либерализации экономики, проведенная в Индии в начале 90-х гг., открыла путь для нового уровня торгового и экономического сотрудничества. Помимо экономического направления, она выделила следующие цели американской внешней политики в регионе, касавшиеся в том числе Индии: снятие напряженности и мирное урегулирование индийско-пакистанского конфликта, предотвращение развития или размещения оружия массового поражения и баллистических ракет, продвижение демократии и обеспечение защиты всеми признанных прав человека [10].

Большая часть сложностей и разногласий между США и Индией в период с 1993 по 1997 г. во многом была связана с тем, что представителями администрации Клинтона не соблюдался необходимый баланс в политике в отношении вопросов, связанных с индийско-пакистанскими противоречиями. В Нью-Дели рассматривали политику Вашингтона в Южной Азии как внешнеполитический курс с пропакистанским уклоном. Об этом свидетельствовали критика Индии по поводу несоблюдения прав человека в Кашмире, поддержка пропагандистской деятельности сепаратистских движений, расширение сотрудничества США и Пакистана в военной сфере (несмотря на выражение недовольства со стороны Индии).

Второй период: «политика вовлечения» (январь 1997 г. – май 1998 г.)

Начало второго срока администрации Клинтона содержало признаки улучшения отношений с Индией. Положительные тенденции в двустороннем сотрудничестве не были затронуты политической нестабильностью в Индии. По мнению некоторых индийских аналитиков, изменение курса США было обусловлено желанием президента Клинтона, как и многих других глав государств в их заключительный период нахождения у власти, «попасть в учебники истории» [11].

Немаловажную роль играли и кадровые перемены, произошедшие в Госдепартаменте США. Новым государственным секретарем стала Мадлен Олбрайт, а пост ее помощника по делам Южной Азии занял Карл Индерферт. Многим в Индии казалось, что предыдущий глава Управления, занимавшегося выработкой политики на индийском направлении, — Робин Рафел — по спорным вопросам поддерживала Пакистан и не была в достаточной мере осведомлена об императивах индийской внешней политики.

Начиная с 1997 г. США начали проводить более сбалансированную политику в отношении урегулирования конфликта в Кашмире. Это отражалось в сдержанных оценках ситуации со стороны официальных представителей администрации Клинтона, отсутствии односторонней трактовки происходящего. По оценкам некоторых индийских экспертов, произошли изменения в американском подходе к отношениям с Индией и Пакистаном. Одним из наглядных примеров явилась первая поездка К. Индерферта в Индию, ко-

гда он, посетив затем Пакистан, перед возвращением в США вновь заехал в Индию. Подобные символические жесты давали Нью-Дели надежду, что Индия больше не будет заложником американо-пакистанских отношений. Постепенно на дипломатическом уровне США начали воспринимать индийский взгляд на продвижение Пакистаном трансграничного терроризма в северо-восточных штатах Индии, в частности в Джамму и Кашмир [11]. Это привело к появлению схожести восприятия угрозы терроризма между двумя странами.

Появление принципиально новой политики США в отношении стран Южной Азии и Индии в частности стало очевидным осенью 1997 г. Во-первых, об этом говорило повышение взаимодействия на официальном уровне: Индию посетили помощники госсекретаря Карл Индерферт и Томас Пикеринг, а лидеры двух стран – Клинтон и пришедший к власти в 1996 г. И.К. Гуджрал - провели встречу в преддверии Генеральной Ассамблеи ООН. Во-вторых, Индерферт в своем выступлении перед членами комитета по международным отношениям Палаты представителей заявил о появлении «свежего и всеобъемлющего взгляда» в отношении региона: «По указанию президента и госсекретаря администрация приняла политику большего вовлечения в дела Южной Азии. Ее цель заключалась в использовании возможностей для продвижения американских интересов в регионе - политических, экономических, глобальных, а также в сфере безопасности» [12].

С одной стороны, «политика вовлечения» была воспринята в Нью-Дели с энтузиазмом. Болезненные для индийской стороны вопросы либо не поднимались Вашингтоном, либо затрагивались дипломатично, с учетом их деликатности. С другой стороны, Индию интересовали долгосрочные цели усиления роли США в регионе, в частности восприятие администрацией Клинтона угрозы со стороны Китая. Индия не поддерживала политику «сдерживания» в отношении КНР, несмотря на озабоченность в связи с китайским участием в дестабилизации индийского северовостока [13]. Индийские обозреватели отмечали, что долгосрочные опасности принятия «объятий» Вашингтона должны быть тщательно взвешены, даже учитывая тот факт, что американцы согласятся сделать вопрос Кашмира второстепенным и разрешат импорт технологий двойного назначения. Настороженность Нью-Дели вызывало большое значение для США изоляции Китая и «разыгрывания» вопроса Тибета, что было обозначено делегацией американских конгрессменов в ходе посещения Индии. В индийском внешнеполитическом ведомстве считали, что вопросы Тибета и состояния прав человека могли быть использованы против самой Индии [13].

В ноябре 1997 г. состоялся визит Мадлен Олбрайт в Индию. Это было первое посещение Индии государственным секретарем США с 1983 г. Визит получился значительно короче запланированного, но стал продолжением серии двусторонних взаимодействий на дипломатическом уровне, обозначавших развитие диалога между двумя странами. Первый заместитель

министра иностранных дел Индии Кришнан Рагхунат после встречи Олбрайт с премьер-министром Гуджралом отметил, что в отношениях двух стран «была открыта новая глава» и в скором времени будут охвачены новые сферы взаимодействия [14].

Несмотря на тот факт, что встреча получила наименование «конструктивной и содержательной», она состоялась в момент политической неопределенности в Индии [Там же]. В феврале 1998 г. в стране должны были состояться внеочередные выборы³. Официальные представители Вашингтона анонсировали запланированный на начало 1998 г. визит президента Клинтона в Индию. Однако было не ясно, останется ли премьер-министр Гуджрал у власти, и если нет, сохранится ли повестка дня двусторонних отношений.

За неделю до начала выборов в индийских СМИ появились сообщения со ссылкой на заявления представителей Бхаратия Джаната пати (БДП)⁴ о том, что если партия победит, она может провести ядерные испытания. При этом, делая подобные заявления, партийные функционеры осознавали, что Индии придется столкнуться с экономическими санкциями США [15].

После прихода к власти коалиции во главе с БДП Индия избрала решительный курс в сторону создания ядерного оружия. Тем не менее все подготовительные мероприятия тщательно скрывались. В середине апреля 1998 г. с целью подготовки официального визита Клинтона в Индию Нью-Дели посетила делегация во главе с постоянным представителем США при ООН Биллом Ричардсоном, помощником госсекретаря Карлом Индерфертом и членом Совета национальной безопасности Брюсом Риделем. Во время переговоров высшие должностные лица нового индийского правительства заверили, что Индия «продолжит проявлять сдержанность в сфере нераспространения и не сделает ничего, что могло бы удивить Соединенные Штаты» [2. С. 105]. 30 апреля в Вашингтоне состоялась встреча первого замминистра иностранных дел Индии Рагхуната с помощником госсекретаря США по политическим вопросам Пикерингом. Помимо обсуждения запланированного на ноябрь визита американского президента, стороны затронули тему ядерного оружия. На прямой вопрос Пикеринга о будущем ядерной политики БДП Рагхунат заявил, что индийское правительство не собирается отходить от традиционного курса. Примечательно, что в этот день ядерные взрывные устройства были доставлены на испытательный полигон в Похране [2. С. 105–106].

11 и 13 мая 1998 г. Индией были проведены ядерные испытания (в совокупности их было пять) [5. С. 744]. Стоит отметить, что 11 мая премьер-министр Индии Атал Бихари Ваджпаи написал письмо Биллу Клинтону с объяснением причины проведения испытаний ядерного оружия. В нем индийский лидер недвусмысленно намекнул, что принятый Индией шаг напрямую связан с угрозой национальной безопасности страны, исходившей от Китая. Он, в частности, написал: «На наших границах расположено государство, открыто имеющее ядерное оружие, государство, совершившее вооруженную агрессию против Индии в 1962 году» [16].

Письмо индийского премьер-министра президенту США является свидетельством того, что ядерные испытания были проведены с полным осознанием последствий для страны и ее отношений с зарубежными партнерами. Это был намеренный выбор между устранением ядерного дисбаланса, отвечавшего, по мнению пришедшего к власти правительства, национальным интересам, и развивавшимися индийскоамериканскими отношениями.

Третий период: введение санкций и дипломатические переговоры (май 1998 г. – январь 2000 г.)

Проведение Индией ядерных испытаний стало серьезным ударом по проводившейся Соединенными Штатами «политике вовлечения». Реакция США была незамедлительной. 13 мая, находясь в Германии, Клинтон сделал объявление о решении, в соответствии с поправкой Гленна (1994 г.), наложить на Индию санкции. В своем выступлении в подкомитете по делам Ближнего Востока и Южной Азии Сената К. Индерферт зачитал заявление о распоряжении президента и отметил: «Я надеялся и ожидал, что буду говорить сегодня о продвижении совместных (с Индией) усилий по широкому спектру вопросов и об установлении новых отношений, соответствующих размеру и силе наших двух демократий... Однако недавние события в Индии окажут значительное влияние на содержание наших отношений и в целом на наш подход к Южной Азии» [17].

16 мая президент Клинтон, находясь на саммите «Большой восьмерки» (G-8) в английском Бирмингеме, обратился в радиообращении к нации. Оно было посвящено проведенным Индией ядерным испытаниям. В своей речи американский президент сообщил гражданам США о том, что он «наложил на Индию серьезные санкции, включая прекращение оказания экономической помощи, военного финансирования и кредитных гарантий» [18]. Критикуя «неверное историческое решение» Нью-Дели, американский президент отметил, что Индия и США должны быть близкими друзьями и партнерами в XXI в. Он выразил надежду, что страна откажется от опасного пути, который она избрала, и незамедлительно и без всяких условий подпишет Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) [Там же].

Как писал С.А. Оборотов, после проведения Нью-Дели испытаний ядерного оружия «курс администрации Клинтона перешел в плоскость "вовлечения по проблемам нераспространения" (попргоliferation engagement policy)» [2. С. 144]. Данная политика реализовывалась посредством дипломатического взаимодействия заместителя госсекретаря США Строуба Тэлбота и министра иностранных дел Индии Джасванта Сингха. С июня 1998 г. по сентябрь 2000 г. они провели 14 раундов переговоров, в ходе которых, помимо проблемы нераспространения, обсуждались вопросы будущего американо-индийских связей, в частности — потенциал экономического и стратегического сотрудничества [Там же]. Несмотря на то что сентябре 1998 г. было объявлено о безвременном переносе визита Клинтона в Южную Азию, появились первые результаты переговоров. На Генеральной Ассамблее ООН премьерминистр Индии Ваджпаи заявил о моратории на дальнейшие испытания и выразил приверженность движению в сторону принятия ДВЗЯИ к сентябрю 1999 г. Он также объявил об усилении контроля за экспортом ядерных и ракетных технологий. Аналогичные заявления были сделаны премьер-министром Пакистана Навазом Шарифом. Начался индийско-пакистанский диалог по спорным вопросам, включавший среди прочего обсуждение Кашмира. Это давало США надежду, что их политика способствует нормализации региональной безопасности.

Как и в случае с письмом Клинтону, индийский лидер стремился сохранить сотрудничество между странами. В своем выступлении перед Азиатским Обществом⁵ Ваджпаи заявил, что «Индия и США являются естественными союзниками⁶ в поисках лучшего будущего для мира в XXI веке» [19].

В ноябре в ответ на позитивные шаги, принятые Индией и Пакистаном в отношении проблемы нераспространения, Б. Клинтон принял решение ослабить санкции. Это стало возможным благодаря большим усилиям администрации президента, убедившей конгресс США наделить главу государства подобным правом⁷. В результате США возобновили ряд торгово-экономических и инвестиционных программ и сняли ограничения активности американских банков в Индии. Также было объявлено о намерении продолжить военное сотрудничество посредством возобновления учебных и тренировочных программ [20].

Помимо темы нераспространения ядерного оружия, которая являлась центральной на переговорах С. Тэлботта и Дж. Сингха, США не забывали о других важных для собственной внешней политики направлениях. Одним из них являлось распространение демократии. В этом смысле Южная Азия образца 90-х гг. являлась проблемным регионом, поскольку демократические режимы в ряде ее стран имели неустойчивый характер. Что касается Индии, то ее в Вашингтоне рассматривали в качестве своеобразного образца для подражания не только в Южной Азии, но и за ее пределами. Так, в январе 1999 г. С. Тэлботт отмечал, что «если индийская демократия продолжит процветать, она может оказывать позитивное влияние на страны Восточной Азии, где демократия находится под ударом или же является проблеском надежды для мечтающих о реформах» [21]. Одной из таких стран, по утверждению заместителя госсекретаря США того времени, мог быть Китай. По его мнению, Индия могла служить неким напоминанием для КНР, что демократия не только возможна, но и необходима, если правительство собирается объединить большое и разнородное население в успешное современное государство.

Вместе с тем США не забывали о существовавших вызовах демократии в самой Индии, что Тэлботт охарактеризовал «темной стороной картины» [Там же]. По его словам, «за последние несколько лет в Индии наблюдалось возрождение сил, подрывавших плюра-

лизм, гражданское общество и верховенство закона, без которых демократия теряет свою жизнеспособность и значение». Он отмечал, что в Индии (равно как и в Пакистане) на подъеме находятся экстремистские группировки и сектантские партии. В частности, в Индии был замечен рост политики, основанной на кастовом и религиозном принципе. Более тревожными для США стали «вспышки жестоких атак в отношении христиан», что, по мнению Тэлботта, «подрывало цивилизационный опыт, которым по праву гордятся индийцы» [21].

В апреле 1999 г., после того как одна из региональных партий отозвала поддержку правительству Национального демократического альянса (НДА) во главе с БДП, президент Индии Кочерил Раман Нараянан попросил премьер-министра Ваджпаи подтвердить в парламенте наличие у его коалиции большинства. Правительство НДА потерпело поражение, получив на один голос меньше оппозиции (269 против 270). В результате президент распустил парламент и распорядился о назначении новых выборов. До их проведения исполняющим обязанности главы правительства являлся А.Б. Ваджпаи.

США высоко ценили демократические процессы, происходившие в Индии. Помощник госсекретаря Индерферт, выступая с докладом в Сенате, отмечал, что происходившие стремительные изменения в правительстве Индии являлись знаком перемен в социальной базе индийской внутренней политики. В то же время, по его словам, эти изменения указывали на фундаментальную прочность институтов управления, а также традиций, позволявших людям отстаивать собственные взгляды и продвигать свои интересы. При этом он обращал внимание сенаторов на то, что для США принципиально поддерживать контакты с любым индийским правительством для эффективного достижения собственных целей. Важным пунктом речи представителя госдепартамента было обозначение стремления США вести диалог с Индией не только по вопросам региональной безопасности, но и по более обширной повестке дня: в области экономического, научно-технического, культурного, образовательного сотрудничества и других сферах [22]. Карл Индерферт, являвшийся проводником политики президента Клинтона в Южной Азии, ясно обозначил стремление администрации продолжить прерванный 11 мая 1998 г. курс на «вовлечение» Индии.

Стратегические переговоры Тэлботта и Сингха были продолжены в ноябре 1999 г., после того как правительство во главе с Бхаратия Джаната парти вернулось к власти в Индии. Как отмечал помощник госсекретаря США по политическим вопросам Т. Пикеринг, выборы позволили положить конец длительному перерыву в продвижении диалога с Индией. По оценкам американской стороны, они также стимулировали индийское правительство рассмотреть вопросы нераспространения с большей серьезностью, поскольку без разрешения противоречий по этому вопросу Индия не могла бы достичь экономические и глобальные цели [23].

По заявлению Пикеринга, США стремились использовать позитивную реакцию Индии и усиление

двустороннего диалога не только для продвижения традиционных интересов в области экономики и безопасности, но также для противодействия значимым для американского народа проблемам прав человека и загрязнения окружающей среды. Он отмечал, что изменения по этим вопросам в Индии могли подстегнуть перемены во всем регионе, поскольку она своеобразный «локомотив, который движет всю Южную Азию» [23].

Таким образом, к рубежу 1999–2000 гг. в американо-индийских отношениях сложились предпосылки для полноценного сближения.

Во-первых, по мере совпадения позиций сторон на переговорах о региональной безопасности, связанной прежде всего с нераспространением ядерного оружия, США заявляли о стремлении продолжить «политику вовлечения», охватив новые сферы сотрудничества.

Во-вторых, прорыв Индии в области высоких технологий, стабильный экономический рост и величина индийского рынка (около 1 млрд жителей) создавали огромный потенциал для развития торгового партнерства. Любопытно, что осуждение ядерных испытаний и санкции в отношении Индии практически не сказались на товарообороте между двумя странами. С 1998 по 2000 г. он вырос с 11,8 до 14,4 млрд долл. [24]. Правда, стоит заметить, что это произошло за счет увеличения импорта индийских товаров, американский экспорт в Индию вырос не намного.

Наконец, значительно увеличились население индоамериканцев и их влияние в бизнес-среде и политической жизни США. Основанный в 1993 г. индийский кокус в конгрессе США к рубежу веков насчитывал уже более 100 членов и играл существенную роль в принятии дружественных Индии законопроектов.

Четвертый период: начало нового этапа двусторонних отношений (январь 2000 г. – январь 2001 г.)

Еще в декабре 1999 г. Билл Клинтон выразил желание посетить Индию до конца своего срока президентства. Это означало признание потенциала двусторонних отношений, который США стремились реализовать, и важности индийского направления в рамках американской политики в Южной Азии. Последний год нахождения у власти предоставлял Клинтону и его администрации хорошую возможность вывести отношения с Индией на новый уровень, использовав результаты непростого переговорного процесса и расширив «политику вовлечения».

Визит Клинтона в три страны Южной Азии – Бангладеш, Индию и Пакистан (в порядке посещения), должен был состояться в марте 2000 г. В преддверии поездки президента госсекретарь США М. Олбрайт отметила, что визит в Индию будет занимать центральное место в турне Клинтона. При этом в своем выступлении перед Азиатским Обществом она выделила несколько целей американской политики в рамках двустороннего сотрудничества с Индией. Первая — реализовать торгово-экономический потенциал отношений. Среди преград на этом пути Олбрайт обо-

значила ряд недостатков индийской экономики: отсутствие развития инфраструктуры и транспортной доступности в Индии, пережитки действовавшей в период с 1947 по 1990 г. системы лицензий и регламентов, а также неадресное выделение субсидий. Второй общей для стран целью являлось усиление демократии. В этом отношении госсекретарь США приветствовала решение министра иностранных дел Индии Сингха стать сооснователем Сообщества демократий – международного форума на министерском уровне, первая встреча которого была запланирована на июнь 2000 г. В то же время М. Олбрайт выделила ряд озабоченностей американской стороны в связи с угрозами правам человека в Индии, в частности заявив: «Мы понимаем, что настоящая демократия никогда недостижима, это всегда погоня. Обращают на себя внимание проблемы прав человека в Индии, особенно в сферах торговли женщинами и детьми, насилия по национальному и религиозному признаку, детского труда. Но, несмотря на все наши несовершенства, США и Индия являются наиболее яркими посланниками истинности того, что светская, плюралистическая демократия не только может работать, но и работает» [25].

Наконец, третьим (не по значению) направлением, обозначенным Олбрайт, были вопросы безопасности. США стремились согласовать собственные озабоченности по вопросу ядерного нераспространения с индийской оценкой требований к национальной безопасности. У стран по-прежнему оставались расхождения по данному вопросу. Однако госсекретарь четко обозначила, что конечная цель США — не просто возвращение к статусу-кво до проведенных испытаний, а качественно новые отношения с Индией. Достижение этой цели, по мнению Олбрайт, зависело от действий Нью-Дели.

Визит президента Клинтона в Индию состоялся 20 марта 2000 г. и продлился пять дней. Прибытие американского лидера сопровождалось объявлением Белым домом о снятии главой государства ряда санкций с Индии. Этот шаг открывал дорогу оглашению ряда инициатив США: южноазиатской региональной инициативе в области энергетики; президентской инициативе по развитию Интернета для содействия экономическому развитию Индии; программе по реформе и расширению финансовых институтов; открытию образовательного фонда по экологическим обменам [26].

В центре внимания обозревателей и средств массовой информации находилось обращение американского президента к индийскому парламенту, в котором он признал цивилизационное величие Индии, отметил ее экономический и научный прогресс, а также похвалил приверженность страны демократическим нормам [27]. В своей речи Клинтон тактично обозначил сферы озабоченности американцев: Кашмир, отношения Индии и Пакистана и распространение ядерного оружия. Это привело к его утверждению о том, что Южная Азия являлась наиболее опасным местом в мире — характеристика, которую затем публично оспорил являвшийся на тот момент индийским президентом К.Р. Нараянан [28. Р. 1].

Американский президент позже писал о своем выступлении следующим образом: «К своему удивлению, я получил теплый прием. Они (индийские парламентарии) аплодировали, громко хлопая по столу, показывая тем самым, что индийцы были так же заинтересованы, как и я, в завершении нашего отчуждения» [4. Р. 728].

Во время визита Клинтоном и Ваджпаи был подписан документ «Американо-индийские отношения: взгляд в XXI век», в котором стороны выражали приверженность расширению межправительственного взаимодействия, обеспечению международной и региональной безопасности, борьбе с терроризмом и нераспространению ядерного оружия [29]. Важное значение в документе отводилось идеологическому обоснованию двустороннего взаимодействия, которое заключалось в «демократических идеалах», разделяемых обеими странами. Также совместное заявление лидеров недвусмысленно указывало на перспективы двустороннего партнерства в области продвижения демократии: «...положение в мире в XXI веке будет зависеть от успеха нашего сотрудничества ради мира, процветания, демократии и свободы»; «Соединенные Штаты и Индия являются и будут оставаться союзниками во имя демократии» [Там же].

Стратегическая цель поездки, с американской точки зрения, заключалась в обозначении отказа от опасений времен холодной войны при проведении политики в Южной Азии. Вашингтон стремился продемонстрировать, что такие вопросы, как терроризм, расширение демократии и развитие справедливого глобального экономического порядка, были сферами, в которых США и Индия могли бы работать вместе. Показательным стал тот факт, что Клинтон провел в Пакистане всего пять часов – в противовес пяти дням в Индии, что обозначало значимость, отводимую индийскому направлению в Вашингтоне. Это подтверждали и многочисленные символы, окружавшие визит американского президента. Помимо длительности поездки (за пять дней Клинтон успел посетить пять индийских городов), это было первое посещение американским президентом Индии за 22 года⁸. В этой связи можно утверждать, что для американоиндийских отношений визит стал событием исторического масштаба.

Комментируя итоги поездки Клинтона, помощник госсекретаря по политическим вопросам Томас Пикеринг отметил несколько важных направлений будущего сотрудничества США со странами Южной Азии. Среди них он выделил проведение экономических реформ, социальное развитие, интеграцию в международное движение по нераспространению ядерного оружия и мирное разрешение конфликтов. Однако одним из «всеобъемлющих вопросов» Пикеринг назвал демократию. По его словам, ученые и дипломаты одинаково убеждены в том, что демократия является лучшим двигателем для достижения прогресса в других областях. Он также отметил, что «именно поэтому при подготовке визита президента администрация придавала большое значение силе демократии в Индии и Бангладеш и восстановлению гражданского демократического правления в Пакистане. Достижение этих целей являлось ключевым компонентом американской политики во всем регионе, включая проблемы развития в маленьких, но значимых государствах, в которых будущее демократии находилось среди важных приоритетов США» [30].

Американский эксперт Института Брукингса, специалист по Южной Азии Стивен Ф. Коэн отмечал, что Вашингтону нужно внимательно следить за сохранением демократии внутри Индии. Он писал, что «успех индийского демократического подхода к построению государства и нации должен быть в центре региональной политики Соединенных Штатов и их демократических союзников. Если бы Индия погрузилась в милитаризм, диктаторство или распалась, стратегические последствия для американских и западных интересов были бы негативными. Сложно представить, что было бы хуже - регион, находящийся во власти экстремистского индийского правительства, сокрушающего соседние страны, или Индия, разделенная на пять, десять или двадцать государств, находящихся в конфликте друг с другом, в пределах досягаемости ядерных возможностей» [28. P. 26-27].

В сентябре 2000 г. состоялся ответный визит А.Б. Ваджпаи в США. Некоторые правозащитные группы пытались омрачить пребывание индийского лидера на американской земле: в СМИ размещались критические статьи относительно ущемления прав религиозных меньшинств в Индии, кашмирские сепаратистские группы устраивали демонстрации. Одним из ключевых мероприятий поездки индийского лидера стало его выступление в Конгрессе США. Большое значение в своей речи Ваджпаи уделил совпадению интересов, а в частности – демократической общности двух стран. Он отметил: «Если американский опыт стал уроком того, чего могут достичь люди в условиях демократии, то Индия, в свою очередь, является лабораторией демократического процесса, способного дать достойный ответ на самый жесткий вызов, бросаемый ему» [31. С. 200].

Таким образом, к концу второго президентского срока Билла Клинтона в американо-индийских отношениях начался новый этап. Между странами произошло сближение: получил свое развитие обширный диалог по ряду направлений, Вашингтон стал рассматривать Нью-Дели как партнера не только по региональным, но и по глобальным вопросам. Администрации Клинтона не удалось убедить Индию подписать обязывающие документы в области нераспространения, однако переговоры Тэлботта и Сингха способствовали согласованию позиций сторон и устным договоренностям об отказе от ядерных испытаний. Параллельно дипломатические усилия сторон позволили выработать лучшее восприятие интересов друг друга, что позволило США избежать ошибок начала 90-х гг.

Новый диалог с Индией, имевший целью установить прочные межгосударственные связи, строился администрацией Клинтона на кооперативной основе. Вашингтон старался избегать вопросов, которые могли бы вызвать возмущение и беспокойство индийской стороны. Начиная с 1997 г. официальные представи-

тели США более деликатно подходили к вопросам прав человека, индийско-пакистанским отношениям и теме Кашмира.

Важным фактором двустороннего сближения стала демократическая общность двух стран. Пережив непростой с внутриполитической точки зрения период (с 1996 по 1999 г.), индийская демократия не просто выстояла, а проявила себя с лучшей стороны, ни разу не нарушив демократические нормы выборного процесса. Для сравнения в соседнем Пакистане в октябре 1999 г. власть захватили военные во главе с генералом Первезом Мушаррафом. Именно Индия стала рассматриваться Соединенными Штатами как оплот демократии и образец для подражания в регионе. Более того, в Вашингтоне видели в Индии парт-

нера в области продвижения демократии. Об этом говорят договоренности, подписанные лидерами стран в ходе мартовского визита Клинтона, а также вступление Индии в такие глобальные форумы, как Сообщество демократий и образованный при ООН Демократический кокус.

Многие договоренности между странами, в том числе и в области продвижения демократии, имели символический характер. Заявления о начале «новой главы» в двусторонних отношениях требовали подтверждения и продолжения тесного взаимодействия. Тем не менее принципы и направления сотрудничества, заложенные администрацией Клинтона в конце 90-х гг., стали основами «стратегического партнерства» двух стран в XXI в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Требования сикхов о создании собственного независимого государства восходят еще к середине XX в. Наивысшего расцвета сикхский сепаратизм достиг в 1980-е гг.. В 1980 г. группа сикхских студентов собралась в Золотом храме (главной святыне сикхов) и провозгласила создание независимой сикхской республики Халистан (страны сикхского братства). Это заявление было также сделано в Великобритании, США, Канаде и Франции, где жило значительное число сикхов. В 1984 г., вслед за штурмом армией Золотого Храма, где скрывались экстремисты, была убита премьер-министр Индира Ганди [5. С. 387–389].

² Один из таких представителей Гулам Наби Фай возглавлял Кашмирский американский совет, занимавшийся «пропагандой нарушений прав человека в Кашмире со стороны Индии». В январе 1994 г. он получил от Билла Клинтона письмо со словами «Дорогой Гулам, я с нетерпением ожидаю работу с тобой и другими для обеспечения мира в Кашмире» [7].

³ Выборы состоялись ввиду распада коалиции Объединенный Фронт правительства И.К. Гуджрала после выхода из нее партии Индийский национальный конгресс.

⁴ В переводе с хинди – Индийская народная партия. Часто характеризуется как националистическая партия ультраправого толка.

⁵ Неправительственная организация, основанная в 1956 г. в США. Изначальная цель Азиатского Общества заключалась в объяснении различных аспектов, касавшихся Азиатского региона, американцам. В настоящий момент является международной организацией. Занимается проведением образовательных проектов, посвященных Азии, содействует развитию связей в области бизнеса, культуры, образования и публичной политики между представителями Азии и Америки.

6 Характеристика, которая по сей день широко используется официальными лицами обеих стран для описания двусторонних отношений.

⁷ Поправка Гленна, в соответствии с которой были введены санкции, не имела юридически прописанного механизма снятия ограничений. С июля 1998 г. представители администрации Клинтона добивались от конгресса наделения президента правом в одностороннем порядке ослаблять санкционный режим вплоть до его отмены. Предполагалось, что это позволит эффективно проводить политику дипломатического торга и вести более конструктивный диалог с индийской стороной на переговорах [2. С. 145].

 8 До Клинтона в 1978 г. Индию посещал Джимми Картер.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Kux D. Estranged democracies: India and the United States 1941-1991. N.Y.: National Defense University Press, 1993.
- 2. Оборотов С.А. Ядерный фактор в американо-индийских отношениях: 1991-2008. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 318 с.
- 3. History of the Department of State during the Clinton Presidency (1993–2001) // US Department of State. URL: http://2001-2009.state.gov/r/pa/ho/pubs/8529.htm (accessed: 01.03.2016).
- 4. Clinton B. My life. N.Y.: Alfred A. Knopf, 2004.
- 5. Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.Ю. История Индии. ХХ век. М.: Институт востоковедения, 2010. 920 с.
- 6. Address by President Bill Clinton to the UN General Assembly // US Department of State. URL: http://www.state.gov/p/io/potusunga/207375.htm (accessed: 25.02.2016).
- 7. Anand T. Spreading the word // India Today. 28.02.1994.
- 8. India protests U.S. president's letter on Sikh rights // UPI. 23.01.1994.
- 9. Bobb D. A quiet triumph // India Today. 15.06.1994.
- 10. Statement by Robin Raphel Assistant Secretary of State for South Asian Affairs before the Senate Foreign Relations Committee on Near Eastern and South Asian Affairs // US Department of State. URL: http://dosfan.lib.uic.edu/ERC/bureaus/sa/950307RaphelUSPolicy.html (accessed: 28.02.2016).
- 11. Kamath P.M. Indo-US Relations during the Clinton Administration: Upward Trends and Uphill Tasks Ahead // Institute of Defense Studies and Analyses. URL: http://www.idsa-india.org/an-feb-2.html (accessed: 21.02.2016).
- 12. Inderfurth K. United States Interests and Policy Goals in South Asia // US Department of State. URL: http://1997-2001.state.gov/www/regions/sa/goals971022.html (accessed: 25.02.2016).
- 13. Cherian J. Inderfuth's message // Frontline. Sept. 20 Oct. 3. 1997. Vol. 14, № 19.
- 14. Narula S. A Feel-Good Jaunt // Outlook. 01.12.1997.
- 15. Baabar M., Narula S., Joseph L.A. «We'll go nuclear» // Outlook. 09.02.1998.
- 16. Nuclear Anxiety, Indian's Letter to Clinton on the Nuclear Testing // The New York Times. 13.05.1998.
- 17. Inderfurth K. Situation in India. Testimony before Senate Foreign Relations Committee // US Department of State. 13.05.1998. URL: http://1997-2001.state.gov/www/policy_remarks/1998/980513_inderfurth_india.html (accessed: 05.03.2016).
- 18. Radio Address by the President to the Nation // Office of the Press Secretary. 16.05.1998. URL: http://clinton6.nara.gov/1998/05/1998-05-16-radio-address-on-nuclear-test-explosions-in-india.html (accessed: 24.02.2016).
- 19. Vajpayee A.B. India, USA and the World: Let us work together to solve the Political-Economic Y2K Problem // Asia Society. 28.09.1998. URL: http://asiasociety.org/india-usa-and-world-let-us-work-together-solve-political-economic-y2k-problem (accessed: 09.10.2015).

- 20. Statement by the Press Secretary. Easing of Sanctions on India and Pakistan // Office of the Press Secretary. 07.11.1998. URL: http://clinton6.nara.gov/1998/11/1998-11-07-statement-on-easing-of-sanctions-on-india-and-pakistan.html (accessed: 03.03.2016).
- 21. Talbott S. Dialogue, Democracy and Nuclear Weapons in South Asia. Address at Conference on Diplomacy and Preventive Defense // US Department of State. 16.01.1999. URL: http://1997-2001.state.gov/www/policy_remarks/1999/990116_talbott_sa.html (accessed: 02.03.2016).
- 22. Inderfurth K. Statement before the Subcommittee on Near East and South Asia Senate Foreign Relations Committee // US Department of State. 25.05.1999. URL: http://1997-2001.state.gov/www/policy_remarks/1999/990525_inderfurth_india.html (accessed: 03.03.2016).
- 23. Pickering T. Remarks on Iraq, Pakistan and India // US Department of State. 06.12.1999. URL: http://1997-2001.state.gov/www/policy_remarks/1999/991206_pickering_forum.html (accessed: 04.03.2016).
- 24. Total Trade. Year 1999–2000 // Department of Commerce. URL: http://commerce.nic.in/eidb/iecnttopn.asp (accessed: 04.03.2016).
- 25. Albright M. Remarks to the Asia Society // US Department of State. 14.03.2000. URL: http://1997-2001.state.gov/www/state-ments/2000/000314.html (accessed: 02.02.2016).
- 26. Memorandum for Secretary of State // Office of the Press Secretary. 20.03.2000. URL: http://clinton6.nara.gov/2000/03/2000-03-20-presidential-determination-on-sanctions-on-india.html (accessed: 05.03.2016).
- 27. Remarks by the President to the Indian joint session of Parliament // Office of the Press Secretary. URL: http://clinton6.nara.gov/2000/03/2000-03-22-remarks-by-the-president-to-the-indian-parliament.html (accessed: 03.10.2015).
- 28. Cohen S.P. India and America: An Emerging Relationship // Brookings Institution. 2001. P. 1. URL: http://www.brookings.edu/~/media/re-search/files/articles/2001/12/08india-cohen/kyoto.pdf (accessed: 15.02.2016).
- 29. Joint U.S.-India Statement // Office of the Press Secretary. 21.03.2000. URL: http://1997-2001.state.gov/www/global/human_rights/democracy/fs_000321_us_india.html (accessed: 11.11.2015).
- 30. Pickering T. U.S. Policy in South Asia: The Road Ahead // US Department of State. 27.04.2000. URL: http://1997-2001.state.gov/www/policy_remarks/2000/000427_pickering_sa.html (accessed: 14.11.2015).
- 31. Ваджпаи А.Б. Индия на пути в будущее. Сборник речей и выступлений (март 1998 г. сентябрь 2001 г.). М.: Институт востоковедения РАН, 2001.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 июля 2016 г.

THE BILL CLINTON ADMINISTRATION'S INDIA POLICY (1993-2001)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 63–71.

DOI: 10.17223/15617793/410/10

Alexey I. Zakharov, Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: alex 07 cool@mail.ru

Keywords: US; India; South Asia; US-India relations; Bill Clinton; A.B. Vajpayee.

The article deals with the US policy towards India during the presidency of Bill Clinton. The author reveals the main factors that influenced the change of Washington's approach to the relations with New Delhi in late 1990s. The end of the Cold War and the development of globalization increased the significance of South Asia for the United States. The main goals of the US policy in the region included providing stability and security, nonproliferation of nuclear weapons, combating terrorism, pollution, drug trafficking, improving human rights record. The first years of the Clinton Administration marked mainly negative trends in the bilateral US-India relations. It was partly caused by the unwary remarks made by the American President himself as well as by the members of his team. The Administration representatives concentrated their attention on the hot-button regional and country-specific issues, such as the status of Kashmir and the Sikh separatist movement, which seemed offensive for New Delhi. After the beginning of the second Bill Clinton's presidential term the bilateral relations started to improve. The US adopted a policy of greater engagement with South Asia. The new approach implied better relations with India and the enlargement of bilateral economic and political cooperation. Since 1997 the US began to carry out a more balanced policy towards the settlement of the Kashmir conflict. The American official representatives were more restrained in their statements. The level of diplomatic coordination between the countries increased significantly. The nuclear tests conducted by India in May 1998 became a serious challenge for the US engagement policy. Even though Bill Clinton imposed sanctions on India, the states were involved in close diplomatic negotiations. Apart from nonproliferation issues, countries' representatives Assistant Secretary of State Strobe Talbott and Minister of External Affairs Jaswant Singh were discussing the future of the US-India ties, specifically the potential of the economic and strategic cooperation. President Clinton's visit to India provided an opportunity to create a qualitatively new relationship between the US and India. The author comes to a conclusion that one of the important factors of the rapprochement between the countries was the convergence of shared democratic values. By contrast, in Pakistan democratic norms were violated when the military government came to power. It explains why the White House reconsidered India's role in the region. The author notes that from Washington's perspective New Delhi was regarded as not only the pillar of democracy in South Asia, but also the potential partner in democracy promotion through the region and beyond.

REFERENCES

- 1. Kux, D. (1993) Estranged democracies: India and the United States 1941-1991. New York: National Defense University Press.
- Oborotov, S.A. (2009) Yadernyy faktor v amerikano-indiyskikh otnosheniyakh: 1991–2008 [Nuclear Factor in US-India relations: 1991–2008]. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
- 3. US Department of State. (2001) History of the Department of State during the Clinton Presidency (1993–2001). [Online] Available from: http://2001-2009.state.gov/r/pa/ho/pubs/8529.htm. (Accessed: 01st March 2016).
- 4. Clinton, B. (2004) My life. New York: Alfred A. Knopf.
- 5. Yurlov, F.N. & Yurlova, E.Yu. (2010) Istoriya Indii. XX vek [History of India. The 20th century]. Moscow: Institut vostokovedeniya.
- 6. US Department of State. (1993) Address by President Bill Clinton to the UN General Assembly. [Online] Available from: http://www.state.gov/p/io/potusunga/207375.htm. (Accessed: 25th February 2016).
- 7. Anand, T. (1994) Spreading the word. *India Today*. February 28.
- 8. UPI. (1994) India protests U.S. president's letter on Sikh rights. UPI. January 23.
- 9. Bobb, D. (1994) A quiet triumph. India Today. June 15.
- 10. US Department of State. (1995) Statement by Robin Raphel Assistant Secretary of State for South Asian Affairs before the Senate Foreign Relations Committee on Near Eastern and South Asian Affairs. [Online] Available from: http://dosfan.lib.uic.edu/ERC/bureaus/sa/950307RaphelUSPolicy.html. (Accessed: 28th February 2016).

- 11. Kamath, P.M. (1997) Indo-US Relations during the Clinton Administration: Upward Trends and Uphill Tasks Ahead. [Online] Available from: http://www.idsa-india.org/an-feb-2.html. (Accessed: 21st February 2016).
- 12. Inderfurth, K. (2001) *United States Interests and Policy Goals in South Asia*. [Online] Available from: http://1997-2001.state.gov/www/regions/sa/goals971022.html. (Accessed: 25th February 2016).
- 13. Cherian, J. (1997) Inderfuth's message. Frontline. Sept. 20 Oct. 3. 14:19.
- 14. Narula, S. (1997) A Feel-Good Jaunt. Outlook. December 01.
- 15. Baabar, M., Narula, S. & Joseph, L.A. (1998) "We'll go nuclear". Outlook. February 09.
- 16. The New York Times. (1998) Nuclear Anxiety; Indian's Letter to Clinton on the Nuclear Testing. The New York Times. May 13.
- 17. Inderfurth, K. (1998) Situation in India. Testimony before Senate Foreign Relations Committee. [Online] Available from: http://1997-2001.state.gov/www/policy remarks/1998/980513 inderfurth india.html. (Accessed: 05th March 2016).
- 18. Office of the Press Secretary. (1998) Radio Address by the President to the Nation. [Online] Available from: http://clinton6.nara.gov/1998/05/1998-05-16-radio-address-on-nuclear-test-explosions-in-india.html. (Accessed: 24th February 2016).
- Vajpayee, A.B. (1998) India, USA and the World: Let us work together to solve the Political-Economic Y2K Problem. Asia Society. September 28. [Online] Available from: http://asiasociety.org/india-usa-and-world-let-us-work-together-solve-political-economic-y2k-problem. (Accessed: 09th October 2015).
- 20. Office of the Press Secretary. (1998) Statement by the Press Secretary. Easing of Sanctions on India and Pakistan. [Online] Available from: http://clinton6.nara.gov/1998/11/1998-11-07-statement-on-easing-of-sanctions-on-india-and-pakistan.html. (Accessed: 03rd March 2016).
- 21. Talbott, S. (1999) Dialogue, Democracy and Nuclear Weapons in South Asia. Address at Conference on Diplomacy and Preventive Defense. [Online] Available from: http://1997-2001.state.gov/www/policy_remarks/1999/990116_talbott_sa.html. (Accessed: 02nd March 2016).
- 22. Inderfurth, K. (1999) Statement before the Subcommittee on Near East and South Asia Senate Foreign Relations Committee. [Online] Available from: http://1997-2001.state.gov/www/policy_remarks/1999/990525_inderfurth_india.html. (Accessed: 03rd March 2016).
- 23. Pickering, T. (1999) Remarks on Iraq, Pakistan and India. [Online] Available from: http://1997-2001.state.gov/www/policy_remarks/1999/991206_pickering_forum.html. (Accessed: 04th March 2016).
- 24. Department of Commerce. (2000) *Total Trade. Year 1999–2000*. [Online] Available from: http://commerce.nic.in/eidb/iecnttopn.asp. (Accessed: 04th March 2016).
- Albright, M. (2000) Remarks to the Asia Society. [Online] Available from: http://1997-2001.state.gov/www/state-ments/2000/000314.html. (Accessed: 02nd February 2016).
- 26. Office of the Press Secretary. (2000) Memorandum for Secretary of State. [Online] Available from: http://clinton6.nara.gov/2000/03/2000-03-20-presidential-determination-on-sanctions-on-india.html. (Accessed: 05th March 2016).
- 27. Office of the Press Secretary. (2000) Remarks by the President to the Indian joint session of Parliament. [Online] Available from: http://clinton6.nara.gov/2000/03/2000-03-22-remarks-by-the-president-to-the-indian-parliament.html. (Accessed: 03rd October 2015).
- 28. Cohen, S.P. (2001) *India and America: An Emerging Relationship*. [Online] Available from: http://www.brookings.edu/~/media/research/files/articles/2001/12/08india-cohen/kyoto.pdf. (Accessed: 15th February 2016).
- Office of the Press Secretary. (2000) Joint U.S.-India Statement. [Online] Available from: http://1997-2001.state.gov/www/global/hu-man_rights/democracy/fs_000321_us_india.html. (Accessed: 11th November 2015).
- 30. Pickering, T. (2000) U.S. Policy in South Asia: The Road Ahead. [Online] Available from: http://1997-2001.state.gov/www/policy_remarks/2000/000427_pickering_sa.html. (Accessed: 14th November 2015).
- 31. Vajpayee, A.B. (2001) *Indiya na puti v budushchee. Sbornik rechey i vystupleniy (mart 1998 g. sentyabr' 2001 g.)* [India is on the way to the future. Collection of speeches and statements (March 1998 September 2001)]. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS.

Received: 26 July 2016

УДК 930 (57)

Л.М. Иванова

СИБИРСКИЙ ФРОНТИР: ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Исследуется современная российская историография концепции сибирского фронтира. В работе выделяются регионы России, в которых занимаются исследованием проблемы фронтира (Сибирь, Дальний Восток, Поволжье, Кавказ). Особое внимание уделяется истории изучения вопросов, связанных с сибирским фронтиром. Исследование базируется на статьях, монографиях и авторефератах диссертаций российских ученых. Отмечается, что понятие «фронтир», являясь в конце XIX в. конкретно историческим, со временем стало носить междисциплинарный характер и применяться в различных областях научного знания.

Ключевые слова: Ф.Дж. Тернер; фронтир; российская историография; Сибирь.

В 1893 г. профессор Ф.Дж. Тернер выступил с докладом на тему «Значение фронтира в американской истории». Тернер определял фронтир как «внешний край волны – место встречи дикости и цивилизации» [1. С. 14]. Больше столетия ученые используют данную концепцию для исследований вопросов уже не только американской истории, но и истории других стран, имеющих колонизационный опыт.

В нашей стране первые исследования в этой области появляются в 30-х гг. ХХ в. В советское время выходили небольшие историографические обзоры и статьи концепции Тернера критические 0 (Н.Н. Болховитинов, И.П. Дементьев, М.В. Демиховский, А.В. Ефимов). Однако концепция фронтира не принималась советскими учеными, а вместо термина «фронтир» использовалось словосочетание «подвижная граница». Связано это было не только с марксистско-ленинской идеологией и принципом партийности. но и с молодостью советской американистики. Отмечу значение исследований советского периода, так как они послужили базой дальнейшего развития концепции фронтира в нашей стране.

На рубеже XX—XXI вв. с появлением возможности применения в исследованиях различных концепций стало возможным использовать зарубежный опыт, что благоприятно сказалось на судьбе теории фронтира в нашей стране. Причина столь массового распространения концепции фронтира связана с тем, что Тернер не предложил полностью разработанной теории [2. С. 18]. Была лишь идея, и именно эта идея создала почву для различных исследований.

К настоящему времени в России сформировалось несколько регионов, в которых занимаются исследованием проблемы фронтира: это Сибирь (томская, новосибирская, иркутская школы), Алтай (Алтайский госуниверситет), Дальний Восток (Амурский госуниверситет), Поволжье (например, Самарский госуниверситет), Краснодарский край (Кубанский госуниверситет), Отдельные работы по проблеме фронтира выходят в Красноярске, Москве, Омске, Санкт-Петербурге и других городах России. Учеными в рамках концепции фронтира рассматриваются общирные пространства России от Поволжья до Дальнего Востока.

В Сибири первыми начали осмысливать идею фронтира применительно к сибирской истории ученые Томского государственного университета [3].

Этот факт отмечает и новосибирский историк Д.Я. Резун [4. С. 29]. В 1993–2007 гг. кафедру Новой, Новейшей истории и международных отношений возглавлял профессор М.Я. Пелипась. По его инициативе на базе ТГУ была создана Сибирская ассоциация американистов, что имело большое значение для развития всей российской американистики, дало толчок и развитию исследований, выполненных в рамках концепции фронтира.

Так, в Томске с 1990 г. выпускаются сборники под названием «Американские исследования в Сибири», проводятся различные конференции, на которых не обходят стороной и взгляды Тернера. Также особое внимание проблеме фронтира уделяют нынешний заведующий кафедры Новой, Новейшей истории и международных отношений В.П. Румянцев и доцент Е.В. Хахалкина.

Наибольшим потенциалом, по мнению В.П. Румянцева и Е.В. Хахалкиной, концепция фронтира обладает в культурологическом плане. Учеными отмечается, что столкновение в Сибири различных этносов и народов в процессе освоения территории и их нынешнее совместное проживание сформировало особый культурный облик восточных окраин России. И именно теория фронтира Тернера может стать основой для поиска ответов на вопросы о культурной идентичности Сибири, вопросе, актуальном на данный момент [3. С. 125].

Большой вклад в разработку концепции фронтира внесли и новосибирские ученые. В 2001 г. в Новосибирске выходит сборник статей «Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное» [4].

Характерно, что для применения концепции фронтира к российской истории ученые стремятся сравнить колонизационный опыт США с колонизационным опытом Российского государства. И самым ярким осваиваемым регионом нашей страны выступает Сибирь. Именно в сравнении освоения западного фонда земель США и восточного фонда земель России складывается концепция сибирского фронтира. Проблеме выделения общего и особенного в американском и сибирском фронтирах посвящены работы историков А.Д. Агеева, Б.Н. Миронова, Д.Я. Резуна, М.В. Шиловского и др.

В работах иркутского историка А.Д. Агеева прослеживается применение цивилизационного подхода.

Основные явления, которые появляются в центре внимания исследователя, - это движение США на Запад и России на Восток и исторические условия этих движений. Также ученый показывает ощущения переселенцев при адаптации к новым условиям и выявляет коллективное сознание на фронтире. Историк стремился на контрасте показать разницу в представлениях Сибири и Американского Запада. Правда, исследователем источники подобраны так, что Сибирь представляется «страной угрюмой и глухой», «страной каторги» [5], однако были и другие представления о Сибири. Исследования культурных представлений являются важными, потому что долгое время в советской исторической науке первое место занимали лишь вопросы экономики и политики. Важно отметить, что данные вопросы в области фронтира в российской исторической науке не получили должной разработки.

Самым главным достижением А.Д. Агеева является то, что он вызвал интерес к проблеме фронтира среди российских ученых, показал возможность проводить исследования, посвященные сравнению американского и сибирского фронтиров.

Работы новосибирских историков Д.Я. Резуна и М.В. Шиловского по-другому раскрывают нам проблему фронтира. В ранней работе Д.Я. Резуна, вышедшей в 2000 г., дается четкое определение фронтира, которое разработано с учетом исторических особенностей Сибири. Историк пишет, что «фронтир – это создание цепи или отдельных быстро сооружаемых и легковооруженных военных пунктов» [6. С. 76], подчеркивая, что эти цепи военных поселений всегда были выдвинуты в пограничные земли.

В историографии хорошо рассмотрен вопрос об отношениях пришлого населения и коренных народов Сибири. В связи с этим Д.Я. Резун и М.В. Шиловский выделяют отдельные виды фронтира: внешний, внутренний и внутрицивилизационный [7]. Концепции трех стадий фронтира придерживается красноярский историк А.С. Хромых, применяя ее к периоду конца XVI–XVII вв., когда формировались основные тенденции последующего взаимодействия центра России с ее восточной периферией [8].

Д.Я. Резун и М.В. Шиловский сравнивают опыт колонизации Сибири и США на основе следующих критериев: география, значение новых земель для метрополии, вопрос о подготовленности к встрече с пришлыми аборигенами Америки и Сибири, судьба аборигенного населения; условия, в которых происходила колонизация территорий в США и Сибири, особенности «человека фронтира» в Америке и сибиряка-старожила в России (чему большое внимание уделила географ Н.Ю. Замятина) и конфессиональный фактор [7]. Не остается в стороне и проблема города на фронтире [9. С. 24].

Спорным является вопрос хронологических рамок существования сибирского фронтира. В силу исторических особенностей освоение восточных окраин России проходило неравномерно, постоянно начинаясь заново. Из-за низкой плотности населения на восточных землях сложно говорить о наличии фронтира.

Именно поэтому ученые, занимающиеся сибирским фронтиром, и начало XX в. рассматривают в рамках концепции фронтира. Только массовое переселение, по словам Д.Я. Резуна и М.В. Шиловского, породило на рубеже XIX–XX вв. ситуацию фронтира между старожилами и переселенцами [7], ту самую местную культуру, о которой говорят ученые.

Иркутский историк Л.М. Дамешек, рассматривая разные трактовки понятия «колонизация», утверждает, что определение колонизации как превосходства «цивилизованной метрополии» над «некультурной колонией» схоже с таким понятием, как «фронтир». В условиях Азиатской России, по словам Л.М. Дамешек, фронтир приобрел черты подвижной зоны закрепления и освоения, зоны, которая должна была не разделять, а сближать внутреннее и внешнее пространства [10. С. 41]. Таким образом, Тернер считал, что фронтир – это контраст культур и цивилизаций, а по мнению иркутского ученого, сибирский фронтир был направлен на снятие культурной дистанции.

Историк из Санкт-Петербурга Б.Н. Миронов главной отличительной чертой опыта колонизации в США и в России считает те условия, в которых происходила колонизация: «Если в США — это господство буржуазных отношений и демократических институтов, то в России колонизация проходила большей частью в совершенно других условиях: в XVIII — первой половине XIX в. — при крепостном праве и самодержавии, в 1860 — начале XX в. — в условиях развития правового, демократического государства и рыночной экономики, и лишь в 1906—1914 гг. — в условиях, более или менее сходных с американскими» [11. С. 53].

Другие этапы складывания фронтира представляет петербургский социолог А.В. Немировская с иностранными соавторами. Процесс формирования российского фронтира ученые делят на 3 этапа. Первый — 1620—1858 гг. — этап военной колонизации. Второй — 1858—1917 гг. — время, когда переселялись освобожденные крепостные, золотоискатели в поисках свободы и экономических возможностей. Третий — 1917—1989 гг. — этап, характеризующийся как добровольной, так и не добровольной миграцией в регион [12].

Новосибирский историк В.А. Ламин утверждает, что золото играло важную роль в генерации пространственного расширения цивилизаций [13. С. 66–67]. Открытие Америки произошло именно благодаря жажде золотых сокровищ. В России поиск более надежных, чем торговля соболями, источников металла прошел стадии развития, аналогичные западноевропейскому поиску золота, только с отставанием от испанской конкисты почти на два века. Как пишет В.А. Ламин, правление Петра I, который непосредственно направлял энергию фронтира золотоискательства, можно считать исходной хронологической чертой, от которой ведется счет отечественной истории поиска золота [Там же. С. 73]. Особую роль в этом вопросе сыграли разведывательные экспедиции, направленные в Сибирь.

Новосибирский историк Т.С. Мамсик рассматривает проблему фронтира с религиозных позиций, через вопрос о русском расколе и англо-американском квакерстве [14. С. 57]. Особо восприимчивыми к ра-

дикальным формам протестантских воззрений оказалась окраины Российской империи. Сибирякам оказались близка идея церкви без «священства», по образцу квакерской [14. С. 64]. О религиозном фронтире пишет омский историк А.В. Васильева. Религиозный фронтир она определяет как область с преобладающим неправославным населением, где основной задачей священника становится борьба с «дикостью, нецивилизованностью» [15. С. 9].

Интересным представляется исследование, выполненное в рамках гендерной истории. Историк Алтайского госуниверситета Ю.М. Гончаров отмечает, что специфика развития региона не могла не отразиться на месте и роли женщины в сибирском социуме. Так, женщины на сибирском фронтире обладали большей экономической свободой, нежели женщины, живущие в европейской России. Например, несмотря на утвержденное законодательством главенство мужчины в семье, имущество супругов было раздельным. Приданное или имущество, приобретенное женой самостоятельно, считалось ее собственностью. Женщинам принадлежала большая часть недвижимости в сибирских городах. Экономическая роль женщины находила отражение и в практике наследования купеческих капиталов. Зачастую глава семьи завещал все имущество и управление делами после своей смерти жене, даже при наличии взрослых детей мужского пола. Встречается много примеров, когда после смерти мужа семейное дело брала в свои руки вдова [16]. Также растет вовлечение женщин в сибирских городах в профессиональную деятельность.

Роль женщин в культуре была невелика. Активно участвовать в культурной жизни могли лишь женщины из семей чиновников и местной интеллигенции. И это является отражением особенности фронтира – культура на фронтире отходит на второй план [Там же]. Историк приходит к выводу, что специфика сибирского региона способствовала формированию особенностей жизни сибирячек, их менталитета и социального положения. По отзывам современников, сибирские женщины были более энергичными, активными, предприимчивыми, самостоятельными, чем женщины центральной части России, а семейные отношения в Сибири - более демократичными. Таким образом, Ю.М. Гончаров затрагивает малоизученную проблему – роль женщины на сибирском фронтире. Данному вопросу уделяет внимание и исследователь О.С. Якушенкова, однако она рассматривает положение женщин на американском фронтире [17].

Неоднозначным является вопрос о применении концепции Тернера к истории освоения Сибири. Есть

историки, считающие, что фронтира в Сибири никогда не существовало. Этот аспект рассматривается в работе Барнаульского ученого А.А. Храмкова, анализирующего статью исследователя из Боннского университета Евы-Марии Стольберг [18. С. 222]. Основным аргументом, опровергающим существование фронтира в Сибири, является следующий вывод. Американский фронтир носил линейный характер, и фронтир (порубежье) являлся ведущим фактором пространственной организации освоения североамериканского континента. В Сибири четко видимой линии фронтира не было [Там же. С. 225]. Однако Храмков отмечает, что и отвергаться теория сибирского фронтира не может, так как «отечественная историческая наука излишне приучена к господству доктрин об особенностях колонизации Сибири в отличие от Америки, о добровольном присоединении Сибири к России и идеализации этого процесса» [Там же. С. 232]. Также историком отмечается, что и абсолютное настаивание на общем в американском и сибирском фронтирах не уместно, не нужно забывать о специфике каждого из этих процессов.

В заключение отметим, что единой концепции сибирского фронтира не сформировалось. Скорее, это своеобразные «авторские теории», каждая из которых дополняет друг друга. В литературе можно найти много определений понятия «фронтир», но нет единого терминологического аппарата. В рамках исследований появляются все новые дефиниции: фронтирная зона, рубеж-фронтир, фронтирная ситуация (Резун, Шиловский), религиозный фронтир (Мамсик, Васильева) и другие, которые автор концепции Тернер не употреблял. В рамках проблемы сибирского фронтира рассмотрено большое количество вопросов: условия формирования фронтира, темпы формирования, вопросы экономического и политического характера. Однако есть вопросы, которые не получили еще должной разработки в российской историографии, например вопрос о религиозном фронтире. В настоящее время понятие «фронтир» имеет междисциплинарный характер, применяется в археологии, геополитике, культурологии, филологии, философии. Концепция фронтира становится частью методологии исследований. Таким образом, понятие «фронтир», являясь в конце XIX в. конкретно-историческим, со временем стало носить междисциплинарный характер, применяться в различных областях научного знания, порой совсем не совпадая с первоначальной идеей, которая была в него вложена.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Тернер Ф.Дж. Фронтир в американской истории. М., 2009.
- 2. Пелипась М.Я. Опыт использования идеи фронтира в гуманитарных исследованиях ученых Западной Сибири // Американские исследования в Сибири. Томск, 2004. Вып. 8. С. 15–24.
- 3. Румянцев В.П., Хахалкина Е.В. Использование теории фронтира в сравнительно-исторических исследованиях: итоги и перспективы // «Славянский мир» Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии. Томск, 2009. С. 106–125.
- 4. Резун Д.Я. О некоторых моментах осмысления значения фронтира Сибири и Америки в современной отечественной историографии // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001. С. 29–53.
- 5. Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. URL: http://www.twirpx.com/file/220273, свободный (дата обращения: 16.03.2016).
- 6. Резун Д.Я. Быть тут острогу и слободе // Родина. 2000. № 5. С. 76–78.
- 7. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI начало XX в.: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. URL: http://sibistorik.narod.ru/project/frontier/index.html, свободный (дата обращения: 16.03.2016).

- 8. Хромых А.С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI первой четверти XVII века в свете теории фронтира : автореф. дис. ... канд. ист. наук. URL: http://www.dslib.net/istoria-otechestva/russkaja-kolonizacija-sibiri-poslednej-treti-xvi-pervoj-chetverti-xvii-veka-v-svete.html, свободный (дата обращения: 16.03.2016).
- 9. Резун Д.Я. Сибирский и американский город на фронтире // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001. С. 24–28.
- 10. Дамешек Л.М. Сибирь в составе Российской империи. М., 2007.
- 11. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII начало XX в.). СПб., 2003. Т. 1.
- 12. Foa R., Nemirovskaya A., Mostovova E. Internal empires I: social institutions of the frontier. URL: http://lcsr.hse.ru/news/61777743.html, свободный (дата обращения: 17.03.2016).
- 13. Ламин В.А. Золотой генератор фронтира // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001. С. 66–96.
- 14. Мамсик Т.С. Радикальный протестантизм и русский раскол в контексте мировых реформационных процессов эпохи великих переселений // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001. С. 54–65.
- 15. Васильева А.В. Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2015.
- 16. Гончаров Ю.М. Женщины фронтира: сибирячки в региональном социуме середины XIX начала XX в. URL: http://zaimka.ru/goncharov-siberians, свободный (дата обращения: 27.05.2016).
- 17. Якушенкова О.С. Роль женщины в культурном диалоге на американском фронтире : автореф. дис. ... канд. ист. наук. URL: http://www.docme.ru/doc/233847/rol._-zhenshhiny-v-kul._turnom-dialoge-na-amerikanskom-frontire, свободный (дата обращения: 27 05 2016)
- 18. Храмков А.А. Очерки истории крестьянства Сибири начала ХХ в. Барнаул, 2014.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 июня 2016 г.

THE SIBERIAN FRONTIER: THE STUDY OF THE ISSUE IN THE RUSSIAN HISTORICAL SCIENCE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 72–76.

DOI: 10.17223/15617793/410/11

Larisa M. Ivanova, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: Larisa_ivanova92@mail.ru Keywords: F.J. Turner; frontier; Russian historiography; Siberia.

This article is devoted to the modern Russian historiography of the concept of the Siberian frontier. The article identifies the regions of Russia which are engaged in the research of the frontier problems (the Volga region, the Caucasus, Siberia, the Far East). Special attention is paid to the history of the study of the issues related to the Siberian frontier. Scholars are eager to compare the colonization experience of the United States with the colonization experience of the Russian Empire in order to apply the concept of the frontier to the Russian history. The most domesticating region of our country is Siberia. The concept of the Siberian frontier develops in comparison of the development of the Western lands of the US and the Eastern lands of Russia. The historian A.D. Ageev from Irkutsk considered the problem of the general and the particular. The application of the civilizational approach can be traced in the work of this scholar. When considering the issue of the interaction between the immigrants and the indigenous people, historians D.I. Rezun and M.V. Shilovskiy singled out three types of the frontier: outer, inner, and intra-civilizational. B.N. Mironov considers the conditions of colonization to be a distinctive feature of the experiences of colonization in the United States and Russia. In the United States it was the domination of bourgeois relations and democratic institutions, while in Russia it was serfdom and autocracy, the development of legal, democratic state and market economy, and only in 1906-1914 it was in conditions more or less similar with the American ones. The historian T.S. Mamsik from Novosibirsk considers the problem of the frontier from the religious point of view, through the questions of the Russian schism and the Anglo-American Quakerism. The peripheries of the Russian Empire were particularly receptive to the radical forms of Protestant beliefs. The idea of a Church without "priesthood", by the model of the Quaker one, was rather attractive to the Siberians. Nowadays the concept of the frontier is interdisciplinary in its nature, and it is used in archaeology, geopolitics, cultural studies, philology and philosophy. The concept of the frontier becomes one of the parts of the research methodology. Thus, the concept of the frontier, being specifically historical at the end of the 19th century, after some time began to be interdisciplinary, applied in various fields of scientific knowledge, and sometimes it does not coincide with its original idea.

REFERENCES

- 1. Turner, F.J. (2009) Frontir v amerikanskoy istorii [Frontier in American history]. Moscow: Ves' mir.
- Pelipas', M.Ya. (2004) Opyt ispol'zovaniya idei frontira v gumanitarnykh issledovaniyakh uchenykh Zapadnoy Sibiri [Experience of the use of frontier idea in humanities research of Western Siberia scholars]. In: Pelipas', M.Ya. & Rybal'chenko, T.L. (eds) Amerikanskie issledovaniya v Sibiri [American Studies in Siberia]. Vol. 8. Tomsk: Tomsk State University.
- 3. Rumyantsev, V.P. & Khakhalkina, E.V. (2009) Ispol'zovanie teorii frontira v sravnitel'no-istoricheskikh issledovaniyakh: itogi i perspektivy [The use of frontier theory in comparative-historical research: results and prospects]. In: Bakhtina, O.N., Syrov, V.N. & Dutchak, E.E. (eds) "Slavyanskiy mir" Sibiri: novye podkhody v izuchenii protsessov osvoeniya Severnoy Azii [The "Slavic world" of Siberia: new approaches in the study of the processes of development of North Asia]. Tomsk: Tomsk State University.
- 4. Rezun, D.Ya. (2001) O nekotorykh momentakh osmysleniya znacheniya frontira Sibiri i Ameriki v sovremennoy otechestvennoy istoriografii [Some moments of thinking about the value of the frontier of Siberia and America in modern Russian historiography]. In: Rezun, D.Ya. et al. Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XX vv.: obshchee i osobennoe [Frontier in the history of Siberia and North America in the 17th–20th centuries: the general and the special]. Novosibirsk: IDMI.
- 5. Ageev, A.D. (2005) Sibir' i amerikanskiy Zapad: dvizhenie frontirov [Siberia and the American West: the movement of the frontier]. Moscow: Aspekt-press. [Online] Available from: http://www.twirpx.com/file/220273. (Accessed: 16th March 2016).
- 6. Rezun, D.Ya. (2000) Byt' tut ostrogu i slobode [A stockaded town and a settlement be here]. Rodina. 5. pp. 76-78.
- 7. Rezun, D.Ya. & Shilovskiy, M.V. (2005) Sibir', konets XVI nachalo XX v.: frontir v kontekste etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov [Siberia, the end of the 16th early 20th centuries: frontier in the context of ethno-social and ethno-cultural processes]. Novosibirsk. [Online] Available from: http://sibistorik.narod.ru/project/frontier/index.html. (Accessed: 16th March 2016).
- 8. Khromykh, A.S. (2008) *Russkaya kolonizatsiya Sibiri posledney treti XVI pervoy chetverti XVII veka v svete teorii frontira* [Russian colonization of Siberia of the last third of the 16th the first quarter of the 17th centuries in the light of the frontier theory]. Abstract of History Cand. Diss.

- Krasnoyarsk. [Online] Available from: http://www.dslib.net/istoria-otechestva/russkaja-kolonizacija-sibiri-poslednej-treti-xvi-pervoj-chetverti-xvii-veka-v-svete.html. (Accessed: 16th March 2016).
- 9. Rezun, D.Ya. (2001) Sibirskiy i amerikanskiy gorod na frontire [Siberian and American city on the frontier]. In: Rezun, D.Ya. et al. Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XX vv.: obshchee i osobennoe [Frontier in the history of Siberia and North America in the 17th–20th centuries: the general and the special]. Novosibirsk: IDMI.
- 10. Dameshek, L.M. (2007) Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii [Siberia as part of the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- 11. Mironov, B.N. (2003) Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII nachalo XX v.) [Social history of Russia of the Empire period (18th early 20th centuries)]. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
- 12. Foa, R., Nemirovskaya, A. & Mostovova, E. (2012) Internal empires I: social institutions of the frontier. [Online] Available from: http://lcsr.hse.ru/news/61777743.html. (Accessed: 17th March 2016).
- 13. Lamin, V.A. (2001) Zolotoy generator frontira [The gold generator of the frontier]. In: Rezun, D.Ya. et al. Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XX vv.: obshchee i osobennoe [Frontier in the history of Siberia and North America in the 17th–20th centuries: the general and the special]. Novosibirsk: IDMI.
- 14. Mamsik, T.S. (2001) Radikal'nyy protestantizm i russkiy raskol v kontekste mirovykh reformatsionnykh protsessov epokhi velikikh pereseleniy [Radical Protestantism and Russian schism in the context of global reformation processes in the era of great migrations]. In: Rezun, D.Ya. et al. Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XX vv.: obshchee i osobennoe [Frontier in the history of Siberia and North America in the 17th–20th centuries: the general and the special]. Novosibirsk: IDMI.
- 15. Vasil'eva, A.V. (2015) Sotsiokul'turnyy oblik pravoslavnogo dukhovenstva v Zapadnoy Sibiri v kontse XIX nachale XX v. [A socio-cultural image of the Orthodox clergy in Western Siberia in the late 19th early 20th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.
- 16. Goncharov, Yu.M. (2002) Zhenshchiny frontira: sibiryachki v regional nom sotsiume serediny XIX nachala XX v. [Frontier Women: Siberian women in the regional society in the middle of the 19th early 20th centuries]. [Online] Available from: http://zaimka.ru/goncharov-siberians. (Accessed: 27th May 2016).
- 17. Yakushenkova, O.S. (2012) *Rol' zhenshchiny v kul'turnom dialoge na amerikanskom frontire* [The role of women in the cultural dialogue on the American frontier]. Abstract of History Cand. Diss. Astrakhan. [Online] Available from: http://www.docme.ru/doc/233847/rol._-zhenshhiny-v-kul._turnom-dialoge-na-amerikanskom-frontire. (Accessed: 27th May 2016).
- 18. Khramkov, A.A. (2014) Ocherki istorii krest'yanstva Sibiri nachala XX v. [Essays on the history of the peasantry in Siberia in the early twentieth century]. Barnaul: Altai State University.

Received: 22 June 2016

УДК 001. 891.3+327+172.+(575)

Х.Г. Комилова

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Рассматриваются теоретические подходы и существующие парадигмы в теории международных отношений в определении внешнеполитических интересов государств в международных отношениях в целом и в Центральной Азии в частности. Внешнеполитические интересы государств Центральной Азии анализируются через призму реализма, либерализма, а также марксизма. Рассматриваются роль и место государств Центральной Азии в системе международных отношений, а также рассматривается роль регионального компонента в определении внешнеполитических ориентиров государств Центральной Азии. Ключевые слова: реализм; либерализм; внешняя политика; марксизм; парадигма; структура; анализ; подсистема; международные отношения.

Очевидно, что на протяжении более 350-летней истории Вестфальская система развивалась и изменялась, превратившись из европейской системы в итоге в глобальную. Но именно во второй половине XX в., когда Вестфальская система стала глобальной, институционально объединенной в рамках ООН, и в этом смысле достигла вершины своего развития, в ней начинают происходить процессы структурных изменений, которые затронули ее сущностные характеристики. Первая группа структурных сдвигов в Вестфальской системе связана с центральным звеном системы - государством, и обусловлена тем, что в единой политической системе мира, ставшей глобальной после крушения колониальной системы, оказались очень разные государства по отношению к самой системе. Очевидно, что государства всегда различались по многим параметрам, в том числе по территории, населению, географическому положению, политическому устройству и т.д. Однако во второй половине XX в. начался процесс градации государств, которые вошли в политическую систему мира: государства модерна (вестфальские); постмодерна (поствестфальские); премодерна (довестфальские).

Следует отметить, что данное выделение является условным, практически все современные государства обладают всеми чертами трех выделенных типов. Данный факт был отмечен в исследованиях Дж. Поджиба, М.М. Лебедевой, Дж. Соренсена и получил дальнейшее развитие в работе М.В. Харкевича [1]. Исходя из характеристик, которые характерны каждому типу государств, можно предположить, что государства Центральной Азии представляют собой весьма интересные конгломераты государств, их можно отнести условно к государствам премодерна, т.е. довестфальские, так как в построении политической системы у них превалируют традиционная культура и родоплеменные связи. Этот фактор в какой-то степени влияет на место и роль государств Центральной Азии в системе международных отношений, т.е. каким образом государства региона интегрировались в международную систему и, что является более важным, смогли ли они взаимодействовать в рамках региональной системы, что само по себе является подсистемой в рамках мировой системы. Одним из главных инструментом интегрирования государства в мировую систему является внешняя политика, которая по своей сути - связующее звено между категориями «государство» и «актор международной системы». Необходимо отметить, что на сегодняшний день в теории международных отношений недостаточно разработан инструментарий выявления единицы измерения и анализа внешнеполитической деятельности государств. В международном политическом процессе внешнеполитическая деятельность конкретного государства выступает как субпроцесс взаимодействия между данным государством и другим элементом (элементами) системы международных отношений в конкретный момент времени и в конкретном пространстве. Во множестве процессов системы международных отношений этот субпроцесс выполняет функцию реализации связи между государством и другими элементами данной системы. Однако применение только одного процессного подхода к исследованию внешнеполитической деятельности государства недостаточно, что обусловливает необходимость совершенствования имеющихся и поиску новых теоретических и методологических оснований для изучения этой деятельности в рамках политической теории [2. C. 151–156].

Внешнеполитическая деятельность государства определяется как организованная и соответствующим образом обеспеченная деятельность государства по оказанию воздействия на объекты его внешних интересов в рамках выбранной тактики. Разнообразие организационных и тактических форм обусловливает многовариантный характер внешнеполитической деятельности государства. Такой характер объясняет трудности при выборе внешнеполитических решений, которые происходят по принципу бифуркации. Бифуркационностью выбора внешнеполитических решений определяется нелинейность развития системы международных отношений [3. С. 325]. Большинство издающихся в мире работ, посвященных исследованию международных отношений, сегодня несут в себе преобладание американских традиций. В то же время с начала 1980-х гг. в данной области все ощутимее становится влияние европейской теоретической мысли и, в частности, французской школы. Один из известных ученых профессор Сорбонны М. Мерль в 1983 г. отмечал, что во Франции, несмотря на относительную молодость дисциплины, изучающей международные отношения, сформировались три крупных направления. Одно из них руководствуется «эмпирически описательным подходом» и представлено работами таких авторов, как К.А. Кольяр, Ш. Зоргбиб, С. Дрейфюс, Ф. Моро-Дефарг и др. Второе вдохновляется марксистскими положениями, на которых основываются П.Ф. Гонидек, Ш. Шомон и их последователи в Школе Нанси и Реймса. Отличительной чертой третьего направления является социологический подход, получивший наиболее яркое воплощение в трудах Р. Арона [4. С. 154–155].

Рассмотрев все вышеизложенные подходы, можно сделать вывод о том, что изучая международные отношения в глобальном масштабе, также необходимо учитывать региональный компонент изучения системы международных отношений. И в этом случае при изучении системы международных отношений с региональным компонентом необходимо учитывать ряд факторов, которые присущи тому или иному региону, начиная от географическо-климатических условий и заканчивая военно-экономической положением региона. В этой связи появляется закономерный вопрос: является ли Центральная Азия целостным регионом в рамках международной системы? В политической регионалистике одной из центральных категорий является региональное политическое развитие, понимаемое как процесс трансформации региональной социально-политической системы. Для успешного протекания процессов политического развития также необходимо учитывать факторы, влияющие на формирование общественно-политической системы региона; наличие общей крупной политической проблемы; формулирование общих долголетних интересов, связанных с проживанием одного этноса на территории нескольких стран; наличие культурной, региональной языковой и этнической идентичности; присутствие естественных или искусственных границ региональной политико-социальной системы, т.е. их соответствие реальному физическому, политическому социальному пространству [5].

Для объяснения тенденций политического развития в рамках тех или иных региональных сообществ следует рассматривать регион в качестве некой региональной совокупности элементов, обладающих двумя главными свойствами: спецификой и целостностью. С точки зрения теоретического осмысления регион обладает рядом вышеуказанных характеристик, однако в практическом плане, к сожалению, в регионе идет ряд разноплановых процессов и тенденций, которые перевешивают объективные факторы. Центральная Азия сегодня - это динамично развивающийся регион. Если после распада СССР его воспринимали как единый организм, то сегодня Центральная Азия представляет собой сложную и разнообразную конструкцию взаимоотношений. Дело заключается не только в темпах социально-экономического развития стран, но и в политических процессах, которые происходят в этих государствах. Каждое государство посвоему переживало эти годы. В Таджикистане, например, после обретения независимости вспыхнула гражданская война, после шло преодоление последствий этой войны, которые и сегодня сказываются на развитии государства. Сложность заключается в том, что странам региона приходится уделять внимание и выделять ресурсы не только в борьбе с экстремизмом, терроризмом, но и внимательно следить за динамикой интересов основных региональных и нерегиональных геополитических игроков в Центральной Азии. Вместе с тем приходится одновременно строить политические, экономические и институциональные основы молодых государств [6].

Внешнеполитические задачи центральноазиатских государств имеют некоторые общие черты, но в целом их индивидуальные стратегии и цели расходятся все больше, так что в действительности сегодня уже нельзя говорить о единстве Центральной Азии в международных делах: Ашхабад и Бишкек или Астана и Ташкент смотрят на мир по-разному. При этом дискуссии о роли Центральной Азии в международных делах зачастую страдают двумя недостатками.

Во-первых, основной фокус направлен на внешние акторы, ближние или дальние, а сами центрально-азиатские страны рассматриваются как пассивные жертвы геополитической игры, на ход которой они никоим образом не могут повлиять.

Во-вторых, все внимание сосредоточено на том, как ведут себя государства Центральной Азии в отношении основных международных проблем, при этом их позиция никак не связывается с тем, что происходит внутри самих стран. Остается парадоксальным тот факт, что, заявляя о максимальной открытости для сотрудничества с государствами мирового сообщества, они все еще закрываются от сотрудничества в рамках региона Центральной Азии. Данное игнорирование друг друга больше всего выражается в принятия внешнеполитических процессе Нахождение общего консенсуса в рамках общей региональной системы для центральноазиатских стран, к сожалению, является лишь формальностью, декларируемой в рамках двусторонних или многосторонних официальных встреч отдельных государств региона, которые не подкрепляются осознанием важности такой категории, как система и регион в фарватере внешнеполитической линии.

В контексте анализа внешнеполитических интересов государств Центральной Азии необходимо учитывать тот факт, что они на протяжении многих веков были в составе единого интеграционного объединения, в рамках которого центральноазиатские страны передали часть своего суверенитета в наднациональные органы, тем самым лишившись возможности поэтапного развития по отношению к новой системе международных отношений. До конца 1980-х гг. у народов Центральной Азии не было возможности участвовать в политической жизни. Опыт развития региона в 1990-х гг. показал, что процессы политического реформирования в местных странах происходили в весьма специфических, национально своеобразных формах. Значительное влияние на них оказывали культурные и исторические традиции, особенности быта и мировосприятия, присущие народам региона.

Демократические модели «классического» западного типа в регионе не возникли, хотя опыт демократического строительства в Западной и Восточной Европе, Северной и Латинской Америке оказал на Центральную Азию большое влияние. Не меньшее значение имел для центральноазиатских стран учет опыта модернизации России, Китая, стран АСЕАН и отчасти Индии. Как и в советское время, общества Центральной Азии по существу продолжили развиваться как конгломераты, состоящие из двух анклавов. Один представлял собой современные элементы – институты выборности, судебная система, политические партии, печатные и электронные СМИ, Интернет, зачаточные формы неправительственных организаций, государственно-рыночное хозяйствование современного типа, корпорации [7], а в другом сохранялись родоплеменные связи в рамках внутригосударственных взаимоотношений.

По истечении более двадцати лет ситуация в Центральной Азии в принципе не изменилась, так как и в политическом, и в экономическом секторе все больше превалирует клановые связи. Данные факторы оказали большое влияние также и на установление подходов к определению внешнеполитических интересов государств Центральной Азии, которые должны были сначала сформировать свои национальные интересы, а после выбирать, с каким из гравитационных центров силы им более выгодно и целесообразнее сотрудничать. Отправной точкой в рассмотрении современных геополитических процессов на пространстве Центральной Азии, безусловно, является распад СССР. Хотя еще задолго до 1991 г. западные страны и Китай проявляли интерес к политическим процессам, происходящим в этом регионе, а также к углеводородным ресурсам, которыми располагают центральноазиатские страны. На политику основных геополитических игроков в Центральной Азии оказали ключевые события в мире: распад СССР, теракты в сентябре 2001 г., военные события в Афганистане, Ираке, напряженные отношения с Ираном, и нарастающая угроза ИГИЛ.

Помимо этого, во внешней политике мировых держав в отношении Центральной Азии прослеживаются характерные отличия и выделяются этапы, которые, как правило, связаны с периодами руководства отдельных президентов. В США - это правление президентов Дж. Буша-старшего, Б. Клинтона, Дж. Бушамладшего, Б. Обамы. В России - периоды руководства страной Б. Ельцина, В. Путина, Д. Медведева и затем, с 2012 г., снова В. Путина. По истечении двадцати лет, которые прошли после распада СССР, значение Центральной Азии определяется рядом факторов. Здесь пересекаются геополитические интересы таких крупных геополитических игроков, как Россия, США, Китай и Евросоюз, чьи интересы имеют существенные различия. Значительно возросла роль транспортно-коммуникационных возможностей. Ключевое значение приобрели энергетические ресурсы, которые играют главенствующую роль во внешней политике стран Центральной Азии и одновременно, как магнит, притягивают внимание внерегиональных государств. Таким образом, современная Центральная Азия находится в центре внимания многих геополитических игроков, каждый из которых продвигает свои интересы в регионе, используя политические и экономические инструменты. Наиболее активно в Центральной Азии действуют Россия, США, Евросоюз и Китай, которые далеко не «номинально» претендуют на лидирующие позиции в регионе. Их шаги в этом направлении свидетельствуют о серьезных и далеко идущих практических действиях по закреплению «своих» прав на регион [8]. Так какие факторы влияют на выбор стратегического союзника для всего региона с учетом современных реалий? Сделать ставку на историчность и объективную данность и сотрудничать с Россией или же, руководствуясь теорией географического детерминизма, сотрудничать с Поднебесной, но возможен и третий вариант - полностью поменять формат и выбрать нового союзника в лице США. На первый взгляд может показаться, что ответ лежит на поверхности и безусловным стратегическим партнером является Российская Федерация, однако необходимо отметить тот факт, что каждая из стран региона в определенный промежуток времени тесно сотрудничала с США, такое сотрудничество порой носило более показательный характер, нежели союзнический. Относительно КНР географический фактор в купе с экономическими проектами Поднебесной в Центральной Азии способствуют превращению ее в негласного лидера в Центральной Азии. Более того, необходимо учесть и фактор влияния ШОС в регионе, где наиболее сильные позиции именно у КНР и России.

Вследствие вышеуказанных факторов актуализируется вопрос, по какому принципу и на основе какого подхода принимаются внешнеполитические решения в рамках Центрально-Азиатского региона. Выделяются три типа внешнеполитического поведения малых и средних стран в отношении превосходящих их держав. Первый тип - «агентский» («я - твой младший брат и поручный, моя земля – твой бастион, форт и крепость»; этот тип заменил собой прежнее вассальное, подданническое поведение). Второй -«защитный» («ты – мой недруг и я готовлюсь к борьбе с тобой, нападаешь ты или можешь хотеть напасть»). Третий - «условно партнерский» («мы ничем друг другу не обязаны и пробуем сотрудничать не только друг с другом, но и со всеми странами, несмотря на разность потенциалов») [9. С. 16]. Центральноазиатские государства, как представляется, больше тяготеют к третьему типу. Он сочетается с их возможностями и спецификой международных условий, в которых они развиваются. Главное из этих условий (благоприятных, но и затратных для малых стран) – рыхлая международная среда, в которой шли трансформационные процессы, обусловленные распадом биполярной системы. В этой связи является целесообразным выявление мотивов и интересов, которыми руководствуются политические элиты Центральной Азии в выборе внешнеполитических союзников, базируясь на основных теоретических парадигмах и концепциях теории международных отношений. Внешняя политика акторов мировой политики находится в состоянии взаимодействия со средой. В этом

взаимодействии также играют свою роль цели стратегических потенциалов. Внешняя политика отнюдь не оторвана от внутренних реалий: во многих случаях внешнеполитический выбор как раз и определяется главным образом внутренними причинами, тем более в молодых государствах, которым необходимо обрести двойную легитимность - как международную, так и внутри страны. Примат внутренней политики непосредственно сказывается на потенциальной эффективности региональных организаций в Центральной Азии. В совокупности необходимо отметить тот факт, что одним из стержневых учений в теории международных отношений является системность, так как исходным для нее является само понятие «система», которое Л. Берталанфи определил как совокупность элементов, находящихся во взаимодействии друг с другом. Благодаря системному подходу предоставляется возможность исследовать новые и прежде игнорировавшиеся аспекты предмета внешнеполитической деятельности государства, которая представляет собой основу для более обобщающего и научного подхода к той области исследования, в которой традиционно доминировали работы, основывающиеся в значительной мере на впечатлениях и интуиции или делающие упор на историческом своеобразии и неповторимости отдельных событий и процессов.

Принципиальные положения системного подхода применительно к международным отношениям и заключаются в признании их целостной, обладающей собственной структурой системой. В ней действует закон гомеостазиса (способности системы поддерживать и сохранять внутреннее равновесие вопреки «возмущающим» воздействиям внешней среды), где осуществляется взаимодействие системы с ее элементами (субсистемами), между системой и внешней средой. С этой точки зрения, в Центральной Азии отсутствует системный подход к изучению международных отношений и внешней политики, так как Центрально-Азиатский регион на сегодняшний день, во-первых, не обладает характеристиками региональной системы, во-вторых, в нем все еще достаточно велико влияние внешних факторов. И мы можем прийти к выводу, что в процессе определения внешнеполитических интересов в международных отношениях Центральной Азии превалирует больше краткосрочный и хаотичный порядок принятия внешнеполитических решений, нежели системный подход.

Если рассматривать внешнеполитические решения центральноазиатских стран с точки зрения политического реализма, необходимо рассмотреть краеугольную идею реализма. Одна из центральных идей школы политического реализма — это констатация фактов и придание им смысла через причину. Это предполагает, что оценка характера политики может быть сделана через призму оценки политических действий в рамках представляемых предсказуемых последствий этих действий. Вследствие по итогам предсказуемых действий политиков мы можем предположить, какие у них были цели. Политический реализм предполагает то, что современные условия, под которыми функционирует внешняя политика с их крайней нестабильно-

стью и присутствием постоянной угрозы широкомасштабного насилия, могут быть изменены. То, что верно для общего характера международных отношений, также верно для национального государства как для окончательного ориентира современной внешней политики. В то время как реализм действительно полагает, что интерес – постоянный стандарт, по которому политические выступления должны быть оценены и направлены, то современная связь между интересом и национальным государством достаточно сильна. Подходы и мнение школы политического реализма относительно преобразования современного мира расходятся с другими научно-теоретическими школами. Реализм убежден, что это преобразование может быть достигнуто только посредством искусной манипуляции постоянными силами, которые сформировали прошлое и которые впоследствии станут будущим. Политический реализм знает о моральном значении политических действий и о неизбежной напряженности между моральными установками и требованиями к успешным политическим действиям. Реализм утверждает, что универсальные моральные принципы не применимы к действиям государств в их абстрактной универсальной формулировке, но они должны учитывать конкретные обстоятельства времени и места.

Человек может сказать для себя: «Fiat justitia, pereat mundus (Справедливость должна быть сделанной, даже если мир погибает)», но государство не имеет никакого права использовать этот принцип по отношению к тем, за кого он ответствен. И человек, и государство должны судить политические действия по универсальным моральным принципам, например, таким, как принцип свободы. Все же, в то время как человек имеет моральное право пожертвовать собой в защиту такого морального принципа, государство не имеет никакого права позволить своему моральному неодобрению нарушение свободы, мешать успешным политическим выступлениям, самым вдохновленным моральным принципом национального выживания. Не может быть никакой политической морали без благоразумия, т.е. без рассмотрения политических последствий на вид морального действия. Реализм полагает, что благоразумие - взвешивание последствий альтернативных политических выступлений - высшее достоинство в политике. Иными словами, цель оправдывает средства, и государству необходимо использовать все средства для защиты своих национальных интересов, даже если это идет вразрез с моральными принципами и установками. Применив основные идеи школы политического реализма к внешней политике стран Центральной Азии, мы можем сделать вывод о том, что в целом они соотносятся, однако здесь возникает один весомый фактор, который также необходимо учитывать в анализе внешней политики стран ЦА, а именно готовы ли политические элиты стран Центральной Азии пожертвовать своими политическими амбициями во благо национальных интересов страны?

Другая парадигма теории международных отношений, которая находилась в постоянном споре с реализмом, а иногда и даже происходила конвергенция двух школ, - это либерализм. Либерализм возник в конце XVII в. благодаря трудам таких ученых, как Дж. Локк, Ш. Монтескье, Дж. Милль, А. Смит и др. Идея либерализма послужила основополагающим принципом в Английской хартии свободы и идеологии Великой Французской революции. В период холодной войны в теории международных отношений произошел новый виток либералистических взглядов, которые были модернизированы с учетом мировых реалий, однако основополагающий принцип либерализма остался неизмененным. Базовыми принципами либерализма являются: свобода и обеспечение основополагающих прав и свобод человека; равенства всех граждан перед законом; установление свободной рыночной экономики; обеспечение ответственности правительства и прозрачности государственной власти.

Целью внешней политики государств является производство богатства на основе взаимовыгодного сотрудничества и поиска путей его расширения. Международные отношения не являются анархичными и неуправляемыми. Их можно и нужно регулировать, во-первых, с помощью международных договоров, а, во-вторых, посредством учреждения специальных организаций, регулирующих межгосударственные отношения. Джон Локк впервые разделил такие понятия, как «личность», «общество» и государство», поставил личность выше общества и государства. Государство рассматривалось им как инструмент обеспечения свободы граждан и защиты их естеправ. Суверенитет народа, Дж. Локку, выше суверенитета создаваемого им государства [10]. Позже идеи либерализма были представлены в знаменитых 14 пунктах В. Вильсона и в создании Лиги Наций.

Либерализм представляет совокупность представлений о том, как государства действительно ведут себя, а не как они должны вести себя. В либерализме существует три стержневых предположения, а именно действие социальных акторов и их мотивация, отношения между государственным и гражданским обществом и обстоятельствами, в условиях которых государства разрабатывают стратегии и делают выбор в международной системе. Исторически либерализм изменчив, и все обобщения подобного рода условны. И тем не менее представляется возможным выделить своего рода инвариант либерального мировосприятия, в том числе внешнеполитического. Так, прежде всего, для либеральной идеологии внешний мир, внешняя среда в целом благоприятствуют воплощению и утверждению основополагающих либеральных принципов - индивидуальной свободы, индивидуализма как экономического, политического и морального принципа, демократии, прав человека, правовых основ международных отношений. Собственно говоря, это и есть фундаментальные основы «вечного мира», о котором говорил еще Иммануил Кант в 1795 г. [11. С. 330-339]. При применении либеральной теории к внешней политике государств Центральной Азии мы можем сделать два предположения. Одно базируется на классическом принципе либерализма, другое характерно для современной интерпретации либерализма.

Первое предположение — одной из центральных идей либерализма является свобода и защита интересов собственности буржуазии, т.е. свобода рыночных отношений и отсутствие регулирования экономики со стороны государства. В рамках этой идеи мы можем сделать предположение, что идеи либерализма неприменимы к государствам Центральной Азии, так как в центральноазиатских странах отсутствовала буржуазия как класс и стратоса в обществе, и в данных странах всегда присутствовал контроль экономики со стороны государства.

Второе предположение — центральным требованием и характеристикой либерализма по отношению к государствам как к акторам международных отношений является парламентская форма правления. В Центральноазиатских странах, кроме Кыргызстана, отсутствует парламентская форма правления, а функционируют централизованные президентские республики с широкими полномочиями главы государства.

Отталкиваясь от этих предположений, мы можем прийти к выводу, что в государствах Центральной Азии отсутствует либералистическая парадигма в классическом ее осмыслении как на уровне внутренней политики, так и на внешнеполитическом уровне. Под внешнеполитическим процессом государства понимается взаимодействие между элементами субъектами системы внешнеполитических отношений государства либо внешнеполитическое воздействие государства на объекты его внешнеполитических интересов, осуществляемое во времени и пространстве и приводящее к изменениям в данном государстве и / или в объектах его интересов. В отличие от внешнеполитического процесса государства его внешнеполитическая деятельность определяется как организованная и соответствующим образом обеспеченная деятельность государства по оказанию воздействия на объекты его внешнеполитических интересов в рамках выбранной тактики [12. С. 158–166].

Государства Центральной Азии находятся в достаточно сложном положении: с одной стороны, они должны самостоятельно интегрироваться в новую мировую систему и укреплять свой суверенитет, а с другой – должны находить баланс между интересами таких стран, как РФ, КНР, США. Американский исследователь Александр Кули в своей книге «Большая игра в контексте Центральной Азии» приводит метафору (three trees) «три дерева - три главные внерегиональные силы, интересы которых представлены в регионе» [4. С. 156]. Исторически США не были вовлечены в соревнование с нулевой суммой между Россией и Великобританией в XIX в., но на современном этапе они также преследуют свои стратегические цели в регионе, которые отчасти связаны с событиями 11 сентября 2011 г. Регион оказался вовлеченным в большую игру, итог которой оказал влияние на политику стран Центральной Азии. А.А. Кули говорит о том, что Центральноазиатские страны являются значимыми акторами в мировой системе. Центральноазиатские лидеры, балансируя между глобальными лидерами, усиливают свой политический суверенитет и укрепляют свои внутриполитические силы [13. С. 78].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в анализе внешнеполитических процессов в Центрально-Азиатском регионе, с точки зрения классических теоретических подходов теории международных отношений, не доминирует ни одна из вышеуказанных парадигм. Наблюдается принцип кон-

вергенции реализма и либерализма. В Центрально-Азиатском регионе также достаточно сильны позиции внерегиональных акторов, в большей степени РФ и КНР, и в меньшей – США, которые также влияют на процесс принятия внешнеполитической линии.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Международные отношения в Центральной Азии: События и документы / А.Д. Богатуров, А.С. Дундич, В.Г. Коргун и др.; отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект-Пресс, 2011. 549 с.: цв. вкл.
- 2. Кондратов А.И. Внешнеполитическая деятельность государства в международно-политическом процессе // Вестник МГИМО. 2011. № 2. С. 151–156.
- 3. Кондратов А.И. Концептуальная модель внешнеполитической деятельности государства в теории международных отношений: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2012. 123 с.
- 4. Cooley Alexander, Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia, New York: Oxford University Press, 252 p.
- 5. Геополитическое положение России: Представление и реальность / под ред. В.А. Колосова. М., 2000. 256 с.
- 6. Торкунов A. Современные международные отношения. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/tork/ (дата обращения: 23.06.2016).
- 7. Мельвиль А.Ю. Либеральная внешнеполитическая альтернатива для России? // Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002. Хрестоматия: в 4 т. / МГИМО(У) МИД России; Рос. ассоциация междунар. исследований; ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование); сост. Т.А. Шаклеина. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 1. С. 330–339.
- 8. Актуальные вопросы безопасности в Центральной Азии // Материалы X Ежегодной Алматинской конференции (г. Алматы, 6 июня 2012 г.) / отв. ред. Б.К. Султанов. Алматы : Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2012. 284 с.
- 9. Богатуров А.Д. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах. Очерки текущей политики / А.Д. Батуров, А.С. Дундич, Е.Ф. Троицкий. М.: НОФМО, 2010. Вып. 4. 214 с.
- 10. Цыганков П.А. Раймон Арон о политической науке и социологии международных отношений // Власть и демократия. Зарубежные ученые о политической науке. М., 1992. С. 154–155.
- 11. Политические процессы в таджикском обществе: сб. ст. 1998-2011 гг. Душанбе: ЦСИ при Президенте РТ, 2011. 376 с.
- 12. Кондратов А.И. Внешнеполитическая деятельность государства как категория теории международных отношений // Социология власти. 2009. № 7. С. 158–166.
- 13. Лебедева М.М. Современные тренды мирового развития: новое качество мира. Метаморфозы мировой политики / под общ. ред. М.М. Лебедевой; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2012. 505 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 июля 2016 г.

THEORETICAL BASES AND APPROACHES TO THE DETERMINATION OF FOREIGN POLICY INTERESTS IN THE INTERNATIONAL SYSTEM OF CENTRAL ASIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 77–83. DOI: 10.17223/15617793/410/12

Khosiyat G. Komilova, Russian-Tajik Slavonic University (Dushanbe, Tajikistan). E-mail: khosiyat.komilova@gmail.com **Keywords:** Realism; liberalism; foreign policy; Marxism; paradigm; structure; analysis; subsystem; international relations.

The foreign policy of actors of the international relations is one of the main indicators of their involvement in the international political processes. In the theory of international relations, there is a number of scientifically-theoretical schools and paradigms which investigate the foreign policy of the states through the prism of their own vision of the theory of international relations. In the article, the author touches on theoretical views and approaches in the definition of the foreign policy of such schools as liberalism, realism and Marxism. The thesis is provided in the article that the main instrument of the state's integration in the world system is its foreign policy which inherently is a link between the category "state" and the category "actor of the international system". It should be noted that today's tools for the identification of the unit of measure and the analysis of foreign policy activity of the states within the theory of international relations are not sufficiently developed. The article also considers the regional aspect of the foreign policy of the states of Central Asia. From the theoretical approach of the concept of a region, it should be noted that Central Asia possesses a number of characteristics inherent to regions within world politics; however, on the practical level, unfortunately, the Central Asia region has a range of versatile processes and tendencies which outweigh objective factors. It is related not only to the social and economic development of the countries, but also to political processes which happen in these states. It is a paradox that declaring the maximum openness for cooperation with the states of the world community, all of them are still closed for cooperation within the Central Asia region. Taking into consideration all the facts, it should be noted that, unfortunately, the Central Asian countries do not develop bilateral relations within the region The author puts emphasis on the position of the third countries in the geopolitical solitaire in Central Asia. The states of Central Asia are in a rather difficult situation: on the one hand, they have to be integrated independently into the new world system and strengthen their sovereignty; on the other hand, they have to find balance between the interests of such countries as the Russian Federation, the People's Republic of China, the USA. In the conclusion of the article, the author tells about the principle of convergence of realism and liberalism in the foreign policy line of the Central Asia states.

REFERENCES

- 1. Bogaturov, A.D. (ed.) (2011) *Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentral'noy Azii: Sobytiya i dokumenty* [International relations in Central Asia: Events and Documents]. Moscow: Aspekt-Press.
- 2. Kondratov, A.I. (2011) Foreign Policy Activity of the State in the International Political Process. Vestnik MGIMO. 2. pp. 151–156. (In Russian).

- 3. Kondratov, A.I. (2012) Kontseptual'naya model' vneshnepoliticheskoy deyatel'nosti gosudarstva v teorii mezhdunarodnykh otnosheniy [The conceptual model of foreign policy activity of the state in international relations theory]. Political Science Dr. Diss. Moscow.
- 4. Cooley, A. (2012) Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. New York: Oxford University Press.
- Kolosov, V.A. (ed.) (2000) Geopoliticheskoe polozhenie Rossii: Predstavlenie i real'nost' [The geopolitical position of Russia: Idea and Reality]. Moscow: Art-Kur'er.
- 6. Torkunov, A. (1999) Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya [Contemporary International Relations]. Moscow: ROSSPEN [Online] Available from: http://www.gumer.info/bibliotek Buks/Polit/tork/. (Accessed: 23rd June 2016).
- Mel'vil', A.Yu. (2002) Liberal'naya vneshnepoliticheskaya al'ternativa dlya Rossii? [Liberal foreign policy alternative for Russia?]. In: Shakleina, T.A. Vneshnyaya politika i bezopasnost' sovremennoy Rossii, 1991–2002. Khrestomatiya: v 4 t. [Foreign and Security Policy of modern Russia, 1991–2002. Anthology: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
- 8. Sultanov, B.K. (ed.) (2012) Aktual nye voprosy bezopasnosti v Tsentral noy Azii [Topical issues of security in Central Asia] Proceedings of the X Annual Almaty Conference. Almaty. June 6, 2012. Almaty: Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan.
- 9. Bogaturov, A.D., Dundich, A.S. & Troitskiy, E.F. (2010) *Tsentral'naya Aziya: "otlozhennyy neytralitet" i mezhdunarodnye otnosheniya v 2000-kh godakh. Ocherki tekushchey politiki* [Central Asia: "deferred neutrality" and international relations in the 2000s. Essays on current policies]. Vol. 4. Moscow: NOFMO.
- 10. Tsygankov, P.A. (1992) Raymon Aron o politicheskoy nauke i sotsiologii mezhdunarodnykh otnosheniy [Raymond Aron on political science and sociology of international relations]. In: Tsygankov, P.A. (ed.) *Vlast' i demokratiya. Zarubezhnye uchenye o politicheskoy nauke* [Power and Democracy. Foreign researches on political science]. Moscow: Russian Open University.
- 11. Sharipov, S.I. (2011) *Politicheskie protsessy v tadzhikskom obshchestve: sb. st. 1998–2011 gg.* [Political processes in Tajik society: collected articles of 1998–2011]. Dushanbe: CSR under the President of the Republic of Tajikistan.
- 12. Kondratov, A.I. (2009) Vneshnepoliticheskaya deyatel'nost' gosudarstva kak kategoriya teorii mezhdunarodnykh otnosheniy [Foreign Policy Activity of the State in the International Political Process]. Sotsiologiya vlasti Sociology of Power. 7. pp. 158–166.
- 13. Lebedeva, M.M. (2012) Sovremennye trendy mirovogo razvitiya: novoe kachestvo mira. Metamorfozy mirovoy politiki [Modern world development trends: a new quality in the world. Metamorphoses in world politics]. Moscow: MGIMO-Universitet.

Received: 29 July 2016

УДК 316.334.56(470.23)"187"(093.3)

Е.В. Комлева

СИБИРЯКИ В СТОЛИЦЕ: ВПЕЧАТЛЕНИЯ НАСЛЕДНИКОВ КРАСНОЯРСКОГО КУПЦА А.П. ЛАРИОНОВА ОТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА НАЧАЛА 1870-х гг.

Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Религия и культура как факторы становления и сохранения национальной и региональной идентичности» Комплексной программы Сибирского отделения РАН II.2.

В статье вводятся в научный оборот частные письма из уникальной рукописной коллекции красноярских купцов Ларионовых, относящиеся к началу 1870-х гг. На основе этих источников воссоздается жизненный путь осиротевшего купеческого сына, прошедшего через все трудности, связанные с получением среднего и высшего образования, что позволило ему сменить социальный статус и начать карьеру чиновника. Сохранившаяся переписка позволяет также в какой-то мере осветить восприятие сибиряками столичных реалий пореформенного периода, выявить подробности повседневной жизни рядовых жителей Санкт-Петербурга. Письма указывают на особое значение, которое выходцы из Сибири придавали общению с земляками, подчеркивают важность для этих людей осознания принадлежности к единому региональному сообществу. Ключевые слова: частная переписка; Санкт-Петербург; сибиряки; повседневность; Санкт-Петербургский университет; региональная идентичность.

Несмотря на то что с конца XVIII в. выходила масса справочных изданий, историко-географических обозрений, а также популярных зарисовок, посвященных разным регионам обширной Российской империи, даже во второй половине XIX в. многие жители Центральной России, отправляясь, например, в Сибирь, имели весьма смутное представление об этом крае. К.М. Станюкович писал: «...несравненно легче с каким-нибудь иностранным курсбухом в руках составить точный расчет путешествия в Австралию, Китай, Калифорнию или на мыс Доброй Надежды, чем, находясь в столице империи, сообразить способы сообщения, время и стоимость экскурсии по ту сторону Уральского хребта» [1. С. 238]. В свою очередь, сибиряков поражали контрасты между столичной жизнью и привычными для них сибирскими реалиями. О восприятии рядовыми сибиряками столичной жизни пореформенного периода позволяют судить сохранившиеся в Государственном архиве Красноярского края письма наследников купца Александра Петровича Ларионова, относящиеся к началу 1870-х гг.

А.П. Ларионов родился в купеческой семье около 1812 г. Достигнув совершеннолетия, он состоял при капитале старшего брата - красноярского купца Ивана Петровича Ларионова и помогал ему в коммерческих делах. Однако довольно рано, всего в 47 лет, жизнь Александра Петровича оборвалась, а забота о содержании его вдовы Анфисы Лаврентьевны и малолетнего сына Георгия (остальные дети умерли в юном возрасте) легла на плечи Ивана, который приходился мальчику также и крестным. По настоянию матери и благодаря материальной поддержке дяди Георгий поступил в ближайшую в то время к Красноярску Томскую мужскую гимназию. А.Л. Ларионова, получавшая деньги от деверя, которого она в письмах называла «милостивый государь тятинька» (после смерти мужа он для нее стал главой семьи, а, кроме того, у них была большая разница в возрасте -29 лет), присылала ему подробные отчеты о сделанных ею тратах и жаловалась на дороговизну. Чтобы убедить деверя, что деньги потрачены не напрасно, Анфиса Лаврентьевна присылала ведомости об успехах сына, писала, что «он у нас так занимаюца — жаль смотреть, и Паску только были в це(р)кви первый день, а после все занимались, наука ужасно трудна» [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 12]. Сам Георгий добавлял: «Учусь хорошо и считаюсь одним из первых учеников» [Там же. Л. 25].

Надо сказать, что в середине XIX в. такое страстное желание дать во что бы то ни стало своему ребенку хотя бы среднее образование по-прежнему вызывало недоумение у многих сибиряков из разных сословий. В одном из номеров «Енисейских губернских ведомостей» за 1861 г. описывалось открытие училища в с. Курышинском Канского округа, в которое многие «не решались отдавать детей своих... по какому-то закоренелому предрассудку против грамотности», при этом «старики твердили одно: "Мы... не учились, а век прожили: едим хлеб не хуже грамотных"» [3. С. 43]. Енисейский купеческий сын В.П. Скорняков, обучавшийся во второй половине 1850-х гг. в Иркутской гимназии, вспоминал, что на попытки некоторых горожан «дать среднее образование своим детям смотрели... ужасно недоверчиво» изза боязни «оторванности своих детей от той среды, где они сами выросли» [4. Оп. 1. Д. 65. Л. 101 об. – 102]. Тюменский и московский купец Н.М. Чукмалдин писал, что купцы «старой закалки» долго сопротивлялись всяким нововведениям в области воспитания и образования, не понимая, зачем их детям нужно получать какие-то новые знания, раз их деды и они сами вполне благополучно обходились старыми сведениями и приемами ведения коммерции [5. С. 101]. Ларионовы принадлежали к тем немногим прогрессивно настроенным сибирским жителям, которые не сомневались в пользе учения. Это отношение шло от основателя династии - уроженца Иркутска Петра Федоровича Ларионова, человека грамотного и любознательного.

Несмотря на все трудности и постоянные унизительные просьбы о присылке хоть каких-нибудь средств («покорнище прошу прислать денег» [2. Оп. 1. Д. 4526. Л. 6 об. – 7 об.]), Анфиса Лаврентьевна после окончания сыном Томской гимназии решила

непременно продолжить его обучение, связывая будущее юноши с чиновничьей службой. Как пишет специалист по истории студенчества Санкт-Петербургского университета первой половины XIX в. К.С. Казакова, в то время «цель обучения в университете... формулировалась не как самодостаточное образование, приобретение познаний, а прежде всего как подготовка к вступлению в службу. Получение университетского диплома становилось первой ступенью служебной карьеры, а для многих было необходимым условием вертикальной социальной мобильности» [6. С. 16]. Повысить образовательный уровень можно было только покинув Сибирь. В декабре 1869 г. Анфиса Лаврентьевна сообщала деверю о своих планах: «Если Богу угодно будет, в июле поедем в Москву для образования сына» [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 24]. Сам Георгий в январе 1870 г. писал: «В этом году я кончаю курс и думаю, если Господу будет угодно, отправиться с мамашей в Москву для дальнейшего образования. Я поступаю на Юридический факультет. Теперь с введением гласного судопроизводства, у нас в России для образованного и добросовестного юриста предстоит блестящая карьера. Учусь хорошо и считаюсь одним из первых учеников» [Там же. Л. 25]. Иван Петрович Ларионов и на этот раз не оставил племянника и обеспечил его поездку с матерью, но не в Москву, как планировалось изначально, а в Санкт-Петербург: в середине июля путешественники добрались до Тюмени [Там же. Л. 13], а 6 августа прибыли в столицу [Там же. Л. 14–14 об.].

Сохранилось 10 писем, отправленных Г.А. Ларионовым из Санкт-Петербурга в Красноярск своему дяде Ивану Петровичу [Там же. Л. 14-15, 17-19, 21-23, 26-27, 30-31 об., 33-34] и 5 - двоюродным братьям Ивану и Петру Ивановичам [2. Оп. 1. Д. 4526. Л. 1-6 об.; Д. 4536. Л. 1], а также 3 письма А.Л. Ларионовой деверю И.П. Ларионову [Там же. Д. 4497. Л. 16-16 об., 20–20 об., 29–29 об.] и 4 – племянникам [Там же. Д. 4527. Л. 1-8 об.]. Как показывают отметки адресатов о получении каждого письма, корреспонденция из столицы до Красноярска доходила примерно за месяц. Например, письмо, отправленное в Красноярске 14 сентября 1870 г., в Петербурге получили 18 октября [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 18], а послание из Петербурга от 7 февраля 1872 г. было получено в Красноярске 2 марта 1872 г. [Там же. Л. 33-34]. Всякий раз, если представлялась оказия, письма передавались со знакомыми, что, по всей видимости, считалось быстрее и надежнее, чем услуги почты.

Вопреки ожиданиям прибывших провинциалов столица не слишком ошеломила. В своем первом письме братьям Георгий Александрович писал: «Петербург особого впечатления на меня не произвел, но все-таки город хороший, особенно в ученом мире. Здесь есть множество огромнейших библиотек и множество высших учебных заведений» [Там же. Л. 14 об.]. Поскольку Георгий приехал учиться, то тема просвещения его особо интересовала и занимала важное место в его письмах. В октябре 1870 г. он добавлял: «Я очень рад, что я попал в Петербург, где так много учебных пособий, каковы библиотеки, музеи,

картинные галереи и т.п.» [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 18–18 об.], «...вчера я был в Императорской Публичной библиотеке, где и взял билет на чтение книг и для занятий в библиотеке. Книги выдаются только для чтения в самом здании библиотеки. Платы никакой нет. В этой библиотеке, кроме нескольких десятков тысяч рукописей, находятся все книги и журналы, какие когда-либо были изданы, если только они сохранились. Число книг доходит, кажется, до 1 000 000 томов» [Там же. Л. 18 об.]. Всего же в городе насчитывалось 4 публичных библиотеки, 9 музеев и выставок, ботанический и зоологический сады [7. С. 14–15], которые должны были производить большое впечатление на Ларионовых.

Ограниченный в средствах, Георгий постепенно знакомился с достопримечательностями и окрестностями Петербурга («...был в Александрии [на] даче Ея ВЕЛИЧЕСТВА Государыни. Видел и был там во дворце Наследницы и Государыни. Был также в Петергофском саду» [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 17]), по мере возможности посещал театры. Говоря о визите в самый дешевый из четырех театров города [7. С. 78-79] -Александринский, в сентябре 1870 г. он писал: «Здешний театр после наших театров, конечно, несравненно лучше» [Там же. Л. 17 об.]. Возможно, Г.А. Ларионову удалось увидеть на сцене непревзойденного мастера перевоплощения Василия Васильевича Самойлова - первого артиста труппы Александринского театра, исполнявшего тогда роль И.Л. Растаковского в «Ревизоре» [8].

В отличие от сына, интересовавшегося прежде всего культурно-просветительными учреждениями, необразованная и писавшая с многочисленными ошибками Анфиса Лаврентьевна обращала внимание на другие стороны повседневной жизни, поражаясь столичным диковинкам, которых не было в Сибири, сравнивала город на Неве с Москвой, в которой побывала летом 1871 г. Сохранилось оставленное ею 1 ноября 1871 г. описание открывшейся в 1860 г. петербургской конной железной дороги, работавшей с 9 угра до 9 вечера по трем маршрутам [7. С. 72]: «В Питере зимняя дорожка, здесь кататься можно, 5 ко[п.] общие сани и кареты, четверка лошаде[й] и за 5 ко[п.] 3 версты прокатитесь с удово[ль]с[т]вием. Здесь кататься удобно, и в Москве этих удобст[в] нет. Можете пре[д]ставить, кон[н]ы[е] железные вагоны устроены так: по некоторым улицам положены рельсы и вагон, внутри его 20 мест и сверху 20 мест, ко(н)дуктор и кучер и сих входит 42 человека заложено только 2 лошади двинется эта ма[с]са очень скоро - удивительно! Наука изобрела много полезного» [2. Оп. 1. Д. 4527. Л. 5–5 об.].

Сразу по прибытии, 11 августа 1870 г., Г.А. Ларионов подал прошение о зачислении в университет [Там же. Д. 4497. Л. 14], в августе же выдержал «экзамены поверочные», был принят на Юридический факультет и с первого сентября приступил к занятиям [Там же. Л. 17]. В оставленных им зарисовках своей студенческой жизни чувствуется гордость, что и ему, провинциалу из далекого сибирского города, удалось оказаться в стенах крупнейшего вуза России. В част-

ности, он сообщал: «Университет Петербургский один из лучших (если только не самый лучший) из наших университетов. Профессора здесь большею частию люди известные по своим сочинениям, а некоторые даже считаются первоклассными в ряду европейских знаменитостей» [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 18–18 об.]. Среди преподавательского состава было немало иностранцев, уроженцев разных европейских государств. По словам Т.Н. Жуковской, «особенностью Петербургского университета было то, что группа иностранных профессоров была в этническом отношении более пестрой, хотя, как и в других университетах, в ней преобладали немцы» [9. С. 14]. Характеризуя Юридический факультет, Георгий отмечал, что он «здесь очень хорош», особенно выделяя при этом известного юриста Петра Григорьевича Редкина («замечательнейший из профессоров» [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 17 об.]). П.Г. Редкин, с 1863 г. числившийся ординарным профессором на кафедре энциклопедии права, был яркой личностью, мастерски читал лекции и пользовался большим авторитетом среди студентов. В сентябре 1873 г. он стал выборным ректором Санкт-Петербургского университета, занимая эту должность до сентября 1876 г. [10. С. 155–168].

Г.А. Ларионов упомянул также еще одного своего выдающегося ученого современника - основателя Казанской лингвистической школы Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ, происходившего из осевшего в Польше старинного французского рода. И.А. Бодуэн де Куртенэ учился в Варшаве, Праге, Йене, Берлине, Петербурге. В 1870 г. он получил в Лейпциге степень доктора философии и в том же году в Петербурге защитил магистерскую диссертацию «О древнепольском языке до XIV столетия» [11. С. 3]. Защита вызвала большой интерес слушателей университета, на что косвенно указывают и строки из письма Г.А. Ларионова, отметившего ее как важное событие, упоминание о котором не оставит равнодушными красноярских родственников: «Завтра, т.е. 22 октября у нас в университете будет защищать диссертацию на степень магистра сравнительного языковедения доктор философии Лейпцигского университета Иван Бодуэн де Куртенэ» [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 18 об.].

Студент-сибиряк стремился подчеркивать свой новый статус даже в мелочах. Так, он просил родственников адресованные ему письма подписывать следующим образом: «Студенту Юридического факультета Императорского С.-Петербургского университета такому-то» [Там же. Л. 17 об.]. Вообще, при внимательном знакомстве с сохранившимися письмами, складывается впечатление, что Георгий хотел не только поведать родственникам что-либо любопытное о столичной жизни, при случае даже порадовать их небольшим подарком, но и как бы ненароком обратить внимание на свою эрудицию и образованность. В письме от 7 февраля 1872 г. он замечал: «Не знаю, как Вам понравится посланный мною календарь Гатцуки, но, по-моему мнению, это один из лучших. Академический календарь в настоящее время не выходит» [Там же. Л. 33]. Речь идет о «Крестном календаре», издававшемся с 1866 г. в Москве Алексеем Алексеевичем Гатцук. На страницах Календаря, стоившего всего 10 коп. и расходившегося большим тиражом, помещались сведения о различных событиях из истории России и славянских стран [12. С. 175]. Даже описывая погоду, Георгий использовал своеобразную лексику: 24 июня 1874 г. он сообщал, что «в Петербурге теперь невыразимо душно. Все, что может, из него эмигрирует на чистый воздух, на дачу или в имение» [2. Оп. 1. Д. 4526. Л. 5 об.].

Несмотря на первоначальный энтузиазм, учеба довольно быстро превратилась в повседневный тяжелый труд, тем более что родные, а прежде всего - содержавший Георгия красноярский дядюшка, ожидали от него безоговорочных успехов. В письме от 19 декабря 1870 г. Г.А. Ларионов объяснял: «Относительно похвальных листов и наград имею честь ответить Вам, многоуважаемый дяденька, что у нас в Университете только по выходе выдаются дипломы на ученые степени, а при переходе из курса в курс никаких наград нет, кроме медалей, которые выдаются за сочинения, для которых выдаются особые темы. Сочинения эти пишутся студентами последних курсов, потому что, чтобы написать такое сочинение, требуется всестороннее знание того предмета, по которому пишется сочинение, а такое знание требует двух или трех лет усидчивого труда» [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 22–22 об.]. Впрочем, привыкший с детства усердно заниматься, Георгий и в Петербурге не ударил лицом в грязь. В июне 1871 г. он писал: «Я сдал экзамены хорошо и перешел на 2-й курс. Вакация у нас более трех месяцев с 24-го мая до первого сентября, а для приезжающих, с разрешения ректора, и до 15-го сентября» [Там же. Л. 30–30 об.].

Второй курс дался тяжелее. Анфиса Лаврентьевна в мае 1872 г. сообщала: «Егориньке решительно нет свободно(й) минуты: езаменты громадные, 5 месяцев не знает покою, (у)жас смотреть на их работу и заботу. Благодаря Бога 5 езаметов сдал хорошо, еще остался один [...] можете себе представить, какие у них занятия: в светлой праздник Воскресения Христова был у заутрени и обедни и больше никуда шагу не делал — все занима(л)ся. Етот ку(р)с само(й) тяжелой. Бог поможет, перейдет [на] 3 ку(р)с, так полекче [будет]» [2. Оп. 1. Д. 4527. Л. 7–7 об.].

Погруженный в учебу, Георгий стоял в стороне от студенческих кружков и каких-либо оппозиционных правительству организаций. Между тем в начале 1870-х гг. в России продолжало набирать силу революционное движение: продолжали распространяться переводы сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, действовали чайковцы, представители страны участвовали в работе Русской секции I Интернационала и Парижской коммуне [13. С. 38, 43-45]. Конечно, все это не могло совершенно не коснуться даже самого далекого от политики молодого человека, которому, возможно, приходилось каждый день сталкиваться с народниками в университетских коридорах. В одном из писем Г.А. Ларионова встречается упоминание об арестах в студенческой среде: «Нового у нас почти ничего нет, кроме арестов, которые производятся между студентами Университета и Медико-хирургической Академии. Причины арестов я не знаю, покуда еще ничего не известно» [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 22–22 об.].

Из сохранившейся переписки предстает и такая сторона жизни малоимущих горожан, как бытовые проблемы. Наибольшую неприятность Ларионовым доставляли высокие цены на жилье и продукты питания, существовавшие в Санкт-Петербурге. Поначалу Георгий с матерью расположились в двенадцатой квартире дома № 10 на Могилевской улице [Там же. Л. 14]. В первом же письме к красноярским родственникам Георгий сообщал: «Жизнь здесь очень дорога. Квартиры дороги, особенно с мебелью. Отдельная комната стоит здесь рублей 12 в месяц, а то и более. Мясо – 15 и 16 копеек фунт. Хлеб не дешев. Мука крупитчатая 1-й сорт – 12 рублей куль. Овощи страшно дороги. Сливки хорошие 40 к. бутылка» [Там же. Л. 14]. Анфиса Лаврентьевна добавляла: «Что вам сказать, в Петербурге очень дорого жить, на знаю, как Бог устроит...» [Там же. Л. 16], «...жить здесь в Петербурге дорогонько, но с Божией помощью какнибудь проживем» [Там же. Л. 22 об.]. Характеризуя условия проживания, 7 февраля 1872 г. Георгий писал: «Квартиры ужасно дороги и неудобны. Комнаты по большей части проходные. Прихожие и темные комнаты считаются за комнаты, и помещение из двух комнат, прихожей (которая считается за комнату) и кухни стоит 25 рублей в месяц. Цена громадная!» [Там же. Л. 33 об.]. Для сокращения расходов, Ларионовым приходилось обходиться без прислуги, а также пустить квартирантов – трех студентов [Там же. Л. 16].

Непривычной была также строгость местного городского начальства, о чем свидетельствуют строки одного из писем Г.А. Ларионова: «Мамаша покорнейше просила Вас, добрейший дяденька, не замедлить высылкою паспортов, так как здесь, в Петербурге, за просрочку строго взыскивается, и потому мамаша покорнейше просит Вас выслать их, если можно, в декабре, в последних числах» [Там же. Л. 16].

Давал себя знать и угнетающий, непривычный петербургский климат, описывая который, в сентябре 1870 г. Георгий отмечал: «Климат здесь очень нездоров. Появилась было холера, но теперь прекращается» [Там же. Л. 17]. По встречающимся в письмах Ларионовых фрагментам можно получить представление о погоде в столице в разные месяцы. К октябрю того же года относились строки: «...погода здесь стоит пасмурная, скучная. Идет то дождь, то снег; однако постоянного снега еще нет» [Там же. Л. 18], к началу ноября - «...погода здесь стоит дождливая, дуют ветры. Снегу еще нет, хотя и выпадал, но скоро растаял» [Там же. Л. 21]. И тут же автор добавлял: «О себе скажу, что, слава Богу, здоров, особого действия климат Петербурга на меня не произвел» [Там же. Л. 21 об.]. Для зимы были характерны колебания температуры и перепады давления. В письме от 19 декабря 1870 г. Георгий отмечал: «Погода теперь стоит у нас в Петербурге довольно теплая, но дня два тому целую неделю стоял мороз за 20°, при сильном ветре» [Там же. Л. 22]. Он же 18 февраля 1871 г. писал: «Всю Масленицу здесь, в Петербурге, страшные холода, теперь же начинается оттепель» [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 27]. Надо полагать, что был действительно сильный мороз, усугублявшийся высокой влажностью, раз даже сибиряк, говоря о холодах, употребил эпитет «страшные». К февралю 1872 г. относились слова: «В настоящее время у нас, в Петербурге, стоят морозы» [Там же. Л. 33–33 об.]. Лето на берегах Невы по большей части выдавалось пасмурным: в июне 1871 г. погода стояла «холодная и сырая» [Там же. Л. 30 об.], в середине августа лил дождь «вот уже целую неделю» [Там же. Л. 31].

Освоиться с непривычными условиями и справиться с тяготами повседневной жизни помогало общение с земляками. Надо сказать, что, несмотря на новые впечатления и насыщенную событиями жизнь, Георгий Александрович и Анфиса Лаврентьевна сильно скучали по родному Красноярску. В их письмах довольно рано начинают звучать ностальгические нотки. В ноябре 1870 г. А.Л. Ларионова писала: «Мы далеко от родины, милых наших родных, но любим их, сегодня за ваше здоровье пили кофе и душевно желали здоровья» [Там же. Л. 20], «...мы, с своей стороны, всегда помним и будем помнить дорогих для нас родных наших и знакомых» [Там же. Л. 21 об.]. Как показывает первый из приведенных фрагментов, в понятие «родина» вкладывался именно узко региональный смысл – место, где родился и вырос. В апреле 1871 г. Анфиса Лаврентьевна отмечала: «...чужая сторона заставила больше оценить и полюбить ваше благословенное семейство, чужая сторона хорошо учит» [Там же. Л. 29-29 об.]. Горечью наполнены и строки ее письма от 7 февраля 1872 г.: «Не знаю, когда увижу мою милую Сибирь, а я по ней очень и очень скучаю» [Там же. Л. 33 об.]. В феврале 1872 г. А.Л. Ларионова просила: «Очень приятно бы было иметь Ваши карточки, поэтому мы просим Вас выслать Ваши карточки» [Там же. Л. 1 об.]. Слова Георгия в письме дяде от 19 апреля 1871 г. подтверждают настроение Анфисы Лаврентьевны: «...мамаша очень жалеет о том, что мы так далеко живем от Красноярска и что поездка туда сопряжена с большими для нас расходами, а то мамаша давно бы приехала навестить Вас» [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 28].

О важности общения выходцев из Сибири между собой, чувстве региональной идентичности свидетельствуют строки из письма Г.А. Ларионова от 16 сентября 1870 г.: «Жить здесь для меня (не знаю, как для других) очень скучно, хорошо, что есть здесь наши сибиряки. Сибиряков знакомых здесь человек пятнадцать. Не знаю, может быть, привыкну и к Петербургу» [Там же. Л. 17]. Надо сказать, что к началу 1870-х гг. действовавшие в столице в 1858-1859 и 1860-1863 гг. сибирские земляческие кружки, в которых выкристаллизовывались взгляды областников, уже не существовали [14. С. 75]. Однако вышеприведенные слова Г.А. Ларионова указывают на то, что проживавшие в Санкт-Петербурге сибиряки попрежнему поддерживали отношения, ощущая себя в непривычной, чужеродной среде. В последующих письмах Георгия Александровича неоднократно возникала тема служения Сибири, необходимости распространения просвещения среди сибиряков, но отсутствуют какие бы то ни было намеки на восприятие автором истории региона как колонизируемой окраины Российского государства, нет и настроений сепаратистского характера.

Очень существенной для Ларионовых оказалась поддержка земляков-красноярцев - семейства красноярского купца Петра Ивановича Кузнецова, который останавливался в Петербурге по пути за границу и обратно. Один из виднейших красноярских купцов, П.И. Кузнецов был человеком хорошо образованным, с широким кругозором, участник Амурской экспедиции Н.Н. Муравьева-Амурского, щедрый благотворитель [15. С. 38-67]. Видимо, Ларионовы состояли в родстве с Кузнецовыми, поскольку в одном из писем Георгий назвал П.И. Кузнецова «дядюшкой» [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 30], а в другом его дочь Евдокию Петровну Кузнецову – «добрейшей кузиной» [Там же. Л. 21]. Он писал, что «она очень рада, что я так хорошо кончил курс гимназии, и что она будет всеми от нея зависящими средствами стараться, чтобы мне и докончить хорошо мое образование, и что даже путешествие за границу по окончании курса для большего усовершенствования... можно устроить» [Там же. Л. 21-21 об.]. Как видно, родственные связи позволяли надеяться на протекцию и материальную помощь богатых земляков. Кстати, именно Кузнецовы помогли Ларионовым на первых порах устроиться с минимальными удобствами, по отъезде за границу оставив им мебель, посуду, кровати и матрасы [Там же. Л. 16]. В сентябре 1870 г. Георгий сообщал: «В настоящее время здесь находится Петр Иванович Кузнецов, с которым я и посылаю это письмо. Я бываю у него почти каждый день» [Там же. Л. 17]. Насколько Ларионовы ценили общение с Кузнецовыми, можно судить и из следующей записи Георгия Александровича от 19 декабря 1870 г. о жене П.И. Кузнецова: «К Рождеству сюда приедет из-за границы Александра Феодоровна Кузнецова... Мамаша и я очень рады приезду Александры Феодоровны - всё хоть веселее проведем наступающие праздники» [Там же. Л. 22].

Особое место в письмах Ларионовых занимали подробности об общих знакомых, тех, кто когда-то служил в Красноярске или, наоборот, направлялся в Сибирь на службу. Так, Г.А. Ларионов 18 февраля 1871 г. упоминал Михаила Семеновича Корсакова, который с 1849 г. находился на сибирской службе, а в 1861-1870 гг. исполнял обязанности генералгубернатора Восточной Сибири. По долгу службы ему приходилось неоднократно бывать в Красноярске: в частности, «Енисейские губернские ведомости» сообщали, что 14 апреля 1863 г. проездом из Санкт-Петербурга в Иркутск Красноярск посетил «исправляющий обязанность генерал-губернатора Восточной Сибири свиты Его Величества генерал-майор Михаил Семенович Карсаков» [16. С. 67]. Текст письма Г.А. Ларионова дает основания предполагать, что он навестил М.С. Корсакова, отличавшегося мягкостью и ровным обращением с людьми [17. С. 340], на петер-

бургской квартире: «Михаил Семенович Корсаков сделан членом Государственного Совета с 15 000 рублей жалованья и с 3 000 рублей пансиона за сибирскую службу. Этот год он пробудет в отпуску. Сперва поедет к матушке в поместье, а потом думает уехать за границу. Но, может быть, от поездки за границу удержит его ожидаемая там весною эпидемия. Он очень состарился и несмотря на то, что ему только 42 года, он совершенно (в буквальном смысле слова) седой» [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 26 об. – 27]. Оставленная зарисовка, несмотря на допущенную неточность (М.С. Корсаков родился в марте 1826 г., т.е. в 1871 г. ему исполнилось 45 лет), дополняет сохранившиеся немногочисленные свидетельства «о внешнем облике и характере М.С. Корсакова» [17. С. 340]. Перед нами предстает образ усталого и, возможно, тяжело больного человека – ведь Михаил Семенович скончался уже через месяц после встречи с Г.А. Ларионовым – 16 марта 1871 г., так и не успев побывать за границей [Там же. С. 355].

В том же письме Г.А. Ларионов упоминал еще одну важную фигуру — сенатора Николая Петровича Синельникова: «Вчера отсюда выехал новый генералгубернатор Сибири Синельников. В Красноярске он пробудет три дня. Человек он, как слышал от многих, очень хороший. Прошедшая деятельность его на пользу общества очень и очень почтенна» [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 26–26 об.]. Н.П. Синельников, бывший к тому времени «уже немолодым и опытным администратором», прослужил в новой должности с 1871 по 1873 г. [17. С. 355; 18. С. 113].

Таким образом, письма Ларионовых отражают восприятие сибиряками столичной жизни первой половины 1870-х гг., раскрывают их наиболее яркие впечатления. С одной стороны, тексты указывают на восхищение перед Санкт-Петербургом как сокровищницей знаний и центром просвещения, преклонение перед возможностями науки, уважение к Санкт-Петербургскому университету. Георгий Ларионов проявляет любознательность, тягу поехать «усовершенствоваться за границу». Развитие образования у него – в числе первоочередных задач, стоявших перед русским обществом. С другой стороны, и он, и его мать постоянно жалуются родным на дороговизну, погоду и постоянное чувство ностальгии по Сибири, которое не могли притупить ни посещение театров и выставок, ни новые знакомства. Перед нами письма коренных сибиряков, которые не мыслили своей жизни в отрыве от малой родины, воспринимая проведенные в Санкт-Петербурге годы лишь как временный, вынужденный этап. Рассмотренные источники показывают, что в сознании даже тех выходцев из Сибири, кто еще не испытал сильного влияния начавших распространяться идей областников, под воздействием общего прошлого и общей культурной среды к началу 1870-х гг. уже прочно утвердилось представление о принадлежности к единому региональному сообществу.

ЛИТЕРАТУРА

^{1.} Станюкович К.М. В далекие края // Собрание сочинений : в 10 т. М., 1977. Т. 1. С. 238–333.

^{2.} Государственный архив Красноярского края. Ф. 796.

- 3. Енисейские губернские ведомости. 1861. Приложение к № 9.
- 4. Городской архив Енисейска. Ф. 6.
- 5. Чукмалдин Н.М. Записки о моей жизни. М., 1902.
- 6. Казакова К.С. Студенчество Санкт-Петербургского университета в первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010.
- 7. Справочный указатель по С.-Петербургу. СПб., 1865.
- 8. Березарк И.Б. Василий Васильевич Самойлов. Л., 1948.
- 9. Жуковская Т.Н. Национальные группы в составе профессоров Санкт-Петербургского университета в начале XIX в. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. 2011. № 2 (20). С. 13–18.
- 10. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869–1894. СПб., 1898. Т. 2.
- 11. Николаев Г.А. Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ 1845–1929. Казань, 2001.
- 12. Сумцов Н. Гатцук А.А. // Энциклопедический словарь. СПб., 1892. Т. XIII (кн. 15). С. 175.
- 13. Троицкий Н.А. Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма, 1866-1882 гг. М., 1978.
- 14. Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX первой четверти XX в. Новосибирск, 2008.
- 15. Сысоева Л.А. Во славу любезного Отечества. Семья Кузнецовых в истории Красноярска и России. Красноярск, 2010.
- 16. Енисейские губернские ведомости. 1863. № 16.
- 17. Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998.
- 18. Матханова Н.П. Синельников Николай Петрович // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2009. Т. І. С. 113.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 июня 2016 г.

SIBERIANS IN THE CAPITAL: IMPRESSIONS OF THE INHERITORS OF THE KRASNOYARSK MERCHANT ALEKSANDR P. LARIONOV OF ST. PETERSBURG OF THE EARLY 1870S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 84–90.

DOI: 10.17223/15617793/410/13

Evgeniya V. Komleva, Institute of History, SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: feodal@history.nsc.ru **Keywords:** private correspondence; St. Petersburg; Siberians; everyday life; St. Petersburg University; regional identity.

The article discusses private letters from the unique manuscript collection of the Larionovs, merchants from Krasnoyarsk, dated by early 1870s. On the basis of these sources the way of life of the orphaned son of the merchant has been reconstructed. He passed through all the difficulties connected with obtaining secondary and higher education, which allowed him to change the social status and to start the career of a civil servant. The correspondence under investigation also allows to highlight to some extent the perception of the realities of the post-reform period by the Siberians, to reconstruct the details of everyday life of ordinary citizens in St. Petersburg. Reading the letters, one can notice admiration for St. Petersburg as a store of knowledge and a center of education, for the possibilities of science, respect for St. Petersburg University. One of the authors, Georgy Larionov, paid attention to the abundance of libraries, exhibitions, high-class institutions; he also did not remain indifferent to the famous Alexandrinsky Theatre. With a special reverence he mentioned the outstanding scientists and professors he was able to see, the lawyer P.G. Redkin and the linguist I.A. Baudouin de Courtenay. According to the time Georgy considered the development of education as one of the priority tasks Russian society faced. In contrast to the son, Anfisa Larionova drew attention to other details of everyday life she had never experienced before; in particular, she was struck by the Petersburg horse railroad, whose opening she connected with the achievements of the scientific thought. At the same time, despite the new impressions and the eventful life, the Larionovs constantly complained about the high prices, weather and a constant feeling of nostalgia for Siberia, which could be decreased neither by visiting theatres and exhibitions nor by new acquaintances. Living in the capital, the Larionovs closely followed all news related to Siberia, visited residents of Krasnoyarsk arriving to St. Petersburg and officials that returned from service in Siberia. The letters indicate the special meaning Siberian natives gave to communication with their countrymen, underline the importance to them of the recognition of belonging to one community. These are texts written by indigenous Siberians who could not imagine themselves without homeland and considered the years in St. Petersburg only as a temporary period, a necessary stage of their lives. The analysis of the investigated sources has shown that by the early 1870s the idea of belonging to one community had already firmly established in the minds of even those Siberians who had not experienced the strong influence of the regionalism ideas, under the influence of a common past and a common cultural environment.

REFERENCES

- 1. Stanyukovich, K.M. (1977) V dalekie kraya [To distant lands]. In: Eremin, M.P. (ed.) Sobranie sochineniy: v 10 t. [Collected Works: in 10 vols]. Vol. 1. Moscow: Pravda.
- 2. State Archive of Krasnoyarsk Krai. Fund 796. (In Russian).
- 3. Eniseyskie gubernskie vedomosti. (1861) 9 (Supplement). (In Russian).
- 4. City Archive of Yeniseisk. Fund 6. (In Russian).
- 5. Chukmaldin, N.M. (1902) Zapiski o moey zhizni [Notes on my life]. Moscow: Tipolitogr. A. V. Vasil'eva i Ko.
- 6. Kazakova, K.S. (2010) Studenchestvo Sankt-Peterburgskogo universiteta v pervoy polovine XIX v. [Students of St. Petersburg University in the first half of the 19th century]. Abstract of History Cand. Diss. St. Petersburg.
- 7. Anon. (1865) Spravochnyy ukazatel' po S.-Peterburgu [Reference book for St. Petersburg]. St. Petersburg: tip. 2 Otd-niya Sobstv. e. i. v. kantselyarii.
- 8. Berezark, I.B. (1948) Vasiliy Vasil'evich Samoylov. Leningrad: Vserossiyskoe teatral'noe obshchestvo. (In Russian).
- 9. Zhukovskaya, T.N. (2011) Natsional'nye gruppy v sostave professorov Sankt-Peterburgskogo universiteta v nachale XIX v. [National groups of professors of St. Petersburg University at the beginning of the 19th century]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istoriya Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations. 2 (20). pp. 13–18.
- 10. Anon. (1898) Biograficheskiy slovar' professorov i prepodavateley Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta za istekshuyu tret'yu chetvert' veka ego sushchestvovaniya. 1869–1894 [The biographical dictionary of professors and teachers of the Imperial University of St. Petersburg for the third quarter of a century of its existence. 1869–1894]. Vol. 2. St. Petersburg: Tip. B. M. Vol'fa.

- 11. Nikolaev, G.A. (2001) Ivan Aleksandrovich Boduen de Kurtene 1845–1929 [Ivan A. Baudouin de Courtenay 1845–1929]. Kazan: Kazan State University.
- 12. Sumtsov, N. (1892) Gattsuk A.A. In: Arsen'ev, K.K. & Petrushevskiy, F.F. (eds) Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Yefrona [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. 8. Book 15. St. Peterburg: Semenovskaya Tipo-Litografiya (I.A. Efrona).
- 13. Troitskiy, N.A. (1978) Bezumstvo khrabrykh: Russkie revolyutsionery i karatel'naya politika tsarizma, 1866–1882 gg. [Madness of the brave: Russian revolutionaries and the tsarist punitive policy, 1866–1882]. Moscow: Mysl'.
- 14. Shilovskiy, M.V. (2008) Sibirskoe oblastnichestvo v obshchestvenno-politicheskoy zhizni regiona vo vtoroy polovine XIX pervoy chetverti XX v. [Siberian regionalism in the socio-political life of the region in the second half of the 19th the first quarter of the 20th centuries]. Novosibirsk: Sova.
- 15. Sysoeva, L.A. (2010) Vo slavu lyubeznogo Otechestva. Sem'ya Kuznetsovykh v istorii Krasnoyarska i Rossii [To the glory of the beloved Homeland. The Kuznetsovs family in the history of Russia and Krasnoyarsk]. Krasnoyarsk: Sibirskiy pechatnyy dvor.
- 16. Eniseyskie gubernskie vedomosti. (1863) 16.
- 17. Matkhanova, N.P. (1998) General-gubernatory Vostochnoy Sibiri serediny XIX veka: V.Ya. Rupert, N.N. Murav'ev-Amurskiy, M.S. Korsakov [Governor-Generals of Eastern Siberia of the middle of the 19th century: V.Ya. Rupert, N.N. Murav'ev-Amurskiy, M.S. Korsakov]. Novosibirsk: SB RAS.
- 18. Matkhanova, N.P. (2009) Sinel'nikov Nikolay Petrovich. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri: v 3 t.* [Historical Encyclopedia of Siberia: in 3 vols]. Vol. 1. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri.

Received: 28 June 2016

УДК 930.2 + 94(3)

С.В. Косыгина

ДИНАМИКА НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ 1914—1923 гг. В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Для освещения картины демографических изменений необходим анализ большого количества научных трудов по истории и исторической демографии Западной Сибири, теоретических работ по демографии и статистике. Существует лишь незначительное количество научных публикаций, посвященных именно данной проблеме и данному региону. Анализ литературы по изучению динамики народонаселения Западной Сибири показал, что период 1914—1923 гг. в историографии практически не исследован, поэтому стоит задача полноценного анализа динамики народонаселения Западной Сибири. Ключевые слова: Западная Сибирь; воспроизводство населения; демография; динамика; статистика.

Изучение демографических процессов и формирования населения в Западной Сибири является важнейшей научной задачей, так как сегодняшнее сложное положение в сфере народонаселения уходит в прошлое. Особую трудность для исследования представляют периоды Первой мировой и Гражданской войн, так как в это время происходили самые большие изменения в составе населения. Социальные катаклизмы приостановили относительно стабильный рост численности населения, оптимизации его структуры и режима воспроизводства.

В историографии демографии Сибири можно выделить три основных периода: дореволюционный, советский и постсоветский (современный). В дореволюционное время демографическими характеристиками населения занимались в основном статистики. а не историки. В советский период произошло становление исторической демографии как науки: 1920-1930 гг. - период расцвета демографической статистики; с середины 1930-х до середины 1950-х гг. – период запретов в изучении демографии; вторая половина 1950-х - середина 1980-х гг. - возобновление изучения исторической демографии. В эти годы большое внимание уделялось изучению феодального периода, классовых отношений, демографических проблем коренного населения, так называемых инородцев, особенно севера Западной Сибири, так как эти вопросы всегда были в центре внимания власти.

С середины 80-х гг. XX в. наступает новый этап в изучении демографических процессов Западной Сибири. Появились новые подходы в изучении истории, исследования по исторической демографии, а также возможность изучения научных работ зарубежных авторов. Были расширены тематика и хронологические рамки демографических исследований истории заселения региона и миграций населения, но в большей степени изучались XVIII—XIX вв., начало XX в.

После распада Советского Союза и снятия идеологических запретов в исторической демографии начался постсоветский период, который продолжается и сегодня. Хотя разработка проблем демографической истории XX в. началась историками еще в первой трети XX в., но существенное развитие она получила лишь в современный период, в последнее десятилетие XX — начало XXI в. Произошли значительные изменения, появилась возможность изучения ранее недоступных источников, увеличилось число исследователей и круг исследуемых проблем.

Отличием современного этапа является появление работ, связанных с изучением сибирских крупных и малых городов, локальных поселений, пригородов, деревень. Изучается история их развития, становления, когда каждый регион с его городскими и сельскими поселениями стал обретать свое лицо. Появляются работы по истории повседневности, истории общественного и семейного быта. Работы в рамках краеведческого направления при сотрудничестве с краеведами, архивистами и профессиональными историками дают ценную информацию по истории региона.

Историками-сибиреведами сделано немало для изучения воспроизводства населения Сибири. Немногочисленные авторы, изучавшие проблемы, связанные с воспроизводством населения в советский период. продолжили свою работу и в современный период. Наибольший вклад в изучение демографических и миграционных процессов, происходивших в Сибири в XIX - начале XX в., внесли Л.М. Горюшкин и В.И. Пронин [1]. Они одними из первых начали исследовать проблемы исторической демографии на материалах Сибири. Динамика численности городского и сельского населения в годы революции и Гражданской войны в Сибири в 1914-1917 гг. рассматривается в статье авторов, появившейся в 1992 г. Это была одна из первых работ, где анализировались проблемы динамики и состава населения периода империализма.

Работа Л.Н. Славиной [2] внесла значительный вклад в изучение миграционных процессов сельского населения и его размещения в период восстановления народного хозяйства (1920–1926 гг.), влиявших на динамику населения на территории Сибири.

Вопросы народонаселения Западной Сибири актуальны не только для исторической, но и для демографической науки. Постоянно к ним обращаются историки-демографы. Данные об общей динамике и соотношении сельского и городского населения региона хорошо известны и приводились в специальных работах исследователей. Лучше исследовано сельское и слабее городское население, так как Сибирь — аграрный регион.

Наибольший вклад в изучение демографических процессов в деревне Западной и Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. внес В.А. Зверев, его работа «Дети – отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.)» [3] позволяет вы-

явить специфику демографического поведения населения в годы Первой мировой войны 1914—1917 гг., когда происходила смена традиционного типа воспроизводства населения на современный. Поскольку крестьянство составляло большинство населения Западной Сибири, то на основе этих материалов можно проследить динамику общей численности населения региона, но лишь до 1917 г.

Работа Н.Я. Гущина и коллектива авторов «Населения Западной Сибири в XX веке» [4] дает комплексный анализ демографической ситуации в Сибири за сто лет. Можно сказать, что это единственная работа по демографии, где в динамике прослеживаются процессы развития народонаселения Сибири за период с момента первой переписи в 1897 г. до конца XX в. Рассмотрение основных тенденций динамики населения в период 1914–1923 гг. раскрывают кризисные процессы в демографической сфере в годы Первой мировой и Гражданской войн в Сибири. Несмотря на высокую смертность, эпидемии, голод, население Западной Сибири в 1920 г. по сравнению с 1914 г. возросло на 23,26% [4. С. 22]. Но этих данных недостаточно, чтобы проследить динамику населения, так как за период 1914-1918 гг. в работе не выявлена общая численность населения.

Важнейшим событием для развития исторической демографии стало создание в 2009 г. Сектора историко-демографических исследований на базе Института истории СО РАН. Это дало новый толчок для развития демографической науки в регионе.

Большое значение имеют работы В.А. Исупова. В них исследованы проблемы воспроизводства и структуры городского и сельского населения Западной Сибири, демографические катастрофы и кризисы страны в период войн и революций. Необходимо выделить научную работу «Население Сибири в годы войн и революций (1914—1922 гг.)» [5]. Автор анализирует динамику населения Западной и Восточной Сибири, выявляет особенности воспроизводства населения в годы Первой мировой и Гражданской войн, прослеживает уменьшение числа населения в условиях эпидемий и голода, показывает половозрастные особенности Сибирского региона после окончания Первой мировой и Гражданской войн.

Сибирь — многонациональный регион, здесь представлены практически все национальности, живущие в нашей стране. Для того чтобы представить динамику демографических процессов в Западной Сибири, необходимо исследовать демографическое развитие коренных народов и других национальных меньшинств. В современный период увеличилось число исследований, посвященных этим проблемам. Проводятся исследования о диаспорах пришлого населения в Западной Сибири: о балтийской диаспоре — И.В. Лоткин [6]; об украинских и чувашских переселенцах — Д.Г. Коровушкин [7]; о национальных меньшинствах — И.В. Нам [8] и др.

В монографии П.П. Вибе [9] воспроизведена общая картина заселения Сибири немецкими колонистами. В работе исследована история появления немецких колоний с конца XIX в. до рубежа 1920—

1930 гг. В исследовании выделены основные районы немецких колонизаций, общая численность по отдельным губерниям, уездам, волостям. В работе много фактического материала, таблиц со статистическими данными о количестве немецких колонистов.

Работа Л.К. Островского [10] посвящена истории польского национального меньшинства в Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. Автор дает характеристику численности состава и размещения польского населения, включает много интересных фактов и событий. Для нас особый интерес представляют исследования об изменениях численности польского населения Западной Сибири в годы Первой мировой и Гражданской войн, так как они позволяют проанализировать представленные статистические сведения о польских национальных меньшинствах в указанный период и дают возможность выявить количественное соотношение различных этнических групп.

Особенности состава населения и его изменения, а также сравнительный анализ основных характеристик демографических процессов коренных народов Сибири представлены в работе С.Г. Скобелева [11]. Автор охватывает довольно большой период (XVII-XX вв.), где основной целью ставит выяснение причин колебания численности коренного населения, выявляет основные факторы, способствовавшие росту инородцев. Изучению коренного населения, межэтнических взаимоотношений в процессе хозяйственного освоения региона, основных характеристик демографических процессов посвящена работа Е.В. Карих [12]. Хронологические рамки их исследований охватывают период XIX - начало XX в., однако данные о численности коренного населения Западной Сибири за 1914-1923 гг. в работе не представлены.

Этнический состав коренных жителей края, характер их размещения, соотношение и динамика численности коренного и пришлого населения Западной Сибири представлены в работах Ш.К. Ахметевой [13], И.В. Нам [14], Н.А. Томилова [15], в совместном исследовании Д.А. Функа и Н.А. Томилова [16]. Эти научные труды позволяют рассмотреть общие тенденции движения коренного населения Западной Сибири в начале ХХ в. и основные численные параметры коренных этносов, дают объяснение исторической динамике естественного движения «инородцев». Обобщающие выводы и конкретная информация имеют большое значение для определения основных тенденций динамики коренного населения Западной Сибири в 1914—1923 гг.

Результаты исследований В.П. Зиновьева [17] по истории индустриальной Сибири посвящены изучению рабочего класса Западной Сибири начала ХХ в. В работе показано, что рабочий класс составлял значительное число населения Сибири. Поэтому для анализа структуры и выявления динамики населения Западной Сибири данные о численном и социальном составе рабочего класса необходимы. Советские историки изучали данный вопрос, но не пришли к единой количественной оценке численности рабочего класса Сибири. В.П. Зиновьев на основе многочисленных архивных источников определил примерное число рабочего класса Сибири.

Большое внимание в современный период уделяется изучению крупных и малых городов, особенно это стало актуальным с середины 1990-х гг. Этим вопросам посвящены совместные исследования Ю.М. Гончарова и В.А. Скубневского [18], Н.М. Дмитриенко [19], В.А. Исупова [5], А.А. Бурматова [20] и др. Эти научные труды, подготовленные на основе архивных источников, являются ценными для исследования процессов динамики населения в городах Западной Сибири.

Работа Ю.М. Гончарова в соавторстве с В.А. Скубневским [18] о городах Западной Сибири является обобщающим трудом, где исследуются динамика численности, национальный, сословный состав населения. Сведения о количестве больших и малых городов, о процентном соотношении в них жителей дают возможность проследить неравномерное развитие городов, рост и уменьшение городского населения, отличия половозрастной структуры городского и сельского населения. Показатели брачности, рождаемости, смертности рассматриваются с позиции теории демографического перехода, когда традиционный тип воспроизводства (высокая смертность и рождаемость) меняется на современный (уменьшение смертности и рождаемости). Все это позволяет определить специфику развития демографических процессов в регионе. Но хронологические границы рассматриваемого периода ограничены 1861–1917 гг.

Н.М. Дмитриенко [19] провела локально-исторические исследования на материалах Томска, исследовала основные направления развития города, население, экономику и другие вопросы. История города рассматривается в сопоставлении с другими городами региона и страны, это очень важно, так как позволяет проследить увеличение роста населения городов, выявить соотношение механического и естественного прироста.

А.А. Бурматов [20] исследует демографическую историю развития населения г. Каинска – г. Куйбышева в дореволюционный, советский и современный периоды. В работе отражены переломные моменты в динамике населения Каинска, численность населения в периоды между 1914 и 1923 гг. В целом изучение демографических проблем малых городов находится еще в начальной стадии.

Изучение миграций населения из европейской части России в Западную Сибирь в годы Первой мировой и Гражданской войн, вызванных потоками беженцев и военнопленных, позволяют проследить и определить, как эти миграционные процессы повлияли на состав и численность населения Западной Сибири.

Вопросами беженцев, хлынувших в годы Первой мировой войны в Западную Сибирь, занимается А.С. Щетинина [21]. Исследование А.С. Щетининой позволяет проследить изменения численности беженцев в годы Первой мировой и Гражданской войн, однако территориальные границы диссертационной работы ограничены только югом Западной Сибири.

Проблемой беженства и военнопленных занимается Ю.П. Горелов [22], значительное внимание он обращает на вопрос деятельности сибирских властей по

оказанию помощи беженцам. Помимо этого вопроса автор приводит данные о числе беженцев, их национальном составе на территории Западной Сибири в годы Первой мировой войны.

Сферой научных интересов А.Н. Талапина [23] является проблема военнопленных в период Первой мировой войны, которые прибывали на территорию Западной Сибири в эти годы, их численный, национальный и социальный состав. Автор подчеркивает, что общая численность военнопленных в Западной Сибири в 1914—1918 гг. находилась в пределах 200 тыс. чел. [23. С. 16].

В общей сложности число беженцев и военнопленных на территории Западной Сибири было сравнительно небольшим и не оказывало существенного влияния на демографические процессы в регионе.

Вопросы динамики народонаселения Западной Сибири в 1914–1923 гг. мало изучены в научной литературе и целенаправленно рассматривались лишь в нескольких работах – Л.М. Горюшкина и В.И. Пронина [1], а также в коллективной монографии «Население Западной Сибири в XX веке» [4]. Среди работ современных исследователей выделяется научная публикация Ю.С. Дьяченко [24], в которой автор рассматривает социально-демографическую структуру численности и состава населения города Барнаула в 1917–1923 гг. В работе исследуются изменения половозрастного состава горожан, факторы естественного и механического прироста, выявляются особенности динамики количественного и качественного состава городского населения, влияние региональных особенностей на воспроизводство населения.

В научной работе В.Э. Шумиловой [25] впервые предпринимается попытка комплексного рассмотрения демографической ситуации в условиях Первой мировой войны в городах Западной Сибири. Эта работа, по существу, единственная, где изучаются процессы естественного движения городского населения по отдельным городам, их динамика, проблемы брачности, рождаемости и смертности.

Таким образом, в постсоветский период изучались проблемы динамики и состава населения в период империализма, данные об общей динамике городского и сельского населения рассматривались с учетом демографического перехода. Период Первой мировой и Гражданской войн изучен слабее, кризисные процессы в демографической сфере, темпы динамики прироста населения, естественное и механическое движение в работах исследователей представлены в основном вместе с Восточной Сибирью. Особенности состава коренного населения, основные характеристики демографических процессов, рассмотрение национального состава населения Западной Сибири представлены в отдельных работах. Основное внимание исследователи уделяют проблемам нацменьшинств, беженцев, а также проблемам населения больших и малых городов. Благодаря исследованиям данные о динамике и соотношении городского и сельского населения региона стали хорошо известны, сделаны обобщающие выводы об основных характеристиках демографических процессов в регионе в период войн и революций. Но работ, в целом специально рассматривающих динамику коренного населения и нацменьшинств, городского и сельского населения в Западной Сибири, беженцев Первой мировой войны, голодобеженцев 1920–1921 гг., мигрантов, военнопленных, в указанный период и по данному региону нет.

Отечественными учеными картина демографического развития Западной Сибири в 1914—1923 гг. рассматривалась с разной степенью глубины, изучались лишь отдельные стороны проблемы. Таким образом, изучение динамики народонаселения Западной Сибири в 1914—1923 гг. как целостного процесса является актуальным и представляет интерес для исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Горюшкин Л.М., Пронин В.И. Население Сибири накануне Октябрьской социалистической революции // Историческая демография Сибири. Новосибирск, 1992. С. 84–101.
- 2. Славина Л.Н. Миграция населения на территории Сибири в годы восстановления народного хозяйства (1920–1926) // Проблемы истории советской сибирской деревни. Новосибирск, 1977. С. 51–69.
- 3. Зверев В.А. Дети отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск : Изд-во НГПИ, 1993. 244 с.
- 4. Гущин Н.Я. Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1997. 170 с.
- 5. Исупов В.А. Население Сибири в годы войн и революций (1914–1922 гг.) // Проблемы исторической демографии Сибири : сб. науч. тр. Новосибирск : Апельсин, 2015. Вып. IV. С. 78–112.
- 6. Лоткин И.В. Прибалтийские диаспоры в Сибири (1920–1930-е годы): аспекты этносоциальной истории. Омск : Издательский дом «Наука», 2006. 348 с.
- 7. Коровушкин Д.Г. Чуваши в Западной Сибири: Расселение и численность в конце XIX начале XX века. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 188 с.
- 8. Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 500 с.
- 9. Вибе В.В. Немецкие колонии в условиях социальных трансформаций конца XIX первой трети XX вв. Омск : Издательский дом «Наука», 2011. 320 с.
- 10. Островский Л.К. Польское население Томска, Тобольска, Омска и деятельность римско-католических благотворительных обществ (1890-е начало 1920-х годов) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2012. Т. 11, вып. 8: История. С. 59–62.
- 11. Скобелев С.Г. Демография коренного населения Сибири, колебания численности и их причины : учеб. пособие. Новосибирск : НГУ, 1998. 56 с.
- 12. Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004.
- 13. Ахемтова Ш.К. Казахи Западной Сибири и их этнокультурные связи в городской среде / отв. ред. Н.А. Томилов. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2002. 104 с.
- 14. Нам И.В., Наумова Н.И. Мусульманская школа в Сибири (конец XIX в. начало 1920 г.) // Национально-культурная политика в Сибирском регионе в XX веке: сб. науч. тр. Новосиб. гос. ун-та. Новосибирск, 2004. С. 45–83.
- 15. Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI начала XX в. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 271 с.
- 16. Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов ; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН. М.: Наука, 2006. 678 с. (Народы и культуры).
- 17. Зиновьев В.П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX начало XX века. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 336 с.
- 18. Гончаров Ю.М., Скубневский В.А. Города Западной Сибири во второй половине XIX начале XX в. Население. Экономика. Застройка. Благоустройство. Барнаул: Азбука, 2007. 292 с.
- 19. Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX первой трети XX в. Локально-историческое исследование на материалах Томска. Томск: Том. гос. ун-т, 2000. 530 с.
- 20. Бурматов А.А. Демографическая история Каинска-Куйбышева и его округи / науч. ред. В.А. Зверев. Новосибирск : НГПУ, 1997. 162 с.
- 21. Щетинина А.С. Беженцы на юге Западной Сибири июль 1914 май 1923 гг.: источники и методы изучения : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул : Алтай. гос. ун-т, 2007. 24 с.
- 22. Горелов Ю.П. Прием беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Сибирь: ХХ век. Кемерово, 2002. Вып. 4. С. 66–73.
- 23. Талапин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири: июль 1914 май 1918 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005. 27 с.
- 24. Дьяченко Ю.С. Изменение социально-демографической структуры населения Барнаула в 1917–1923 гг. // Историко-демографические проблемы Сибири: сб. ст. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 1995. 148 с.
- Шумилова В.Э. Демографическая ситуация в крупных городах Западной Сибири в 1914–1917 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2015.
 № 1. С. 68–72.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 июня 2016 г.

MODERN HISTORIOGRAPHY OF THE POPULATION DYNAMICS IN WESTERN SIBERIA IN 1914–1923

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 91–96. DOI: 10.17223/15617793/410/14

Svetlana V. Kosygina, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: cool.balanar2014@yandex.ru

Keywords: Western Siberia; reproduction of population; demography; population dynamics; statistics.

This article is devoted to the analysis of modern scientific literature on the demography of Western Siberia in 1914–1923. Among the books and articles devoted to the population dynamics, works on Western Siberia have been analysed. The specific features of the modern period of demography historiography in Western Siberia, new methods and methodology of research are revealed. The works of historians A.A. Burmatov and N.M. Dmitrienko devoted to Kainsk and Tomsk, written from the position of local history for the study of large and small cities of Western Siberia, are analysed. Some articles are devoted to different aspects of

natural population reproduction in Western Siberia: marriage, birth rate, mortality, territorial distribution of people, specific ethnicdemographical processes, social-class structure. The article presents the analysis of literature on the study of different nationalities and indigenous peoples of Western Siberia. In order to present the dynamics of the demographic processes in Western Siberia it is necessary to investigate the demographic development of indigenous peoples and national minorities, to underline the problem of rising and falling numbers of native and alien population. It is noted in the article that research papers on the study of large and small cities of Western Siberia are important for the study of the issues of population dynamics are. The actual material of these works makes it possible to trace the development of the cities, the growth and decrease of the urban population, the differences between the gender and age structure of urban and rural residents, and to show their specifics. Great attention is paid to the works of historians V.A. Zverev, V.A. Isupov, N.M. Dmitrienko, Yu.M. Goncharov, V.I. Pronin, L.M. Goryushkin who studied the demographic processes in Western Siberia during the First World War and the Civil War. Drawing on the wide range of sources, a number of authors explore the migration flows of refugees and prisoners of war, reveal their number and influence on the demographic processes of the population reproduction in Western Siberia. On the basis of these materials the dynamics of the total number of the region's population is studied and observed. Thus, during the post-Soviet period problems of dynamics of the population in the period of imperialism are studied; the overall dynamics of urban-rural population are considered with an account of demographic transitions. The period of the First World War and the Civil War is studied less. Crisis processes in the demographic sphere, the pace of the population growth and its dynamics, the natural and mechanical movement of the population are studied including Eastern Siberia. Some works considered the composition of the indigenous population, the main characteristics of demographic processes, the national composition of the population of Western Siberia. Researchers paid main attention to the problem of national minorities, as well as of the population of towns and cities. The dynamics data and the correlation of the urban and rural population of the region are well known, general conclusions about the main characteristics of the demographic processes in the region during the wars and revolutions are made. However, there are no works on the dynamics of the indigenous peoples and national minorities, urban and rural population, refugees of the First World War, refugees from starvation in 1920-1921, migrants, prisoners of war in this period on the region. Also, it is noted that the picture of the demographic development of Western Siberia in 1914-1923 as a complex has not been considered by Russian scholars. Individual aspects of the problem have been studied with various degrees of depth; there is only a small number of publications devoted to the particular issue and the region. Thus, the study of the population dynamics of Western Siberia in 1914-1923 as a holistic and integrated phenomenon is relevant and is of interest to study.

REFERENCES

- Goryushkin, L.M. & Pronin, V.I. (1992) Naselenie Sibiri nakanune Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii [The population of Siberia on the
 eve of the October Revolution]. In: Vasil'evskiy, R.S. & Gushchin, N.Ya. (eds) *Istoricheskaya demografiya Sibiri* [Historical demography of Siberial. Novosibirsk: Nauka.
- Slavina, L.N. (1977) Migratsiya naseleniya na territorii Sibiri v gody vosstanovleniya narodnogo khozyaystva (1920–1926) [Migration of population in Siberia during the recovery of the economy (1920–1926)]. In: Gushchin, N.Ya. (ed.) Problemy istorii sovetskoy sibirskoy derevni [Problems of the history of the Soviet Siberian village]. Novosibirsk: Nauka.
- 3. Zverev, V.A. (1993) Deti ottsam zamena: Vosproizvodstvo sel'skogo naseleniya Sibiri (1861–1917 gg.) [Children fathers replacement: The reproduction of the rural population of Siberia (1861–1917)]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical Institute.
- 4. Gushchin, N.Ya. (1997) Naselenie Zapadnov Sibiri v XX veke [The population of Western Siberia in the twentieth century]. Novosibirsk: SB RAS.
- Isupov, V.A. (2015) Naselenie Sibiri v gody voyn i revolyutsiy (1914–1922 gg.) [The population of Siberia in the years of war and revolution (1914–1922)]. In: Isupov, V.A. (ed.) Problemy istoricheskoy demografii Sibiri [Problems of historical demography of Siberia]. Vol. 4. Novosibirsk: Apel'sin.
- 6. Lotkin, I.V. (2006) *Pribaltiyskie diaspory v Sibiri (1920–1930-e gody): aspekty etnosotsial'noy istorii* [Baltic diaspora in Siberia (1920s–1930s): Aspects of ethno-national history]. Omsk: Nauka.
- Korovushkin, D.G. (2009) Chuvashi v Zapadnoy Sibiri: Rasselenie i chislennost' v kontse KhIKh nachale XX veka [The Chuvash people in Western Siberia: Settlement and population in the late nineteenth early twentieth centuries]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS.
- 8. Nam, I.V. (2009) Natsional 'nye men' shinstva Sibiri i Dal' nego Vostoka na istoricheskom perelome (1917–1922 gg.) [National minorities of Siberia and the Far East at the turn of the history (1917–1922)]. Tomsk: Tomsk State University.
- 9. Vibe, V.V. (2011) Nemetskie kolonii v usloviyakh sotsial nykh transformatsiy kontsa XIX pervoy treti XX vv. [German colonies in the conditions of social transformation at the end of the 19th the first third of the twentieth centuries]. Omsk: Nauka.
- 10. Ostrovskiy, L.K. (2012) The Polish population of Tomsk, Tobolsk and Omsk and the activities of Roman Catholic charitable institutions (1890 years the beginning of 1920s). Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology. 11:8. pp. 59–62. (In Russian).
- 11. Skobelev, S.G. (1998) Demografiya korennogo naseleniya Sibiri, kolebaniya chislennosti i ikh prichiny [Demography of the indigenous population of Siberia, fluctuations in numbers and their causes]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
- 12. Karikh, E.V. (2004) Mezhetnicheskie otnosheniya v Zapadnoy Sibiri v protsesse ee khozyaystvennogo osvoeniya [Interethnic relations in Western Siberia in the course of its economic development]. Tomsk: Tomsk State University.
- 13. Akhemtova, Sh.K. (2002) Kazakhi Zapadnoy Sibiri i ikh etnokul'turnye svyazi v gorodskoy srede [Kazakhs of Western Siberia and their ethnocultural connections in urban areas]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS.
- 14. Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2004) Musul'manskaya shkola v Sibiri (konets XIX v. nachalo 1920 g.) [The Muslim school in Siberia (The end of the 19th century the beginning of 1920)]. In: Krasil'nikov, S.A. (ed.) *Natsional'no-kul'turnaya politika v Sibirskom regione v XX veke* [The national cultural policy in the Siberian region in the twentieth century]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
- 15. Tomilov, N.A. (1992) Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnogo naseleniya Zapadno-Sibirskoy ravniny kontsa XVI nachala XX v. [The ethnic history of the Turkic-speaking population of the West Siberian Plain at the end of the 16th beginning of the twentieth centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
- 16. Funk, D.A. & Tomilov, N.A. (eds) (2006) Tyurkskie narody Sibiri [The Turkic peoples of Siberia]. Moscow: Nauka.
- 17. Zinov'ev, V.P. (2009) Ocherki sotsial'noy istorii industrial'noy Sibiri. XIX-nachalo XX veka [Essays on the social history of the industrial Siberia. The 19th early 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
- Goncharov, Yu.M. & Skubnevskiy, V.A. (2007) Goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX nachale XX v. Naselenie. Ekonomika. Zastroyka. Blagoustroystvo [Cities in Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries. Population. Economy. Buildings. Municipal improvement]. Barnaul: Azbuka.

- 19. Dmitrienko, N.M. (2000) Sibirskiy gorod Tomsk v XIX pervoy treti XX v. Lokal'no-istoricheskoe issledovanie na materialakh Tomska [A Siberian city of Tomsk in the 19th the first third of the twentieth centuries. Local historical research on the materials of Tomsk]. Tomsk: Tomsk State University.
- 20. Burmatov, A.A. (1997) *Demograficheskaya istoriya Kainska-Kuybysheva i ego okrugi* [The demographic history of Kainsk-Kuibyshev and its surroundings]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
- 21. Shchetinina, A.S. (2007) *Bezhentsy na yuge Zapadnoy Sibiri iyul' 1914 may 1923 gg.: istochniki i metody izucheniya* [The refugees in the south of Western Siberia in July 1914 May 1923: sources and methods of study]. Abstract of History Cand. Diss. Barnaul: Altai State University.
- 22. Gorelov, Yu.P. (2002) Priem bezhentsev v Sibiri v gody Pervoy mirovoy voyny [The reception of refugees in Siberia during World War I]. Sibir': XX vek. 4. pp. 66–73.
- 23. Talapin, A.N. (2005) Voennoplennye Pervoy mirovoy voyny na territorii Zapadnoy Sibiri: iyul' 1914 may 1918 gg. [Prisoners of First World War on the territory of Western Siberia: July 1914 May 1918]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.
- 24. D'yachenko, Yu.S. (1995) Izmenenie sotsial'no-demograficheskoy struktury naseleniya Barnaula v 1917–1923 gg. [Changing of the social and demographic structure of the population of Barnaul in 1917–1923]. In: Skubnevskiy, V.A., Ivonin, A.R. & Rusakov, K.V. (eds) *Istoriko-demograficheskie problemy Sibiri* [Historical and demographic problems of Siberia]. Barnaul: Altai State University.
- 25. Shumilova, V.E. (2015) The demographic situation in the cities of Western Siberia in 1914–1917. *Gumanitarnye nauki v Sibiri Humanitarian Sciences in Siberia*. 1. pp. 68–72. (In Russian).

Received: 28 June 2016

УДК 94 (470) 16/18

В.К. Крылова

«...ЛИЧНО МНЕ ОН ИЗВЕСТЕН КАК ЧЕСТНЫЙ И СПОСОБНЫЙ ЧИНОВНИК...»

Чиновникам России, служившим на малонаселенной, труднодоступной территории северо-восточной части России, приходилось иметь дело с многонациональным по составу, мигрирующим населением и в силу региональных, климатических, территориальных особенностей, нехватки квалифицированных кадров выполнять более широкий круг обязанностей, порой не связанных с профессиональной подготовкой. В качестве примера на основе архивных документов, впервые вводимых в научный оборот, рассматривается деятельность одного из якутских чиновников второй половины XIX – начала XX в. Д.И. Меликова.

Ключевые слова: Якутская область; чиновник северной окраины; экспедиция; Д.И. Меликов; театр.

Сегодня уже никого не удивишь научными открытиями о российском чиновничестве, основу которым в свое время заложили В.О. Ключевский, П.А. Зайончковский и др. Аспекты исследований самые разнообразные - от коррупционной составляющей до социокультурной проблематики. Кого-то интересует образовательный уровень чиновников [1. С. 65–71]. Кто-то свое внимание сосредотачивает на их профессиональном развитии как процессе и основе социальной мобильности [2. С. 501-503]. Для того чтобы выяснить эффективность механизма законодательных мер правительства в области формирования бюрократии, из каких слоев населения она пополнялась, специалистами анализируется социальный состав управленческого аппарата [3]. Во многих регионах формируется современная отечественная историография относительно чиновничества XIX - начала XX в. [4. С. 57-63]. Акцентируется внимание на чиновниках присутственных мест, служащих уездных казначейств, их количественном и качественном составе [5. С. 125– 129], социальном происхождении, возрастной группе, уровне образования, семейном положении [6]. На примере провинциального чиновничества России второй четверти XIX в. рассматриваются его социальный портрет, быт, нравы [7. С. 12–27]. Рамки научных исследований по данной теме не только расширяются, но и углубляются в более ранние периоды. Таким образом, современники могут ознакомится с чиновничьим миром России не только XIX, но и XVIII в. [8]. Под пристальным вниманием сибирских ученых оказывается социально-психологический облик социокультурных групп чиновничества [9], их культурнобытовые, нравственные ориентиры [10. С. 251–272]. Реконструируются моральные нормы и ценности, обеспечивающие психологический климат данной социальной группы и восприятие ее обществом [11]. Дается оценка роли чиновничества в развитии культуры губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX в. [12].

Однако, несмотря на единообразные требования по отношению к чиновникам со стороны российского законодательства, нельзя отрицать и те отличительные черты, которые на них накладывала региональная специфика. Служебная деятельность якутского или дальневосточного чиновничества значительно отличалась от деятельности их коллег даже Сибири, а не только Европейской России. В силу кадрового, сословного ограничения здесь она вынуждена была быть более многогранной [13]. Как в Якутии, так и на

Дальнем Востоке «в центре административнохозяйственной деятельности чиновников находились не только фискальные интересы казны, но и создание комплексной системы жизнедеятельности. Сочетание малонаселенности с огромными территориальными пространствами актуализировало перед чиновниками вопросы повышения демографического уровня населения; расширения зоны землепользования; развития промышленности; средств связи и передвижения; обеспечение медицинской помощью, создание системы народного образования; охраны порядка» [14], сокращения сроков завоза и цен на поставки товаров первой необходимости. Причем как в одном, так и в другом регионе свою деятельность чиновникам приходилось осуществлять в крайне сложных климатических условиях, иметь дело с многонациональным по составу, мигрирующим населением, а также с лицами с неопределенным правовым статусом.

Каков же он чиновник второй половины XIX – начала XX в.? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к архивным источникам, которые помогут сделать наброски к его портрету.

В то время жителям Якутска был хорошо известен один из них – Дмитрий Иванович Меликов. Родился он в городе Пензе в семье обер-офицера 18 сентября 1851 г. Высшее образование получил в одном из лучших российских вузов того времени - «Императорском Казанском университете, окончив полный курс наук юридического факультета, со Свидетельством от 13 июня 1878 г. за № 982 и со званием действительного студента» [15. Л. 30]. Как перспективный специалист «Приказом Господина Генерал-Губернатора Восточной Сибири» от 11 сентября 1878 г за № 77 принят на службу с причислением к Главному Управлению. Постановлением за № 3 644 командирован временно исправлять должность переводчика китайского языка при Главном Управлении с производством содержания этой должности и (затем) оставлен для занятий в (его) 1-м Отделении. (Другим) приказом от 14-го февраля 1879 г. за № 13 зачислен в штат Главного Управления» [Там же]. Его «ответственное отношение к служебному долгу» было замечено и «Указом Правительствующего Сената от 12 апреля 1879 г. за № 54» Меликов был «утвержден в чин Губернского Секретаря со старшинством» [Там же. Л. 31]. Проработав всего три месяца, следующим «приказом Господина Министра Юстиции от 18 июля 1879 г. назначен Приморским Областным стряпчим» [15. Л. 32]. Его же приказом «от 29 ноября 1881 уволен от дел» и в декабре этого же года «назначен прокурором Якутской области» [16. Л. 2], «должность которого исправлял больше семи лет».

С этого времени его судьба будет связана с Якутией, Ленский край станет для него второй родиной, которой он отдаст все свои знания и умения, в том числе «исполняя обязанности вице-губернатора, судебного следователя Якутского Окружного суда». В конце марта 1891 г. губернатор В.З. Коленко хлопочет перед «Иркутским Генерал-Губернатором К.Н. Светлицким о назначении коллежского асессора Д.И. Меликова на вакантную должность Советника Якутского Областного Правления, который (ему) лично известен как честный и способный чиновник» [Там же. Л. 3]. Приказ за № 334 последовал 4 мая 1891. Кстати, Светлицкий тоже хорошо знал Меликова, так как являлся предшественником Коленко, поэтому и поддержал прошение.

До 2010 г. на перекрестке улиц Соборной (сейчас Каландаришвили) и Полевой (ныне Белинского) на незначительном расстоянии друг от друга стояли два добротных многокомнатных дома, принадлежащих Меликову. Несмотря на то что время значительно ухудшило их сохранность, все равно по внешнему да и внутреннему виду можно было определить, насколько заботливым был их хозяин. Большая светлая зала, выходившая окнами на Соборную улицу, в которой Дмитрий Иванович принимал гостей и сослуживцев, была украшена лепниной на потолке. «Среди старинных построек его дома выделялись своей белизной и цветущей зеленью» [17. Л. 61, 145]. А её во дворе было так много, что он напоминал «натуральную рощу, в которой летом можно было услышать голос кукушки и щебет птиц. В теплое время года все свободное от службы время хозяин усадьбы посвящал своему любимому детищу. Его руками были посажены березы, ели, тополя, множество кустов рябины, черемухи, ольхи и других кустарников. Весь двор утопал в цветах, он был одним из красивейших в Якутске [Там же].

В национальном архиве хранится фонд под № 434и, в котором находятся различные документы по истории северного края конца XVII–XIX вв., представляющие определенную ценность для исследователей. В фонде имеются грамоты XVII в. «Об отводе сенокосных мест, расположенных на островах р. Лены против Якутского острога, лицам разных чинов и званий» [18. Л. 1–5], «Клятва якута при крещении» [19. Л. 1], «О быте, жизни и положении якутов Якутской области» [19. Л. 18] и другие документы.

По делам службы Дмитрий Иванович объездил многие улусы Якутской области, знакомился с людьми, интересовался ее историей, проводил ревизии. Как юристу ему поручалось не только «проводить проверки, но и одновременно вести следствие». В одном из таких экстренных поручений исполняющий делами губернатора П.П. Осташкин предписывал ему «выявить сведения о растрате с подданных сумм в Северо-Вилюйской инородной Управе. В случае недочета принять меры к наказанию виновных лиц, взысканию с них сумм либо удалению от должности» [20. Л. 1]. При этом ему предоставлялось право «проведения ревизии и в других учреждениях Вилюйского

округа». А при «возникновении каких-либо подозрений в растратах казенных, общественных сумм, если таковые окажутся», уже «в Колымском и Верхоянском округах» ему предоставлялось право «произвести следственные действия в отношении всех обнаруженных преступлений, совершенных должностными лицами. О чем он и должен был немедленно поставить в известность губернатора» [21. Л. 1].

Его докладные записки и донесения о состоянии и положении дел в том или ином округе, которые он объезжал с инспекцией, всегда были полными и объективными. Среди них «Записка о современном положении якутов в Якутской области». В ней Меликов излагает свой взгляд на состояние земледелия, скотоводства, указывает на природные условия как объективную причину низкой урожайности и недостаточного поголовья конного и рогатого скота. Даже «в центральных и южных районах – Амгинском, Алданском, Олекминском, срок выращивания хлебных культур ограничивается тремя месяцами, не говоря о том, что в северных из-за низких температур никакое земледелие невозможно. При самом благоприятном лете урожай зерновых может составить сам 10. Но уже на второй год почва теряет половину своего плодородия, а на третий не окупается. Силы местного населения, по сути дела, большей частью, уходят на борьбу с природой» [22. Л. 1]. И, как известно, эта борьба велась на всем пространстве Якутии, в частности в Колымском крае с административным центром Средне-Колымск, потому что ее территория - это в основном труднодоступная местность. В 1893 г. туда и был направлен Меликов с ревизией Верхне-Колымского и Колымского полицейских управлений. А затем вместе с Колымским окружным исправником В.Г. Карзиным он должен был произвести исследование Колымо-Гижигинского пути от Средне-Колымска до местечка Гижиги.

Это было связано с тем, что «при отсутствии хлебопашества, - писал еще К.Н. Светлицкий в своем донесении Иркутскому Губернатору от 12 марта 1888 г. за № 618, должность которого в ту пору исполнял В.З. Коленко, - занятия жителей составляют скотоводство, зверопромысел, но главным обеспечением народного продовольствия является рыболовство» [23. Л. 2]. Несмотря на многообразие такой прекрасной рыбы, как сельдь, ряпушка, омуль, нельма, которая в половодье заходит из моря в реки, «ее промысел не может служить надежным обеспечением народного продовольствия, так как успех зависит от многих случайностей и в том числе от уровня прилива воды, от погоды. Иногда выдастся неуловный год, и тогда следуют неизбежные голодовки. Без сомнения, если бы рыбный промысел велся не исключительно по реке Колыме и ее притокам, но и в море, то и население было бы более обеспечено» [Там же. Л. 2 об.]. К сожалению, все эти промыслы год от года падали. Часто бывал неурожай травы.

Но «одним из главнейших недостатков народного продовольствия» является то обстоятельство, что «ближайший рынок находится только в Якутске, который располагается от Средне-Колымска на расстоянии 2 315 верст и представляет наисквернейший путь с трудно проходимыми дорогами» [24. Л. 5]. Поэтому

все привозное в Колымском крае баснословно дорого. К тому же, в зависимости от возрастающей стоимости, доставка грузов от Якутска до Средне-Колымска колебалась от 8 до 14 руб. с пуда.

Подобные затраты тяжелым грузом ложились на казну. Они и заставляли руководителей области искать кротчайшие пути «по доставки грузов в Средне-Колымск водно-сухопутным путем из местечка Гижиги, находящегося вблизи побережья Охотского моря. Расстояние до него составляло не более 1 000 с небольшим верст, тогда как до Якутска, как уже говорилось, 2 315 версты сквернейшего пути» [Там же. Л. 6]. С проведением этой дороги, доставка грузов или, как в то время называли, тяжестей, из Гижиги в Средне-Колымск могла бы обойтись приблизительно в 5 раз дешевле по сравнению с привозом их из Якутска через всю Сибирь. Ведь «поставка грузов в Гижигу морским путем обходилась дешевле А это давало возможность снизить стоимость самих товаров» [Там же].

Поэтому теперь уже другой якутский губернатор В.Н. Скрыпицын, перед которым также остро стоял вопрос сокращения издержек при доставке грузов и их удешевления в отдаленные селения, расположенные по Якутско-Колымскому тракту, предпринял очередную попытку исследовать путь до Гижиги.

С этой целью с 1 апреля 1893 г. вместе с колымским исправником В.Г. Карзиным, проводниками и рабочими Д.И. Меликов отправился в путь. «Маршрут моей поездки следующий, - кратко информировал он губернатора. Из Средне-Колымска - по Колыме через Верхне-Колымск и дальше до речки Балыгычан. От ее устья до Гижиге поедем на конях. По этому пути отправлялись в Гижигу уже многие инородцы. Отсюда по реке Моме и Индигирке возможно доехать в Якутский округ, на Оймякон. Из Гижиги я поеду на вершину Омолона к речке Поворотная (Отворотная). От нее ведет уже расчищенная "чукотская дорога" в Средне-Колымск, по которой чукчи часто совершают поездки по Омолону. А от него есть путь, который ответвляются на Нижне-Колымск. Обратно по Колыме можно подняться до Средне-Колымска» [25. Л. 12-12 об.]. Сухопутный путь несколько безопаснее водного, хотя не менее труден. Однако, несмотря на климатические, погодные условия, сопровождавшие экспедицию в пути, 3 августа она благополучно прибыла в Гижигу. Здесь ее тепло «встретило все население», как «самых долгожданных гостей». «Гижигинцы ликуют от восторга, что тракт будет открыт, – писал Меликов губернатору В.Н. Скрыпицыну. Это вселяет в них надежду на подряд, на перевоз казенных тяжестей. В конечном итоге возможность приобретения заработка и ликвидации бесчисленных партий редких по выносливости собак» [Там же. Л. 33].

Пройденный путь от Колымы не имел непроходимых болот, ни затрудняющих рек, ни гор с подъемами. Поэтому оказался «удобным для перевозки тяжестей из Гижиги на Колыму. От него во многом зависело состояние казны и благополучие населения округа» [26. Л. 2]. Неудобство состояло лишь в том, что он выходил к верховью Колымы. Но это могло быть устранено за счет прокладывания дороги прямо на устье Лавдона, Коркодона или Омолона.

Поэтому обратно двигались по направлению к Омолону, который впадает в Колыму. «Половина членов экспедиции шла на лодках, другая – на оленях. Обследовали более мелкие реки Кедон, Парень, Кегали (Кегаль), Асыхой и другие с целью выявления не только проходимости территории, но и наличия корма для лошадей, так как без него путь становится не пригодным для перевозки грузов. По берегам Асыхоя он оказался достаточно широким, просторным, удобным, но сама река мелка, следовательно, не пригодна для сплава. На ее островах и берегах в изобилии заросли кормов. Русло реки Парень довольно широкое, больше 100 сажений. Но встречаются места, где можно переправиться вброд по гладкой каменистой гряде, пересекающей реку от одного берега до другого. От Парени по открытому месту перебрались на впадающую в нее мелкую реку Крест (Иччаска), склоны гор которой покрыты лиственничным лесом. Здесь достаточно корма для лошадей, но мало для оленей. Поэтому возможен только конный путь. Зато по берегам реки Кегали, впадающей в Омолон, имеется корм и для тех, и для других. К тому же сухие берега с кедровником. Проехав Кегали, направились к Омолону. Здесь, у подножья скалы "Пятков камень", по берегам сплошные заросли лиственничных лесов. Затем на несколько верст простирается долина, покрытая сочной густой травой, превышающей рост человека, что в дальнейшем может обеспечить хороший покос. Река не очень широкая, около 30-50 сажений, но с удобными берегами для тяги лодок. Дальше от реки Береговой, впадающей в Колыму между гор с крутыми подъемами и спусками, по "Чукотской дороге" в 8 верстах выше Средне-Колымска, выехали на Колыму где и водрузили столб с надписью "Дорога Генерала Скрыпицына"» [27. Л. 14-16]. Обратное пройденное расстояние от Гижиги до Средне-Колымска могло составить не более 600-650 верст.

Результатом экспедиции стал доклад Д.И. Меликова «По обследованию Средне-Колымско-Гижигин-ского тракта» [26. Л. 1], по которому предполагалась доставка грузов, прибывших морем из Владивостока в Гижигу, а затем в Средне-Колымск. По карте, составленной В.Г. Карзиным [28. Л. 2] по своим и заметкам Д.И. Меликова, протяженность этого пути составила около 1 250 верст. Несмотря на значительное расстояние волока, путь этот довольно успешно функционировал более пяти лет. Посредством чукчей, кочевавших по правой стороне реки Омолон, гижигинские купцы доставляли товары в Средне-Колымск всего по 2 руб. с пуда.

Если возвращаться к личности Меликова, то следует заметить, что отличительными его чертами были ответственность и исполнительность. «Какую бы работу он сам не выполнял, и какую бы ему ни поручали, ко всему относился предельно честно. Поэтому его докладные записки и донесения о состоянии и положении дел в том или ином округе всегда были полными и объективными» [29. Л. 1].

Кроме этого, как и всякий образованный человек, он приобретал редкие книги и рукописи. В свою бытность в Якутске «являлся одним из крупных библиографов. У него была очень богатая домашняя библио-

тека, которой пользовались многие горожане и даже некоторые политссыльные. Меликов разрешал им делать выписки из личного архива и библиотечных коллекций» [30. Л. 7]

Еще одна немаловажная черта общественной деятельности Меликова - культурная. «Жизнь в Якутске буквально била ключом. Люди навещали друг друга, вели оживленные беседы, посещали спектакли, устраиваемые верхушкой местного чиновничества во главе с Советником Областного Правления Меликовым» [31. Л. 2], – вспоминал Ф. Кон, отбывавший ссылку в Якутске. Действительно, Дмитрий Иванович любил театр и много сделал для его развития. В 1890-1891 гг. он стоял у истоков создания театра в Якутии, решая все возникающие юридические вопросы. В 1896 г. был избран председателем Правления Общества любителей музыки и литературы. Как просвещенный человек и представитель власти он стремился приобщить к театральному искусству местное население, поэтому решение многих вопросов он брал на себя, а иногда и сам участвовал в постановках.

Четырьмя годами ранее, в конце апреля 1892 г., состоялась премьера спектакля «Суд людской — не божий» по пьесе А.Н. Островского. В его подготовке Меликов принимал самое активное участие. На представлении присутствовал губернатор В.Н. Скрыпицын, который «занимал место в 9-й ложе. Поощряя благотворительность, за билет заплатил 10 руб. и остался доволен представлением» [32. Л. 1]. Его примеру последовали многие состоятельные горожане, тогда как малообеспеченные семьи ходили в театр по низким ценам. Это делалось для того, чтобы, просматривая спектакли первого в Якутии русского драматического театра, все слои населения имели возможность удовлетворить свои духовные запросы.

В начале 1893 г. афиши извещали ещё об одной премьере — спектакле по пьесе А.Н. Островского «На бойком месте». На сей раз Меликов не ограничился ролью руководителя, он принял в нем самое непосредственное участие, сыграл отставного кавалериста, помещика средней руки, Павлина Ипполитовича Миловидова, благо, что его внешность позволяла это сделать [Там же. Л. 39]. А в театральный сезон 1897—1898 гг. не без участия Меликова впервые были поставлены пьесы А.Н. Островского «Без вины виноватые» и «Лес».

К последней постановке «специально были изготовлены декорации, к которым Меликов имел самое непосредственное отношение. Он не только «пожертвовал деньги на пиломатериалы, но, не боясь уронить свой высокий пост в глазах горожан, вместе с братом Сергеем Ивановичем самое активное участие принимал в их изготовлении. Так что интерьер помещичьего дома содержал в себе весь набор мебели, а гостиная Гурмыжской выглядела вполне жилым помещением» [33. С. 106].

Следует заметить, что «ответственное, беспорочное служение делу и Отечеству» чиновника северной окраины находило отклик у всего населения. «Единственный присяжный поверенный в Якутии Д.И. Меликов весьма колоритная фигура... "Отец города" — так уважительно называли его все якутяне от мала до велика», — вспоминал о нем бывший политссыльный В.Н. Катин-Ярцев [34. С. 183–184].

На основании «Высочайшего Указа от 26 февраля 1896 г. в память о царствовании императора Александра III, Меликов был награжден Серебряной медалью на Александровской ленте. Его грудь украшал орден Св. Александра Невского. За добросовестную службу надворный советник Меликов был Всемилостивейше награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. Удостоен специального нагрудного знака по случаю 50-летия Судебных уставов 1864—1914 гг.» [35. Л. 36, 46].

В период 1894–1896 гг. он возглавил комитет по строительству здания Правления. Активно участвовал в научной жизни города. Являлся членом Якутского сельскохозяйственного общества, Сибиряковской экспедиции [36]. В 1908 г. вместе с Э.К. Пекарским инициировал создание «Общества изучения. Сибири и улучшения ее быта». Его члены вели сбор архивных документов, выступали с просветительскими лекциями. В 1913 г. в Якутске окончательно решилась судьба якутского отделения Императорского Географического общества, к которому он имел непосредственное отношение. С 1912 по 1917 г. Меликов являлся председателем Якутской областной ученой архивной комиссии. За неимением отдельного помещения все заседания комиссии проходили у него на квартире, благо, что большая комната могла вместить всех ее членов. В 1916 г. под редакцией Е.Д. Стрелова эта комиссия издала уникальный сборник архивных документов, охватывающий период истории Ленского края с 1650 по 1800 г. Большая заслуга в составлении данного сборника и его издании принадлежит Дмитрию Ивановичу Меликову. «Его по праву можно назвать одним из первых местных исследователей, стоявших у истоков формирования архивного фонда в Якутской области» [37].

Однако перемены, произошедшие в 1917 г., не могли не коснуться бывшего члена Якутского окружного суда, действительного статского советника Д.И. Меликова. Получив уведомление об отставке со службы, 24 ноября он обратился в Якутский окружной суд с письмом. «При дороговизне жизни мне ничего не остается, как искать заработок, который я могу получить через занятия адвокатурой... В виду этого, имею честь просить Якутский окружной Суд допустить меня к исполнению при нем обязанностей частного Поверенного...» [36. Л. 74]. Его просьба была удовлетворена.

Однако со временем, как и многим другим, Меликову был приклеен ярлык «пособника царизма и ярого реакционера», а посему он был уволен из судебных органов. В 1921–1923 гг. снова работал в губернском архиве в качестве сотрудника и заместителя завгубархива Е.Д. Стрелова. С 1924 по 1927 г. Меликов состоял на службе в различных советских учреждениях.

С осени 1927 г. по всей стране и в Якутии в том числе начинается большая чистка советских государственных учреждений от «социально-чуждых элементов». Дмитрий Иванович, столько сделавший для развития Якутии и города, попадает в разряд деклассированных элементов.

Так распорядилась судьба с человеком, который многие годы жизни отдал служению на благо се-

верного края. Но это не умоляет его заслуг перед Отечеством. Дмитрий Иванович Меликов верно служил ему, без сомнения, является одним из ярких представителей русской интеллигенции дореволюционного периода и авторитетным чиновником. Своим профессионализмом на поприще юриспруденции он содействовал укреплению государствен-

ности, судопроизводства, межнациональных отношений, внес немалый вклад в развитие культуры Якутии. В силу региональной специфики его разносторонняя деятельность по зову сердца сочеталась со служебной необходимостью, что и отличало периферийного чиновника от чиновника центральных губерний России.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Токмакова Ю.Н. «От чистописания к юриспруденции»: проблема образовательного уровня провинциальных чиновников Центральной России в первой половине XIX в. // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 37 (175). С. 65–71.
- 2. Кондрашкин В.А. Профессиональное развитие государственных гражданских служащих как процесс и основа их социальной мобильности // Известия Тульского государственного университета Гуманитарные науки. 2013. Вып. 2. С. 501–503.
- 3. Иванов В.А. Губернское чиновничество в России 50-60-х гг. XIX в. Историко-источниковедческие очерки. Калуга, 1994. 232 с.
- Власова Н.В. Чиновничество Рязанской губернии второй половины XIX начала XX в. в современной отечественной историографии // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 57–63.
- 5. Морозов В.В. Особенности изучения чиновного состава уездных казначейств Нижегородской губернии середины 60-х гг. XIX в. (по данным формулярных списков 1865 г.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 7 (78), т. 14. С. 125–129.
- 6. Козельчук Т.В Чиновничество Тобольской губернии во второй половине XIX начале XX в. как социальный слой. Курган, 2002. 276 с.
- 7. Морякова О.В. Провинциальное чиновничество в России второй четверти XIX века; социальный портрет, быт, нравы // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1993. № 6. С. 12–27.
- 8. Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII начало XX в. СПб., 1999. 426 с.
- 9. Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири. Иркутск, 2002. 260 с.
- 10. Матханова Н.П. Социокультурные группы в составе администрации Восточной Сибири. 1840–60 гг. Типы чиновников // Российская интеллигенция: история и судьба. М., 1999. С. 251–272.
- 11. Фролова Т.А. Социокультурный облик чиновничества Западной Сибири в конце XIX начале XX в. Омск, 2006. 185 с.
- 12. Кузнецов А.А. Чиновничество и развитие культуры губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX в. Иркутск, 2002. 323 с.
- 13. Игнатьева М.И. Управление и суд в Сибири. Якутск : Кн. изд-во Якут. ун-та, 1995. 185 с.
- 14. Поповичева Ю.Н. Дальневосточное чиновничество во второй половине XIX века. Владивосток, 2003. 262 с.
- 15. Национальный Архив Республики Саха (Якутия) (далее НА РС (Я)). Ф 192. Оп. 13. Д. 133. Л. 30, 31.
- 16. НА РС (Я). Ф. 12и. Оп. 1. Д. 9470. Л. 2, 3.
- 17. НА РС (Я). Ф. 1413и. Оп. 2. Д. 421. Л. 145.
- 18. НА РС (Я). Ф. 434и. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–5.
- 19. НА РС (Я). Ф. 434и. Оп. 1. Д. 16. Л. 1, 18.
- 20. НА РС (Я). Ф. 434. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.
- 21. НА РС (Я). Ф. 434. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
- 22. НА РС (Я). Ф. 434и. Оп. 1. Д. 1. Л. 1. 23. НА РС (Я). Ф. 18и. Оп. 1. Д. 169. Л. 2, 2 об.
- 24. НА РС (Я). Ф. 12и. Оп. 1. Д. 6374. Л. 5, 6.
- 25. НА РС (Я). Ф. 12. Оп 1. Д. 11794. Л. 12–12 об., 33.
- 26. НА РС (Я). Ф. 434и. Оп. 1. Д. 9. Л. 1, 2.
- 27. НА РС (Я). Ф. 12и. Оп. 2. Д. 4618. Л. 14-16.
- 28. НА РС (Я). Ф. 434. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.
- 29. НА РС (Я). Ф. 434и. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
- 30. НА РС (Я). Ф. 434и. Оп. 1. Д. 49. Л. 7.
- 31. НА РС (Я). Ф. 12и. Оп. 1. Д. 21915. Л. 2.
- 32. НА РС (Я). Ф.12и. Оп. 1. Д. 6867. Л. 1, 39.
- 33. Крылова В.К. Русская классика на сцене драматических театров Якутии. Новосибирск : Наука, 2012. С. 106.
- 34. Катин-Ярцев В. В тюрьме и ссылке // Каторга и ссылка. 1924. № 6. С. 183–184.
- 35. НА РС (Я). Ф. 192. Оп. 13. Д. 133. Л. 36, 46, 74.
- 36. Астахова И.С. Якутская (Сибиряковская) экспедиция 1894–1896 гг. URL: http://www.yakutskhistory.net/ (дата обращения: 12.01.2016).
- 37. Стрелов Е.Д. Акты архивов Якутской области с 1650 до 1800 г. Якутск, 1916. Т. 1. 308 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 июня 2016 г.

"... I PERSONALLY KNOW HIM AS AN HONEST AND CAPABLE OFFICIAL..."

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 97–102.

DOI: 10.17223/15617793/410/15

Vera K. Krylova, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, SB RAS (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: kvkrepressgur@mail.ru

Keywords: Yakut region; official of the north; expedition; D.I. Melikov; theater.

For the first time, on the basis of archival documents, an attempt is made to recreate a brief biography of the Yakutsk provincial government official in the second half of the 19th – early 20th centuries D.I. Melikov. At various times he occupied the post of Prosecutor of Yakutsk Oblast, investigator, adviser to the regional government, a member of the Yakutia District Court, attorney; he served as vice-governor. But it is not possible to describe in detail all his activities in one article, so the author makes an emphasis on an expeditionary event headed by Melikov, important at that time for Yakutia: the opening of the Kolyma-Gizhiginskiy tract aimed at establishing links between Sredne-Kolymsk and the coast of the Sea of Okhotsk through the nearby Gizhiga (Gizhiginsk). Why was this particular official with a high rank for the province involved in this event? The importance of it was to establish a cheaper, closer and more accessible path from the village Gizhiga to the city Sredne-Kolymsk, located on the Kolyma River, at the state level rather than at the private one as merchants had previously done. At the same time, an audit was to show the real situation on the ground. What caused this necessity? It was the fact that the distance from Gizhiga to Yakutsk was 2315 miles of an arduous journey, and

from there to Sredne-Kolymsk slightly more than 1000. Thus, reducing the distance was an opportunity to reduce the cost of delivery of goods in the Kolyma region and the fare from 14 to 5 and even 2 rubles per pood. That would give an opportunity for people to purchase products and goods at lower prices. With the construction of the road, delivery of goods from Gizhiga to Sredne-Kolymsk could be about 5 times cheaper than bringing them from Yakutsk across Siberia. The issue of establishing this way was also important as due to the severe climatic and environmental conditions the population of the Kolyma region was not able to engage in vegetable growing and arable farming. The scope of their activities consisted of cattle breeding, hunting and fishing. Melikov could negotiate a contract for transportation with the administration of Gizhiginsk, Primorye and uluses in the face of their elders. Thus, through the description of the person the article presents an official belonging to the class of Russian bureaucracy. On his example, the author revised the previously established notions about the indifferent bureaucracy endowed only with negative colors. This attitude was greatly contributed to by the dominant Soviet ideology that distorted the real state of affairs. It considered bureaucracy as a tool of the autocratic state, the spokesman of class interests and did not take into account the individual person, which obviously controverted archival documents. The documents suggest that having professional skills in the field of law, Melikov helped to strengthen the state, justice, international relations and made a major contribution to the development of the culture of Yakutia.

REFERENCES

- 1. Tokmakova, Yu.N. (2009) "Ot chistopisaniya k yurisprudentsii": problema obrazovatel'nogo urovnya provintsial'nykh chinovnikov Tsentral'noy Rossii v pervoy polovine XIX v. ["From calligraphy to jurisprudence": the problem of the educational level of provincial officials in Central Russia in the first half of the 19th century]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 37 (175). pp. 65-71.
- 2. Kondrashkin, V.A. (2013) Professional development of civil servants as the process and the basis for their social mobility. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta Gumanitarnye nauki. 2. pp. 501–503. (In Russian).
- 3. Ivanov, V.A. (1994) Gubernskoe chinovnichestvo v Rossii 50–60-kh gg. XIX v. Istoriko-istochnikovedcheskie ocherki [Provincial officials in Russia in the 1850s-1860s. Sketches of historical sources]. Kaluga.
- 4. Vlasova, N.V. (2016) Ryazan officialdom of the second half of the 19th the beginning of the 20th centuries in modern Russian historiography. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 405. pp. 57-63. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/405/7
- 5. Morozov, V.V. (2010) Osobennosti izucheniya chinovnogo sostava uezdnykh kaznacheystv Nizhegorodskoy gubernii serediny 60-kh gg. XIX v. (po dannym formulyarnykh spiskov 1865 g.) [Features of studying the bureaucratic composition of the county treasuries of Nizhny Novgorod Province in mid-1860s (According to classification lists of 1865)]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika. 7 (78):14. pp. 125–129.
- 6. Kozel'chuk, T.V. (2002) Chinovnichestvo Tobol'skoy gubernii vo vtoroy polovine XIX nachale XX v. kak sotsial'nyy sloy [Officialdom of Tobolsk Province in the second half of the 19th - early 20th centuries as a social layer]. Abstract of History Cand. Diss. Kurgan.
- 7. Moryakova, O.V. (1993) Provintsial'noe chinovnichestvo v Rossii vtoroy chetverti XIX veka: sotsial'nyy portret, byt, nravy [Provincial officials in Russia in the second quarter of the 19th century: social portrait, life, manners]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya. 6. pp. 12–27.
- 8. Shepelev, L.E. (1999) Chinovnyy mir Rossii: XVIII nachalo XX v. [The bureaucratic world of Russia: the 18th beginning of the 20th centuries]. St. Petersburg: Iskusstvo.
- 9. Matkhanova, N.P. (2002) Vysshaya administratsiya Vostochnoy Sibiri [Higher administration of Eastern Siberia]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
- 10. Matkhanova, N.P. (1999) Sotsiokul'turnye gruppy v sostave administratsii Vostochnoy Sibiri. 1840-60 gg. Tipy chinovnikov [Social and cultural groups of the administration of Eastern Siberia. 1840s-1860s. Russian officials types]. In: Knyazevskaya, T.B. (ed.) Russkaya intelligentsiya: istoriya i sud'ba [Russian intelligentsia: history and fate]. Moscow: Nauka.
- 11. Frolova, T.A. (2006) Sotsiokul'turnyy oblik chinovnichestva Zapadnoy Sibiri v kontse XIX nachale XX v. [The socio-cultural image of the bureaucracy of Western Siberia in the late 19th - early 20th centuries]. History Cand. Diss. Omsk.
- 12. Kuznetsov, A.A. (2002) Chinovnichestvo i razvitie kul'tury gubernskikh i oblastnykh tsentrov Vostochnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX v. [Officialdom and the development of the culture of the provincial and regional centers of Eastern Siberia in the second half of the 19th century]. Abstract of History Cand. Diss. Irkutsk.
- 13. Ignat'eva, M.I. (1995) Upravlenie i sud v Sibiri [Management and the court in Siberia]. Yakutsk: Yakutsk State University.
- 14. Popovicheva, Yu.N. (2003) Dal'nevostochnoe chinovnichestvo vo vtoroy polovine XIX veka [Far Eastern officialdom in the second half of the 19th century]. Abstract of History Cand. Diss. Vladivostok.
- 15. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 192. List 13. File 133. Pages 30, 31. (In Russian).
- 16. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 12i. List 1. File 9470. Pages 2, 3. (In Russian).
- 17. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 1413i. List 2. File 421. Page 145. (In Russian).
- 18. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 434i. List 1. File 13. Pages 1-5. (In Russian).
- 19. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 434i. List 1. File 16. Pages 1, 18. (In Russian).
- 20. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 434. List 1. File 10. Page 1. (In Russian). 21. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 434. List 1. File 3. Page 1. (In Russian).
- 22. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 434i. List 1. File 1. Page 1. (In Russian).
- 23. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 18i. List 1. File 169. Pages 2, 2 rev. 24. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 12i. List 1. File 6374. Pages 5, 6.
- 25. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 12. Op 1. File 11794. Pages 12-12 rev., 33. (In Russian).
- 26. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya)). Fund 434i. List 1. File 9. Pages 1, 2. (In Russian).
- 27. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 12i. List 2. File 4618. Pages 14-16. (In Russian).
- 28. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 434. List 1. File 2. Page 2. (In Russian). 29. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 434i. List 1. File 6. Page 1. (In Russian).
- 30. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 434i. List 1. File 49. Page 7. (In Russian).
- 31. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 12i. List 1. File 21915. Page 2.
- 32. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). F.12i. List 1. File 6867. Pages 1, 39. (In Russian).
- 33. Krylova, V.K. (2012) Russkaya klassika na stsene dramaticheskikh teatrov Yakutii [Russian classics on the stage of the drama theater of Yakutia]. Novosibirsk: Nauka.
- 34. Katin-Yartsev, V. (1924) V tyur'me i ssylke [In prison and in exile]. Katorga i ssylka. 6. pp. 183–184.
- 35. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 192. List 13. File 133. Pages 36, 46, 74. (In Russian).
- 36. Astakhova, I.S. (n.d.) Yakutskaya (Sibiryakovskaya) ekspeditsiya 1894-1896 gg. [Yakut (Siberian) Expedition of 1894-1896]. [Online] Available from: http://www.yakutskhistory.net/. (Accessed: 12th January 2016).
- 37. Strelov, E.D. (1916) Akty arkhivov Yakutskoy oblasti s 1650 do 1800 g. [Records of the Archives of Yakut Oblast from 1650 to 1800]. Vol. 1. Yakutsk: Izd. Yakutskoy oblastnoy uchenoy arkhivnoy komissii.

Received: 09 June 2016

УДК 94(669)

А.Н. Курнаков

РОЛЬ РЕЛИГИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ НИГЕРИИ

Рассматривается процесс политизации религии в Нигерии. Его истоки берут начало в конце колониального управления Великобритании. Однако наиболее четко политизация ислама и христианства проявилась после образования «Четвертой республики» в 1999 г. Именно тогда власти двенадцати северных штатов вводят на своей территории шариат. По мнению наблюдателей, ислам стал орудием политической борьбы на Севере и средством противопоставления себя христианскому Югу.

Ключевые слова: Нигерия; ислам; христианство; политика; шариат.

Этническая и религиозная неоднородность является очень важным вопросом в нигерийской политике еще со времен колониальной зависимости от Великобритании. Условно территорию страны можно разделить на три крупных этно-религиозных региона: Север (исповедующие ислам народности хауса и фулани), Юго-Запад (исповедующая христианство народность йоруба с небольшим процентом мусульман) и Юго-Восток (христианская народность игбо). Народы хауса (29% населения страны), йоруба (21% населения) и игбо (18% населения) являются доминирующими в своих регионах. Около 51% населения Нигерии – христиане, 48% – мусульмане [1. С. 19–20].

Ислам играл серьезную роль в жизни народностей хауса и фулани еще в XIX в., когда государственный и религиозный исламский деятель Осман дан Фодио создал Халифат Сокото и подчинил себе большую часть современной северной Нигерии. Поэтому ислам к моменту прихода колонизаторов уже закрепился на этой территории. Британские колониальные власти активно использовали так называемые туземные власти в лице эмиров в своей системе управления Северной провинцией (так называлась северная часть Британской Нигерии). Что касается христианства, то наиболее активно оно стало распространяться с приходом колонизаторов. Основную роль в христианизации местного населения сыграли миссионеры, которые создавали школы и больницы. К тому же единственным средством продвижения по социальной лестнице на Юге было получение западного образования и принятие христианства [2. С. 65-66].

В колониальный период наибольший набор привилегий в получении образования и привлечении на гражданскую службу имели проживавшие в Западном регионе и Восточной области Нигерии народности йоруба и игбо, христиане по вероисповеданию. Аналогичная картина сохранялась и в первые два десятилетия независимого развития. Во второй половине 1970-х гг. администраторы из среды йоруба и игбо занимали 90% высших должностей в федеральных государственных учреждениях [3. С. 142].

Влиятельный мусульманский религиозный деятель северной Нигерии 1960–1970-х гг. шейх Абубакар Гумми заявлял, что Север являлся «обособленным изза своих уникальных исторических и культурных [исламских] обстоятельств». По его мнению, именно ислам объединял и объединяет народы региона вместе [4. Р. 46]. Таким образом, «ислам является в какой-то

степени синонимом Севера в политической матрице страны, и, следовательно, он представляет собой средоточие политических интересов населения этого региона» [4. P. 46].

Первые политические партии создаются в конце колониальной эпохи (в конце 1940-х гг.). Изначально они не носили ярко выраженной этно-религиозной окраски и стремились вовлечь в свою деятельность представителей всех народностей и религий. Среди таких партий стоит отметить Национальный совет нигерийских граждан (НСНГ). Первоочередной целью НСНГ было скорейшее получение независимости Нигерией. Однако уже к началу 1950-х гг. НСНГ сконцентрировал свои силы на Юго-Востоке и превратился в партию игбо. В 1950 г. на Юго-Западе формируется этно-региональная партия Группа Действия (ГД), а на Севере в 1951 г. – Северный Народный Конгресс (СНК). Если НСНГ и ГД изначально имели только этно-региональный характер, то СНК, помимо опоры на народность хауса, выделяли свою приверженность исламу. В частности, это проявилось в начале 1960-х гг., когда лидер СНК Ахмаду Белло попытался создать общерегиональный орден Усманийя. Орден рассматривался им как средство объединения всех мусульман - уроженцев Севера. Влияния СНК добавляло и то, что небольшая нигерийская армия (около 6 тыс. чел. в конце 1950-х гг.) формировалась в основном из хауса.

Если до падения «Первой республики» в 1966 г. ведущими партиями были НСНГ, СНК и ГД, то для защиты интересов более узких групп населения формируются свои партии. Так, на Юго-Западе, в Лагосе, где также проживают мусульмане, но в меньшем количестве и не являются большинством, была создана Объединенная Мусульманская партия (ОМП). Её целью была политическая борьба против доминирующего христианского населения и самой влиятельной партией региона – Группа Действия. Мусульманское меньшинство на Юго-Западе жаловалось на дискриминацию по религиозному признаку и стремилось найти поддержку в лице более влиятельного на федеральном уровне СНК. Таким образом, девиз «Все мусульмане как один» стал основой продвижения идеи единства мусульман в Нигерии.

Помимо ГД и НСНГ христианское население также создавало политические партии, но уже с акцентом не только на регионализм, но и на религию. Существует мнение, что политическое сознание христиан зародилось под воздействием «вызова, брошенного исламом» [5. P. 26].

Христиане Среднего пояса (центральные штаты Нигерии) под воздействием дискриминации и недовольства «исламским правлением» Северного Народного Конгресса во главе с правительством Ахмаду Белло (продвигавшего лозунг «один Север, один народ») мобилизовались, чтобы бросить вызов власти. Первой попыткой христианского населения этого региона стало создание Северной Нигерийской Немусульманской лиги. Это произошло после того, как власти Севера решили в 1949 г. ограничить деятельность христианских миссионеров в этой области.

Религия, возможно, сыграла определенную роль в государственном перевороте 15-16 января 1966 г., который разрушил «Первую республику» в Нигерии. По мнению Абубакара Гумми, религиозного исламского деятеля и близкого соратника премьерминистра Северной области Ахмаду Белло, одной из причин переворота 1966 г. было противостояние христиан исламу. Также он утверждал, что целью заговорщиков были политики-мусульмане, например убитый Ахмаду Белло. Кроме того Гумми утверждал, что «лидеры мятежа признались, что земля игбо была единственным местом, "неиспорченным исламом". Мятеж был подавлен генерал-майором Иронси (игбо), и он объявил себя главой военного правительства. Население Севера негативно встретило фактическую узурпацию власти игбо, и произошел новый военный переворот, но уже во главе с северянином Говоном. Тысячи игбо, проживавшие на Севере, были убиты. Военный переворот Говона стал главной причиной создания на Юго-Востоке Нигерии Республики Биафра и начала Гражданской войны.

Военный переворот 1975 г., произведенный офицерами-северянами, привел в 1979 г. к передаче власти гражданскому правительству. Существовало требование, по которому все новые партии должны следовать принципам единства страны – равноправию всех религий и народностей. Однако на самом деле новые партии оказались преемницами партий «Первой республики». Национальная партия Нигерии (НПН) опиралась на хауса-мусульман на Севере, Нигерийская партия единства (НПЕ) – на юго-западных йоруба, Нигерийская народная партия (ННП) – на юго-восточных христиан игбо. Большинство в Федеральной палате представителей получила НПН во главе с Шагари, который и стал новым президентом Нигерии.

В период «Второй республики» обострились межрелигиозные конфликты. В 1980 г. в городе Кано (на Севере) вспыхнули беспорядки под руководством проповедника Мохаммеда Марвы (Майтацине). Участниками волнений в основном была молодежь из городских низов, выступавшая за очищение ислама и против западной культуры. Беспорядки охватили Кано и окрестности: сжигались христианские церкви, отели, бары. Всего в Кано за 11 дней беспорядков погибло от 4 до 6 тыс. чел. Целью, которую ставили сторонники Майтацине перед собой, было уничтожение всех, кто приобщился к западному образу жизни.

В 1983 г. к власти вновь приходят военныесеверяне, и вплоть до 1999 г. они осуществляли управление Нигерией. В 1990 г. молодые офицеры во главе с Гидеоном Орка попытались свергнуть режим Ибрагима Бабангиды. Заговор был направлен против северян. Участники переворота заявляли, что это не просто еще один переворот, это хорошо продуманная, спланированная и проведенная революция для маргинальных, угнетенных и порабощенных народов Среднего пояса (Midlle Belt) и Юга (христиан) для того, чтобы освободить себя и еще не родившихся детей от вечного рабства и колонизации кликой (мусульмане хауса-фулани) этой страны.

В 1999 г., вскоре после перехода к демократическому режиму, на повестке дня в северной Нигерии возник вопрос шариата. Это комплекс предписаний, определяющих убеждения, а также формирующих религиозную совесть и нравственные ценности мусульман, регулирует практически все сферы их повседневной жизни. Губернатор Ахмед Йерима ввел правовую систему шариата маликитского масхаба в штате Замфара в октябре 1999 г. Благодаря этому он получил большую популярность у народа и возможность для реализации своих губернаторских амбиций. Он обещал победить широко распространенную бедность в этом штате путем внедрения шариата во все сферы жизни общества. Население было недовольно деятельностью правоохранительных органов и судебной системы: преступность увеличивалась, пока полиция и суды были парализованы неэффективностью и коррупцией. Шариат преподносился населению как средство решения этих проблем - судебная система шариата должна была стать более быстрой и менее коррумпированной. Наконец, введение шариата становилось подтверждением своей религиозной идентичности, особенно в контексте взаимоотношений между мусульманами и христианами [6. Р. 74].

Начинания губернатора Йерима встретили поддержку Всенародной партии (ВНП), которая впоследствии была преобразована во Всенигерийскую народную партию (ВННП). ВННП как политическая партия стремилась подчеркнуть свою связь со старыми правящими политическими партиями на Севере, которые отождествлялись с консервативной исламской идеологией (СНК и НПН). В результате она стала самой популярной партией на Севере и являлась основной оппозицией правящей Народно-демократической партии (НДП). На начальном этапе «демократической эпохи», в период между 1999 и 2003 гг., исламские священнослужители поддерживали Йерима и даже вошли в его правительство. Все это дало исламскую окраску режиму губернатора [7. Р. 29].

Опора властей северных штатов на шариат вызвала широкое возмущение у федерального правительства, поскольку это противоречило статьям нигерийской Конституции, объявлявшим Нигерию светским государством и запрещавшим устанавливать какуюлибо религию государственной. После Замфары еще 11 штатов ввели на свой территории шариат (Кано, Сокото, Кацина, Баучи, Борно, Джигава, Кебби, Йобе, Кадуна, Нигер, Гомбе). Христиане на Севере воспри-

нимали это как очередную попытку мусульманского большинства в очередной раз прийти к власти в стране. Христианской Ассоциацией Нигерии (ХАН) по всей стране в церквях была организована серия программ информирования верующих о последствиях нового режима шариата. Это создало благоприятные условия для мобилизации христиан против шариата. Кроме того, христиане восприняли реализацию шариата в северных штатах как четкую политическую стратегию со стороны мусульман-хауса с целью дестабилизации режима христианского Президента Олусегуна Обасанджо. Архиепископ Ола Макинде, председатель Христианской Ассоциации Нигерии в Абудже, заявил, что целью введения шариата в Нигерии является предотвращение или подавление распространения христианства на Севере. Еще одна цель состоит в том, чтобы свергнуть правительство Олусегуна Обасанджо, которое проповедники шариата называют правительством во главе с неверным.

Христианская идентичность Обасанджо выделилась сразу же после его освобождения из тюрьмы, где он находился с 1995 г. по подозрению в попытке организации переворота. Обасанджо рассматривался как «возможный мессия», некоторые даже полагали, что есть божественный план, по которому он должен быть кандидатом от христиан, которые с 1979 г. не занимали пост президента Нигерии.

Введение шариата стало одной из причин начала массовых столкновений мусульманского и христианского населения на Севере и центральной Нигерии. Беспорядки в Кадуне в феврале и апреле 2000 г. возникли на фоне обсуждения введения шариата. В стычках между христианами и мусульманами погибли в общей сложности около 2 000 чел. Однако даже это не остановило введение шариата, поскольку он стал главным политическим лозунгом политиков-мусульман.

Население Севера не получило того, что было обещано. Представитель неправительственной организации в штате Кадуна сообщил, что введение шариата было срежиссировано, чтобы терроризировать людей и манипулировать доверчивым населением. Политики захватили умы электората. Необразованное население поверило их словам про то, что шариат решит проблему бедности и коррупции. Многие мусульмане считали, что наказание должно быть наименее важным аспектом шариата и что первоочередной задачей должно быть обеспечение людей приемлемым уровнем жизни, доступом к жилью, здравоохранению и образованию.

Многие мусульмане критиковали власти за то, что они использовали шариат для достижения личных целей. В преддверии выборов 2003 г. кандидаты на политические должности на Севере, особенно на выборах губернатора, включили религию в качестве центрального компонента своей избирательной кампании. Исламский лидер в штате Кадуна отметил, что все кандидаты на должности губернатора на Севере говорили о реализации шариата, и если они выиграли выборы 2003 г. и начинали говорить о том, что они не будут осуществлять шариат, то это было бы для них политическим самоубийством.

Поддержка шариата также была частью предвыборной платформы Мухаммаду Бухари — главного кандидата от оппозиции в 2003 г. В ходе кампании Бухари стремился позиционировать себя как мусульманин и северянин. Также всеми способами он стремился доказать свою приверженность шариату. По мере приближения выборов 2003 г. вопрос о религии стал политическим. Кандидаты правящей Народно-Демократической партии рассматривались на Севере как противники шариата. На выборах 2003 г. многие люди делали выбор по религиозному признаку, и мусульмане, которые голосовали за Народно-Демократическую партию или президента Обасанджо, рассматривались как «предатели». Шариат стал вопросом как религиозной, так и политической идентичности.

Христиане не были единственными, возражавшими против введения шариата. Некоторые мусульмане, в том числе ряд исламских священнослужителей, выступали против этого на том основании, что шариат вводится по политическим, а не религиозным мотивам. Исламский богослов в Кадуне сообщил, что мотивы кандидатов были чисто политическими. Это не имеет ничего общего с религией. Реальные потребности людей – здравоохранение, образование и т.д. Политики не сделали ничего в этом направлении. Вместо этого они подняли шум по поводу шариата. Когда политики не смогли решить социальные проблемы, они сказали, дадут шариат. Это делалось для того, чтобы завоевать популярность. Призыв к шариату способствует росту насилия и социальной напряженности между мусульманами и немусульманами, и даже среди самих мусульман.

К концу второго срока президента Обасанджо напряженность, связанная с шариатом, угасла. Шариат перестал играть серьезную роль в политической сфере на Севере. Это связано с тем, что губернаторы не смогли внедрить шариат во все сферы жизни общества, а использовали лишь систему наказаний шариата. Обасанджо был среди первых, кто публично объявил о «смерти» шариата на Севере. В 2007 г. он сказал на ежегодном собрании Христианской Ассоциации Нигерии, что если шариат был бы от Бога, то он бы выжил, но поскольку шариат был политически мотивированным — он выдохся... Сегодня так называемый шариат, введенный корыстными губернаторами, мертв.

Действительно, к 2007 г., когда северянин Умар Муса Ярадуа стал президентом, шариат фактически прекратил действовать в большинстве штатов (за исключением Кано). Случай Кано отличается тем, что губернатор был ревностным мусульманином. Губернатор Шекарау использовал шариат для решения проблем развития штата посредством создания комиссии Зиках и совета хизба. Комиссия Зиках – это учреждение для сбора налогов с населения. Она имела широкую программу для борьбы с нищетой, включающую предоставление медицинской помощи, начального капитала местным предпринимателям, профессиональное обучение безработных молодых людей, а также помощь пожилым. Совет хизба - это исламский военизированный орган штата, работающий с правительством и полицией в целях содействия миру в обществе.

Понимание шариата властями северных штатов отличалось от народного понимания. Население ожидало, что шариат решит проблему коррупции и бедности. Однако по факту шариат являлся лишь политическим лозунгом. Приведение в исполнение множества приговоров шариатских судов откладывалось. С 2000 по 2004 г., по крайней мере, десять человек были приговорены к смерти за убийство, содомию и прелюбодеяние. По состоянию на сентябрь 2004 г. только один приговор был приведен в исполнение [8. Р. 43]. Таким образом, вся суровость наказаний в шариатском уголовном праве компенсируется тем, что

власти не стремятся приводить свои приговоры в исполнение

Политика и религия в Нигерии имеют тесную связь со времен колониального господства Великобритании. Исходя из изложенных фактов, можно сделать вывод, что ислам стал соотноситься с Севером, а христианство (все его направления) — с Югом. Это является достаточно серьезной проблемой для современной Нигерии, поскольку такая этно-религиозная ориентированность политики приводит к зарождению межрелигиозной напряженности.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Нигерия. Справочно-монографическое издание. М.: Ин-т Африки РАН, 2013. 378 с.
- 2. Ислам в Западной Африке. М.: Наука, 1988. 267 с.
- 3. Сокова З.Н. Чиновничество Нигерии в преддверии и в первые десятилетия после получения независимости // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11 (61). Ч. III. С. 141–143.
- 4. Onapajo H. Politics for God: Religion, Politics and Conflict in Democratic Nigeria // The Journal of Pan African Studies. January 2012. Vol. 4, № 9. URL: http://www.jpanafrican.org/docs/vol4no9/4.9PoliticsforGod.pdf (access date: 3.03.2016).
- 5. Islamic actors and interfaith relations in northern Nigeria // Nigeria Research Network. March 2013. Policy Paper № 1. URL: http://www3.qeh.ox.ac.uk/pdf/nrn/nrn-pp01.pdf (access date: 23.02.2016).
- 6. «Political Shari'a»? Human Rights and Islamic Law in Northern Nigeria // Human Rights Watch. September. 2004. Vol. 16, № 9 (A). URL: https://www.hrw.org/reports/2004/nigeria0904/nigeria0904.pdf (access date: 23.02.2016).
- 7. Testing democracy: Political Violence in Nigeria // Human Rights Watch. April 2003. Vol. 15, № 9 (A). URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/reports/nigeria0403.pdf (access date: 23.02.2016).
- 8. Peiffer El. The Death Penalty in Traditional Islamic Law and as Interpreted in Saudi Arabia and Nigeria // Wm. & Mary J. Women & L.507(2005). URL: http://scholarship.law.wm.edu/wmjowl/vol11/iss3/9 (access date: 23.02.2016).

Статья представлена научной редакцией «История» 13 июня 2016 г.

THE ROLE OF RELIGION IN THE POLITICAL LIFE OF NIGERIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 103–107.

DOI: 10.17223/15617793/410/16

Aleksandr N. Kurnakov, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: kurnakov.aleksandr@gmail.com **Keywords:** Nigeria; Islam; Christians; politics; sharia.

The problem of the influence of religion on the political processes in Nigeria is described in the article. The main purpose of the article is to identify the role of religion in Nigeria and the extent of its influence on policy. Religious and ethnic heterogeneity of the population of Nigeria always affected the political preferences of its citizens. A similar situation can be observed from the time of the colonial dependence of Nigeria from the UK. And if the British colonial authorities used the religious question in their own purposes, in the independent Nigeria religion was often a decisive factor in determining the political position of the citizens. The British used the so-called "native authorities" till the end of the 1950s to govern the northern part of Nigeria. The south of the country, on the contrary, was controlled only by Christians, despite the fact that the Christian population of Nigeria was much less than the traditionalist population until the late 1960s. At the end of the colonial rule the ethno-regional political parties were organized. Religion (Islam) played the main role in the North, where the Northern People's Congress (NPC) had the most serious influence. The party called the Action Group oriented to the South-East (where the majority of the population were Yoruba Christians), and the National Council of Nigerian Citizens (NCNC) to the Southwest (Igbo Christians). Since they became independent, the influence of religion on politics and politics on religion increased noticeably in Nigeria. Being the majority of the population of the region in the north, Hausa and Fulani used Islam for self-identification in relation to the rest of the population of Nigeria. Some experts think that Christians in the south began to use religion to contrast themselves to Muslims. The politicization of religion emerged particularly acute after 1999, when the authorities of the northern states began to use Sharia to realize their own political ambitions at the local level. However, the debate about Sharia took place throughout the country, and the government of the southern states, fearing the spread of Islam, began to draw on religion in political matters very actively. There is an opinion that Christianity became part of the policy under the influence of "a challenge from Islam". However, Sharia, which was presented to the authorities of the northern states as a panacea for social and economic problems, did not justify the expectations of the population. If the governors gained their ratings due to the commitment to Islam and Sharia in in the elections of 1999 and 2003, by 2007 it became clear that the authorities were not able to fully introduce Sharia on their territory. Federal authorities interpreted this as "damping of Sharia". Thus, religion and politics had not just a close relationship, but complemented each other. Religion became a means of self-identification of the population and replaced the political platform of many politicians.

REFERENCES

- 1. Bol'shov, I.G. & Denisova, T.S. (eds) (2013) Nigeriya. Spravochno-monograficheskoe izdanie [Nigeria. A reference monographic edition]. Moscow: Institute of African Studies RAS.
- 2. Vasil'ev, A.M. (ed.) (1988) Islam v Zapadnoy Afrike [Islam in Western Africa]. Moscow: Nauka.

- 3. Sokova, Z.N. (2015) The officialdom of Nigeria on the threshold and in the first decades after the achievement of independence. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice.* 11(61):III. pp. 141–143. (In Russian).
- 4. Onapajo, H. (2012) Politics for God: Religion, Politics and Conflict in Democratic Nigeria. *The Journal of Pan African Studies*. January. 4:9. [Online] Available from: http://www.jpanafrican.org/docs/vol4no9/4.9PoliticsforGod.pdf. (Accessed: 3rd March 2016).
- 5. Nigeria Research Network. (2013) Islamic actors and interfaith relations in northern Nigeria. Nigeria Research Network. March. Policy Paper 1. [Online] Available from: http://www3.qeh.ox.ac.uk/pdf/nrn/nrn-pp01.pdf. (Accessed: 23rd February 2016).
- 6. Human Rights Watch. (2004) "Political Shari'a" Human Rights and Islamic Law in Northern Nigeria. *Human Rights Watch*. September. 16:9(A). [Online] Available from: https://www.hrw.org/reports/2004/nigeria0904/nigeria0904.pdf. (Accessed: 23rd February 2016).
- 7. Human Rights Watch. (2003) Testing democracy: Political Violence in Nigeria. *Human Rights Watch*. April. 15:9 (A). [Online] Available from: https://www.hrw.org/sites/default/files/reports/nigeria0403.pdf. (Accessed: 23rd February 2016).
- 8. Peiffer, El. (2005) The Death Penalty in Traditional Islamic Law and as Interpreted in Saudi Arabia and Nigeria. *Wm. & Mary J. Women & L.* 507. [Online] Available from: http://scholarship.law.wm.edu/wmjowl/vol11/iss3/9. (Accessed: 23rd February 2016).

Received: 13 June 2016

УДК 93/94

И.В. Лиджиева

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Исследуется процесс трансформации института местного самоуправления Калмыцкой степи в контексте реформ Временного правительства. В ходе исследования автор приходит к выводу о том, что отсутствие социально-экономической основы и политико-правовых гарантий реализации законодательных положений, проводимых реформ, а также непоследовательность правительства в достижении поставленных целей в совокупности с объективными обстоятельствами предопределили незавершенность преобразований и утрату как Временным правительством, так и созданными им органами местного самоуправления доверия населения.

Ключевые слова: местное самоуправление; Калмыцкая степь; Временное правительство.

Революционные события февраля 1917 г. в России привели к изменению формы государственного правления, свержению самодержавия и установлению буржуазной республики во главе с Временным правительством, председатель которого А.Ф. Керенский писал: «Мы создали не какой-нибудь английский или немецкий строй, а демократическую республику в полном смысле этого слова» [1. С. 3]. В наследство республиканским властям от многовековой монархической формы правления досталась страна, основные сферы общества которой находились в кризисном состоянии. Данная ситуация и обусловила вектор внутренней политики Временного правительства, характеризуемый преобразовательной деятельностью в различных областях жизнедеятельности государства, исключением не стало местное самоуправление. Как показывает практика, именно данный институт не раз доказывал свою эффективность, осуществляя социально-регулятивные функции в сложные периоды развития Российского государства. В марте 1917 г. в телеграмме Астраханскому губернскому комиссару председатель Временного правительства князь Львов, некогда возглавлявший Земгор, писал: «Обстоятельства настоящего момента побуждают Правительство обратить особое внимание на правильную организацию волостных комитетов в целях безостановочного хода дела для снабжения армии, поддержания общественного порядка, сохранения целостности зданий и всего делопроизводства волостных правлений» [2. Л. 5].

Предметом изучения в данной статье является процесс трансформации института местного самоуправления Калмыцкой степи в контексте реформ Временного правительства.

Ведущая роль в разработке концептуальных основ реформы местного самоуправления в России в мартеоктябре 1917 г. принадлежала Министерству внутренних дел и его структурным подразделениям: Земскому отделу, Главному управлению по делам местного хозяйства, Департаменту общих дел, а также
специально созданному при правительстве Особому
совещанию по реформе местного самоуправления и
управления. Следует отметить, что его деятельность
была очень плодотворной. Б.Б. Веселовский, рассматривая процесс реорганизации местного самоуправления, отмечал, что конечной целью реформирования
является создание «свободной самоуправляющейся

общины, способной сплотить вокруг себя население и передать ему действительную власть по управлению» [3. С. 78–79]. За 236 дней существования Временного правительства было разработано и принято 100 нормативных правовых актов, из них 44 - непосредственно регулирующих деятельность органов местного самоуправления. В ходе преобразований Временного правительства в сфере местного самоуправления произошло качественное его реформирование за счет расширения объема полномочий и компетенций органов самоуправления, а также количественное, путем расширения территории действия муниципальной власти. Так, земства были введены в Сибири, Архангельской, Семиреченской, Акмолинской и Астраханской губерниях. Один из исследователей местного самоуправления в России, рассматривая деятельность данного института с момента образования ее государственности, отмечал: «Очевидна невозможность управления, наведения порядка в России лишь из центра» [4. С. 69]. Несмотря на активное законодательное творчество Временного правительства, все же оно не успевало за стихийными процессами, инициируемыми непосредственно населением.

3 марта 1917 г. «Астраханский листок» [5. С. 5-6] официально сообщил о свержении самодержавия и переходе власти к Временному правительству как органу государственной власти в Российской республике. 5 марта Астраханский губернский исполнительный комитет предложил заведующему калмыцким народом Б.Э. Криштафовичу с целью создания новых органов управления созвать съезд представителей калмыцкого народа. Эти события происходили на фоне проявления инициативы народных масс, о чем свидетельствовали события 8 марта, произошедшие в поселке Калмыцкий Базар, где решением схода власть улусного попечителя была отменена и создан выборный исполнительный комитет, в состав которого вошли по одному представителю от национальных групп русских, калмыков и татар [6. С. 21]. Выборы представителей на съезд в Калмыцкой степи прошли в условиях повышения активности населения. Так, приговором Александровского улусного схода от 15 марта 1917 г., в работе которого участвовали 225 аймачных и хотонных старшин, а также выборных лиц, для «участия в обсуждении по выработке правил управления Калмыцкой степью и других важнейших вопросов», было принято решение делегировать на I съезд представителей калмыцкого народа от Тюменевского аймака зайсангов Бадма Ара Шонхорова и Надмеда Улюмджиева, от Сереб-Джаповского – Серебджаб Тюменя и Урая Кичикова. «Избранные выше лица вполне заслуживают нашего доверия и уполномочиваем их сим приговором доложить съезду о нуждах и потребностях, и мы всему тому, что они предпримут на съезде верим и прекословить не будем» [7. Л. 2] (здесь и в последующих цитатах из архивных документов сохранена орфография и пунктуация источника).

На І съезде калмыцких представителей, работа которого прошла 26-31 марта, под председательством бывшего заведующего калмыцким народом Б.Э. Криштафовича и секретаря Н. Дулаханова основным вопросом являлось упразднение власти попечителей в Калмыцкой степи. Интересен состав съезда – наряду с национальной интеллигенцией простолюдинов по происхождению: присяжный поверенный С. Баянов, помощник присяжного поверенного Н. Очиров, врачи С. Хадылов, У. Душан, Э. Хара-Даван, ветеринарные врачи О. Босхомджиев и Н. Дулаханов, народный учитель А. Чапчаев; в съезде также принимала участие калмыцкая аристократия: князь Данзан (Дмитрий) Тундутов, нойон Малодербетовского улуса, князь Серебджаб Тюмень нойон Хошеутовского улуса, нойон Буйнтуков, зайсанг Цебек Джал Онкоров, зайсанг Икицохуровского улуса Церен Бадмаев, зайсанг Маныческого улуса Эренджен Кармаков Шарапов, зайсанг Хошеутовского улуса Бадма-Ара Шонхоров. Как отмечал Ф.И. Плюнов, «этот первый съезд калмыков представлял довольно любопытное явление, как по своему составу, так и по полной свободе мыслями. Полный широкий простор открылся для горячих речей Калмыцкой молодой интеллигенции, впервые объединившейся для общей политической и общественной работы на благо своему народу» [8. Л. 44].

25 марта 1917 г., накануне начала съезда, чиновники Управления калмыцким народом раздавали листовки «Воззвание к свободным гражданам-калмыкам от Управления калмыцким народом к 25-летию освобождения от крепостной зависимости (16 марта 1892 г. – 16 марта 1917 г.)». Содержание листовки носило либеральный характер: «Свободный трубный звук раздался по всей России, ко всем народам он направлен и к вам калмыки-простолюдины!... Вы теперь призываетесь не только рыть окопы, но и к созданию нового управления и удовлетворению своих нужд. Будьте гражданами свободной России, где каждый народ получил свои права!» [Там же. Л. 44 об.].

Результаты работы съезда представителей калмыков Астраханского края в Калмыцкой степи отражены в его постановлениях и затрагивают основные проблемные стороны жизнедеятельности калмыцкого общества, что позволяет отметить компетентность и полное владение информацией их составителей. Вопервых, упразднялся институт попечительской власти; во-вторых, учреждалось местное самоуправление на началах общего, равного, тайного и прямого избирательного права. Структура органов власти, опиравшаяся на административно-территориальный прин-

цип, предусматривала учреждение Центрального комитета по управлению калмыцким народом Астраханского края в составе пяти человек, который бы исполнял функции прежнего органа - Управления калмыцким народом. Следующей ступенью во властной иерархии были Улусные исполнительные комитеты, кадровая численность которых составляла от 2 до 5 человек, а также плюс 2 кандидата, избираемых улусным сходом, в функции которых входило исполнение прав и обязанностей улусных попечителей или заведующих улусами. Далее в аймаках учреждались аймачные исполнительные комитеты в составе не менее 3 лиц и не менее 2 кандидатов к ним, избираемых аймачным сходом, с присвоением прав и обязанностей аймачных старшин, хотонных старост. Следует отметить, что выборы в состав улусных и аймачных комитетов проводились вне зависимости от сословного и национального происхождения и, как отмечает А.И. Наберухин, «Временное правительство относило их к категории "самочинных", т.е. созданных самим народом, организаций» [9. С. 6]. О результатах выборов улусного схода сообщалось в Центральный комитет, последний, в свою очередь, мог выразить свое мотивированное несогласие с выбором улусного схода и предложить созвать новый сход для пересмотра вопроса о личном составе улусного комитета. При этом постановление вторичного схода в отношении выбора тех лиц протесту со стороны Центрального комитета не подлежало. Выборы председателей улусных и аймачных комитетов производились постановлением лиц, избранных в состав соответствующего Исполнительного комитета.

Следующий архиважный вопрос, по мнению участников съезда, – это просвещение населения, что является первейшей культурной обязанностью всех общественных организаций, в связи с чем улусным и аймачным обществам было поручено изыскать средства с целью увеличения в предстоящем учебном году количества воспитанников и воспитанниц в улусных и аймачных школах-интернатах до предельной нормы. Кроме того, на рассмотрение аймачных обществ было вынесено предложение о присвоении аймачным капиталам специального назначения исключительно для нужд народного образования, а также о возбуждении ходатайства о передаче начальных школ в ведение Министерства народного просвещения.

Организация продовольственного дела на местах была поручена улусным и аймачным комитетам. Финансирование продовольственного вопроса было возложено на аймачные ссудо-вспомогательные кассы. В тех аймаках, где таковых не было, аймачным комитетам рекомендовалось решать финансовую часть продовольственной проблемы путем созыва аймачных сходов, возвращаясь к уже проверенному временем методу круговой поруки.

Центральному комитету было поручено разработать проект неотложных мероприятий в области самоуправления, земельной, народно-хозяйственной и общекультурной для учредительного собрания и законодательных учреждений. Финансовая сторона организуемого местного самоуправления была одной из краеугольных в условиях нерешенности вопросов землепользования. Протестные движения крестьян отразились на состоянии общественного калмыцкого капитала в связи с их отказом от уплаты арендных сумм за оброчные статьи.

Избранные члены Центрального комитета распределили между собой обязанности следующим образом: председатель — Б.Э. Криштафович, товарищ председателя Н. Очиров — продовольственное дело; члены: С. Баянов — вопросы землепользования, князь Д. Тундутов — вопросы коневодства, князь Б. Тюмень — финансовые вопросы.

Затем Центральный комитет издал Наказ органам улусного управления и самоуправления, в основе которого было Положение об управлении калмыцким народом 1847 г. В преамбуле Наказа полномочия распределены следующим образом: «В пределах улуса дела административные и местного самоуправления сосредотачиваются в улусных исполнительных комитетах, дела же хозяйственные ведаются улусными сходами» [8. Л. 62]. Часть первая документа «Улусный сход» содержит 10 статей, посвященных вопросам формирования, предметам ведения, процедуре проведения, условиям легитимности принятых решений.

Вторая часть «Улусный исполнительный комитет» включает 9 статей, регулирующих правовой статус органа административного и одновременно органа самоуправления улуса.

Члены Центрального комитета выступили с инициативой объединения астраханских калмыков с калмыками Большедербетовского улуса Ставропольской губернии, Сальского округа Донской области и Кумского аймака Терской области.

Центральный комитет принял постановление, одним из пунктов которого было решение о возбуждении ходатайства перед Временным правительством о признании Калмыцкой степи областной единицей и о введении земства. В телеграмме от 12 июня 1917 г. товарищу министра внутренних дел Щепкину отмечалось, что съезд представителей калмыков Астраханской, Ставропольской губерний и Терской области постановил административную разрозненность калмыцкого народа с культурно-экономической точки зрения признать явлением, безусловно, вредным и объяснимым случайным историческим недоразумением. Ввиду новых политических условий отечественной жизни и возвещенных Временным правительством начал съезд признает ценным и желательным, в интересах культурного процветания калмыцкого народа и широкого экономического развития его, образование одной калмыцкой самоуправляющейся областной единицы всего калмыцкого народа с представлением каждой составной части самого широкого права местного управления и самоуправления [10. Л. 120].

Временное правительство, заслушав личный доклад командированного в Петроград Криштафовича, удовлетворило ходатайства Центрального комитета и назначило последнего Правительственным Комиссаром. Газета «Астраханский листок» в этом же месяце отмечала, что «переворот сам собою подсказал переход к самоуправлению, выдвинув в основу общественного строительства принципы полной демократизации» [11. С. 2].

По завершении работы съезда было проведено торжественное шествие его участников в сопровождении оркестра со знаменем по городу Астрахани к зданию Городской Думы. В описании Ф.И. Плюнова на знамени были изображены по красному фону лучи восходящего солнца и надпись «СВОБОДА, РАВЕНСТВО И ПРАВО», а еще ниже, по самому краю, прикреплена калмыцкая икона на полотне с изображением божества [8. Л. 6]. Эскиз знамени был разработан художником В.Б. Варганек-Вальдовским при участии представителей съезда, а изображение божества было пришито по настоянию духовенства.

По завершении работы съезда на протяжении апреля-мая 1917 г. в улусах и аймаках решением сходов были избраны исполнительные комитеты, Зарго и полицейские стражники были заменены на народную милицию, а следственные дела улусов были переданы судебному следователю. Архивные материалы позволяют констатировать активность населения в избирательном процессе по формированию исполнительных комитетов, а также в решении вопросов местного значения. Например, Эркетеновский улусный сход, состоявшийся на урочище «Джамбыш» 12 апреля 1917 г. в составе аймачных старшин, хотонных старост и выборных лиц от 20 кибиток, «имели суждение об упразднении попечительской власти и замене ея улусным Исполнительным комитетом» [12. Л. 1]. Другой документ содержит уже процедуру реализации вышеуказанного решения. Так, постановлением от 26 апреля 1917 г. Центральный комитет предложил попечителю Эркетеновского улуса П.А. Муликовскому «сдать установленным порядком улусному комитету дела, денежную кассу и имущество; по сдаче прибыть в город Астрахань, донеся в последующем Центральному комитету с представлением передаточных описей» [Там же. Л. 7]. 30 мая Эркетеновский улусный исполнительный комитет сообщает в Центральный исполнительный комитет о том, что «аймачные комитеты в улусе сформированы» [Там же. Л. 13].

Локальными нормативными актами регулировались процессуальные стороны деятельности местного самоуправления. Так, с целью установления планомерной деятельности улусного Исполнительного комитета постановлением Временного исполнительного комитета Икициохуровского улуса от 23 мая 1917 г. учреждались еженедельные заседания Комитета, при этом «в случаях разрешения вопросов, касающихся общеулусного или общественного характера, заседание улусного комитета может быть открываемо во всякое время в полном составе и в экстренном порядке»; местом постоянного жительства членов исполкома была определена ставка улуса [13. Л. 39].

В улусных и аймачных комитетах велся учет сведений о личном составе по форме, отраженной в табл. 1.

Таблица 1 Форма учета сведений о личном составе

No	Долж- ность, имя, отчество и фами- лия	Возраст	Образо- ватель- ный ценз	Нацио- наль- ность	Место прежней службы	Профес- сия

В состав улусных и аймачных исполнительных комитетов Эркетеновского улуса на 1 июня 1917 г. входил 21 человек, средний возраст которых составлял 31,1 лет. 62% всего состава Исполнительного комитета окончили Калмыцкое училище, 19% имели образование на уровне улусной школы и еще 19% овладели грамотой в домашних условиях. На момент формирования исполнительных комитетов 52% всего состава имели опыт работы в управленческих структурах: например, аймачный старшина, хотонный староста, писарь, переводчик и т.д. В Икицохуровском улусе ситуация была немного хуже; так, в состав исполнительных комитетов вошли люди, не имевшие образования (30%), в числе образованных значились 7%, имевших домашнее образование. Средний возраст членов исполнительных комитетов по улусу составлял 34 года, при этом только 48% имели опыт работы, как и в Эркетеновском улусе [14. Л. 31–34]. Данные показатели позволяют сделать вывод о том, что в Калмыцкой степи ощущался острый дефицит грамотных людей. Отказавшись от попечительской опеки, новая власть вынуждена была приглашать специалистов прежней власти: например, председателем Эркетеновского улусного комитета был избран Василий Иванович Елин, а Хошеутовского - Николай Михайлович Рысин.

Согласно телеграмме ЦИК УКН Малодербетовскому исполнительному улусному комитету о порядке составления избирательных списков от 15 июля 1917 г. сведения об избирателях составлялись на основании семейных списков продовольственной сельскохозяйственной переписи [15. Л. 27]. Согласно Постановлению Временного правительства «О производстве выборов губернских и уездных земских гласных» от 21 мая 1917 г. [16. Л. 4-12] в выборах могли участвовать дееспособные граждане, достигшие 20 лет и проживающие в пределах избирательного округа. К выборам не допускались представители духовенства, лица, имеющие психические заболевания, а также осужденные по приговору суда и по истечении трех лет по отбытию наказания. Подготовку к выборам можно рассмотреть на примере деятельности Шарнутовской аймачной избирательной комиссии. Так, избирательные списки составлялись в алфавитном порядке по стандартной форме: порядковый номер, фамилия или прозвище избирателя, его имя и отчество, возраст, пол, место жительства, род занятий. В течение 10 дней можно было заявлять протесты по поводу неправильности или неполноты сведений, содержащихся в списке. Аймачные комитеты в трехдневный срок рассматривали протесты, удовлетворяли их или отказывали как не заслуживающие внимания. Лица, своевременно не включенные в избирательные списки, вносились в особый дополнительный список. избирательный Избирательные оформлялись в трех экземплярах, «один из которых вывешивался в помещении аймачного исполнительного комитета, а также в других местах доступных для обозрения, другой затем должен быть отослан с нарочным Комиссару на просмотр. Третий экземпляр отправлялся с нарочным в Прикаспийскую окружную избирательную комиссию» [16. Л. 2]. С момента образования окружных и участковых избирательных комиссий действия аймачных избирательных комиссий прекращались. «Обращаясь к вопросу об образовании избирательных округов, Улусный комитет признал, что, в целях обеспечения успешного и правильного хода сложного избирательного производства и в виду исключительных условий степной жизни, - наиболее целесообразным представляется образование из каждого существующего аймака отдельного избирательного округа, но без подразделения на избирательные участки» [Там же. Л. 12]. Информация о количестве избирательных округов и их составе направлялась также в Центральный исполнительный комитет. По результатам работы избирательных комиссий секретарем Центрального исполнительного комитета Ф.И. Плюновым на сентябрь 1917 г. была сформирована справка в виде таблицы по введению земских учреждений в Калмыцкой степи [15. Л. 36]. В данном документе указаны статистические данные, характеризующие избирательную кампанию в улусах Калмыцкой степи (табл. 2).

. Таблица 2 Информация по введению земских учреждений

Название улуса	Число улу- сных глас- ных	Число глас- ных Степ- ного Зем- ского Собра- ния	Число избира- телей	Число избира- тель- ных округов	Число избира- тельных участков	Срок выборов
Яндыко- Мочажный	30	6	19 750	5	7	4 октяб- ря
Александро- Багацоху- ровский	23	3	2 616	2	2	23 сен- тября
Хошеутов- ский	23	3	4 632	2	7	28 сен- тября
Калмыцкий Базар	-	-	1 500	-	-	-
Маныческий	25	5	10 089	3	10	25 сен- тября
Икицохуров- ский	23	4	6 063	4	8	5 октяб- ря
Харахусов- ский	23	3	5 000	1	4	5 октяб- ря
Малодербе- товский	30	6	12 449	5	10	26 сен- тября
Эркетенов- ский	23	3	5 501	4	4	7 октяб- ря
Итого			67 600		52	

Выборы производились закрытой баллотировкой. Результаты избирательной кампании, проходившей 19 июня 1917 г. в ставке Хошеутовского улуса на урочище Золотой Бугор, отражены в табл. 3 [17. Л. 44–48].

24—25 июля 1917 г. в Астрахани в здании Управления калмыцким народом состоялся II съезд представителей калмыцкого населения Астраханского края. Атмосфера, царившая на съезде, была передана в газете «Астраханский листок»: «Введение земства было встречено калмыками в высшей степени сочувственно, так как новое самоуправление построено на демократических началах, принесет калмыцкому народу, помимо права управлять самому своими де-

лами, еще образование, культуру и разрешение многих острых вопросов степного быта» [18. Л. 9]. Для решения вопросов территориального объединения, финансового, продовольственного и других в связи с введением земских учреждений в Калмыцких степях прибыли 116 представителей от всех улусов, за исключением Александровского, астраханских калмыков, 2 — Кумских, 9 — Большедербетовских, 9 — Сальских и Донских, но последние не имели права решающего голоса. Съезд избрал председателем Б.Э. Криштафовича и секретарем — секретаря Центрального комитета Ф.И. Плюнова [19. Л. 3].

Таблица 3 Счетный лист

	Количество	Количество
ФИО	избирательных	неизбиратель-
	шаров	ных шаров
Рысин Н.М., кандидат на должность Председателя Хошеутовского улусного исполнительного комитета	44	11
Эрдени-Ара Кекеев, кандидат в члены комитета	52	2
Очир Эльдяшев, кандидат в члены комитета	45	9
Хохол Нимгиров, кандидат в члены комитета	44	13
Тюрбя Ностаев, кандидат в члены комитета	42	12
Саранг Тюрбеев, кандидат в члены комитета	41	14

По завершении работы съезда было вынесено постановление: «1) образовать в Калмыцкой степи шесть земских участков (Малодербетовский, Маныческий, Яндыко-Мочажный, Эркетеновский к которому присоединить Кумской аймак, Икицохуро-Харахусовский и Багацохуро-Хошеутовский с Калмыцким Базаром)».

Следует отметить, что в первом варианте постановлением Временного правительства от 1 июля 1917 г. земских участков было определено 8 согласно существующему административно-тер-риториальному делению, а затем телеграммой от 11 августа за № 9/2628 заместитель министра внутренних дел Авинов уведомил, что Временное правительство утвердило постановление съезда о создании 6 земских участков. Пункт второй постановления съезда содержал решение об издании на земские средства газеты «Ойратские известия», которая выпускалась на калмыцком языке до начала Гражданской войны. Третьим пунктом было зафиксировано решение о введении в калмыцких улусных школах преподавания буддийского вероучения [20. Л. 68].

Одновременно со II съездом представителей калмыцкого народа состоялся Съезд представителей духовенства и мирян Астраханских, Ставропольских, Донских и Терских калмыков, созванный согласно предложению от 1 июня 1917 г. за № 2783 Комиссара Временного правительства по духовным делам иновероисповеданий. странных По утверждению Ф.И. Плюнова, именно делегаты этого съезда, собравшись 22 июля на Калмыцком Базаре на заседание, носившее секретный характер, решили вопрос о переходе калмыков в казачество, что уже в сентябре 1917 г. окончательно было решено. Так, Центральный комитет по управлению калмыцким народом был переименован в Войсковое Правительство, улусные земские управы - в Войсковые окружные правления, председатели Управления - в Окружные атаманы и члены Областного Земского собрания - в члены Малого Законодательного Войскового Круга калмыцкой части Астраханского (Волжского) Казачьего Войска [21. Л. 74-76].

Таким образом, преобразовательная деятельность Временного правительства в системе управления государством предоставила населению Калмыцкой степи право на местное самоуправление. А.И. Наберухин отмечал: «Никогда ранее в истории не было столь широких политических свобод в Калмыкии. Рухнуло попечительство — административно-политический атрибут царского самодержавия на калмыцких землях. Не только в хотонах и аймаках, но и в улусах, а также к центральному управлению Калмыцкой степью пришли выборные представители, преимущественно коренной национальности. Сами выборы, особенно на нижних ступенях, явочным путем превращались в прямые и всеобщие» [22. С. 83].

Между тем отсутствие социально-эконо-мической основы и политико-правовых гарантий реализации законодательных положений, проводимых реформ, а также непоследовательность правительства в достижении поставленных целей в совокупности с объективными обстоятельствами предо-пределили незавершенность преобразований и утрату как Временным правительством, так и созданными им органами местного самоуправления доверия населения. 12 августа 1917 г. Временное правительство на Государственном совещании заявило о том, что оно отказывается от социальных и земельных реформ, от каких бы то ни было посягательств на частную собственность отдельных групп и сословий и будет продолжать войну до победного конца. Данная позиция предопределила усиление влияния власти Советов.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Речь А.Ф. Керенского, военного и морского министра, товарища Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 29 апреля на совещании делегатов фронта. М., 1917.
- 2. Национальный архив Республики Калмыкия (далее НА РК). Ф. И-4. Оп. 3. Д. 2.
- 3. Веселовский Б.Б. Реформа управления и самоуправления в 1917 г. // Сборник муниципальных знаний / под ред. В.В. Весловского. М., 1918. Вып. 3.
- 4. Петров М.Н. Городское самоуправление в России // Сборник муниципальных знаний / под ред. Б.Б. Веселовского. М., 1918. Вып. 3.
- 5. Астраханский листок. 1917. № 4 (17 марта).
- 6. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 479 с.
- 7. Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (далее НА КИГИ РАН). Ф. 4. Оп. 2. Д. 137.
- 8. НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 137.

```
9. Наберухин А.И. Араши Чапчаев. Элиста, 1990.

10. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 398. Оп. 2. Д. 81.

11. Астраханский листок. 1917. № 1 (1 июля).

12. НА РК. Ф. И-4. Оп. 3. Д. 6.

13. НА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 4.

14. НА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 4.

15. НА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 7.

17. НА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 7.

17. НА РК. Ф. И-4. Оп. 2. Д. 2.

18. НА РК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 1.

19. НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 136.

20. НА РК. Ф. И-4. Оп. 3. Д. 40.

21. НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13.

22. Наберухин А.И. Калмыкия в трех российских революциях. Элиста: Калмыцк. книж. изд-во, 1987. 159 с.
```

Статья представлена научной редакцией «История» 4 августа 2016 г.

LOCAL GOVERNMENT OF THE KALMYK STEPPE IN THE PROVISIONAL GOVERNMENT ACTIVITIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 108–113.

DOI: 10.17223/15617793/410/17

Irina V. Lidzhieva, Kalmyk Institute for Humanities, RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: irina-lg@yandex.ru Keywords: local government; Kalmyk steppe; Provisional Government.

The subject of this article is the transformation of the Kalmyk steppe local self-government institution in the context of the reforms of the Provisional Government. The reforming activities of the Provisional Government in the government of the state granted the right to local self-government to the population of the Kalmyk steppe. The I and II Congresses of representatives of the Kalmyk people of Astrakhan and Stavropol Provinces and Terskaya Oblast in the Kalmyk steppe abolished the institute of the trustee power and established local self-government on the basis of the general, equal, secret and direct suffrage. Capable citizens aged 20 and older living within constituencies could participate in elections. Representatives of clergy, persons with mental diseases, convicts under sentence of court and after three years on punishment departure were not allowed to elections. Archival materials show the activity of the population in the electoral process on forming of executive committees, and also in the solution of questions of local value. During elections Ulus and Aimak Executive Committees, which were bodies of managerial control and territorial self-government, were established. The resolution of the II Congress of the Kalmyk people representatives contained a decision on the issuing of the Oyratskiye Izvestiya newspaper in the Kalmyk language, funded by the territorial authorities, published until the Civil War, and also the decision on the introduction of Buddhist dogma teaching in Kalmyk ulus schools. The Central Committee was to develop a project of urgent actions in the field of self-government, land, economy and common culture for the constituent assembly and legislative institutions. The financial side of the organized local self-government was one of the key problems in the suspense of the questions of land use. Protest movements of peasants influenced the condition of the Kalmyk social capital in connection with their refusal to pay rent amounts for quitrent items. Meanwhile, the lack of a social and economic basis and political legal guarantees of legislative provisions and reforms implementation, the inconsistency of the government in achieving effective objectives as well as objective circumstances predetermined the incompleteness of transformations and the loss of people's trust both by the Provisional Government and its local government bodies.

REFERENCES

- 1. Kerensky, A.F. (1917) Rech' A.F. Kerenskogo, voennogo i morskogo ministra, tovarishcha Petrogradskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov, 29 aprelya na soveshchanii delegatov fronta [The speech of A.F. Kerensky, War and Navy Minister, comrade of the Petrograd Soviet of worker and soldier deputies, on 29 April at a meeting of delegates to the front]. Moscow.
- 2. National Archive of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-4. List 3. File 2. (In Russian).
- 3. Veselovskiy, B.B. (1917) Reforma upravleniya i samoupravleniya v 1917 g. [The reform of government and self-government in 1917]. In: Veselovskiy, B.B. (ed.) Sbornik munitsipal 'nykh znaniy [Collection of municipal knowledge]. Vol. 1. Issue 3. Petrograd: V.A. Berezovskiy.
- 4. Petrov, M.N. (1917) Gorodskoe samoupravlenie v Rossii [Municipal government in Russia]. In: Veselovskiy, B.B. (ed.) *Sbornik munitsipal nykh znaniy* [Collection of municipal knowledge]. Vol. 1. Issue 3. Petrograd: V.A. Berezovskiy.
- 5. Astrakhanskiy listok. (1917) 4 (17 March). (In Russian).
- 6. Ustyugov, N.V. et al. (eds) (1967) Ocherki istorii Kalmytskoy ASSR. Dooktyabr'skiy period [Studies in the History of the Kalmyk ASSR. Pre-October period]. Moscow: Nauka.
- 7. Scientific Archive of the Kalmyk Institute for Humanities Research, RAS (NA KIGI RAN). Fund 4. List 2. File 137. (In Russian).
- 8. Scientific Archive of the Kalmyk Institute for Humanities Research, RAS (NA KIGI RAN). Fund 4. List 2. File 137. (In Russian).
- 9. Naberukhin, A.I. (1990) Arashi Chapchaev. Elista: Kalm. kn. izd-vo. (In Russian).
- 10. State Archive of the Russian Federation. Fund 398. List 2. File 81. (In Russian).
- 11. Astrakhanskiy listok. (1917) 1 (1 July).
- 12. National Archive of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-4. List 3. File 6. (In Russian).
- 13. National Archive of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-4. List 3. File 5. (In Russian).
- 14. National Archive of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-4. List 1. File 4. (In Russian).
- 15. National Archive of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-4. List 1. File 8. (In Russian).
- 16. National Archive of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-4. List 1. File 7. (In Russian).
- 17. National Archive of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-4. List 2. File 2. (In Russian).
- 18. National Archive of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund R-49. List 1. File 1. (In Russian).
 19. Scientific Archive of the Kalmyk Institute for Humanities Research, RAS (NA KIGI RAN). Fund 4. List 2. File 136. (In Russian).
- 20. National Archive of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-4. List 3. File 40. (In Russian).
- 21. Scientific Archive of the Kalmyk Institute for Humanities Research, RAS (NA KIGI RAN). Fund 4. List 3. File 13. (In Russian).
- 22. Naberukhin, A.I. (1987) Kalmykiya v trekh rossiyskikh revolyutsiyakh [Kalmykia in three Russian revolutions]. Elista: Kalmytsk. knizh. izd-vo.

Received: 04 August 2016

УДК 001.32:061.2

Р.К. Мальцев

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИБИРСКОЙ АССОЦИАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА

Статья посвящена анализу деятельности Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства, члена Международной Федерации организаций по наскальному искусству, участника в деле сохранения и популяризации уникального археологического источника — петроглифов — не только на территории Российской Федерации, но и за ее пределами. Автором анализируется двадцатилетняя история ассоциации. Освещаются основные направления деятельности, современное состояние и перспективы развития.

Ключевые слова: Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства; археология; петроглифы; история.

В преддверии предстоящего юбилея Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства (далее – САИПИ), которой в ноябре 2017 г. исполнится 20 лет со дня образования при Кемеровском государственном университете, мы попытались обобщить опыт ее деятельности по сохранению и популяризации наскального искусства.

Идеи создания организации, которая сплотила бы научное сообщество с целью изучения, сохранения и популяризации памятников наскального искусства, возникли во второй половине XX столетия. Так, в апреле 1990 г. по инициативе координатора Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС) М.А. Дэвлет состоялась конференция «Актуальные проблемы изучения наскальных изображений в СССР», на которой было засвидетельствовано оформление нового самостоятельного научного направления в отечественной науке, занимающегося изучением наскального искусства [1. С. 202]. Именно в процессе работы конференции был поставлен вопрос о создании на территории нашей страны профессиональной ассоциации специалистов по наскальному искусству. Хотя данное предложение и было единогласно поддержано, создание такого объединения затянулось на долгие годы.

Вновь к идее образования подобной структуры вернулись во второй половине 1990-х гг., когда в выступлениях видных отечественных археологов (Я.А. Шер, Д.Г. Савинов и др.) снова стали подниматься вопросы исследования и сохранения памятников наскального искусства, а также консолидации профессионального сообщества. В этот раз идея достигла логического завершения. В начале 1997 г. была образована САИПИ. Был выработан механизм управления Ассоциацией, главным органом которой было утверждено Общее Собрание членов Ассоциации. В период между Собраниями руководство организацией возложено на Правление, состоящее из президента, вице-президентов, ученого секретаря и казначея. Первым президентом САИПИ был избран известный специалист в области археологии и первобытного искусства, доктор исторических наук, профессор Я.А. Шер. Проходившая 3-8 августа 1998 г. по инициативе кафедры археологии КемГУ и САИПИ Международная конференция по первобытному искусству при поддержке ЮНЕСКО закрепила образование Ассоциации и полномочия президента. Так была образована одна из первых организаций на территории России, объединяющая специалистов не только по наскальному искусству, но и археологии, музееведению, культурологии и искусствоведению.

Стоит отметить, что закрепить авторитет Ассоциации помогло вступление в ее ряды и активно участвующих и сегодня Я.А. Шера, Д.Г. Савинова, А.И. Мартынова, М.А. и Е.Г. Дэвлет, О.С. Советовой, Э. Якобсон, В.В. Боброва, Н.В. Леонтьева и многих других.

В качестве основной цели САИПИ было утверждено всемерное содействие изучению, сохранению и популяризации первобытного искусства.

В настоящее время предметом интересов, входящих в САИПИ исследователей, являются все аспекты, касающиеся памятников первобытного искусства, такие как изучение их научной, историко-культурной и эстетической ценности; культурно-хронологическая атрибуция и семантика; документирование и каталогизация, консервация и сохранение; музеефикация и экспозиционно-выставочная деятельность; публикация; введение памятников в научный оборот; популяризация; культурный туризм [2. С. 10].

Этапом расцвета САИПИ можно считать начало 2000-х гг. Именно в это время САИПИ была принята в Международную федерацию организаций по наскальному искусству (далее – ИФРАО), включающую в себя 39 международных организаций по наскальному искусству. Члены САИПИ были активно вовлечены в деятельность ИФРАО. Так, Я.А. Шер вошел в Совет и редколлегию ИФРАО [3. С. 3].

Начиная с 2000-х гг. одним из ведущих и основных направлений деятельности САИПИ являются инициирование и проведение мероприятий по сохранению и музеефикации памятников первобытного искусства. В 2002 г. САИПИ получила грант на проект, направленный на изучение и сохранение памятников наскального искусства Минусинской котловины. Так, в августе того же года, при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в Хакасии был проведен международный полевой семинар «Сохранение, консервация и музеефикация памятников наскального искусства», на котором был обозначен проект, включающий следующие направления деятельности: проведение архивных и музейных изысканий, проведение мероприятий по оценке состояния памятников наскального искусства Енисея, разработка проекта консервации, реставрации и музеефикации [1. С. 204]. Летом 2002 г. САИПИ была проведена комплексная экспедиция по обследованию сохранности крупнейших памятников Среднего Енисея (Оглахты, Шалаболино, Суханиха, Мосеиха, Тепсей, Куня, Большая и Малая Боярские, Абакано-Перевозная). В ходе экспедиционных работ были выявлены последствия влияния антропогенных и природных факторов, определена степень сохранности [4. С. 8].

Работа над проектом была продолжена и в дальнейшем. В 2003 г. САИПИ удалось получить грант от Ford Motor Company. К работе над проектом «Сохранение памятников наскального искусства Южной Сибири» помимо членов самой САИПИ были подключены сотрудники Кемеровского государственного университета, государственного НИИ реставрации, Кемеровского областного музея изобразительного искусства, Государственной археологической службы Хакасии. Основными памятниками, на которых была сосредоточена деятельность исследователей, являлись Сулек (Республика Хакасия) и Мосеиха (Красноярский край).

В ходе работ были апробированы новые методы работы на памятниках наскального искусства: на Сулеке, например, произведено очищение скальной поверхности памятника от красителей, оставленных туристами, а также сооружен специальный водоотводный козырек. С сожалением следует констатировать, что не всегда такие усилия вознаграждаются - не успели археологи уехать с памятника, как козырек был разрушен. Тем не менее этот опыт позднее был перенесен и на другие памятники, в частности, имеется хороший опыт сооружения водоотводов на Томской писанице [1. С. 106]. Также участниками экспедиции были выполнены работы по закреплению отслаивающейся скальной корки по методу «отбортовки», т.е. методом, когда крепление корки производится за счет прикрепление корки не внутри образовавшейся пустоты, а по ее краям.

На другом месте работ - горе Мосеиха - были выполнены мероприятия по очистке следов, оставленных обывателями, произведены мероприятия с целью определения конструкций инженерных сооружений. Следует отметить, что работы производились не только на вышеупомянутых местонахождениях, но и на Тепсее, где было произведено фотодокументирование состояния сохранности памятника, смыта краска с одной из выразительных плоскостей с рисунками, расположенной в устье Волчьего лога [5. С. 59-61]. Этот проект САИПИ, в задачу которого входили реставрационно-консервационные мероприятия, был первым на территории Минусинской котловины. Другим проектом САИПИ, направленным на сохранение, музеефикацию и популяризацию наскального искусства, стал начатый в 2014 г. проект «Листы каменной книги», осуществленный при финансовой поддержке благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко. Цель проекта - повышение туристической привлекательности музея в с. Полтаков (Республика Хакасия). Уникальность музея заключается в собрании на его территории более 90 курганных плит с рисунками обширного хронологического диапазона. Одной из главнейших задач проекта была очистка плит от лишайника, разрушающего рисунки. В результате были очищены более 20 плит, с целью предотвращения образования лишайника некоторые плиты были поставлены на постаменты. Отметим, что в настоящее время данные работы продолжаются, ведется мониторинг состояния каменных плит.

В 2004 г. САИПИ совместно с Институтом археологии РАН провела полевой семинар «Документирование и мониторинг памятников наскального искусства: история, проблемы, перспективы», посвященный 150-летию со дня рождения выдающегося исследователя первобытного искусства А.В. Адрианова. Семинар был проведен в Абакане на базе ХакНИИЯЛИ. Во время его проведения были высказаны идеи о составлении списка памятников Минусинской котловины, нуждающихся в экстренных мероприятиях по их спасению. В ходе семинара участниками были осмотрены Боярские писаницы, Куня, Усть-Туба, Бычиха, Потрошиловская, Суханиха, Майдашинская, Коровий Лог, Седловина, Шишка. Результатом семинара стала работа над методикой мониторинга памятников наскального искусства [6. С. 62-64].

Обобщая опыт ассоциации, нельзя не упомянуть о другом немаловажном направлении в ее деятельности - популяризации наскального искусства, в том числе в Интернете. В 1998 г. при поддержке института «Открытое общество» (Фонд Сороса) была предпринята попытка создания Виртуального музея первобытного искусства. Особенностью такого музея стала возможность создания музейных экспозиций на основе экспонатов, зачастую находящихся друг от друга на расстоянии. Стоит отметить, что данный сайт действует и сегодня: http://vm.kemsu.ru/. Идея создания виртуального музея, где были бы собраны различные артефакты, была весьма интересна и удачна. К сожалению, работа по наполнению данного сайта и соответствующих каталогов была остановлена по финансовым причинам.

Другой попыткой САИПИ в деле популяризации и доступности памятников наскального искусства стала работа над созданием в 2003 г. электронного каталога «Памятники наскального искусства Сибири». Была разработана общая концепция, определен стандарт словесного и визуального представления, подготовлена тестовая версия ресурса. В каталог были внесены материалы по памятникам Минусинской котловины, Притомья, Алтая, Тувы и Чукотки [7. С. 53–54]. Мы вынуждены констатировать факт, что работа над данным интернет-ресурсом также была прекращена, как и над предшествующим проектом САИПИ.

Более удачным направлением работы ассоциации является выставочная деятельность, подъем которой пришелся на время, когда САИПИ руководила Е.Г. Дэвлет. Так в 2005–2007 гг. были проведены выставки: «Древнее искусство на скалах» (Иркутск, май-сентябрь 2005 г.), «Мир наскального искусства» в выставочном зале Российского государственного гуманитарного университета (октябрь—ноябрь 2005 г.), «Наскальное искусство Центральной Азии» в историко-культурном музее-заповеднике г. Чолпон-

Ата, Кыргызстан (май 2006 г.), выставка, посвященная 100-летию открытия Тугальской писаницы (Краеведческий музей г. Юрга, май 2006 г.), «Древнее золото Великой степи» (Музейно-выставочный комплекс в г. Салехард, ноябрь 2006 – март 2007 г.), «Чукотка. Страницы хроники, запечатленные в камне» (в Итальянском институте культуры, октябрь, 2006 г.), «На скалах Чукотки» (в Политехническом музее в Москве, февраль-март 2007 г.), «На скалах Чукотки и Беломорья» (Музей истории Санкт-Петербургского университета, апрель-май 2007 г.), «Древнее искусство на скалах» (в Областном музее изобразительных искусств г. Кемерово, ноябрь 2007 г.). Сегодня данное направление также не сбавляет темпов; так, в 2009 г. ассоциацией совместно с музеем «Томская писаница» была проведена выставка «Люди, духи, вера» и в 2016 г. – «Наскальное искусство Сибири».

Пожалуй, одним из наиболее продуктивных направлений деятельности САИПИ за почти двадцатилетнюю историю является ее издательская деятельность. С 1998 по 2005 г. выходил «Вестник САИПИ», в котором на двух языках публиковались статьи о наскальном искусстве, информация о полевых работах, аннотации новых изданий, сведения о конференциях, в общем, все, что может волновать профессиональное сообщество. Особо следует отметить первый выпуск Вестника, в котором было опубликовано обращение, характеризующее основную цель, стоящую перед организацией: Мы (т.е. члены ассоциации) будем в меру своих сил стремиться противостоять разрушению или порче памятников наскального искусства и способствовать их охране и исследованию [8. С. 1]. Другим периодическим печатным изданием являются «Труды САИПИ», в которых собраны полноценные статьи, отражающие научные изыскания их авторов. Сегодня в свет вышли 10 выпусков «Трудов САИПИ». Исходя из содержания сборников, мы можем сделать смелый вывод, что «Труды САИПИ» это уникальное издание, где представлен передовой опыт в плане изучения наскального искусства, в частности документирования, консервации, музеефикации и работы с научными архивами.

Нельзя не сказать и о том, что САИПИ ежегодно выпускает тематические календари: «Древнее искусство Сибири» 2012 г., «Оленные камни Монголии» 2013 г. и др., что, несомненно, играет большую роль в деле популяризации наскального искусства в обществе.

За последние годы можно выделить одно знаменательное событие для САИПИ. Это Международная научная конференция «Наскальное искусство в современном обществе», приуроченная к 290-летию научного открытия Томской писаницы. В конференции приняли участие видные отечественные (О.С. Советова, Е.А. Миклашевич, Я.А. Шер, Д.Г. Савинов, А.И. Мартынов, Е.Г. и М.А. Дэвлет, Е.А. Окладникова и др.) и зарубежные ученые (Э. Якобсон, А.-С. Хиген, К. Хельског, А.Е. Рогожинский, С. Канер и многие другие). Особое внимание участников конференции было приковано к современному состоянию и отношению общества к объектам не только наскального искусства, но и ко всем памятникам археологии. Так, вице-президент САИПИ, профессор СПбГУ Д.Г. Савинов вновь возвратился к проекту создания особой заповедной территории Тепсейского петроглифического микрорайона [9. С. 48], о котором речь поднималась еще в 2002 г. В результате сегодня сотрудниками КемГУ ведется планомерная работа по воплощению в жизнь данного проекта [10, 11]. По итогам конференции были выпущены два тома материалов конференции, в которых отражены достижения по изучению, консервации и реставрации уникального памятника Сибири - Томской писаницы, и статьи по актуальным проблемам изучения памятников наскального искусства в целом. Следует отметить, что вопросы, связанные с музеефикацией и охраной памятников наскального искусства, поднимаются членами ассоциации на различных конференциях, форумах и съездах.

В заключение можно сделать несколько выводов. Во-первых, САИПИ - это динамично развивающаяся организация, планомерно проводящая и воплощающая в жизнь идеи сохранения, реставрации и популяризации наскального искусства на территории Российской Федерации. Так, на октябрь 2016 г. САИПИ, при поддержке ФГБОУ ВПО «КемГУ», ИА РАН, ИАЭ СО РАН, музеязаповедника «Томская писаница», запланировала международную конференцию «Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии. Во-вторых, ассоциация осуществляет издательскую деятельность, на страницах различных трудов САИПИ представлен передовой опыт в деле музеефикации и консервации памятников наскального искусства. В-третьих, стоит отметить, что сегодня ассоциация, как и многие другие организации, испытывает финансовые трудности, однако САИПИ всячески изыскивает средства на свои проекты, участвуя в грантах и совместных конкурсах.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Дэвлет Е.Г. Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. М.: Научный мир, 2002. 256 с.
- 2. Говоров Ю.Л., Мить А.А., Юматов К.В. Факультету истории и международных отношений Кемеровского государственного университета 60 лет // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Вып. 14, т. 3. С. 8–19.
- 3. Бендарик Р. Роль и деятельность ИФРАО // Вестник САИПИ. 2003. № 5. С. 3–5.
- Миклашевич Е.А. О проекте САИПИ по сохранению, консервации и музеефикации памятников наскального искусства // Вестник САИПИ 2002. № 5 С. 7–11.
- 5. Миклашевич Е.А. Проект «Сохранение памятников наскального искусства Южной Сибири» // Вестник САИПИ. 2005. № 6–7. С. 59–61.
- 6. Дэвлет Е.Г., Миклашевич Е.А. Полевой семинар, посвященный 150-летию А.В. Адрианова «Документирование и мониторинг памятников наскального искусства. История, проблемы, перспективы» // Вестник САИПИ. 2005. № 6–7. С. 62–65.
- 7. Миклашевич Е.А., Бледнова Н.С. Электронный каталог «Памятники наскального искусства Сибири» // Вестник САИПИ. 2005. № 6-7. С. 53-55
- 8. Вестник САИПИ. 1998. № 1. 50 с.
- 9. Савинов Д.Г. Тепсей, петроглифческий микрорайон и возможности его изучения // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. Т. 1. С. 48–52.

- 10. Советова О.С., Мухарева А.Н., Аболонкова И.В. Местонахождение Тепсей I: история изучения и современное состояние // Археология Южной Сибири. К 80-летию А.И. Мартынова. Кемерово: РИО КемГУ, 2013. Вып. 26. С. 99–112.
- 11. Советова О.С., Аболонкова И.В. Загадки Тепсейского фриза (Тепсей II) // Археология Южной Сибири. К 80-летию А.И. Мартынова. Кемерово : РИО КемГУ, 2013. Вып. 26. С. 113–114.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 июля 2016 г.

ON THE ACTIVITIES OF THE SIBERIAN ASSOCIATION OF PREHISTORIC ART RESEARCHERS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 114–117.

DOI: 10.17223/15617793/410/18

Roman K. Maltsev, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: mrk1992@mail.ru Keywords: Siberian Association of Prehistoric Art Researchers; archeology; petroglyphs; history.

The article is devoted to the Siberian Association of Prehistoric Art Researchers (SAPAR), member of the International Federation of Rock Art Organizations (IFRAO), active participant in the preservation and popularization of the unique archaeological source – petroglyphs, in Russia and beyond. It covers the main areas of activities, the current state and prospects of development. Ideas to establish an organization uniting researchers involved in rock art began to appear in the early 1990s. Thus, the conference "Topical Problems of the Study of Rock Art in the USSR", organized at the initiative of M.A. Devlet, saw the formation of a new independent scientific direction engaged in the study of rock art. In early 1997, SAPAR was established. The Association management mechanism was developed. The main body, the General Meeting of the Association Members, was approved. Between Meetings the management of the organization was entrusted to the Board of Directors, consisting of the President, Vice-Presidents, Academic Secretary and Treasurer. The first president of SAPAR was Doctor of Historical Sciences, Professor Ya.A. Sher. The interest of SAPAR researchers is in all aspects of the monuments of primitive art: the study of their scientific, historical, cultural and aesthetic value; cultural and chronological attribution and semantics; documenting and cataloging, conservation and preservation; museumification, exposition and exhibition activities; publication, introduction of monuments in the scientific use, promotion, cultural tourism. One of the productive directions of the Association is its publishing activities. SAPAR Bulletin and Occasional SAPAR publications publish works of prominent scientists and young researchers related to the study of petroglyphs, museumification and conservation of rock art sites. For the purpose of promoting of petroglyphic art, members of the organization developed the concept of creating the Virtual Museum of Prehistoric Art in 1998. It was a rather interesting attempt of connection of exhibits which are at a distance from each other in the virtual space. Unfortunately, this works has been suspended for the financial reasons. For almost twenty years of history, the members of the Association have carried out various expeditions to such monuments of rock art as Tepsei, Kunya, Oglakhty and others, and also a number of field seminars devoted to the most significant questions of a petroglyph studies. SAPAR has come a long way of formation and development. This dynamic organization implements the ideas of conservation, restoration and promotion of rock art in the territory of the Russian Federation. The confirmation of the above is the fact that SAPAR, with the assistance of Kemerovo State University, the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, the museumreserve "Tomskaya Pisanitsa" plans an international conference "The Archaeological Heritage of Siberia and Central Asia" in October 2016.

REFERENCES

- 1. Devlet, E.G. (2002) Pamyatniki naskal'nogo iskusstva: izuchenie, sokhranenie, ispol'zovanie [Monuments of Rock Art: study, preservation, use]. Moscow: Nauchnyy mir.
- Govorov, Yu.L., Mit', A.A. & Yumatov, K.V. (2014) 60 years' history of the Faculty of History and International Relations of Kemerovo State University. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University. 14:3. pp. 8–19. (In Russian). DOI:10.21603/2078-8975-2014-3-8-19
- 3. Bendarik, R. (2003) Rol' i deyatel'nost' IFRAO [The role and activities of IFRAO]. Vestnik SAIPI SAPAR Bulletin. 5. pp. 3-5.
- 4. Miklashevich, E.A. (2002) O proekte SAIPI po sokhraneniyu, konservatsii i muzeefikatsii pamyatnikov naskal'nogo iskusstva [About SAPAR project for the conservation, preservation and museumification of monuments of rock art]. Vestnik SAIPI SAPAR Bulletin. 5. pp. 7–11.
- 5. Miklashevich, E.A. (2005) Proekt "Sokhranenie pamyatnikov naskal'nogo iskusstva Yuzhnoy Sibiri" [The project "Preservation of monuments of rock art in Southern Siberia"]. Vestnik SAIPI SAPAR Bulletin. 6–7. pp. 59–61.
- 6. Devlet, E.G. & Miklashevich, E.A. (2005) Polevoy seminar, posvyashchennyy 150-letiyu A.V. Adrianova "Dokumentirovanie i monitoring pamyatnikov naskal'nogo iskusstva. Istoriya, problemy, perspektivy" [Field seminar on the 150th anniversary of A. Adrianov "Documentation and monitoring of sites of rock art. History, Problems and Prospects"]. Vestnik SAIPI SAPAR Bulletin. 6–7. pp. 62–65.
- 7. Miklashevich, E.A. & Blednova, N.S. (2005) Elektronnyy katalog "Pamyatniki naskal'nogo iskusstva Sibiri" [Electronic Catalog "Monuments of Rock Art of Siberia"]. Vestnik SAIPI SAPAR Bulletin. 6–7. pp. 53–55.
- 8. Vestnik SAIPI SAPAR Bulletin. (1998) 1. (In Russian).
- 9. Savinov, D.G. (2011) [Tepsei, a petroglyph area, and the possibility of its study]. *Naskal'noe iskusstvo v sovremennom obshchestve. K 290-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoy pisanitsy* [Rock art in contemporary society. The 290th anniversary of the scientific discovery of Tomskaya pisanitsa]. Proceedings of the conference Vol. 1. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 48–52. (In Russian).
- 10. Sovetova, O.S., Mukhareva, A.N. & Abolonkova, I.V. (2013) [Location of Tepsei I: history of research and the current state]. Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri. K 80-letiyu A.I. Martynova [Archaeology of Southern Siberia. On the 80th anniversary of A.I. Martynov]. Proceedings of the conference. Vol. 26. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 99–112. (In Russian).
- 11. Sovetova, O.S. & Abolonkova, I.V. (2013) Zagadki Tepseyskogo friza (Tepsey II) [The riddle of the Tepsei frieze (Tepsei II)]. *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri. K 80-letiyu A.I. Martynova* [Archaeology of Southern Siberia. On the 80th anniversary of A.I. Martynov]. Proceedings of the conference. Vol. 26. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 113–114. (In Russian).

Received: 11 July 2016

УДК 94(571.1):656.225"196/198"

С.Е. Мишенин

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ МОНИТОРИНГОВ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ СЕТИ СССР 1960–1980-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ГУДОК»)

Автор включает материалы мониторингов разных областей работы железных дорог СССР, публикуемых на страницах газеты «Гудок», в круг исторических источников по истории железных дорог Западной Сибири и объясняет, почему это возможно. Анализируется и объясняется появление мониторингов работы железных дорог на страницах печати, проводится их классификация и указывается место в них железных дорог Западной Сибири. Автор показывает, как можно использовать материалы мониторингов при освещении истории железнодорожного транспорта региона.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт; Западная Сибирь; мониторинг; газета «Гудок»; показатели мониторинга; виды мониторинга (системный, выборочный).

Наблюдение за какими-либо параметрами и выстраивание соответствующего рейтинга являются средством выяснения уровня реализации принятых мер. Составление показателей подобных объектов позволит выявить место изучаемого предмета в этом ряду.

На стадии позднего этапа развития советского общества руководство страной стало прибегать к элементам публичного мониторинга для оценки общего положения дел, в частности на железнодорожном транспорте. Это рассматривается автором как своеобразная дань либерализации системы, внешнее оформление ее гласности и демократизма. В этих условиях публичный мониторинг при отсутствии завершающейся публичной аналитической работы с организационными выводами осуществлялся несистемно, выборочно, а его итоги были обусловлены волей руководства. «Пик» пришелся на середину 1970-х гг. Характерно, что по мере «затухания» системы (или исчерпания системой своих исторических возможностей) публичный мониторинг информационно беднел и в начале 1986 г. прекратился.

Как и всякий учет, он условен. Условность усиливала невозможность выявления альтернативной оценки процесса. Но другого подобного источника пока не выявлено. Поэтому при всей условности эта форма фиксации положения может и должна использоваться. Преимущество ее в том, что она позволяет по одному критерию сравнить изучаемый объект с другими подобными образованиями и тем самым определить его место в однородном ряду. Этот метод сравнительно нечасто используется при анализе исторических процессов. В этом заключается особенность методологической базы настоящей статьи.

В хозяйственной и политической практике это наблюдение – обычная практика. К сожалению, история применения этого метода специально не разрабатывалась. Но отдельные наблюдения излагались. В частности, в диссертационном исследовании О.Б. Сладковой [1] предлагается следующая версия.

Наблюдения приобретали более объективный характер с изобретением и использованием измерительных приборов. А они широко стали применяться со становлением индустриального общества. На достаточно зрелом уровне его развития стали разрабатываться прикладные технологии мониторинга. Теоре-

тической основой стали классические произведения Д. Белла, П. Бурдье, Д.К. Гелберта, М. Маклюэна, И. Масуды, А. Моля, Т. Парсонса, О. Тоффлера, С. Хатингтона, П. Штомпки, а также работы отечественных авторов: Р.Ф. Абдеева, А.Б. Антопольского, В.М. Петрова, Э.П. Семенюка, Н.А. Слядневой, А.В. Соколова, А.Д. Урсула, Ю.А. Шрейдера, И.И. Юзвишина и др. Среди отечественных авторов, уделяющих значительное внимание теоретикометодологическим вопросам мониторинга, можно назвать таких известных ученых, как Ю.А. Израэль, Н.Ф. Реймерс, С.Д. Хайтун, А.Г. Емельянов.

В достаточно пространной интернет-публикации «Основы мониторинга информации АПК» [2], а также в упомянутой докторской диссертации О.Б. Сладковой предлагается сюжет о теории метода мониторинга. Но нет места сфере истории. Не выявлено применение метода мониторинга в области научного исторического исследования железнодорожного транспорта. А между тем выстраивание рейтинговых оценок, составленных по результатам наблюдения, позволяет провести анализ места развития Западно-Сибирской, Кемеровской и Свердловской железных дорог в контексте других дорог СССР.

Публичные мониторинги публиковались в газете «Гудок» [3] — органе МПС СССР и ЦК профсоюза рабочих железнодорожного транспорта и строительства СССР — в изданиях за 1966—1984 гг. Они были как однозамерными, так и многоразовыми. В последнем случае временной единицей выступал обычно квартал. Пространных комментариев к методике их организации, проведения и обработки на станицах газеты не публиковалось. Но носили они официальный характер, и проводило мониторинги Министерство путей сообщения СССР.

Особенность репрезентативности данного исторического источника в том, что альтернативного доступного источника проверки ему нет. Есть только косвенные свидетельства. Весь комплекс работ по организации советской статистики показывает, что организована она была на высоком профессиональном уровне. Но как субъективный процесс советская, как и всякая статистика, условна. Ей всегда может противостоять альтернативная версия. Пока этому аспекту отечественное обществознание такой версии

не предъявило, а может быть, и не может предъявить. Это делает возможным использование его как вполне добротного исторического источника. Тем более что другие источники косвенно подтверждают изложенные версии.

Достоинство этого вида источника в том, что доступные исследователю материалы МПС СССР, которые находятся на хранении в Российском государственном архиве экономики в Москве, в плане прямого сопоставления дают минимальное количество материалов. Да и чисто организационные условия работы для их получения путем анализа всего комплекса отчетов по всем дорогам страны за 26 лет далеко не всегда доступны рядовому исследователю. В этих условиях материалы печати компенсируют эту трудность.

Публикация мониторингов работы железнодорожного транспорта началась в 1966 г., вполне возможно, в условиях подготовки к празднованию тогда важной исторической даты — 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Важно было продемонстрировать себе и всему миру, во-первых, поступательное развитие, в частности, экономики, вовторых, всеохватывающий контроль в обществе, втретьих, публичную доступность такого контроля.

В 1966 г. газетой «Гудок» проводился мониторинг средних простоев локомотивов по сети дорог СССР. Он показал рост норм простоя на станциях. Западно-Сибирская дорога оказалась на одном из последних мест, допустив рост против норм по тепловозам на 1,37 часа, а по электровозам — на 2,21 часа [3. 1967. 3 июня. С. 3]. Эффективность использования локомотивного парка публично отслеживалась еще в 1974 г. Тогда на первом месте по сети 26 дорог стояла Забайкальская дорога, а на 17-м — Западно-Сибирская. Свердловская дорога завершала этот список [Там же. 1974. 13 авг. С. 2]. Но уже в декабре того года свердловские железнодорожники поднялись на 3-е место из 26 дорог страны, а западносибирские переместились на последнее, 26-е, место [Там же. 13 дек. С. 1].

Одним из самых коротких мониторингов был официальный мониторинг **перевозок** по сети дорог СССР. Публично он проводился один раз, накануне празднования 50-летия Октябрьской революции, в 1967 г. Тогда отмечалось, что в первой пятерке по сети дорог СССР оказались Свердловская и Западно-Сибирская дороги, занявшие соответственно 4-е и 5-е места. А лидером оказалась Северная дорога [Там же. 1967. 6 июня. С. 1]. В 1-й половине октября 1971 г. 1-е место по продвижению поездов и выгрузке вагонов заняла Западно-Сибирская железная дорога [Там же. 1971. 17 окт. С. 1].

В 1967 г. проводился мониторинг выполнения почина «Изыскать 40 тыс. вагонов для перевозки грузов». На первом месте была Приволжская дорога, а на 6-м и 7-м — Свердловская и Западно-Сибирская [Там же. 1967. 29 июня. С. 1]. На фоне более чем 20 дорог это вполне хороший показатель. Но уже в октябре 1969 г. та же газета отмечала Западно-Сибирскую дорогу в числе тех, кто задерживал вагоны сверх норматива [Там же. 1969. 14 окт. С. 3]. Мониторинг за февраль 1971 г. показал лидерство Бело-

русской дороги (7 600 вагонов ежесуточно) и содержание избыточного парка вагонов на Западно-Сибирской дороге [3. 1971. 11 марта. С. 1].

В 1967 г. и с апреля 1973 г. по апрель 1978 г. газета «Гудок» проводила публичный мониторинг выполнения заданий по обороту вагона в сети дорог СССР. В 1967 г. показатели Западно-Сибирской дороги были достаточно высоки: тогда она заняла 1-е место по сети дорог СССР [Там же. 1967. 24 март Там же. С. 3]. Примерно через 10 лет положение ухудшилось. Из 26 (с июля 1977 г. — из 28) дорог СССР за апрель 1973 г. — май 1977 г. мониторинг проводился 33 раза. Девять раз первое место занимала Одесско-Кишеневская железная дорога, 5 раз — Закавказская, 4 раза — Забайкальская, 3 раза — Горьковская, 2 раза — Южно-Уральская, остальные — по 1 разу.

Какое же место в этом рейтинге занимала Западно-Сибирская железная дорога? 1 раз — 4-е, 2 раза — 5-е и 6-е, 1 раз — 7-е и 2 раза — 11-е и 15-е, 1 раз — 16-е, 2 раза — 17-е, 1 раз 18-е, 3 раза — 19-е, 2 раза — 20-е и 24-е, 1 раз — 25-е. Хотя в динамике картина может показаться положительной: с 21-го места на момент начала мониторинга дорога поднялась на 15-е в конце [Там же. 1973. 16 мая. С. 2; 1978. 16 мая. С. 2]. Факт отставания Западно-Сибирской и Свердловской дорог от среднесетевых показателей в середине 1970-х гг. фиксировали и другие выступления газеты [Там же. 1973. 31 янв. С. 1; 1974. 17 сент. С. 1; 1974. 19 сент. С. 1; 1974. 24 сент. С. 2; 1974. 22 окт. С. 2].

С 1967 г. по четвертый квартал 1984 г. газета «Гудок» вела поквартальный мониторинг выполнения графика движения пассажирских и грузовых поездов сети дорог СССР. В начале мониторинга их было 26, к концу — 32. Начало отслеживания выполнения графика движения пассажирских и грузовых поездов начали с относительно средних показателей. В 1967 г. они составили (по первому мониторингу) 8-е (Западно-Сибирская дорога) и 9-е (Свердловская дорога) место, а по второму — 11-е и 16-е. Это из расчета 25 дорог сети. В числе лучших были Восточно-Сибирская и Юго-Восточная дороги [Там же. 1967. 11 апр. С. 1].

Однако уже со следующего года рейтинг дорог Западной Сибири значительно ухудшился. И Западно-Сибирская дорога (с 1968 г.), и Кемеровская (с 1979 г.) начали старт с плохих показателей: 24-е (и по пассажирским, и по грузовым поездам) и 29-е места соответственно. Незначительно улучшили показатели к концу мониторинга: достигнув 22-го места по пассажирским и 18-го – по грузовым перевозкам (для Западно-Сибирской); 26-го места – по пассажирским и 12-го – по грузовым (для Кемеровской). Но это выглядело совсем неутешительно. Притом за весь период мониторинга обе дороги в число первых 10 так и не попали. Обращает на себя внимание тот факт, что выполняемость графика движения по пассажирским поездам была хуже, чем по грузовым [Там же. 1968. 11 дек. С. 1; 1984. 11 дек. С. 1]. Это следует связывать, прежде всего, с состоянием материальной базы железнодорожного транспорта региона: она прогрессирующе отставала от потребностей перевозок. Грузонапряженность на Западно-Сибирской железной дороге почти вдвое превышала среднесетевую нагрузку [3. 1974. 21 сент. С. 2]. Это лишний раз свидетельствовало об «остаточном» отношении системы к нуждам отдельных граждан в сравнении с потребностями общественного хозяйства.

С 16 ноября 1968 г. по 17 сентября 1977 г. газета «Гудок» проводила поквартальный мониторинг со-держания и ремонта электровозов и моторвагонного подвижного состава. Из 26 дорог явным лидером по этому показателю были Юго-Западная (9 раз), Московская (5 раз), Одесско-Кишеневская (4 раза) дороги. Западно-Сибирская дорога располагалась во второй половине рейтинга, всего один раз попав в первую десятку лучших дорог.

С 1968 по 1971 г. в газете «Гудок» был проведен поквартальный мониторинг строительства, реконструкции и капитального ремонта сооружений и подъемно-транспортного оборудования грузового хозяйства. Из 26 дорог (с середины 1977 г. – 28) авангардные позиции занимали Среднеазиатская дорога (5 раз), Белорусская дорога (2 раза). Другие дороги занимали первые места по 1 разу. На этом фоне Западно-Сибирская дорога все 26 обследуемых случаев занимала 4-е и 25-е места. Из них 3 раза она занимала места в конце первой пятерке – 4-е и 5-е. Из всех публичных мониторингов здесь наиболее «провальный» итог: с 5-го места на 25-е [Там же. 1968. 21 дек. С. 1; 1972. 19 февр. С. 2].

С 16 ноября 1968 г. по 17 сентября 1977 г. газета «Гудок» проводила поквартальный мониторинг выполнения приказа министра путей сообщения СССР об улучшении содержания и ремонта грузовых вагонов. В отличие от многих мониторингов здесь не было стабильных дорог-лидеров. Примерно полтора десятка дорог (из них 3 раза — Западно-Сибирская) занимали 1-е место. В целом Западно-Сибирская дорога располагалась во второй половине рейтинга — с 13-го по 26-е места, лишь в редких случаях попадая в первую десятку [Там же. 1968. 16 нояб. С. 3; 1977. 19 сент. С. 2].

С 1969 по 1977 г. газета «Гудок» проводила поквартальный мониторинг выполнения **производственных заданий дорстройтрестами железных дорог**. Из 26 дорог (с середины 1977 г. – 28) авангардные позиции занимали дорстройтресты Московской железной дороги (3 раза), Западно-Сибирская и Северо-Кавказская дорога – по 2 раза. Дорстройтресты других дорог занимали первые места по 1 разу. На этом фоне Дорстройтрест Западно-Сибирской дороги занимал 1–20-е места. Из них 7 раз (из 13 случаев обследования) он занимал 11–20-ю позиции [Там же. 1969. 29 июня. С. 1; 1974. 17 авг. С. 2; 1977. 22 июля. С. 2].

С 1969 по 1977 г. газета «Гудок» проводила поквартальный мониторинг **работы служб пути** сети дорог СССР. Из 26 дорог (с середины 1977 г. – 28) авангардные позиции занимали Белорусская дорога (11 раз), Юго-Западная дорога (6 раз), Свердловская дорога (4 раза), Северная дорога (2 раза). Другие дороги занимали первые места по 1 разу. На этом фоне Западно-Сибирская дорога все 29 обследуемых случаев занимала 12–26-е места. Примечательно, что в начале и конце периода занимала 22-е и, соответственно, 21-е места [3. 1969. 25 апр. С. 1; 1974. 26 сент. С. 2].

Одним из самых длительных публичных мониторингов работы сети железных дорог СССР был поквартальный мониторинг **среднесуточной производительности локомотивов**. Он проводился с IV квартала 1969 г. по III квартал 1978 г. Из 26 дорог СССР (с мая 1977 г. – 28) лидерство удерживали 15 раз Азербайджанская дорога, 11 раз – Белорусская, 5 раз – Дальневосточная, по 4 раза – Восточно-Сибирская, Одесско-Кишеневская, Горьковская и т.д.

На этом фоне Западно-Сибирская железная дорога была в диапазоне от 5-го до 26-го места. 38 раз она занимала места от 20 до 26-го. Неутешительна была и «краевая» динамика: 24-е и 25-е места [Там же. 1970. 11 янв. С. 1; 1978. 21 нояб. С. 3].

В 1971 г. наибольший **прирост среднего веса поезда** был достигнут на Западно-Сибирской железной дороге [Там же. 1972. 11 февр. С. 1–2].

С 1971 г. велись конъюнктурные обзоры работы железнодорожного транспорта за год. Особенность информации — внимание на производительность локомотивов, на себестоимость. В частности, в 1971 г. Западно-Сибирская железная дорога была названа в числе тех, которые не справились с планом по производительности локомотивов. А вот средняя себестоимость 1 тонно-километра составила 2,936 коп. Лучший показатель — 2,094 коп. — у Южно-Уральской дороги. На Западно-Сибирской этот показатель составил 2,105 коп. [1. 1972. 11 февр. С. 1—2].

В 1974 г. газетой проводился ряд «разовых» мониторингов. Один из них — в сентябре — декабре 1974 г. — отслеживал процесс выгрузки местного вагона по сети дорог СССР. Сравнивались такие показатели, как процент парка местного вагона, норма оборота местного вагона и ее выполнение, количество сэкономленных и потерянных вагонов. Вполне естественно в состав данных вошли показатели по Западно-Сибирской железной дороге, что позволило сравнить эту дорогу с другими.

На что обращает внимание мониторинг?

Во-первых, на то, что на авангардных дорогах процент местного вагона в общем парке вагонов был ниже, чем в отстающих (а в их числе была и Западно-Сибирская железная дорога).

Во-вторых, на Западно-Сибирской железной дороге нормы оборота были жестче, чем на авангардных.

В-третьих, к концу года на авангардных дорогах отмечалась общая тенденция к сокращению количества сэкономленных вагонов, а на отстающих, в частности на Западно-Сибирской, — неустойчивая стабилизация количества потерянных вагонов.

Другой мониторинг касался **подготовки к зиме** в сети дорог СССР. Он показал явного лидера в этой области — Белорусскую железную дорогу. Свердловская дорога заняла 3-е место, а Западно-Сибирская — 19-е [3. 1974. 25 окт. С. 2]. В 1969 г. передовая газета «Гудок» отмечала Западно-Сибирскую железную дорогу в числе тех, где местная работа велась по твер-

дому расписанию [3. 1969. 15 апр. С. 1]. Еще один проведенный мониторинг — по чрезвычайной **задержке вагонов.** По этому показателю Свердловская дорога заняла 11-е место, а Западно-Сибирская — 22-е [Там же. 1974. 2 дек. С. 2].

В 1974—1977 гг. проводился мониторинг грузовой и коммерческой работы. Еще в 1966 г., по замечанию газеты «Гудок», Западно-Сибирская магистраль была в лидерах по уменьшению времени на выполнение перевозок [Там же. 1967. 25 янв. С. 1]. За период с 1974 по 1977 г. лидерами по одному разу выступили Западно-Сибирская, Забайкальская, Южно-Уральская, Юго-Западная и Прибалтийская дороги, а 3 раза — Белорусская. К сожалению, за этот период Западно-Сибирская железная дорога «сползла» с 1-го места на 21-е. И при этом начальником грузовой работы оставался Е.Я. Гендлин [Там же. 1975. 7 февр. С. 2].

С января 1975 г. по ноябрь 1976 г. проводился мониторинг погрузки угля и нефтепродуктов на ряде дорог СССР: Северо-Казахстанской, Западно-Сибирской, Свердловской, Юго-Восточной и др. Он показал снижение процента выполнения погрузки на Западно-Сибирской железной дороге с 102 до 97,9%. Это показатели не самой лучшей в сети дорог [Там же. 1975. 23 янв. С. 1; 1976. 23 нояб. С. 3].

Западно-Сибирская железная дорога не была в числе передовых по погрузке нефтепродуктов в этот период [Там же. 1974. 25 дек. С. 2; 1975. 27 марта. С. 1]. Но к середине 1980-х гг. появившаяся в 1979 г. Кемеровская железная дорога стала лидером по отгрузке угля в сети дорог СССР [Там же. 1986. 30 апр. С. 1], а Западно-Сибирская дорога «сдавала свои позиции»: в первом полугодии 1986 г. она (единственная в сети дорог СССР) не справилась с планом нефтеперевозок [Там же. 1986. 27 июля. С. 1–2].

Обращает на себя внимание отсутствие мониторинговой информации об экономии энергоресурсов на железнодорожном транспорте, есть лишь отрывочные сведения. Так, за первую декаду сентября 1976 г. 2-го места по сети дорог СССР добилась Западно-Сибирская железная дорога. Среди ее коллективов выделялось депо Барабинск (машинист В.Л. Комиссаров) [Там же. 1976. 11 сент. С. 1].

Таким образом, рейтинговые обследования позволяют сделать следующие выводы:

– во-первых, на протяжении 1960–1980-х гг. по сети железных дорог СССР было проведено почти два десятков мониторингов. Они проводились «в период расцвета» так называемого застоя, в 1966–1986 гг., когда доминировало плавное нисходящее развитие показателей советской экономики. Со второй полови-

ны 1970-х гг. активность по проведению мониторингов стала спадать: руководству неудобно было публично демонстрировать процесс ухудшения своей работы;

- во-вторых, предметом мониторингов стали технологические вопросы, но не вопросы финансовой работы дорог страны, хотя реформа 1965 г. и меры по ее развитию именно эти вопросы ставили в поле зрения практических работников. Иначе говоря, мониторинги прямо не работали на развитие реформы;
- в-третьих, мониторинги в основном были кратковременными. Наиболее продолжительными (более 10 лет) были два мониторинга: мониторинг содержания и ремонта электровозов и моторвагонного подвижного состава и мониторинг выполнения графика движения пассажирских и грузовых поездов (соответственно 12 и 17 лет). Четыре мониторинга продолжались примерно по 9 лет каждый. Это мониторинг средних простоев локомотивов, мониторинг содержания и ремонта электровозов и моторвагонного подвижного состава, мониторинг выполнения приказов министра путей сообщения СССР об улучшении содержания и ремонта грузовых вагонов и мониторинг среднесуточной производительности локомотивов. Примерно по 8 лет проводились мониторинги выполнения производственных заданий дорстройтрестами железных дорог и работы служб пути. Мониторинг выполнения заданий по обороту вагона продолжался 6 лет. По 4 года проводились мониторинги перевозки по сети дорог, выполнения почина «Изыскать 40 тыс. вагонов для перевозки грузов», строительства, реконструкции и капитального ремонта сооружений и подъемно-транспортного оборудования грузового хозяйства и грузовой и коммерческой работы;
- в-четвертых, рейтинговые обследования показали в целом посредственную организацию работы железных дорог Западной Сибири на общем фоне дорожной сети СССР. Это соответствовало напряженности загрузки сети и растущим объемам перевозок при ухудшении качества использования материальнотехнической базы. Причина такого положения, по всей видимости, заключалась в том, что советская система в конкретном регионе не смогла эффективно овладеть транспортными ресурсами. Это лишний раз говорило об отсутствии политической воли в поздней советской системе организации общества;
- в-пятых, среди дорог СССР не было стабильных лидеров, шло напряженное соревнование за лидерство в условиях роста объемов перевозок. Это показывало большие возможности системы, которые она (система, точнее ее носители) оказалась не в состоянии освоить.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Сладкова О.Б. Мониторинг как инструмент социокультурного диалога власть—общество : дис. д-ра культурологии. М., 2006. 279 с. URL: http://www.dissercat.com/content/monitoring-kak-instrument-sotsiokulturnogo-dialoga-vlast-obshchestvo (дата обращения: 23.03.2016).
- 2. Меденников В.И., Сергованцев В.Т., Сальников С.Г., Бородин К.Г. Основы мониторинга информации АПК. URL: http://www.viapi.ru/publication/full/detail.php?ELEMENT_ID=8999&IBLOCK_ID=45&SECTION_ID=1483 (дата обращения: 19.02.2016).
- 3. Гудок: орган Министерства путей сообщения СССР и ЦК профсоюза рабочих железнодорожного транспорта и строительства СССР. 1965–1992 гг.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 июля 2016 г.

RAILWAY TRANSPORT OF WESTERN SIBERIA IN THE CONTEXT OF THE USSR RAILWAY NETWORK MONITORING IN THE 1960S–1980S (ON MATERIALS OF THE *GUDOK* NEWSPAPER)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 118–122.

DOI: 10.17223/15617793/410/19

Sergey E. Mishenin, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: s-e-m-57@mail.ru

Keywords: railway transport; Western Siberia; monitoring; *Gudok* newspaper; monitoring indicators; types of monitoring (system, selective).

Observation of any parameters and organizing a corresponding rating is a means of clarifying the level of implementation of measures taken. The article analyzes the materials of the monitoring of different areas of work of the USSR railways published in the newspaper Gudok, introduces the historical sources on the history of the railways of Western Siberia. It is determined that public monitoring was published in Gudok, a newspaper of the Ministry of Railways of the USSR and the Central Committee of the Trade Union of Railway Transport and Construction Workers of the USSR, in 1966–1984. In the latter case, the unit of time was usually a quarter. The article analyzes and explains the appearance of the monitorings of the operations of railways in the press, classifies them and explains the place of the railways of Western Siberia in this classification. The study of the monitoring showed the following. Firstly, during the 1960s–1980s nearly twenty monitorings on the railway network of the USSR were made. They were made in 1966–1986, during the heyday of the so-called "stagnation". The article shows the place the railways of Western Siberia occupied in the network of the USSR railways. Since the second half of the 1970s the number of monitorings decreased. Secondly, the subject of monitorings was technological issues, but not issues of the financial work of the country's roads, though the reform of 1965 and measures to develop it brought attention of workers to the financial questions. Thirdly, monitorings were generally short-run. The longest (over 10 years) were 2 monitorings, and 4 monitorings lasted for about 9 years each. Fourthly, rating reports generally showed the mediocre organization of work of the railroads of Western Siberia in the context of the USSR road network. This obviously did not correspond to the high load in the network and the growing volume of transportation work with the deterioration of the quality of the material and technical bases. Fifthly, the USSR roads had no stable leaders; there was an intense competition for leadership in the conditions of the growing volumes of transportation. It showed great opportunities for the system which it (the system or, more precisely, its adepts) was not able to develop. The representativeness feature of the given historical source is that it has no alternative source to verify it. The author shows how the content of monitorings can be used in covering the history of rail transport in the region.

REFERENCES

- 1. Sladkova, O.B. (2006) Monitoring kak instrument sotsiokul'turnogo dialoga vlast'-obshchestvo [Monitoring as an instrument of socio-cultural dialogue of power-society]. Culture Studies Dr. Diss. Moscow. [Online] Available from: http://www.dissercat.com/content/monitoring-kak-instrument-sotsiokulturnogo-dialoga-vlast-obshchestvo. (Accessed: 23rd March 2016).
- 2. Medennikov, V.I. et al. (c. 2004) Osnovy monitoringa informatsii APK [Basics of agribusiness information monitoring]. [Online] Available from: http://www.viapi.ru/publication/full/detail.php?ELEMENT ID=8999&IBLOCK ID=45&SECTION ID=1483. (Accessed: 19th February 2016).
- Gudok: organ Ministerstva putey soobshcheniya SSSR i Tsk profsoyuza rabochikh zheleznodorozhnogo transporta i stroitel'stva SSSR [Gudok: the body of the Ministry of Railways of the USSR and the Central Committee of the Trade Union of Railway Transport and Construction Workers of the USSR]. (1965–1992).

Received: 11 July 2016

УДК 378(075.8):544

О.А. Савелова

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ-ФИЗХИМИКОВ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Анализируется образовательная деятельность химических кафедр НГУ, возникших как результат организации подготовки специалистов в области физической химии и связанных направлений, включая магнитно-резонансную томографию. Рассматривается роль академических институтов СО АН СССР и их научных лидеров в институционализации физической химии и химической физики, их направлений, основополагающих для новой области физико-химического знания магнитных явлений

Ключевые слова: институционализация; подготовка научных кадров; система «Физтеха»; физическая химия; магнитнорезонансная томография.

Успехи в развитии академической науки в Сибири обусловливались реализацией стратегии СО АН СССР, базирующейся на «треугольнике Лаврентьева» – наука, кадры, производство [1]. Во второй половине XX в. в Новосибирском научном центре приоритет оставался за научными исследованиями, основанными на принципах «комплексности и междисциплинарности» [2. С. 3-7]. Вторым направлением стратегии были кадры, без которых невозможно было создание крупного научного центра в Сибири. В первые годы для этой цели привлекались научные кадры из центральных регионов страны [3. С. 202]. Уже в перисторических исследованиях, посвящённых научному комплексу, подчёркивалось, что перевод лабораторий в полном составе стал уникальным и оправданным методом организации СО АН СССР. При этом отмечалось, что дальнейшее пополнение состава институтов будет осуществляться через создаваемый Новосибирский государственный университет (НГУ) [4. С. 334-350].

Отношение к подбору кадров и практическая реализация кадровой политики привлекали исследователей на всем протяжении взаимодействия НГУ и Сибирского отделения. Создание стабильной кадровой структуры, предотвращение текучести научного персонала стали характерной чертой научных учреждений Отделения [5, 6]. Актуальным вопрос кадров оказался и для развития нового направления в спиновой химии - магнитно-резонансной спектроскопии и позже магнитно-резонансной томографии (МРТ). На протяжении длительного времени многопрофильные системы академических, вузовских и отраслевых научно-исследовательских структур развивались и укреплялись в «столичных» регионах. Их эволюция под действием научно-технического прогресса опиралась на научные школы и их лидеров, которые предлагали «перспективные направления исследований по широкому кругу фундаментальных проблем и трансформации их результатов в конкретные факторы этого прогресса» [3. С. 137]. Старейшие университеты Москвы и Ленинграда (Санкт-Петербурга) пополняли научноисследовательские учреждения молодыми кадрами по всем областям профессиональных специализаций. «Столичные научно-исследовательские структуры обладали несопоставимыми с далёкой периферией возможностями использования источников от общедоступных библиотек мирового значения и специализированных хранилищ научно-технического знания до современных, в том числе зарубежных, научных изданий» [3. С. 137].

Однако как для академической науки, так и для высшей школы была характерна чрезмерная концентрация учреждений в центральных регионах страны. Наряду с этим наполнение кадровой составляющей для всех направлений фундаментальной науки в Сибирском регионе оставляло желать лучшего. В начале 1960-х гг. в Сибирском отделении встала проблема формирования собственной системы подготовки научных кадров. В итоге была создана комплексная система, включающая все уровни и ступени подготовки специалистов: от довузовского образования до кадров высшей квалификации [Там же. С. 202-213]. Таким образом, структуру образовательного пространства по подготовке научных кадров логично рассматривать как комплекс из трёх составляющих: довузовского образования, обучения в вузах и послевузовского повышения квалификации. Тем не менее в дальнейшем в этой работе сознательно расставлены акценты именно на вузовском сегменте подготовки специалистов как наиболее массовом и основном.

Традиции развития высшей школы СССР со времён индустриализации определяли ориентацию вузов прежде всего на решение образовательных задач, т.е. на массовую подготовку специалистов для экономики страны. По мнению некоторых специалистов, приоритетное положение занимало стереотипное тиражирование образовательной информации. «В силу этого долгое время научные исследования в вузах по меньшей мере не поощрялись, поскольку, как считалось, они приводят к распылению и отвлечению вузовского персонала от учебного процесса» [7. С. 101–102]. Из этого правила были определённые исключения, касающиеся, прежде всего, ведущих университетов страны, располагавших собственной сетью научноисследовательских лабораторий и институтов, такие как МГУ, ЛГУ, Казанский университет и некоторые другие вузы. В Сибирском регионе к ним относились ТГУ и ТПИ, а также Иркутский университет. Концепция НГУ изначально опиралась на глубокую интеграцию науки и образования. С созданием НГУ была развита так называемая система Физтеха, и не просто развита, а перенесена на почву классического университета. Принципы этой системы высшего образования впервые сформулировал Петр Капица (академик, лауреат Нобелевской премии) с группой учёных в октябре 1945 г. в Записке в Совет народных комиссаров СССР, где предлагалось осуществить: 1) отбор по стране талантливой молодежи; 2) привлечение к преподаванию активных и талантливых учёных; 3) специальные методы обучения учащихся, направленные на развитие их творчества; 4) обучение творческой молодёжи на экспериментальных базах лучших исследовательских институтов [8]. Преемником «физтеховских» принципов стал и Новосибирский университет, в полной мере развивая эту концепцию, которая оказалась определяющим фактором в реализации масштабного научно-образовательного проекта в Сибири. НГУ де-факто стал частью единого академического комплекса Новосибирского академгородка. Свыше 75% его преподавательского корпуса составляли сотрудники академических институтов, осуществляющие исследования по переднему краю современной науки. Именно в этом заключалось принципиальное отличие нового университета от других вузов страны и региона, обеспечившее его быстрое развитие.

Жизнеспособность любой концепции проверяется в процессе её реализации: когда она самодостаточна и обладает потенциалом для распространения своих идей, то рождаются новые подходы, запускаются новые механизмы и укрепляются её базовые принципы. Особенностью учебного процесса в НГУ, демонстрирующего устойчивость концепции, является раннее приобщение студентов к науке: уже с первого курса выполнялись обязательные научно-исследовательские курсовые работы, доклады по результатам работы представлялись на специальных семинарах и студенческих конференциях и т.п. Таким образом соблюдались все составляющие исследовательской деятельности. Механизм «физтеховской» системы обучения помогал формировать самостоятельное естественнонаучное мышление, предполагающее критическое отношение к окружающему нас миру, в понимании природы как процесса взаимодействующих элементов и в то же время как единого целого. Эта система способствовала развитию научного интереса, мотивации к исследовательской деятельности [9. С. 52–53].

Первый ректор университета, один из ведущих математиков страны, впоследствии президент АН Грузинской ССР акад. И.Н. Векуа в 1959 г. отмечал, что НГУ «явится вузом нового типа, где главное внимание сосредоточится на практической подготовке студентов к научно-исследовательской и производственной деятельности» [10]. Эту подготовку обеспечат институты, их лаборатории, видные учёные, так как он будет развиваться вместе с СО АН СССР. Уже к началу 1970-х гг. структура специальностей университета в достаточной степени соответствовала профилю Новосибирского научного центра (ННЦ), отражая возникающие потребности Отделения. В качестве преподавателей на 44 кафедрах университета абсо-

лютное большинство было представлено сотрудниками сибирского академического центра, из них 25 членов АН СССР, 40 профессоров — докторов наук и 150 доцентов — кандидатов наук [3. С. 206]. НГУ фактически стал неотъемлемой частью СО АН СССР, что изначально было заложено в концепции как научного центра, так и самого университета. Здесь удалось объединить науку и образование, обеспечив непрерывный процесс производства научных знаний и их трансляцию [7. С. 109].

Система подготовки квалифицированных химиков в НГУ определялась несколькими факторами: развитием химической и других отраслей промышленности, достижениями в различных областях мировой и отечественной химической науки, экономическим освоением сырьевых регионов, в том числе Сибири, социально-экономическими и политическими процессами в обществе, включающими эволюцию образовательной и кадровой политики. С первых дней основания НГУ активное участие в работе его факультетов и кафедр принимали сотрудники Института химической кинетики и горения СО АН СССР (ИХКиГ), который стал одним из базовых институтов для кафедр физической химии факультета естественных наук (ФЕН) и химической и биологической физики физического факультета (ФФ) НГУ. Остановимся подробнее на этапах институционализации каждого из этих направлений, основополагающих для новой области физикохимического знания.

В декабре 1958 г. Верховным Советом СССР был принят закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» [11], который ставил задачу увеличения выпуска специалистов по новым разделам физико-математических, химических и биологических наук, а также определял повышение роли университетов в решениях важнейших проблем естественных и гуманитарных наук. Следуя в русле такой политики, в 1960 г. ФЕН – первоначально единственный факультет университета, состоявший из четырёх отделений: математики, физики, химии и геологии (декан – канд. физ.-мат. наук Б.О. Солоноуц), разделили на два факультета: физико-математический с подготовкой по специальностям математика, механика и физика (декан – доцент, в будущем академик Белорусской ССР Р.И. Солоухин) и факультет естественных наук, который готовил специалистов по химии и геофизическим методам поиска и разведки месторождений полезных ископаемых (декан – доцент Б.О. Солоноуц) [12]. В 1961 г. участники Всесоюзного совещания работников высшей школы в Москве, обсуждая проблемы образовательной деятельности вузов, отметили важность научно-исследовательской работы студентов и преподавателей вузов в деле подготовки молодых научных кадров [13]. Министр высшего и среднего специального образования СССР проф. В.П. Елютин в своём докладе отмечал необходимость повышения качества и расширения подготовки в университетах квалифицированных специалистов по естественнонаучным специальностям [14]. Необходимо было обеспечить промышленность специалистами с университетским образованием: математиками, физиками, химиками, биологами. С этой целью в 1961 г. на ФЕН было образовано два отделения: химическое и медико-биологическое. Химические институты, а также Институт цитологии и генетики СО АН СССР (ИЦиГ) стали основной научной базой факультета. Организатором и первым деканом обновлённого факультета стал акад. В.В. Воеводский, уделявший особое внимание созданию новых кафедр и подготовке специалистов в области физикохимии. В 1962 г. из состава ФЕН был выделен геолого-геофизический факультет (ГГФ). Исполнял обязанности декана проф. И.В. Лучицкий (впоследствии чл.-кор. АН СССР), а затем, с сентября 1962 г., деканом ГГФ стал акад. АН СССР В.С. Соболев [12].

Химическое отделение ФЕН осуществляло подготовку специалистов по неорганической, органической, физической и аналитической химии, кристаллохимии, химии высокомолекулярных и природных соединений, радиохимии, химии адсорбции и катализа, а также химической кинетике. Кафедра неорганической химии (ныне общей химии) стала первой химической кафедрой университета и ФЕН. Организатором и заведующим кафедрой стал химик-неорганик, чл.-кор. АН СССР, проф. Б.В. Птицын. Основная цель курса неорганической химии того периода — показать общность физико-химических законов, закономерности в химии элементов и соединений [15. С. 32].

В 1961 г. на факультете была основана кафедра физической химии. В 1961-1967 гг. кафедрой руководил В.В. Воеводский. Мотивом создания кафедры послужила ставшая крайне актуальной в условиях междисциплинарной ориентации проводимых в Сибирском отделении исследований потребность в фундаментальном физико-химическом образовании студентов и дальнейшей их специализации на базе полученной подготовки. В связи с этим в 1962/63 уч. г. для студентов 4-го курса химического отделения в учебный план были включены лекционные курсы по физической химии, а также по квантовой химии и химической кинетике. Доцент Д.Г. Кнорре (позже академик, д-р хим. наук, проф., директор Института биоорганической химии СО АН СССР, декан ФЕН с 1967 по 1983 г.) подготовил и прочитал первый годовой курс по физической химии. Акад. В.В. Воеводский читал курс химической кинетики, курс квантовой химии – доц. Г.М. Жидомиров (позже академик РАЕН, д-р физ.-мат. наук, профессор, зав. лабораторией Института катализа (ИК) СО АН СССР).

В феврале 1964 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР, направленное, в частности, на расширение подготовки специалистов высшей квалификации (кандидатов и докторов наук) в области ядерной физики, химии, математики и других отраслей науки, связанных с развитием новой техники и технологий [16]. НГУ вошёл в число базовых вузов по формированию кадрового научного потенциала соответствующих профилей. В связи с этим с 1964 г. на кафедре физхимии вводится лекционный курс по физическим методам исследования вещества. Этот курс сопровождался большим практикумом по ЯМР, ЭПР,

УФ, ИК (ЯМР – ядерный магнитный резонанс; ЭПР – электронный парамагнитный резонанс; УФ – ультрафиолетовая и ИК – инфракрасная спектроскопии), эмиссионной и рентгеновской масс-спектроскопии, газовой и жидкостной хроматографии. Подготовил и читал курс доц. Ю.Н. Молин (позже академик, директор ИХКиГ). Практические и семинарские занятия студентов проходили в лабораториях институтов Сибирского отделения, под руководством их сотрудников.

Как сторонник фундаментальной физико-математической подготовки студентов-химиков В.В. Воеводский инициировал усиленную подготовку по физике и математике в первые два года обучения. Студенты осваивали этот курс, позволяющий поднять теоретический уровень всех химических дисциплин до университетских требований. Курс осваивался в традиционных для классического университета формах: лекции, семинары, лабораторные работы. Однако имелись и важные нюансы: большое значение придавалось самостоятельной работе студентов. Объём получаемой информации был огромен, и чтобы переработать её, от студентов требовалась высокая самоорганизация. Физико-химические курсы читались на высоком уровне с привлечением сложного математического аппарата, а также последних достижений науки [15. С. 51–52].

Закон «Об укреплении связи школы с жизнью...» предполагал расширение и укрепление материальнотехнической базы образовательных учреждений, оснащение лабораторий университетов и технических вузов новейшим оборудованием и электроникой. Однако, как показала практика, это не всегда удавалось реализовать своевременно и эффективно. Создание в НГУ большого современного физико-химического практикума было необходимо, но требовало значительных материальных затрат. Инициатива В.В. Воеводского послужила поводом к решению Президиума СО АН СССР об оказании материальной помощи в организации лабораторий и кафедр ФЕН химическими институтами Отделения. Материальным обеспечение двух кафедр - физической и неорганической химии – занимался ИХКиГ [17]. Благодаря этому в короткий срок (1962/63 уч. г.) университетский лабораторный практикум по физической химии был оснащён современным оборудованием. Первый лабораторный практикум открылся для студентов 4-го курса в сентябре 1962 г. Лаборатории располагались на 1-м и 4-м этажах главного корпуса НГУ, а также в лабораториях институтов. Преемник В.В. Воеводского проф. Е.С. Рудаков (зав. кафедрой в 1967–1972 гг., д-р хим. наук), специалист в области термодинамики межмолекулярных взаимодействий, большое внимание уделял созданию лабораторных практикумов, в том числе по химической термодинамике и химической кинетике. Его требовательное отношение к подбору кадров послужило основой преподавательского состава кафедры, на которой работали ведущие сотрудники Сибирского отделения. В 1963-1974 гг. курс лекций по физической химии читал д-р хим. наук, проф. В.А. Михайлов, специалист в области термодинамики растворов и процессов экстракции. Лекции отличались «особой стройностью и изяществом благодаря строгому математическому обоснованию существа излагаемого материала и последовательному применению метода термодинамических потенциалов» [15. С. 53]. В 1972–1974 гг. В.А. Михайлов возглавил кафедру.

Проблема подготовки кадров для химической науки и промышленности стала одной из основных тем IX Менделеевского съезда в 1965 г. Представители университетов уделяли особое внимание высшему химическому образованию и его месту в системе химико-технологического образования в целом. Отмечались недостаточно высокий уровень обучения химии в школе и, как следствие, недостаточная конкурентоспособность отечественного химического образования. Большое внимание уделялось изменению характера подготовки химиков в университетах, предлагалось создать профильные образовательные программы для неоргаников, органиков и физикохимиков в соответствии с современными тенденциями дифференциации и интеграции знаний в мировой науке. Рекомендации участников съезда Министерству высшего и среднего специального образования СССР содержали ряд мер по совершенствованию учебных программ и планов для междисциплинарной подготовки студентов-химиков высшей и средней квалификации [13].

В 1967-1983 гг. ФЕН возглавлял известный учёный в области химии и биологии нуклеиновых кислот акад. Д.Г. Кнорре. Он кардинально перестроил учебные планы и программы по химии, так как развитие науки, а также направлений в области применения новых методов исследования (ЯМР, ЭПР и др.) требовало новых форм её преподавания. Д.Г. Кнорре предложил сначала знакомить студентов с общими основами строения вещества, химической кинетики и термодинамики и только потом изучать особенности строения конкретных типов и классов органических и неорганических соединений и их взаимодействия. Таким образом образование студентов-физхимиков было разделено на два этапа. С 1971 г. вводный курс по базовым химическим дисциплинам начинался с физической химии и был обязательным для химиков, биохимиков и биологов. Этот комплекс был общим и занимал два года. Подобное интегрированное обучение расширяло кругозор студентов, открывая в перспективе широкие возможности. Для химиков это были новые, междисциплинарные направления на стыке биологии и химии: биокатализ, бионеорганическая и биоорганическая химии и т.д. Биологи получали усиленную подготовку по неорганической и органической химии, которая расширяла их практические знания. Таким образом, период руководства факультетом акад. Д.Г. Кнорре был связан с интересным и оправдавшим себя экспериментом: введением интегрированного обучения химиков и биологов на первых двух курсах [15. С. 2-4].

В 1974—1979 гг. кафедрой физической химии руководил доц., канд. хим. наук В.С. Музыкантов (с.н.с. Института катализа (ИК) СО АН СССР), занимавшийся исследованиями механизма каталитических

реакций с использованием изотопных методов. Именно в это время происходила перестройка учебных программ по химии под руководством Д.Г. Кнорре, в которой кафедра физхимии приняла самое активное участие: с этого момента образовательный курс студентов по физической химии разделили на два этапа, о которых говорилось выше. Был создан учебник по физической химии для студентов ФЕН первого года обучения, составлены специальные сборники задач [18]. С 1974 г. В.С. Музыкантов читал углубленный курс физической химии для студентов-химиков в 5-м семестре. В это же время он организовал заочную химическую школу для школьников Новосибирска и области, способствуя укреплению довузовской подготовки по химии.

Следующий этап в развитии кафедры относится к Заведующим кафедрой стал проф. 1979–1996 гг. К.И. Замараев (акад. АН СССР с 1987 г., заместитель директора ИК СО АН СССР) - специалист в области химической кинетики и катализа, известный физикохимик. При нём началось применение современной вычислительной техники для подготовки химиков. Около 10 лет К.И. Замараев читал курс лекций «Химическая кинетика». Его коллега и ученик доц. В.М. Тормышев внедрил в процесс обучения студентов машинное моделирование процессов и явлений физической химии, уделив особое внимание прикладным программам к лабораторному практикуму по химической кинетике с использованием современных физических приборов и ЭВМ. Благодаря курирующим институтам Сибирского отделения лабораторный практикум по физической химии оснащался самыми современными физическими приборами. Лабораторные работы выполнялись на современных хроматографах, регистрирующих УФ- и ИКспектрометрах. Студенты имели возможность снимать спектры ядерного магнитного резонанса и ЭПР. Методические пособия и рекомендации к практикумам по химической кинетике, химической термодинамике, ЯМР и ИК-спектроскопии создавались ведущими сотрудниками кафедры и факультета [19].

Кафедра физической химии являлась общеобразовательной и выпускающей (специализирующей). С 1962 г. она обеспечивала специализацию по биохимии и химической кинетике. Позже к ним добавились специализации по катализу (1965/66 уч. г.) и химии твердого тела (1971 г.). К середине 1980-х гг. некоторые из них превратились в самостоятельные выпускающие кафедры. К концу 1980-х гг. на кафедре физхимии осталась одна специализация по химической кинетике, основанная ещё В.В. Воеводским. Студенты изучали механизмы каталитических реакций, радиационно- и фотохимические процессы в газовой, жидкой и твёрдой фазах, проводили исследования химических превращений, инициируемых лазерным излучением, применяли методы ЭПР и ЯМРспектрометрии в комбинации с другими методами, использовали ЭВМ для интерпретации полученных данных. Базовым институтом кафедры физической химии оставался ИХКиГ [15. С. 56–57].

В 1984 г. Пленум ЦК КПСС в очередной раз призвал к модернизации высшей школы. Официальные

документы того периода отмечали, что главной задачей вузов страны является подготовка специалистоворганизаторов производства для народного хозяйства. Главное требование относилось к способности этих специалистов разрабатывать и внедрять в экономику страны достижения научно-технического прогресса. Программа развития химической промышленности, предложенная на Пленуме ЦК КПСС, оказывала существенное влияние на содержание учебных программ и спецкурсов университетов, а также тематику проводимых ими научных исследований в 1960—1980-е гг. [20—22].

В 1978 г. ректором НГУ стал акад. В.А. Коптюг. Как сторонник поиска новых путей в образовании и науке, он по достоинству оценил «физтеховские» принципы университета и использование активных форм обучения. С 1979 г. НГУ стал базовым вузом страны по внедрению ЭВМ в учебный процесс. Коптюг инициировал организацию терминальных классов и лаборатории, а позже и отдела «ЭВМ в учебном процессе». На ФЕН начали активно применяться новые методы и формы обучения, в частности возник семинар «Машинное моделирование процессов и явлений физической химии». В лаборатории терминальных систем НГУ студенты работали с молекулярными спектрами: ЯМР на всех ядрах, ИК, УФ. В 1984 г. эта разработка была представлена на ВДНХ СССР как специализированный пакет прикладных учебных программ по физической химии. В 1986 г. в Новосибирском университете было организовано Всероссийское методическое совещание-семинар по обмену опытом использования ЭВМ в учебном процессе и научно-исследовательской деятельности студентов, в работе которого активное участие принимала кафедра физической химии, её преподаватели и студенты [12; 15. С. 4-5].

К началу 1990-х гг. преподавательский состав кафедры физической химии включал 30 специалистов ведущих сотрудников СО РАН, из них один академик, пять профессоров, докторов химических наук, 14 кандидатов наук, в том числе девять доцентов. Они создали пособия, учебники, практикумы, разработали сборники оригинальных задач и курсы лекций. С 1996 по 2002 г. кафедрой заведовал проф., д-р хим. наук Е.Н. Савинов (в.н.с. ИК СО РАН), один из крупнейших специалистов в области фотокатализа на полупроводниках, успешно занимавшийся фундаментальными проблемами солнечной энергетики и природного фотокатализа. Е.Н. Савинов был учеником и последователем акад. К.И. Замараева. Их усилиями курс химической кинетики «существенно продвинулся в сторону большей точности, строгости и последовательности изложения и был дополнен примерами и задачами из современной химии» [19]. В 1997 г. коллектив преподавателей кафедры составил и издал «Сборник задач по химической кинетике и катализу» (под общей редакцией Е.Н. Савинова и В.Н. Пармона). Задачи создавались лекторами НГУ, читавшими курс химической кинетики. Ряд достаточно сложных задач, включенных в сборник, был составлен в основном В.П. Ждановым, Е.Н. Савиновым, В.А. Семиколеновым и В.А. Собяниным и предлагался также на кандидатских экзаменах в ИК СО РАН [23].

Кафедра готовила химиков и экологов для работы на стыке наук. За время её существования (на момент 2013 г.) было подготовлено около 700 исследователей в области химической кинетики и катализа, химии твердого тела и биохимии. Из них 65% специалистов остались работать в системе высшего образования и Академии наук, ещё 25% нашли применение в таких отраслях народного хозяйства, как химическая, нефтехимическая и газовая промышленности, чёрная и цветная металлургии и др. Многие из них стали ведущими сотрудниками институтов Сибирского отделения. Таким образом, традиции междисциплинарности, заложенные основателем кафедры акад. В.В. Воеводским, продолжали развиваться. К началу 2000-х гг. сотрудниками ИХКиГ студентам кафедры читалось восемь спецкурсов: кинетика процессов горения, фотохимия, основы теории химических реакций, расчётные методы квантовой химии, кинетика жидкофазных реакций, современные методы химической кинетики, экологическая и радиационная химия. Таким образом, институционализация дисциплин физической химии и её направлений, связанных с развитием исследований в области спиновой химии и изучением магнитных явлений, происходила своевременно и эффективно [24].

Как уже отмечалось, ИХКиГ также являлся одним из базовых институтов и для кафедры химической физики. В 1961 г. физико-математический факультет НГУ разделили на механико-математический (ММФ, декан, д-р физ.-мат. наук П.П. Белинский) и физический (ФФ, декан, канд. техн. наук, доц. Р.И. Солоухин, позже чл.-корр. АН СССР, д-р физ.-мат. наук, проф.). В создании ФФ активное участие принимали академики М.А. Лаврентьев, Г.И. Будкер, В.В. Воеводский. Первыми лекторами и создателями идеологии курса физики были Г.И. Будкер, Б.В. Чириков, Р.И. Солоухин. Первым заведующим кафедрой общей физики стал Г.И. Будкер. Именно в эти годы были заложены основные элементы технологии преподавания физики - «лабораторные практикумы, лекционные демонстрации, месячные задания, промежуточные потоковые контрольные, "бригады" преподавателей по различным курсам и практикумам во главе с лектором и "бригадиром"» [25].

В 1962-1965 гг. факультет возглавил физик Р.З. Сагдеев (зав. лабораторией Института ядерной физики СО АН СССР, впоследствии акад. АН СССР, д-р физ.-мат. наук, проф.), специалист в области физики плазмы и управляемого термоядерного синтеза. В.В. Воеводский активно включился в работу физфака в качестве декана ФЕН и заведующего кафедрой физической химии, понимая, что современная химия и биология нуждаются в специалистах-физиках. Он приступил к организации соответствующей специальности, а впоследствии и выпускающей кафедры на физическом факультете. Его помощниками стали профессора А.И. Бурштейн и Ю.Н. Молин. В 1962 г. новую специализацию «Молекулярная физика» возглавил А.И. Бурштейн, на основе которой в дальнейшем возникла кафедра химической и биологической физики. Сотрудник лаборатории теоретической химии ИХКиГ А.И. Бурштейн проработал в НГУ более 25 лет. Он разработал курсы лекций по молекулярной физике и квантовой кинетике, занимался оптической спектроскопией, теорией химических реакций в растворах, кинетикой квантовых систем и другими разделами теоретической и химической физики. В 1973 г. специализация была преобразована в кафедру химической физики. Возглавлял кафедру Ю.Н. Молин (1973–1995 гг.). За 20 лет кафедра выпустила более 400 специалистов и стала одной из лучших на ФФ НГУ. В 1986 г. он и его коллеги Р.З. Сагдеев, К.М. Салихов, А.Л. Бучаченко, Е.М. Франкевич были удостоены Ленинской премии за цикл работ «Магнитно-спиновые эффекты в химических реакциях» [26].

С 1995 г. заведующим кафедрой стал выпускник ФФ НГУ, д-р физ.-мат. наук проф. С.А. Дзюба (в 2003–2013 гг. – директор ИХКиГ СО РАН, лауреат Государственной премии СССР, 1988 г.), специалист в области ЭПР-спектроскопии и её физико-химических и биологических приложений. На ФФ НГУ он читал спецкурс «Спектроскопия магнитного резонанса» и общий курс «Молекулярная физика». В 1998 г. кафедра получила современное название «кафедра химической и биологической физики».

С момента своего основания кафедра готовила специалистов, работающих на стыке нескольких наук: химии, физики, биологии. Основная задача – изучение процессов, происходящих на молекулярном уровне (в том числе в живых системах) с помощью физических методов. Наиболее востребованные перспективные направления, в которых работали и продолжают работать выпускники кафедры, - это биофизика и физическая химия, а также науки о материалах. Их достижения и открытия используются в физике твёрдого тела и лазерных технологиях, биологии и медицине, в том числе МРТ. Особенностью научной работы студентов кафедры химической физики стало решение задач в рамках основных направлений - физикохимия поверхности и исследование свойств новых материалов, квантовая химия, катализ, исследование быстрых фотохимических и термических реакций, МР-спектроскопия и её применение для изучения биологических систем, процессы горения и многое другое [25]. Широкий спектр направлений кафедры позволяет студентам проявлять самостоятельность и творческий подход в работе. Уже к окончанию магистратуры они активно публикуются, участвуют в российских и международных конференциях, получают персональные молодёжные гранты и именные стипендии. Дипломную практистуденты проходят в институтах химикобиологического профиля: ИХКиГ, Международном томографическом центре, ИК, ИЦиГ, ИНХ, ИХТТМ (ИНХ - Институт неорганической химии, ИХТТМ -Институт химии твёрдого тела и механохимии) и др.

К середине 2000-х гг. на кафедре химической физики ФФ НГУ работали 16 специалистов высшей квалификации, из них 10 докторов химических и физикоматематических наук, четыре кандидата физикоматематических и один кандидат химических наук. За время своего существования кафедра подготовила свыше 550 выпускников. На начало 2010 г. кандидатские диссертации защитили более 260 человек (практи-

чески каждый второй), 50 выпускников стали докторами наук. Выпускники кафедры имеют высокие государственные награды, в том числе Государственные премии СССР и России, десятки специалистов занимаются исследованиями в ведущих университетах и лабораториях Европы, США и Японии. Академики Р.З. Сагдеев и Н.З. Ляхов – также выпускники этой кафедры [25].

В результате деятельности только этих двух кафедр НГУ, базовых для интегрированной специальности на стыке двух наук, быстро осуществлялся процесс укрепления кадрового потенциала нескольких институтов химического профиля в СО АН СССР (СО РАН). Действуя целенаправленно, они сформировали более 40% научных сотрудников Института химической кинетики и горения СО РАН, а также Международного томографического центра, являющихся базовыми для этих кафедр. Структура и состав научных кадров, уровень их научной квалификации, территориальное размещение и многие другие аспекты определяют эффективность работы любого научного комплекса. Чётко поставленные и реализованные задачи по институционализации кафедр физической химии и химической физики через интеграцию НГУ с химическими институтами СО АН СССР (СО РАН) позволили наполнить квалифицированными кадрами необходимого профиля Сибирский академический комплекс. Тщательно разработанные методики профессионализации выпускников по нескольким специализациям в рамках единой специальности «физическая химия», воспитываемая на «физтеховских принципах» и целенаправленно культивируемая способность оперативно, творчески и квалифицированно реагировать на возникновение новых проблем, открыли возможности для развития перспективных научных направлений, в том числе магнитного резонанса и его практических приложений. Мобильность и адаптируемость обучающих программ этих двух кафедр к постановке и решению новых междисциплинарных задач определили компетентность их выпускников, позволяя утверждать, что рациональное воспроизводство кадров является залогом эффективности работы как отдельного научного учреждения, так и всего научно-образовательного комплекса. Для ИХКиГ, как и для других научных учреждений СО АН СССР, сотрудничество с НГУ было полезно как с точки зрения повышения возможностей Института при проведении экспериментальных исследований, так и в целях заблаговременной подготовки и отбора квалифицированных кадров из числа студентов, выполняющих дипломные работы в Институте [27]. Это сотрудничество осуществлялось по нескольким направлениям: совместные научно-исследовательские работы, организация дипломной и производственной практики для студентов ФФ и ФЕН, преподавательская работа ведущих сотрудников Института, научное руководство аспирантами, проведение конференций и семинаров, участие в проведении Всесоюзных конференций студенческих работ и др. [28, 29]. Глубокая проработка кадровых вопросов в Институте стала залогом успеха нового направления физической химии - спиновой химии и её приложений, включая МРТ.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Лаврентьев М.А. Опыты жизни. 50 лет в науке // Век Лаврентьева. Новосибирск, 2000.
- 2. Лаврентьев М.А. Развитие науки в Сибири и на Дальнем Востоке // Вестник АН СССР. 1957. № 12. С. 3-7.
- 3. Российская академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк / Е.Г. Водичев, С.А. Красильников, В.А. Ламин и др. Новосибирск: Наука, 2007. 510 с.
- 4. Молетотов Й.А. Проблема кадров Сибирского научного центра и её решение (1957–64 гг.) // Вопросы истории советской Сибири. Новосибирск, 1967. Вып. 1. С. 334–350.
- 5. Водичев Е.Г., Узбекова Ю.И. Развитие академической науки в Сибири: историографический очерк // Советская региональная культурная политика: проблемы изучения : сб. науч. тр. Новосибирск : Сова, 2004. 240 с.
- 6. Дедюшина Н.А., Щербаков А.И. О формировании научных кадров Сибирского отделения АН СССР // Вопросы истории науки и профессионального образования в Сибири. Новосибирск, 1968. Вып. 1. С. 219.
- 7. Водичев Е.Г. Путь на Восток: Формирование и развитие научного потенциала Сибири. Середина 50-х 60-е гг. Новосибирск, 1994. С 101–102
- 8. Карлов Н.В. Повесть древних времён, или предыстория Физтеха. 2-е изд., испр. и доп. Препринт/МЦГО МФТИ. № 4. Работа поддержана грантом РФФИ (05-06-80191). М., 2005. 200 с.
- 9. Золкин А.С. Развитие концепции современного естествознания // Современные проблемы науки и образования. 2006. № 1. С. 52–53.
- 10. Интервью акад. И.Н. Векуа // Вечерний Новосибирск. 1959. 28 мая.
- 11. Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР. Принят Верховным Советом СССР 24 декабря 1958 г. // Народное образование в СССР : сб. док., 1917–1973 гг. М. : Педагогика, 1974.
- 12. Хроника жизни НГУ (к юбилею 55-летия НГУ). URL: http://www.nsu.ru/exp/news_archive.j
- 13. Осколок К.В. Проблемы подготовки специалистов-химиков в университетах СССР во второй половине XX в. // Теория и практика общественного развития. 2013. Вып. 7.
- 14. Всесоюзное совещание работников высшей школы в Кремле (4–7 июля 1961 года): сокращенный стенографический отчет. М.: Высш. шк., 1961.
- 15. Архив ФЕН НГУ, материалы к 25-летию ФЕН НГУ.
- 16. «О дальнейшем развитии научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях». Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 20 февраля 1964 г. № 163 // Справочник партийного работника. М., 1966. Вып. 6.
- 17. НАСО. Ф. 10. Оп. 5. Д. 551.
- 18. Кнорре Д.Г., Крылова Л.Ф., Музыкантов В.С. Физическая химия. М.: Высш. шк., 1981.
- 19. Зеленина Л.Н. История создания и развития // Из архива кафедры Физической химии ФЕН НГУ.
- 20. Материалы Пленума Центрального комитета КПСС (10 апреля 1984 года). М.: Политиздат, 1984.
- 21. О мерах по улучшению подготовки специалистов и совершенствованию руководства высшим и средним специальным образованием в стране. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 3 сентября 1966 г. № 729 // Собрание постановлений СССР. 1966. № 20.
- 22. О мерах по ускорению научно-технического прогресса в народном хозяйстве. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 18 августа 1983 г. № 814. М.: Политиздат, 1983.
- 23. Сборник задач по химической кинетике и катализу / предисл. А.Г. Окунев, В.Н. Пармон. Новосибирск : НГУ, 2009.
- 24. Текущий архив ИХКиГ СО РАН, отчёты
- 25. Материалы сайта кафедры физхимии ФФ НГУ. URL: http://hf.nsu.ru/history.html
- 26. Российская академия наук. Сибирское отделение: Персональный состав / сост. Е.Г. Водичев, Г.М. Запорожченко, О.Н. Калинина и др. Новосибирск : Наука, 2007. 603 с.
- 27. НАСО. Ф. 10. Оп. 5. Д. 1349. Д. 1450, 1770.
- 28. НАСО. Ф. 10. Оп. 5. Д. 2082.
- 29. НАСО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 568.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 августа 2016 г.

TRAINING OF SPECIALISTS IN PHYSICAL CHEMISTRY IN UNIVERSITIES (NSU) IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 123–130.

DOI: 10.17223/15617793/410/20

Olga A. Savelova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: savol@bk.ru

Keywords: institutionalization; training of scientific personnel; "Phystech" system in physical chemistry; MRI.

The objective of this research is a historical reconstruction of the training stages of physical chemistry specialists at a higher school on the example of the activities of Novosibirsk State University (NSU) in the second half of the 20th century under the influence of various factors: from intrinsic and general scientific prerequisites to the changing social and economic conditions. The subject of analysis is the educational activities of the chemical departments of NSU aimed at the training of specialists in the field of physical chemistry and related areas, including magnetic resonance imaging (MRI). The role of Soviet academic institutions and their scientific leaders in the institutionalization of physical chemistry and chemical physics fundamental for the new field of physical and chemical knowledge of magnetic phenomena is analyzed. In the Novosibirsk Scientific Center, research has always been based on the principles of "integration and interdisciplinarity" and relied on the skilled personnel. NSU was the key actor in the replenishment of the scientific staff. The system of the training of qualified chemists in NSU was determined by several factors: advances of national and international chemical science, development of chemical and related industries, the policy of the development of raw material regions including Siberia, socio-economic and political processes in the society including the evolution of science and the education policy. Two departments of NSU, the Physical Chemistry Department, Faculty of Natural Sciences, and the Chemical and Biological Physics Department, Faculty of Physics, were engaged in educating professionals in the new direction of spin chemistry - magnetic resonance spectroscopy and later MRI. The Institute of Chemical Kinetics and Combustion of SB USSR AS / SB RAS and the International Tomography Center played a major role in staffing these departments. Carefully designed curricula for graduates in physical chemistry adjusted to the "Phystech" principles cultivated their ability to respond to emerging issues creatively and professionally, and opened opportunities for the development of promising scientific fields, including magnetic resonance and its practical applications. Mobility and adaptability of curricula of these two departments provided for the interdisciplinary competence of their graduates. Inter-departmental cooperation embraced several directions: joint research projects, organization of diploma and work experience for students of physics and natural sciences, teaching jobs for leading scientists of the academic institutes, scientific support of graduates, in-house conferences and seminars, participation in national student conferences, etc. All these factors contributed to the success in the institutionalizing of the new direction of physical chemistry – spin chemistry and its applications, including MRI.

REFERENCES

- 1. Lavrent'ev, M.A. (2000) Opyty zhizni. 50 let v nauke [Experience of a lifetime. 50 years in science]. In: Pritvits, N.A., Ermikov, V.D. & Ibragimova, Z.M. Vek Lavrent'eva [Lavrentiev's Century]. Novosibirsk: SB RAS; Geo Branch.
- 2. Lavrent'ev, M.A. (1957) Razvitie nauki v Sibiri i na Dal'nem Vostoke [The development of science in Siberia and the Far East]. *Vestnik AN SSSR*. 12. pp. 3–7.
- 3. Vodichev, E.G. et al. (2007) Rossiyskaya akademiya nauk. Sibirskoe otdelenie: Istoricheskiy ocherk [The Russian Academy of Sciences. Siberian Branch. A historical essay]. Novosibirsk: Nauka.
- 4. Moletotov, I.A. (1967) Problema kadrov Sibirskogo nauchnogo tsentra i ee reshenie (1957–64 gg.) [The problem of staff of the Siberian Scientific Center and its solution (1957–1964)]. *Voprosy istorii sovetskoy Sibiri*. 1. pp. 334–350.
- 5. Vodichev, E.G & Uzbekova, Yu.I. (2004) Razvitie akademicheskoy nauki v Sibiri: istoriograficheskiy ocherk [Development of academic science in Siberia: a historiographical essay]. In: Krasil'nikov, A.S. (ed.) Sovetskaya regional'naya kul'turnaya politika: problemy izucheniya [Soviet regional cultural policy: problems of study]. Novosibirsk: Sova.
- 6. Dedyushina, N.A. & Shcherbakov, A.I. (1968) O formirovanii nauchnykh kadrov Sibirskogo otdeleniya AN SSSR [On the formation of the scientific staff of the Siberian Branch of the USSR AS]. Voprosy istorii nauki i professional'nogo obrazovaniya v Sibiri. 1. p. 219.
- 7. Vodichev, E.G. (1994) Put' na Vostok: Formirovanie i razvitie nauchnogo potentsiala Sibiri. Seredina 50-kh 60-e gg. [Road to the East: The formation and development of scientific potential of Siberia. Mid-1950s 1960s]. Novosibirsk: Ekor.
- 8. Karlov, N.V. (2005) Povest' drevnikh vremen, ili predystoriya Fiztekha [The story of ancient times, or the background of Phystech]. 2nd ed. Moscow: Tsentr gumanitarnogo obrazovaniya "Petr Velikiy" MFTI.
- 9. Zolkin, A.S. (2006) Razvitie kontseptsii sovremennogo estestvoznaniya [The development of the concept of modern science]. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya Modern Problems of Science and Education. 1. pp. 52–53.
- 10. Vecherniy Novosibirsk. (1959) Interv'yu akad. I.N. Vekua [Interview of Acad. I.N. Vekua]. Vecherniy Novosibirsk. 28 May.
- 11. Abakumov, A.A. et al. (1974) Zakon ob ukreplenii svyazi shkoly s zhizn'yu i o dal'neyshem razvitii sistemy narodnogo obrazovaniya v SSSR. Prinyat Verkhovnym Sovetom SSSR 24 dekabrya 1958 g. [Law on the strengthening of ties of school with life and on the further development of the public education system in the USSR. Adopted by the Supreme Soviet of the USSR on December 24, 1958]. In: *Narodnoe obrazovanie v SSSR: sb. dok., 1917–1973 gg.* [Education in the USSR: collected articles, 1917–1973]. Moscow: Pedagogika.
- 12. Novosibirsk State University. (2014) Khronika zhizni NGU (k yubileyu 55 let NGÜ) [Chronicle of NSÜ life (the 55th anniversary of NSÜ)]. [Online] Available from: http://www.nsu.ru/exp/news archive.j.
- 13. Oskolok, K.V. (2013) Problems of education of specialists in chemistry at the universities of the USSR in the late 20th century. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya Theory and Practice of Social Development.* 7. (In Russian).
- 14. Anon. (1961) Vsesoyuznoe soveshchanie rabotnikov vysshey shkoly v Kremle (4–7 iyulya 1961 goda): sokrashchennyy stenograficheskiy otchet [All-Union Conference of workers of the higher school in the Kremlin (4–7 July 1961): abridged verbatim record]. Moscow: Vysshaya shkola.
- 15. Archive of NSU Natural Sciences Faculty. Materialy k 25-letiyu FEN NGU [Materials to the 25th anniversary of the Natural Sciences Faculty of NSU]
- 16. Spravochnik partiynogo rabotnika (1966) "O dal'neyshem razvitii nauchno-issledovatel'skoy raboty v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh". Postanovlenie TsK KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 20 fevralya 1964 g. № 163 ["On the further development of research in higher education institutions". A decision of the Central Committee of the CPSU and the USSR Council of Ministers on February 20, 1964, no. 163]. Spravochnik partiynogo rabotnika. 6.
- 17. NASO. Fund 10. List 5. File 551. (In Russian).
- 18. Knoppe, D.G., Krylova, L.F. & Muzykantov, V.S. (1981) Fizicheskaya khimiya [Physical chemistry]. Moscow: Vysshaya shkola.
- 19. Zelenina, L.N. (n.d.) *Istoriya sozdaniya i razvitiya* [History and Development]. From the archive of the Department of Physical Chemistry of NSU Natural Sciences Faculty.
- 20. Politizdat. (1984) Materialy Plenuma Tsentral'nogo komiteta KPSS (10 aprelya 1984 goda) [Materials of the Plenum of the CPSU Central Committee (April 10, 1984)]. Moscow: Politizdat.
- 21. USSR. (1966) O merakh po uluchsheniyu podgotovki spetsialistov i sovershenstvovaniyu rukovodstva vysshim i srednim spetsial'nym obrazovaniem v strane. Postanovlenie TsK KPSS i Soveta ministrov SSSR ot 3 sentyabrya 1966 goda № 729 [On measures to improve training and management of higher and secondary special education in the country. Resolution of the CC CPSU and the USSR Council of Ministers of September 3, 1966, no. 729]. Sobranie postanovleniy SSSR. 20.
- 22. Politizdat. (1983) O merakh po uskoreniyu nauchno-tekhnicheskogo progressa v narodnom khozyaystve. Postanovlenie TsK KPSS i Soveta ministrov SSSR ot 18 avgusta 1983 g. № 814 [On measures to accelerate scientific and technological progress in the national economy. Resolution of the Central Committee of the CPSU and the USSR Council of Ministers of August 18, 1983, no. 814]. Moscow: Politizdat.
- 23. Savinov, E.N. et al. (2009) Sbornik zadach po khimicheskoy kinetike i katalizu [Collection of tasks in chemical kinetics and catalysis]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
- 24. The current archive of the Institute of Chemical Kinetics and Combustion SB RAS, reports. (In Russian).
- 25. Materials of the website of the Department of Physchemistry of NSU Physics Faculty. [Online] Available from: http://hf.nsu.ru/history.html. (In Russian).
- 26. Vodichev, E.G. et al. (2007) Rossiyskaya akademiya nauk. Sibirskoe otdelenie: Personal'nyy sostav [The Russian Academy of Sciences. Siberian Branch: members]. Novosibirsk: Nauka.
- 27. NASO. Fund 10. List 5. Files 1349, 1450, 1770. (In Russian).
- 28. NASO. Fund 10. List 5. File 2082. (In Russian).
- 29. NASO. Fund 38. List 1. File 568. (In Russian).

Received: 12 August 2016

УДК 93/94

О.Е. Сафонова

К ВОПРОСУ О ДОБРОВОЛЬНЫХ НЕПОЛИТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ В РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Рассматривается процесс возникновения и функционирования неполитических общественных объединений по защите жизни и здоровья населения на территории Рязанской губернии в конце XIX – начале XX в. Среди них – региональные отделения Российского Общества Красного Креста и Российского Общества спасания на водах, а также многочисленные пожарные общества. Отмечается, что данные организации пользовались поддержкой власти и находились под покровительством императорской семьи, т.е. имели привилегированный статус. На основе документов Рязанского государственного архива анализируются количественный состав региональных объединений указанной направленности, их материальнофинансовая база и основные методы работы.

Ключевые слова: добровольные объединения; борьба с пожарами; Российское Общество Красного Креста; страхование жизни; Рязанская губерния.

Среди многочисленных неполитических организаций, получивших широкое распространение в Российской империи на рубеже XIX—XX вв., важное место занимали объединения помощи населению при несчастных случаях, массовых бедствиях и чрезвычайных ситуациях. Подобные общества существовали и в Рязанской губернии. Но несмотря на наличие корпуса разнообразных источников, связанных с их деятельностью, данные организации практически не получили отражения в исследованиях региональной направленности.

Особенно интенсивно процесс создания «самодеятельных» объединений шел в пореформенное время — период становления гражданского общества в России, когда добровольная инициатива стала одной из основных движущих сил модернизации дореволюционного социума как в столице, так и на периферии. Проявлением социальной ответственности и приверженности принципам гуманизма стало участие рязанцев в таких организациях, как пожарные общества, общества спасания на водах, Общество Красного Креста и др. Эти объединения носили гуманитарно-благотворительный характер и дополняли деятельность местных административных органов, полиции и органов самоуправления в организации экстренной помощи населению.

Роль мощного катализатора появления общественных организаций данной направленности сыграли социальные потрясения конца XIX в., прежде всего голод 1891 г. Одним из тех, кто подчеркивал значение этого фактора, был известный политический деятель и правовед В.А. Маклаков. По его мнению, «оживление общества после уныния 80-х гг. началось с голода 1891 г., когда обществу позволили действовать», и «оно со страстью на эту новую для себя свободу набросилось» [1. С. 154, 146]. Кроме того, определенное влияние в этот период оказали и общественные ожидания либерализации внутриполитического курса в связи с началом нового царствования.

Стоит отметить, что зачастую центральная и местная власть оказывала поддержку в создании подобных филантропических и спасательных объединений, осознавая их полезность, но в то же время политическую нейтральность и даже лояльность. В результате многие из этих обществ и их структурных подразделений

приобретали полуадминистративный-полуобщественный статус.

К указанному смешанному типу добровольных неполитических организаций, осуществлявших защиту населения от огненной стихии, относились пожарные общества. По сведениям источников регионального архива, в начале XX в. всего в Рязанской губернии насчитывалось 19 пожарных обществ и дружин (городских и сельских) [2. Л. 1]. Наряду с пожарными командами, входившими в систему Министерства внутренних дел, в Рязани и уездах действовали вольные пожарные общества. Периодом наиболее активного возникновения последних стали 1897–1899 гг., чему во многом способствовало издание типовых нормативно-правовых документов - Нормального устава городских пожарных обществ 23 января 1896 г. и Нормального устава сельских пожарных дружин 5 августа 1897 г. [3. С. 97]. Активное содействие появлению и деятельности подобных организаций оказывали органы местного управления и представители власти на местах, которые были непосредственно заинтересованы в поддержании порядка в подответственном населенном пункте при одновременном сокращении расходов на содержание профессиональных пожарных подразделений.

Свидетельством такой поддержки является переписка Егорьевского городского головы с рязанским губернатором в июне 1902 г. по вопросу об учреждении Егорьевского добровольного пожарного общества. Согласно рапорту городского головы инициатива егорьевцев, объединившихся в добровольную пожарную команду, была поддержана городской думой. При обсуждении в заседании этого вопроса дума, «вполне соглашаясь с мнением [городской] Управы о той существенной пользе, которая приносится сказанными командами при тушении пожаров», поручила последней возбудить надлежащее ходатайство перед губернской властью об утверждении устава добровольного объединения [4. Л. 1].

Принципы работы пожарных объединений губернии можно рассмотреть на примере открывшегося в 1897 г. Рязанского Вольного пожарного общества. Оно входило в состав Российского пожарного общества, получившего в 1898 г. звание «Императорское». В уставе декларировалось следующее: «Общество учреждается с целью

тушения пожаров и вообще противодействия пожарным бедствиям в пределах города Рязани и его слобод: Ямской, Троицкой и Рыбацкой» [5. Л. 4 а].

Для реализации цели обществу разрешалось содержать пожарную команду и особый отдел трубочистов, контролировать соблюдение в районе своей деятельности правил пожарной и строительной безопасности, приобретать недвижимое имущество для своих нужд и для сдачи в аренду, содержать хор музыки и устраивать с разрешения властей публичные увеселительные мероприятия. Кроме того, объединение могло иметь именное знамя и печать [Там же. Л. 4 а–4 б].

В соответствии с общими требованиями, содержавшимися в уставах большинства добровольных общественных объединений рубежа XIX–XX вв., в состав Рязанского Вольного пожарного общества не принимались: лица до 17 лет, состоящие на военной службе нижние чины и ограниченные в правах по суду. В то же время учащиеся допускались к членству с разрешения начальства учебного заведения.

Объединение включало несколько категорий членов, обладавших разными обязанностями и правами: «действительных», «охотников» «почетных», «жертвователей». Так называемые действительные члены и члены-охотники (только лица мужского пола), как правило, принимали непосредственное участие в тушении пожаров. При этом первые имели право участвовать в управлении делами общества и обязывались платить ежегодный денежный взнос в пользу общества. Члены-жертвователи (в том числе лица женского пола, а также общества и учреждения) не присутствовали на пожарах, но осуществляли ежегодные или единовременные пожертвования в общественную кассу, наименьший размер которых определялся на общих собраниях. Наконец, в почетные члены избирались лица, пожертвовавшие значительные денежные средства, а также известные пожарные деятели [Там же. Л. 4 б-4 в]. По сведениям 1911 г., ежегодный взнос для действительных членов общества составлял 3 руб., для жертвователей – 5 руб. [6. № 1. С. 4].

На первом этапе существования объединения количество его членов постоянно росло: 1901 г. — 80 чел. (5 почетных, 11 пожизненных, 25 действительных и 39 жертвователей) [7. Л. 72], 1902 г. — 112 чел. (6 почетных, 10 пожизненных, 30 действительных и 66 жертвователей) [2. Л. 93]. Однако с 1904—1905 гг. оно значительно уменьшается, что, очевидно, было связано, с одной стороны, с началом Русско-японской войны и уходом части членов на фронт, а с другой — с общей социально-экономической нестабильностью и, как следствие, сокращением числа членов-жертвователей. Об этом свидетельствует и отрицательная динамика общих сумм ежегодных членских взносов: 1900 г. — 216 руб., 1902 г. — 389 руб., 1903 г. — 502 руб., 1904 г. — 200 руб., 1905 г. — 330 руб. [8. Л. 88].

Во главе общества стояло правление, включавшее председателя, не менее двух человек из числа действительных членов и начальника пожарной команды. В состав правления входили представители местной власти и полиции, военные, купцы, мещане, священнослужители. Председателями общества в разное

время были: городской голова В.С. Буймистров (упоминается в отчете за 1901 г.), генерал-майор С.И. Шанявский (упоминается в 1903 г.), городской голова И.А. Антонов (упоминается в 1911 г.). Последний факт еще раз свидетельствует о наличии административного ресурса в деятельности объединений данного типа.

Средства общества складывались из взносов участников, пожертвований общественных организаций и частных лиц, пособий и субсидий органов местного управления (например, губернская земская управа ежегодно жертвовала 300 руб.), прибыли от публичных увеселительных мероприятий, доходов с размещенных в банках капиталов и от недвижимого имущества, поступлений за очистку труб, выступлений оркестра общества и др. Следует отдельно отметить финансовую помощь страховых обществ – организаций, заинтересованных в эффективной противопожарной деятельности и, как следствие, уменьшении объема страховых выплат пострадавшим от пожаров.

Расходы общества включали в себя траты на хозяйственные и канцелярские нужды, обмундирование членов и их снаряжение, пособия нуждающимся членам, создание страхового фонда.

Однако, судя по отчетам, финансовая деятельность Рязанского Вольного пожарного общества была не слишком удачной. Объединению с трудом удавалось сводить концы с концами, а в кризисный период 1904—1905 гг. и вовсе образовался дефицит его бюджета. Так, в 1901 г. общий денежный приход превысил расходы лишь на 6 руб. (5 235 руб. 83 коп. и 5 229 руб. 27 коп. соответственно) [7. Л. 72], в 1902 г. — на 101 руб. (приход составил 3 092 руб. 50 коп. при расходе в 2 981 руб. 37 коп.) [2. Л. 93]. В то же время в 1904 г. общий приход оказался меньше расходов на 1 194 руб. 46 коп. (4 918 руб. 27 коп. и 6 112 руб. 73 коп. соответственно) [8. Л. 75], а в 1905 г. — на 987 руб. 86 коп. (приход — 3 480 руб. 50 коп., расход — 4 468 руб. 36 коп.) [Там же. Л. 88].

В отчетах постоянно содержались ссылки на финансовые проблемы общества, которые усугублялись необходимостью вести строительство собственных административно-хозяйственных объектов и снаряжать пожарную команду. Нехватка средств проявилась сразу же после открытия общества - в октябре 1897 г. оно вынуждено было обратиться к нескольким страховым обществам и финансово-экономическим учреждениям за единовременной денежной помощью для приобретения спецодежды и оборудования для дружины [9. Л. 1–2]. В результате были получены пособия от страхового общества «Россия» (100 руб.), от Рязанского отделения Московского Международного Торгового Банка (100 руб.), Московского страхового общества (100 руб.), хозяйственного департамента МВД (500 руб.), Рязанского товарищества по производству пахотных и других сельскохозяйственных орудий и машин (50 руб.), страхового товарищества «Саламандра» (50 руб.) и Русского страхового общества (150 руб.) [Там же. Л. 6, 8, 9, 11, 13, 14]. А в 1900 г., когда общество начало строительство собственного помещения, Правлению пришлось заключить договор с артисткой Московских Императорских театров З.А. Колянковской о том, что половина дохода от театрального буфета во время ее выступлений будет поступать в кассу общества [10. Л. 2].

И в дальнейшем основная деятельность Правления была направлена на поиск средств для существования общества, что, однако, не мешало ему реализовывать задуманные проекты. Так, в 1901 г., как следует из ежегодного доклада, «имея в своем распоряжении к началу года только 16 руб. 10 коп., Правление, тем не менее, сделало подворные постройки на усадьбе общества, приобрело новые предметы обмундирования и снаряжения дружины» [7. Л. 72]. Почти идентичное сообщение в отчете за 1902 г. сопровождалось описанием трудностей с погашением задолженностей после постройки депо. Для этого Правлению пришлось даже обратиться в Совет Императорского Российского пожарного общества с просьбой об ассигновании безвозвратной ссуды в 1 000 руб., однако, не получив ответа, «ввиду крайней необходимости, Правление предложило общему собранию... разрешить заимообразно взять 500 р. из капитала, собранного на приобретение паровой трубы...» [2. Л. 93].

Несмотря на хроническую нехватку финансов, со временем обществу удалось укрепить свою материально-техническую базу. Спустя 15 лет с момента возникновения объединения в его распоряжении находились собственный дом с каланчой на Лазаревской улице, конюшни, обоз из 8 лошадей, депо с жилыми помещениями, пожарный инвентарь, паровая труба [6. № 1. С. 4]. Кроме того, благодаря энергичной деятельности члена объединения А.А. Худзинского и пожертвованиям рязанцев в июне 1902 г. при обществе появился собственный оркестр, который стал важным источником дохода [2. Л. 93].

Однако основной функцией объединения являлась, разумеется, борьба с пожарами. В архивных документах содержится статистика по количеству выездов пожарной дружины в места возгорания: 1898 г. – 19 раз, 1899 г. – 17 раз, 1900 г. – 32 раза, 1901 г. – 74 раза, 1902 г. – 39 раз [2. Л. 93; 11. Л. 37].

Успешная деятельность огнеборцев вызывала уважение и благодарность со стороны рязанцев и местной власти. Об этом свидетельствует запись в отчете правления за 1901 г.: «Своей работой на пожарах дружина заслужила получение письменной благодарности г. Рязанского Губернатора от 14 декабря 1901 г., за № 5753, на имя г. Председателя Общества В.С. Буймистрова» [7. Л. 76]. Помимо этого, ежегодно начиная с 1901 г. дружинники, которые «не менее двух лет беспорочно и усердно прослужили в рядах команды общества», награждались похвальными листами [Там же. Л. 77]. А в особых случаях члены пожарной команды поощрялись ценными подарками: «13 октября были поднесены золотые часы с цепью и жетоном по подписке от членов общества и некоторых жителей гор. Рязани брандмейстеру Московской части Гавриилу Дмитриевичу Иванову Ї за образцовую распорядительность, отвагу и хладнокровие в борьбе с огнем...» [2. Л. 93].

В качестве форм публичной деятельности, имевшей главной целью сбор средств для развития объединения, общество использовало спектакли, лотереи, катание на пароходе и т.д. А для просвещения и повышения профессионального уровня своих членов объединение участвовало в работе передвижных выставок, «касающихся предупреждения и прекращения пожаров» [12. Л. 74; 13. Л. 49].

Вспомогательной организацией, обеспечивавшей материальную компенсацию самим пожарным (и их семьям) за последствия несчастных случаев при исполнении профессиональных обязанностей, было Общество Голубого Креста. Оно было открыто 27 июня 1897 г. и распространяло свою деятельность на территории всей Российской империи. В Рязани находилось его отделение, в которое в качестве членов на первых порах вошли Михайловская, Данковская, Пронская, Спасская, Раненбургская и Рязанская пожарные команды, а также вышеописанное Рязанское пожарное общество [14. Л. 47].

Средства, необходимые для осуществления этих целей, находились частично благотворительным путем, а также из взносов действительных членов этого объединения, каковыми могли быть пожарные команды, общества и дружины. По сути, это было страховое общество, действовавшее по принципу дифференцированной системы взносов его участников. Размер взносов определялся в зависимости от: 1) количества членов пожарной команды, общества и дружины; 2) численности населения той местности, в которой она действует; 3) расположения и характера построек, а также других причин, влиявших на степень опасности для работы пожарных в данной местности. Для расчета суммы для каждого объединения-участника была составлена специальная таблица [Там же. Л. 6–7].

Так, являвшееся одним из главных членов Общества Голубого Креста Рязанское пожарное общество в качестве членского взноса ежегодно платило 43 руб. 55 коп. В 1901 г. поддержкой общества взаимопомощи пользовались 65 членов Рязанского пожарного общества. В случае смерти члена общества его семье выплачивалась сумма в 500 руб., инвалидности — 1 000 руб., временной неспособности к труду — 50 руб. [Там же. Л. 40].

А в ноябре 1907 г. Рязанское вольно-пожарное общество стало инициатором распространения системы страхования от последствий пожаров и на жителей Рязани, приняв участие в организации Городского общества взаимного от огня страхования (об этом событии ретроспективно рассказывалось в газете «Рязанская жизнь»). На заседании правления после прочтения А.А. Худзинским доклада о полезности открытия такого объединения в Рязани (по примеру других городов) было принято решение выступить его учредителем, поскольку «в будущем можно ожидать и в Рязани хороших результатов от этого общества, в смысле как улучшения противопожарных средств г. Рязани, так и увеличения благосостояния горожан от понижения страховых премий» [6. № 8. C. 1]. Устав новой организации был утвержден через полгода - 19 мая 1909 г. Однако, судя по сообщениям в местной прессе, свои действия общество открыло гораздо позже: 12 февраля 1912 г. в помещении Рязанской уездной земской управы состоялось организационное собрание Рязанского городского общества взаимного от огня страхования, на котором в его состав вступили 25 домовладельцев, а также были избраны члены правления во главе с Д.Ф. Дмитревским. Последним назначалось жалованье, равное 5% от валовой прибыли объединения. В свою очередь, само Рязанское страховое общество вошло в состав Всероссийского союза городских обществ взаимного от огня страхования [Там же. № 36. С. 2].

Таким образом, Рязанское вольно-пожарное общество не только стремилось обеспечить физическую безопасность населения в чрезвычайных ситуациях, но и осуществляло функцию социально-экономической защиты рязанцев (и, разумеется, собственных членов), участвуя в создании нового специализированного страхового объединения.

Из представленного обзора становится очевидным большое сходство рязанских объединений в области противопожарной охраны — Рязанского Общества взаимопомощи пожарных деятелей «Голубой крест», Рязанского вольно-пожарного общества и Рязанского городского общества взаимного от огня страхования. Все они в той или иной степени сочетали в себе черты страховых, профессиональных и филантропических организаций, однако соотношение этих функций и принципы их реализации в работе каждого общества были специфическими. Эта похожесть во многом определяла взаимопроникающий и взаимодополняющий характер деятельности данных учреждений.

К объединениям, обеспечивающим безопасность населения, относилось также Рязанское окружное правление Императорского Российского Общества спасания на водах. В своих действиях оно руководствовалось уставом, утвержденным 31 марта 1894 г. Согласно ему целью объединения являлись спасение людей на воде и принятие мер к предотвращению гибели на водоемах людей и судов. Для этого общество устраивало и содержало спасательные учреждения (преимущественно речные спасательные станции и посты) в местах наибольшего риска. Кроме того, члены организации изучали местности, в которых чаще всего происходили несчастные случаи, и проводили просветительную работу с населением о способах устранения причин этих несчастий.

Средства общества складывались в основном из процентов с капитала (например, в 1898 г. – 95 руб.) и членских взносов (в 1898 г. – 85 руб.). Кроме того, правлением устраивались сборы пожертвований, спектакли и т.д. В 1898 г. Общий капитал объединения составил 2 146 руб. 27 коп. (1 500 руб. – основной и 500 руб. – запасной). Деятельность общества (и, соответственно, его основные расходы) заключалась в содержании и ремонте спасательной станции (в 1898 г. на нее истрачено 398 руб. 18 коп.), а также временных наблюдательных станций во время половодья (в 1898 г. израсходовано 107 руб. 46 коп.) [15. С. 271–272].

Одной из наиболее известных гуманитарных организаций общероссийского масштаба, имевшей свое отделение в Рязанской губернии, было Общество Красного Креста. Особенностью этого объединения

было сочетание традиций международного движения, частью которого являлось и российское общество, с национальным историческим опытом филантропии. Российское Общество Красного Креста состояло под непосредственным покровительством императрицы и в своих действиях руководствовалось уставом, утвержденным 17 апреля 1893 г. Согласно ему целью общества было содействие отечественной военной администрации в организации ухода за ранеными и больными воинами (всех армий в районе действий организации) во время войны, а также врачебная и иные виды помощи. В мирное же время усилия общества были направлены на подготовку ресурсов к деятельности во время военных конфликтов, оказание поддержки воинам-инвалидам (как материальной – в виде пожертвований, так и посреднической - при ходатайствовании об их правах на пенсии, пособия и т.д.) и помощь населению, пострадавшему от общественных бедствий (эпидемии, пожары, неурожаи и т.д.) [16. С. 58]. Вспомогательной функцией Красного Креста была организация медицинских учреждений и подготовка санитарного персонала.

Отдельного внимания заслуживает и тот факт, что данное объединение (как и многие другие неполитические организации в социальной сфере) вело плодотворную совместную работу с земскими органами. Один из руководителей Общеземской организации и защитник идеи такого сотрудничества Д.Н. Шипов в своих воспоминаниях одобрительно отмечал, что в результате переговоров в 1904 г. между представителями земств и исполнительной комиссией общества (образована с началом войны) «земская организация была принята под флаг Красного Креста» [17. С. 96] Активное взаимодействие этих структур происходило как в период Русско-японской войны (организация санитарной помощи больным и раненым воинам, снабжение продовольствием и др.), так в дальнейшем - при осуществлении помощи голодающему населению в период неурожаев.

Местное управление Общества Красного Креста находилось в Рязани. Активное участие в его работе принимал рязанский губернатор Николай Семенович Брянчанинов, ставший организатором и председателем местного Рязанского комитета общества. К 1894 г. были открыты местные комитеты в уездных центрах (во главе с уездными предводителями дворянства) — Скопине, Раненбурге, Спасске, Касимове, Егорьевске, Пронске, Данкове, Зарайске, Ряжске, Сапожке [18. С. 3].

В апреле 1893 г. по инициативе местного комитета был утвержден устав основного структурного подразделения общества — Рязанской общины сестер милосердия во имя Святой Великомученицы Екатерины. Для ее организации были собраны пожертвования жителей губернии. А чуть позже при общине был открыт попечительный совет во главе с одним из лидеров рязанской общественности — Екатериной Николаевной Муромцовой [19. 1893. № 56. С. 1–2; № 60. С. 1].

Средства общества складывались из ежегодных денежных взносов лиц всех сословий, входивших в состав общества; единовременных пожертвований деньгами, вещами и имуществом; всякого рода сбо-

ров. За пособиями на содержание общины (особенно на первых порах ее деятельности) Е.Н. Муромцова обращалась также к председателям уездных земских собраний [20, 21].

Например, в 1898 г. структура бюджета местного Рязанского управления включала: расходный капитал – 2 048 руб. 80 коп., запасный капитал на нужды военного времени – 14 250 руб. 52 коп., капитал для пособий воинам-инвалидам – 1 847 руб. 77 коп. и специальный капитал – 88 977 руб. 57 коп. Главную статью расхода (более 30%) составляла субсидия Рязанской Общине сестер милосердия в размере 720 руб. Кроме того, 10 % поступлений отчислялись в пользу Главного Управления. Остаток от расходных сумм распределялся в размере 2/3 в запасный капитал на нужды военного времени и 1/3 в капитал на помощь воинам-инвалидам. В 1898 г. из последнего было выдано пособий воинам-инвалидам на сумму 203 руб. 77 коп. В состав специальных сумм входили капитал пособий при общественных бедствиях (84%) и капитал скорой помощи при несчастных случаях (11%). В 1898 г. были выданы пособия на сумму 38 023 руб. 64 коп. пострадавшим от неурожая жителям губернии [15. С. 260-261].

Помимо этого, с 1897 г. специальные суммы отпускались на устройство амбулатории при Рязанской Общине сестер милосердия, для чего был основан специальный фонд. Средства для него собирались по всей губернии местными комитетами. В 1897 г. они составили 1 303 руб. 47 коп. [22. С. 3–5].

Наибольшую активность Общество, согласно своей главной специализации, проявляло во время вооруженных конфликтов — в период русско-японской и особенно Первой мировой войны, когда на территории губернии были развернуты госпитали (Рязанский и Рязанской Екатерининской общины сестер милосердия).

Однако отношение представителей военного ведомства и врачей-профессионалов к деятельности Общества Красного Креста и общин сестер милосердия в районе военных действий было весьма неоднозначным. Это проявилось в оценках работы объединения в период Русско-японской войны. По мнению некоторых официальных лиц, Обществу и его подразделениям должна отводиться исключительно вспомогательная функция и лишь в некоторых направлениях гуманитарной деятельности: «Общество Красного Креста может оказать наиболее ценную помощь устройством для армии своих складов и организацией подвижных питательных пунктов. Что же касается открытия лечебных заведений в районе расположения армии, то в этом особой надобности не было, и деятельность Красного Креста в этом отношении была весьма ограниченной» [23. С. 244]. Кроме того, подвергались критике несоблюдение заведениями Красного Креста требований санитарно-военной службы и низкая (по сравнению с врачами военного ведомства) подготовка медперсонала. Но в то же время приветствовалась помощь данного общества в организации санитарных перевозок и уходе за ранеными [Там же. С. 244–245].

Тем не менее основная деятельность общества на региональном уровне пришлась на мирное время.

Особую роль Рязанское Общество Красного Креста сыграло в организации помощи пострадавшим от неурожаев конца XIX в. Во всех уездах губернии были организованы продовольственные попечительства Общества Красного Креста, которые, в свою очередь, открывали вспомогательные попечительства с более локальными районами деятельности (городские, участковые, сельские). Для получения денежных средств в фонд помощи пострадавшим от неурожая общество осуществляло кружечный сбор в церквях губернии и прием пожертвований от организаций и частных лиц. Помощь пострадавшим оказывалась деньгами и продовольствием, а также посредством открытия бесплатных столовых для детей и престарелых. Так, во время неурожая 1891 г. в кассу общества поступило более 50 тыс. руб. пожертвований [19. 1891. № 23. C. 3–4; № 26. C. 1–2].

Поддержка оказывалась и семьям погибших военных: например, в 1893 г. после гибели экипажа броненосца «Русалка» были собраны средства для помощи родственникам моряков [18. С. 3].

Деятельность общины сестер милосердия заключалась в дежурстве при больницах и уходе за больными в частном порядке, оказании помощи в составе санитарных отрядов во время эпидемий (в 1893 г. дизентерии и холеры, в 1897 г. – тифа и дифтерита). Медицинская подготовка сестер осуществлялась под руководством главного врача общины. Теоретическая часть включала следующие разделы: болезни внутренних органов и уход за больными, хирургия, анатомия и физиология, фармакология и латинский язык, Закон Божий. Практические занятия по уходу за больными проводились в больнице Рязанского губернского земства и Рязанской уездной земской больнице, а занятия по приготовлению лекарств - в аптеке Рязанского губернского земства. Обучение завершалось сдачей экзаменов.

Число выпускниц сестринских курсов росло с каждым годом. К 1 января 1898 г. в общине состояло 8 сестер Красного Креста, 10 испытуемых, 6 учениц и 3 человека «в запасе» [22. С. 10]; к 1 января 1911 г. – 19 сестер и 11 испытуемых [24. С. 5–6]; к 1 января 1913 г. – 28 сестер и 5 испытуемых [25. С. 6]. Сословная принадлежность сестер милосердия была весьма разнообразной. Так, слушательницами сестринских курсов в 1913 г. были: 4 дворянки, 5 дочерей чиновников, 3 дочери почетных граждан, 2 послушницы женского монастыря, 12 крестьянок [Там же. С. 10].

Членский состав местного комитета на протяжении истории существования общества также постепенно увеличивался: 1897 г. – 36 чел. [22. С. 19–20]; 1911 г. – 41 [24. С. 4–5]; 1913 г. – 52 чел. [25. С. 4–6].

Следует отметить, что из-за распространенной полифункциональности региональных общественных объединений на территории Рязанской губернии одновременно действовало несколько организаций, «родственных» Обществу Красного Креста и пересекающихся с ним по социальной базе, целевой аудитории и сфере деятельности. Так, открытое в Рязани в 1899 г. Рязанское местное правление Воинского Благотворительного Общества Белого Креста (под покровительством вели-

кого князя Михаила Александровича) оказывало помощь нуждающимся воинам, потерявшим здоровье на службе (а также их женам, вдовам и детям); в особых случаях — лицам, состоящим на действительной военной службе; военным, уволенным в отставку в результате каких-либо исключительных обстоятельств [15. С. 264].

Общество рязанских врачей (с 1908 г. – Рязанское медицинское общество) оказывало профилактическую и санитарно-медицинскую помощь населению в период эпидемий (холеры, тифа и др.). Это объединение также открывало амбулаторные лечебницы, заразные бараки и лаборатории, организовывало курсы по подготовке сестер милосердия [26. С. 84]. Однако такая практическая работа была вспомогательной функцией организации, в то время как основным направлением деятельности были разработка научнотеоретических вопросов медицины и обмен профессиональным опытом между членами.

Таким образом, рязанские организации по обеспечению безопасности жизни и здоровья населения являлись составной частью многоуровневой региональной системы социальной защиты, страхования и экстренной помощи гражданам (равно как и соб-

ственным членам), а осуществляемые ими мероприятия в значительной степени дополняли и даже заменяли работу государственных учреждений этой сферы. Несмотря на настороженное отношение власти ко всем «самодеятельным» союзам, во время чрезвычайных ситуаций такая близость общественных и государственных функций заставляла административные органы опираться на добровольную инициативу и поощрять ее деятельность. Подтверждением «поддержки сверху» служит и тот факт, что подавляющее большинство из вышеописанных обществ находилось под покровительством императорской семьи - в качестве региональных отделений всероссийских организаций. Эффективным было сотрудничество объединенной самодеятельности и с земскими органами - главными союзниками добровольных объединений в социальной сфере. Необходимо также подчеркнуть, что работа гуманитарно-благотворительных, врачебно-санитарных и спасательных общественных организаций заложила основу для развития в дальнейшем государственных служб экстренной помощи - пожарной и медицинской, а также системы социального страхования в России.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. 412 с.
- 2. Государственный архив Рязанской области (далее ГАРО). Ф. 5. Оп. 3. Д. 3882.
- 3. Чарнолуский В. И. Справочная книжка об обществах и союзах. СПб. : Знание, 1912. 158 с.
- 4. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3850.
- 5. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4434.
- 6. Рязанская жизнь (Рязань). 1912.
- 7. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Стол 2. Д. 3836.
- 8. ГАРО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 10. Св. 1.
- 9. ГАРО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1 в. Св. 1 а.
- 10. ГАРО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1 е. Св. 1 а.
- 11. ГАРО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 4. Св. 7.
- 12. ГАРО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1 г. Св. 1 а. 13. ГАРО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 16. Св. 1.
- 14. ГАРО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 6. Св. 7.
- 15. Деятельность благотворительных обществ // Сборник Рязанского губернского статистического комитета. Рязань, 1900. С. 258–280.
- 16. Максимов Е.Д. Особые благотворительные ведомства и учреждения. СПб., 1903. 137 с.
- 17. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1918. 592 с.
- 18. Рязанский листок (Рязань).
- 19. Рязанский справочный листок (Рязань).
- 20. Муромцова Е.Н. Ходатайство о пособии общине сестер милосердия Красного Креста // Очередное XXX Сапожковское уездное земское собрание 8–12 октября 1894 г. Сапожок, 1895. С. 321–329.
- 21. Письмо председательницы общины Красного Креста г-жи Муромцовой // Журналы соединенного заседания Михайловского уездного земского собрания 7–8 сентября 13 октября 1894 г. Скопин, 1895. С. 133.
- 22. Журнал общего собрания членов и отчет о деятельности Комитета Общества Красного Креста по Рязанской общине сестер милосердия во имя святой великомученицы Екатерины за 1897 г. Рязань, 1898. 25 с.
- 23. Война с Японией (1904—1905 гг.). Санитарно-статистический очерк / сост. Н. Козловский. Петроград : Военная типография Императрицы Екатерины Великой, 1914. 303 с.
- 24. Отчет Рязанского местного Комитета Общества Красного Креста по состоящей под Высочайшим покровительством ее Императорского Высочества великой княгини Ксении Александровны Рязанской общине сестер милосердия во имя святой великомученицы Екатерины за 1911 г. Рязань, 1912. 31 с.
- 25. Отчет Рязанского местного Комитета Общества Красного Креста по состоящей под Высочайшим покровительством ее Императорского Высочества великой княгини Ксении Александровны Рязанской общине сестер милосердия во имя святой великомученицы Екатерины за 1913 г. Рязань, 1914. 35 с.
- 26. Протоколы и труды Рязанского медицинского общества за 1908-1910 гг. Рязань, 1912. 47 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 июля 2016 г.

ON THE QUESTION OF VOLUNTARY NON-POLITICAL PUBLIC ASSOCIATIONS IN RYAZAN PROVINCE IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 131–137.

DOI: 10.17223/15617793/410/21

Olga Ye. Safonova, Ryazan State University named for S.A. Yesenin (Ryazan, Russian Federation). E-mail: olgasafonova81@yandex.ru

Keywords: voluntary associations; firefighting; Red Cross Society; life insurance; Ryazan Province.

The article deals with the activities of voluntary non-political associations for the protection of human life and health, which were widespread in the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries. The investigation shows that central and regional governments often provided support in the establishment of such associations because of their usefulness and loyalty. In addition, most of these associations were under the patronage of the imperial family, and, as a result, they got a semi-governmental or semi-public status. In Ryazan Province among organizations of this orientation there were voluntary firefighting associations, as well as the regional departments of the Russian Red Cross Society and the Russian Water Rescue Society. The period of mass establishment of voluntary fire-fighting societies was the end of the 1890s, which was largely due to the publication of the standard ("normal") regulations. Principles of this large group of associations at the regional level are considered by the example of the Ryazan Voluntary Firefighting Society, which was a part of the Russian Imperial Firefighting Society. The study of the documents shows that the association consisted of several categories of members with different rights and obligations, and the leadership of the society included representatives of the local authorities and the police. The association successfully carried out firefighting activities and, in addition, it initiated the establishment of a special insurance company from the effects of fire for the city residents. Another public organization that made a significant contribution to the life safety of the population in Ryazan Province at the turn of the 20th century was the department of the Imperial Russian Water Rescue Society. The society set up rescue stations and posts in the most dangerous areas of reservoirs, it also led educational work with the population on the prevention of accidents on water. One of the most well-known humanitarian organizations of a nationwide scale, which had a department in Ryazan Province, was the Red Cross Society. Governor N.S. Bryanchaninov took an active part in the work of the Ryazan Committee of the society. The Ryazan Red Cross Society played an important role in the organization of assistance to victims of crop failures of the late 19th century. The documents of the State Archive of Ryazan Oblast provide insight into the structure, membership and finances of these organizations, as well as evidence of the active participation of high-ranking regional officials in their work. The article concludes that, despite the cautious attitude of the authorities to all "amateur" associations, the administration preferred to rely on the voluntary initiative, to exploit its potential and to promote its activities during emergencies.

REFERENCES

- 1. Maklakov, V.A. (1954) Iz vospominaniy [From the memories]. New York: Izdatel'stvo imeni Chekhova.
- 2. State Archive of Ryazan Oblast (GARO). Fund 5. List 3. File 3882. (In Russian).
- 3. Charnoluskiy, V.I. (1912) Spravochnaya knizhka ob obshchestvakh i soyuzakh [Reference book of associations and unions]. St. Petersburg: Znanie.
- 4. State Archive of Ryazan Oblast (GARO). Fund 5. List 3. File 3850. (In Russian).
- 5. State Archive of Ryazan Oblast (GARO). Fund 5. List 3. File 4434. (In Russian).
- 6. Ryazanskaya zhizn' (Ryazan'). 1912.
- 7. State Archive of Ryazan Oblast (GARO). Fund 5. List 3. Stol 2. File 3836. (In Russian).
- 8. State Archive of Ryazan Oblast (GARO). Fund 236. List 1. File 10. No 1. (In Russian).
- 9. State Archive of Ryazan Oblast (GARO). Fund 236. List 1. File 1 v. No 1 a. (In Russian).
- 9. State Archive of Ryazan Oblast (GARO). Fund 236. List 1. File 1 v. No 1 a. (In Russian). 10. State Archive of Ryazan Oblast (GARO). Fund 236. List 1. File 1 e. No 1 a. (In Russian).
- 11. State Archive of Ryazan Oblast (GARO). Fund 236. List 1. File 1 e. No 7. (In Russian).
- 11. State Archive of Ryazan Oblast (GARO). Fund 236. List 1. File 4. No 7. (In Russian). 12. State Archive of Ryazan Oblast (GARO). Fund 236. List 1. File 1 g. No 1 a. (In Russian).
- 13. State Archive of Ryazan Oblast (GARO). Fund 236. List 1. File 16. No 1. (In Russian).
- 14. State Archive of Ryazan Oblast (GARO). Fund 236. List 1. File 6. No 7. (In Russian).
- 15. Ryazan Regional Statistics Committee. (1900) Deyatel'nost' blagotvoritel'nykh obshchestv [Activities of charities]. In: Sbornik Ryazanskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta [Proceedings of the Ryazan Regional Statistics Committee]. Ryazan: Tipografiya Gub. pravleniya.
- 16. Maksimov, E.D. (1903) Osobye blagotvoritel'nye vedomstva i uchrezhdeniya [Special charitable agencies and institutions]. St. Petersburg: Gos. tip.
- 17. Shipov, D.N. (1918) Vospominaniya i dumy o perezhitom [Memories and thoughts about experiences]. Moscow: Izd-vo M. i S. Sabashnikovykh.
- 18. Ryazanskiy listok.
- 19. Ryazanskiy spravochnyy listok.
- 20. Muromtsova, E.N. (1895) Khodataystvo o posobii obshchine sester miloserdiya Krasnogo Kresta [Application for assistance to the Sisters of Mercy Society of the Red Cross]. In: *Ocherednoe XXX Sapozhkovskoe uezdnoe zemskoe sobranie 8–12 oktyabrya 1894 g.* [XXX Sapozhok county zemstvo assembly on October 8–12, 1894]. Sapozhok: Tipografiya Uezdnoy Zemskoy Upravy.
- 21. Muromtsova, E.N. (1895) Pis'mo predsedatel'nitsy obshchiny Krasnogo Kresta g-zhi Muromtsovoy [Letter of the chairwoman of the Red Cross Society Ms. Muromtsova]. In: *Zhurnaly soedinennogo zasedaniya Mikhaylovskogo uezdnogo zemskogo sobraniya 7,8 sentyabrya 13 oktyabrya 1894 g.* [Journals of the joint meeting of the Mikhailovsky county zemstvo assembly in 7–8 September 13 October, 1894]. Skopin.
- 22. Anon. (1898) Zhurnal obshchego sobraniya chlenov i otchet o deyatel'nosti Komiteta Obshchestva Krasnogo Kresta po Ryazanskoy obshchine sester miloserdiya vo imya svyatoy velikomuchenitsy Ekateriny za 1897 g. [Journal of the general meeting of members and report on the activities of the Committee of the Red Cross for the Ryazan Society of the Sisters of Mercy in the name of St. Catherine, 1897]. Ryazan.
- 23. Kozlovskiy, N. (1914) Voyna s Yaponiey (1904–1905 gg.). Sanitarno-statisticheskiy ocherk [The war with Japan (1904–1905). A sanitary and statistical essay]. Petrograd: Voennaya tipografiya Imperatritsy Ekateriny Velikoy.
- 24. Anon. (1912) Otchet Ryazanskogo mestnogo Komiteta Obshchestva Krasnogo Kresta po sostoyashchey pod Vysochayshim pokrovitel'stvom ee Imperatorskogo Vysochestva velikoy knyagini Ksenii Aleksandrovny Ryazanskoy obshchine sester miloserdiya vo imya svyatoy velikomuchenitsy Ekateriny za 1911 g. [Report of the Ryazan Committee of the Red Cross Society on the Ryazan Society of the Sisters of Mercy in the name of St. Catherine that is under the highest patronage of Her Imperial Highness Grand Duchess Xenia Alexandrovna to for 1911]. Ryazan.
- 25. Anon. (1914) Otchet Ryazanskogo mestnogo Komiteta Obshchestva Krasnogo Kresta po sostoyashchey pod Vysochayshim pokrovitel'stvom ee Imperatorskogo Vysochastva velikoy knyagini Ksenii Aleksandrovny Ryazanskoy obshchine sester miloserdiya vo imya svyatoy velikomuchenitsy Ekateriny za 1913 g. [Report of the Ryazan Committee of the Red Cross Society on the Ryazan Society of the Sisters of Mercy in the name of St. Catherine that is under the highest patronage of Her Imperial Highness Grand Duchess Xenia Alexandrovna to for 1913]. Ryazan.
- 26. Ryazan Medical Society. (1912) Protokoly i trudy Ryazanskogo meditsinskogo obshchestva za 1908–1910 gg. [The protocols and works of the Ryazan Medical Society for 1908–1910]. Ryazan: Tip. B.V. Tarasova.

Received: 13 July 2016

УДК 930.253

А.В. Спичак

КЛАССИФИКАЦИЯ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ПРИХОДСКИХ ЦЕРКВЕЙ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ XVIII – НАЧАЛА XX в.

Исследование осуществлено в рамках исполнения государственных работ в сфере научной деятельности (задание № 2014/801).

В исследовании проводится критический анализ различных систематизаций церковных документов. Выявлены схожие и различные мнения ученых. Представлена авторская классификация документальных источников приходских церквей Тобольской епархии XVIII – начала XX в., разработанная в результате анализа документов, хранящихся в ФКУ «Российский государственный исторический архив», ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске» и ГКУ «Государственный архив Курганской области».

Ключевые слова: документальные источники; классификация документов; приходские церкви; Тобольская епархия; синодальный период.

Среди специалистов по истории церкви нет единого мнения насчет классификации церковных источников. Единственное, в чем сходятся ученые, - это отнесение метрических книг, исповедных росписей, клировых ведомостей, брачных обысков и ревизских сказок к группе документов церковного учета и массовым источникам. Также документы могут называться и статистическими источниками, чаще всего применительно к какому-либо конкретному исследованию. Примером служит работа А.В. Пашинина, посвященная генеалогии крестьянских семей. Историк выделяет также делопроизводственные и законодательные источники, которые содержатся в основном в Полном собрании законов Российской Империи и по отношению к статистическим документам носят вспомогательный и дополняющий характер [1. С. 8–12].

В.И. Корнилова разделяет документы церковного учета населения и церковной статистики, отнеся к последним отчёты благочинных, ведомости о состоянии церквей, книги регистрации штрафов и судимостей священнослужителей, ведомости о церквях, дела о замечаниях епископа во время обозрения им епархии, журналы и протоколы заседаний духовной консистории. Данный подход представляется сомнительным, так как целью перечисленных документов не являлся сбор статистических данных. Ведомости о церквях были частью клировых ведомостей, что позволяет отнести их к учетным документам, журналы и протоколы консистории - к текущему делопроизводству. Исследовательница выделила в отдельную группу делопроизводственные документы индивидуального характера - ставленические дела, дела о разрешении на повторный брак, о посылке на церковное покаяние, о выдаче документов на брак и др. [2. С. 78–81]. Инициирующий документ дела – прошение – это делопроизводственный документ. Однако кажется спорным отнесение всех документов дела к делопроизводственным: ведь, например, в делах о разрешении на повторный брак нередко оказывались метрические выписи, которые являются учетными документами.

Е.Б. Макарчева разделила нормативные документы на законодательные акты центральных светских и духовных властей и распоряжения местных светских и духовных властей. Такая классификация применена

и в настоящем исследовании. Однако исследовательница отнесла к одной группе – делопроизводственной документации Тобольской духовной консистории ставленнические документы, клировые, школьные и другие ведомости, переписку консистории с семинарским правлением и духовными правлениями по различным вопросам [3. С. 25]. Попытку включить церковную документацию в существующие системы классификации исторических источников предпринял С.М. Каштанов, который, рассматривая клировые ведомости, объединяющие три самостоятельные части нормативную, нарративную и статистическую, причисляет их к источникам «чистого» и «смешанного» вида [4. С. 149]. Таким образом, клировые ведомости следовало бы включить скорее в группу статистических источников в конкретном исследовании и учетных в непом

Е.Е. Князева отнесла к документам церковного делопроизводства метрические книги. Это решение можно считать вполне обоснованным, так как все официальные документы церкви принято считать делопроизводственными [5. С. 7].

И.С. Цыремпилова предлагает иную классификацию церковных источников. Она разделяет законодательные акты и нормативные документы, статистические данные (данные церковного учета, епархиальные отчеты, клировые ведомости) и делопроизводственную документацию. К последней исследовательница относит организационно-распорядительные документы (циркуляры, предписания, распоряжения, постановления, указания, приказы) и отчетную документацию (отчеты, доклады, рапорты священнослужителей о состоянии приходов, благочиний, епархий) [6. С. 21–23]. Однако неясно, почему епархиальные отделены от остальных видов отчетов и отнесены к разным группам документации.

Т.В. Судник условно разделила всю документацию церквей на две больших категории: документация, посвященная религиозной деятельности церкви, и документация, отражающая ее хозяйственную деятельность. К первой группе исследовательница отнесла метрические книги и выписи, исповедные росписи, брачные обыски, клировые ведомости, рапорты, прошения, доклады служителей церкви вышестоящему

начальству, а к хозяйственной документации – приходно-расходные книги [7. С. 19–33]. Такая градация вполне оправдана.

М.Ф. Румянцева разделила церковную документацию на законодательные, делопроизводственные и учетные документы. Делопроизводственные документы, по мнению исследовательницы, представляют собой вид исторических источников, функцией которых является документное обслуживание различных управляющих систем. В структуре делопроизводственной документации исследовательница выделяет группу разновидностей, обеспечивающих принятие и реализацию управленческих решений, и группу разновидностей, обеспечивающих документооборот. Делопроизводство как вид исторических источников воспроизводит систему государственного аппарата. М.Ф. Румянцева выделяет три группы делопроизводственной документации: 1) переписка учреждений; 2) внутренние документы; 3) просительные документы (часто выступают как инициативные при формировании дела). Отчет, посылаемый нижестоящим учреждением вышестоящему, рассматривается при этом как особая разновидность донесения [8. С. 392-396]. Последнее утверждение, думается, не бесспорно: отчет скорее относится к отчетной документации.

Учетная документация, по мнению М.Ф. Румянцевой, - «группа видов исторических источников, включающая материалы фискального, административного, церковного учета населения и учета объектов промышленности и сельского хозяйства, главным образом для контроля реализации управленческих решений. От статистических источников учетные документы отличаются тем, что собирают их не для выработки, а для реализации уже принятых управленческих решений. Учетные документы отчасти близки к делопроизводственным. С другой стороны, учетные системы могут перерастать в статистические, что порой и происходит. Однако говорить о превращении учетной документации в статистические источники можно не тогда, когда ее данные начинают подвергаться статистической обработке, а лишь тогда, когда расчет на их последующее использование для выработки управленческих решений влияет на их содержание, т.е. когда в учетную форму вводятся дополнительные параметры в целях взаимной проверки собираемой информации, а также рассчитанные на дальнейшее обобщение» [8. С. 408-409]. Следует согласиться с вышеизложенным утверждением, поскольку оно вполне обосновано.

Таким образом, у каждого исследователя существует свое личное мнение о разделении церковных документальных источников на группы. Отсутствует специальное исследование, посвященное классификации документов приходских церквей. Обычно документы объединяют в группы для удобства изучения конкретного вопроса.

В настоящем исследовании при разделении выявленных документальных источников на группы все официальные документы были отнесены к делопроизводственной документации. Следует сделать оговорку, что в настоящей работе был проведен анализ ис-

ключительно официального документирования. Неофициальное документирование, например какиелибо мемуарные свидетельства о деятельности церквей, не являлись предметом исследования. Делопроизводственная документация, в свою очередь, была разделена на актовые, учетные, отчетные, хозяйственные документы, переписку и церковноприходские летописи. В настоящей работе используется понятие актовых источников, предложенное А.И. Костановым (документы правового и нормативного характера) [9. С. 21], поэтому законодательство вошло в группу актовых документов. Отчеты епархиальных архиереев были отнесены к отчетной документации. Те документы, которые у М.Ф. Румянцевой составили группу делопроизводственных документов, вошли в переписку. Отдельно были выделены церковно-приходские летописи из-за сложности отнесения их к какой-либо группе документов.

Таким образом, официальную документацию приходских церквей Тобольской епархии XVIII — начала XX в. можно условно разделить на следующие категории по функциональному признаку:

- 1) актовые документы;
- 2) учетные документы;
- 3) отчетная документация;
- 4) церковно-приходские летописи;
- 5) переписка;
- 6) документация по хозяйственной деятельности.

К первой группе – актовым документам – относятся документы правового и нормативного характера, которые включают три категории: 1) законодательные акты высших органов власти; 2) ведомственные акты Святейшего Правительствующего Синода; 3) нормативные акты местных органов церковной власти (определения тобольских епархиальных архиереев и предписания благочинных приходских церквей).

Ко второй группе документов приходских церквей Тобольской епархии XVIII — начала XX в. относятся документы церковного учета населения, который начал осуществляться в конце первой четверти XVIII в.

Ведение метрических книг предусматривалось Духовным регламентом, что фактически означало государственную регистрацию актов гражданского состояния (рождения, браки и смерти; точнее, соответствующие церковные обряды — крещение, венчание, отпевание). При необходимости в церкви можно было получить выпись из метрической книги.

Сведения церковного учета дополнялись клировыми ведомостями, в которых содержались списки прихожан с указанием пола, возраста и сословной принадлежности и отмечалось исполнение церковных обрядов (исповедь и причастие), а также исповедными росписями и брачными обысками. Менее всего изученным ранее видом документов церковного учета служат ревизские сказки о священно- и церковнослужителях и их семьях.

В данную группу также можно отнести комплекс брачных документов, по итогам которого составляли брачный обыск: предбрачные свидетельства, справки, копии паспортов, свидетельства о разрешении вступить в брак после вдовства или развода, удостовере-

ния о разрешении вступления в брак от гражданского начальства, билеты, удостоверения сельских старост, свидетельства об исповеди и причастии.

Еще один вид учетной документации – церковнослужебные журналы, в которых велся учет совершенных богослужений священником в церкви.

Третья группа источников — отчетная документация. В ежегодных отчетах Тобольских епархиальных архиереев Синоду содержатся сведения о состоянии консисторского и церковного делопроизводства.

Церковно-приходские летописи выделены в отдельную, четвертую, группу. Несмотря на то что они включали выписки из некоторых учетных документов (метрических книг, ревизских сказок и т.д.), главной целью создания данных летописей был не учет, а описание отдельных приходов в частности, и епархий в целом. Не все ученые относят эти летописи к официальным документам.

Пятая группа документов приходских церквей Тобольской епархии — переписка. Приходские церкви вели переписку между собой по различным поводам, например перед венчанием лиц из разных приходов (в процессе обыска церковь жениха запрашивала в письме информацию о невесте). Причт приходских церквей посылал в Тобольскую духовную консисторию доношения (донесения) и рапорты (они рассматриваются некоторыми учеными как подвид доношений). Прихожане нередко обращались в Тобольскую

духовную консисторию с прошениями (например, о разводе).

С XVIII в. постепенно начала возрастать роль внутренней документации, обслуживающей документопоток внутри учреждения. При поступлении в церковь документы регистрировались, им присваивался номер, ставилась дата, в регистрационном журнале передавалось содержание документа, но, в отличие от государственных учреждений, не отмечалось, кому он был передан на исполнение. Отдельно регистрировались исходящие документы.

Шестую группу документов приходских церквей Тобольской епархии составляют хозяйственные документы. Чаще всего в архивах встречаются приходно-расходные книги (могли вестись отдельно приходные и расходные книги) и описи имущества приходских церквей. В эту группу также можно отнести тетради прихода, расхода и остатка разрешительных молитв и венчиков; доходные реестры церковных священнослужителей; книги для записи пожертвования деньгами или прикладами; книги о вспомогательном окладе; оправдательные денежные документы; реестры прихожан, вносивших средства на содержание храма; дела о ремонте церквей; документы об открытии церковно-приходского попечительства и обновлении иконостасов церкви; книги для продажи свеч; венчиковые и молитвенные книги.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Пашинин А.В. Статистические источники по генеалогии крестьянских родов (семей) конца XVII начала XX в. в фондах Государственного архива Республики Бурятия : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2015. 25 с.
- 2. Корнилова В.И. Материалы церковного делопроизводства как источники по генеалогии православного духовенства Прикамья (на примере семьи Кудрявцевых) // Альманах современной науки и образования. 2012. № 8 (63). С. 78–81.
- 3. Макарчева Е.Б. Сословные проблемы духовенства Сибири и церковное образование в конце XVIII первой половине XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. 261 с.
- 4. Каштанов С.М. Русская дипломатика. М., 1988. 230 с.
- 5. Князева Е.Е. Метрические книги Санкт-Петербургского консисториального округа как источник по истории лютеранского населения Российской империи XVIII начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. 438 с.
- 6. Цыремпилова И.С. Русская Православная церковь и государственная власть в 1917–1930-е гг.: на материалах Байкальского региона : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2009. 42 с.
- 7. Судник Т.В. Документы православных церквей Тобольской губернии как исторические источники о жизни населения губернии // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории / под общ. ред. Я.Г. Солодкина. Нижневартовск, 2009. Ч. 4. С. 19–33.
- 8. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998. 702 с.
- 9. Костанов А.И. История формирования, сохранения и использования документального наследия Сибири и Дальнего Востока (конец XVI первая четверть XX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 50 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 июня 2016 г.

CLASSIFICATION OF DOCUMENTARY SOURCES ON THE HISTORY OF PARISH CHURCHES OF THE TOBOLSK EPARCHY IN THE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 138–141. DOI: 10.17223/15617793/410/22

Aleksandra V. Spichak, Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail: spichak-89@mail.ru **Keywords:** documentary sources; classification of documents; parish churches; Tobolsk eparchy; Synod period.

In the research a critical analysis of various types of church documents systematization is carried out. Similar and distinctive features of scholars' opinions are given. Among experts in the history of church there is no consensus about the classification of church sources. The only thing scholars agree on is the classification of church books, confession lists, clerical lists, marriage searches and census records about sacred and clergymen, their families as a group of documents of the church account and mass sources. The author's classification of the documentary sources of parish churches of the Tobolsk eparchy of the 18th – early 20th centuries is presented; it was developed as a result of the analysis of the documents stored in the Russian State Historical Archive, in the State Archive in Tobolsk and in the State Archive of Kurgan Oblast. Official documentation of parish churches of the Tobolsk eparchy of the 18th – early 20th centuries has been conditionally divided into four categories by the functional criterion: assembly documents; registration documents; reporting documents; parish chronicles; correspondence; documents on economic activity. Documents of legal and standard character belong to the first group, assembly documents; they include three categories: 1) acts of the supreme authori-

ties; 2) departmental acts of the Holy Ruling Synod; 3) regulations of local bodies of the church power. The second group of documents includes documents of the church accounting of the population which began at the end of the first quarter of the 18th century. The third group of sources is reporting documents. Parish chronicles are classified into a separate, the fourth, group. The fifth group of documents of parish churches of the Tobolsk eparchy is correspondence; the sixth is economic documents. Most often archives have account books (receipts and expenses books could be kept separately) and property registers of parish churches. This group can also contain notebooks of profit, expenses and surplus of prayers of absolution and paper bands; profit registers of church priests; books for records of donation money or butts; books of auxiliary salaries; justificatory monetary documents; registers of parishioners depositing funds for the maintenance of the temple; cases of church repairs; documents on the opening of parish guardianship and renovation of church iconostases; books on candle sales; paper band and prayer books.

REFERENCES

- 1. Pashinin, A.V. (2015) Statisticheskie istochniki po genealogii krest'yanskikh rodov (semey) kontsa XVII nachala XX v. v fondakh Gosudarstvennogo arkhiva Respubliki Buryatiya [Statistical sources for genealogy of peasant families at end of the 17th beginning of the 20th centuries in the collections of the State Archive of the Republic of Buryatia], Abstract of History Cand. Diss. Ulan-Ude.
- 2. Danilevskiy, I.N. et al. (1998) Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossiyskoy istorii [Source studies: Theory. History. Method. Sources of Russian history]. Moscow: RSUH, "Otkrytoe obshchestvo".
- 3. Kornilova, V.I. (2012) Materialy tserkovnogo deloproizvodstva kak istochniki po genealogii pravoslavnogo dukhovenstva Prikam'ya (na primere sem'i Kudryavtsevykh) [Church office materials as sources for genealogy of the Orthodox clergy of the Kama region (by example of the Kudryavtsev family)]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 8 (63). pp. 78–81.
- 4. Makarcheva, E.B. (2001) Soslovnye problemy dukhovenstva Sibiri i tserkovnoe obrazovanie v kontse XVIII pervoy polovine XIX vv. [Estates problem of Siberian clergy, and church education at the end of the 18th first half of the 19th centuries]. History Cand. Diss. Novosibirsk.
- 5. Kashtanov, S.M. (1988) Russkaya diplomatika [Russian diplomacy]. Moscow: Vysshaya shkola.
- 6. Knyazeva, E.E. (2004) Metricheskie knigi Sankt-Peterburgskogo konsistorial'nogo okruga kak istochnik po istorii lyuteranskogo nase-leniya Rossiyskoy imperii XVIII nachala XX v. [Parish registers of St. Petersburg Consistory County as a source on the history of the Lutheran population of the Russian empire in the 18th early 20th centuries]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
- 7. Tsyrempilova, I.S. (2009) Russkaya pravoslavnaya tserkov' i gosudarstvennaya vlast' v 1917–1930-e gg.: na materialakh Baykal'skogo regiona [Russian Orthodox Church and the government in 1917–1930s: on Baikal region materials]. Abstract of History Dr. Diss. Ulan-Ude.
- 8. Sudnik, T.V. (2009) Dokumenty pravoslavnykh tserkvey Tobol'skoy gubernii kak istoricheskie istochniki o zhizni naseleniya gubernii [Documents of Orthodox churches of Tobolsk Province as historical sources about the life of the province population]. In: Solodkin, Ya.G. (ed.) *Istochnikovedcheskie i istoriograficheskie aspekty sibirskoy istorii* [Source study and historiographical aspects of Siberian history]. Vol. 4. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk Humanitarian University.
- 9. Kostanov, A.I. (2010) *Istoriya formirovaniya, sokhraneniya i ispol'zovaniya dokumental'nogo naslediya Sibiri i Dal'nego Vostoka (konets XVI pervaya chetvert' XX v.)* [The history of the preservation and use of Siberian and Far Eastern documentary heritage (the end of the 16th the first quarter of the 20th centuries)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.

Received: 09 June 2016

УДК 930.1+394

А.В. Сушко, А.В. Нехаев

ТЕОРИИ НАЦИОНАЛИЗМА И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА: ПАРТИКУЛЯРИЗМ VS УНИВЕРСАЛИЗМ

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (научный проект № 16-03-00421).

Обосновывается возможность создания «синтетической» теории национализма на основе методологического инструментария исторической науки. Делается вывод о том, что взгляд на национализм на основе метатеорий исторического процесса позволяет анализировать этот феномен в широком социокультурном контексте. Факторный подход обеспечивает необходимое сочетание элементов цивилизационной и модернизационной теорий в целях объяснения быстрой трансформации архаичных народов в современные нации.

Ключевые слова: национализм; нация; цивилизационная теория; теория модернизации; перенниалист; факторный подход.

Национализм и история: в поисках синтетической теории

Несмотря на множество работ, посвященных теоретическому изучению национализма, споры вокруг него не прекращаются. Ведущие специалисты, дискутируя о значении дефиниции «национализм» и подходах к его объяснению, сходятся во мнении о важнейшей роли национализма в истории с XVIII в. по настоящее время. В этой связи американский историк Ханс Кон отметил, что «в конце XVIII века национализм проявился почти одновременно в нескольких европейских странах - пришло его время в эволюции человечества» [1. С. 27]. Британский историк Эрик Хобсбаум подчеркивал, что «последние 200 лет истории человека на планете Земля останутся совершенно непонятными, если не разобраться прежде в смысле термина "нация" и его производных» [2. С. 5]. Английский историк Джон Бройи, актуализируя национализм, справедливо подчеркнул, что «национализм является самой важной политической идеологией современной эпохи» [3. Р. 65].

Современные исследователи национализма разделились на «оптимистов», считающих создание универсальной теории объяснения национализма возможным, и «пессимистов», отрицающих такую возможность. В связи с партикулярным характером, многообразием форм и проявлений национализма в современной науке преобладают «пессимисты». Они отстаивают тезис о невозможности создания единой теории нации и национализма. Американский исследователь Роджерс Брубейкер радикальным образом выразил подобную позицию: «Поиск некой (или главной) теории национализма, так же как и поиск определенного (или универсального) решения национальных конфликтов, является, по моему убеждению, заблуждением: как теоретические, так и практикополитические проблемы, связанные с национальностью и национализмом, обладают множеством форм и не поддаются разрешению в рамках одного теоретического (или практического) подхода» [4. С. 104]. Более умеренным образом позицию «пессимистов» озвучил турецкий исследователь Умат Озкиримли: «Мы должны фактически отказаться от нашего стремления к большой теории. Вполне возможно, что теория различных националистических практик как раз именно то, что нам и нужно. Такие частные теории в действительности могут пролить свет только лишь на уголок более широкого полотна, но разве это не то, что зовем прогрессом? В конце концов, для моряка имеет значение крошечный проблеск далекого маяка, а не яркий солнечный свет» [5. Р. 104]. В противоположность «пессимистам» «оптимисты», пытаясь отыскать универсальные основы национализма, создали ряд плодотворных теорий для объяснения этого феномена, однако так и не смогли определить его общепризнанных паттернов. «Оптимисты», пытаясь найти некий универсальный источник и принцип организации национализма, тем не менее, существенно расходятся в его формулировках. Так, например, английский философ и социальный антрополог Эрнест Геллнер определил национализм как принцип: «Национализм – это прежде всего политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать» [6. С. 23]. В то время как его ученица, культуролог Лия Гринфилд, несколько по иному охарактеризовала принцип национализма, заявив, что его общим основанием является «идентичность, которая выводится из принадлежности к "народу", основной характеристикой которого является определение его как нации», хотя «во всем остальном в различных национализмах мало общего» [7. C. 12].

Цель данной работы — обосновать возможность создания «синтетической теории» изучения национализма с использованием методологического инструментария исторической науки, привлекая в этой связи в качестве области эмпирического примера материалы, связанные с национализмом и цивилизационными основами советской модернизации жизни российских бурят в 1920-х гг.

Британский историк и исследователь национализма Энтони Смит делит все исследования национализма на две группы: перенниализм (рассматривают нацию как культурную, органическую общность, извечный феномен, уходящий корнями в прошлое) и модернизм (представляют нацию как политическую общность, феномен нового времени, механистически созданный людьми) [8. С. 58]. Перенниалисты особое внимание уделяют культурным традициям и истории, символам нации, исследуют эмоциональное восприятие людьми процессов нациестроительства. Модерни-

сты делают акцент на категории «интересов», лежащих в основе процессов нациестроительства и национального бытия, придают огромное значение модернизации общества и связанным с ней процессам массовой коммуникации, развитию экономики и современных политических и социальных институтов. Теоретически о связи интереса с аффективной практикой и эмоциями писал еще Дэниел Белл, который подчеркивал, что «этничность... может сочетать интерес с аффективной связью» [9. Р. 169]. Однако дальше констатации самого факта этой связи исследователи не продвинулись, ее механизм не объяснен до сих пор. В такой ситуации главная задача синтетической теории национализма заключается в теоретическом обосновании возможности синтеза рациональной категории «интерес» и связанной с ним модернизации с культурными и историческими основами нации, с иррациональной, эмоциональной составляющей процессов нациостроительства и национального бытия. Иными словами, нацию уместно сравнить с монетой. Без рассмотрения двух разных сторон одной монеты представление о ней не может быть всесторонним и целостным.

При всей разности во взглядах исследователи наций и национализмов сходятся, однако, во мнении, что это исторические образования par excellence. Американский социолог и философ Иммануил Валлерстайн, подчеркивая это обстоятельство, пишет: «Множественные, сложные по составу сообщества, к которым все мы принадлежим, "ценности", которые мы разделяем, по отношению к которым мы выражаем "преданность", которые определяют нашу социальную идентичность - все эти сообщества как одно являются историческими конструкциями, находящимися в процессе постоянной реконструкции» [10. С. 259]. Заметим при этом, что все та же Лия Гринфилд, попытавшаяся создать универсальную теорию национализма, сделала это, тем не менее, на примере пяти конкретных национализмов, имеющих собственные истории. Синтетическая теория национализма может быть успешно создана только в случае применения принципов исторической науки и исторического анализа.

Представители общественных наук, пытающиеся создать теоретический концепт для осмысления наций и национализмов, - феноменов исторических, - редко проводят их всесторонний исторический анализ. В этой связи Энтони Смит, выступающий за поиск возможностей синтеза существующих в науке подходов к исследованию национализма, в качестве слабости современных исследований отмечает: «Во многих исследованиях, ведущихся в данном направлении, наблюдается нехватка исторической глубины, - в области, которая как раз и требует такой глубины, причем в отношении уже сложившихся исторических явлений» [8. С. 396-397]. Признание же национализма в качестве исторического феномена требует применения для его изучения принципов исторической науки. В подобных исследованиях национализма они выполняют функцию маркеров, определяющих границы исторического исследования и систему его методологических координат. Для изучения национализма наиболее значимы два принципа исторического исследования: историзм и методологический синтез.

В силу историчности феномена национализма принцип историзма должен лежать в основе его изучения. Он позволяет рассматривать исторические факты, события и явления в их становлении, последовательном развитии, взаимозависимости и взаимообусловленности на основе закономерностей общественного развития в связи с конкретными историческими условиями. При этом вполне очевидно, что именно особое отношение ко времени — одна из универсальных основ национализма. Исследователи по-разному интерпретируют ее.

Американский историк Патрик Гири считает, что национализм — «это история политического присвоения и манипулирования унаследованных от прошлого имен и представлений в интересах созидания настоящего и будущего. Это история постоянных изменений, радикальных разрывов, а также политических и культурных коллизий, замаскированных повторным переприсвоением старых слов, чтобы определить новые реалии [11. Р. 156–157]. Он рассматривает процессы нациестроительства как последовательное конструирование на основе прошлого, настоящего и будущего.

Британский политолог и социолог Бенедикт Андерсон смотрит на это иначе, считая, что прошлое нации конструируется из настоящего для обоснования ее единства. Он пишет: «Поскольку у наций нет Творца, ее биография не может быть написана поевангельски, "от прошлого к настоящему", через длинную череду рождений. Единственная альтернатива — организовать ее "от настоящего к прошлому"» [12. С. 222–223].

На наш взгляд, для национализма особенно важны категории прошлого и будущего. Нация - это историческая общность в идеологических конструктах, как правило, укорененная в прошлом и на его основе ориентированная в будущее. При этом настоящее в национализме не так важно, оно лишь связывает прошлое с будущим. В качестве исключения можно указать лишь опыт двух великих революций французской и русской, когда якобинцы и большевики, отрицая полностью прошлое и исторические традиции, ориентировали свой идеологический конструкт исключительно в будущее. Якобинский национализм, отрицающий прошлое и сфокусированный на будущем, американский историк Карлтон Хэйес назвал «мессианским национализмом» [13. Р. 102]. Однако не стоит забывать, что в обоих случаях от этой практики быстро происходил отказ. И Наполеон, и И.В. Сталин перешли на имперскую модель, использующую для эффективного управления народами их исторические традиции. Поэтому в той или иной мере все успешные проекты нациестроительства всегда апеллируют к истории. В этом коренится отличие процессов нациестроительства от государственного строительства (когда, например, новое государство может быть построено для удовлетворения исключительно одних только утилитарных потребностей настоящего).

Современные исторические исследования носят по преимуществу междисциплинарный характер, что требует применения второго принципа - методологического синтеза. Этот принцип предполагает использование подходов и концепций различных наук, заключающих в себе взаимодополняющие эвристические возможности, дает возможность всесторонне интерпретировать сущность изучаемых событий и явлений. Принцип методологического синтеза позволяет историку, проводящему междисциплинарное исследование, оставаться в границах исторической науки. В этой связи, характеризуя применение принметодологического синтеза ципа историками, Б.Г. Могильницкий писал: «Прошло время методологического плюрализма, предполагавшего использование различных познавательных принципов, не сводимых к какому-либо одному, основополагающему. Речь, следовательно, должна идти о методологическом синтезе, составляющем концептуальное ядро исторического синтеза и осуществляющемуся в сфере исторического познания: на поле истории и под ее эгидой» [14. C. 9].

Исторический взгляд на национализм требует его рассмотрения в максимально широком историческом контексте с учетом многообразных политических, социально-экономических, культурных явлений и процессов. Синтетическая теория национализма, предполагающая универсализм в объяснении национализма как идеологической основы развития человечества с Нового времени по настоящий момент, способна поставить под сомнение доминирование постмодернистской, фрагментарной парадигмы миропонимания и актуализировать исторические теории, претендующие на универсальные концепции истории. Синтетическая теория национализма, созданная на основе исторической науки, способна придать новый импульс развитию исторических макротеорий. Это важно для развития исторической науки и можно рассматривать в качестве одной из перспективных задач синтетической теории национализма.

Цивилизация, модернизация и теория национализма

Историческое исследование столь масштабного и сложного социокультурного феномена, как национализм, с необходимостью должно основываться на макротеориях исторического процесса. В историческом знании самыми распространенными являются две макроисторические концепции, претендующие на универсальную концепцию истории, - модернизационная и цивилизационная. Теория модернизации подразумевает универсальную траекторию развития человечества, подразделяемую на стадии. Цивилизационная теория делает упор на партикулярности исторического пути культурно-исторических общностей (цивилизаций). В целом и модернизационное, и цивилизационное понимание исторического процесса успешно коррелирует с двумя основными парадигмами нациопонимания, охарактеризованными Энтони Смитом перенниализмом и модернизмом. Вполне очевидно, что перенниалистам будет ближе цивилизационное понимание исторического процесса, а модернистам – теория модернизации.

Основным принципом теорий модернизации является идея универсальной социальной эволюции. Приверженцы модернизационной парадигмы считают, что имеется закономерное развитие человечества от одного типа общества к другому: от традиционного общества к индустриальному и постиндустриальному. Сильная сторона социальной онтологии такого типа – способность к осмыслению всемирно-исторических инвариантов социальной эволюции, технологического и социального прогресса, необратимости социальных изменений, соотношения уровня развития разных обществ. В частности, индустриальная революция, породившая конвейерное образование, неизбежно ведет к модернизационному преобразованию архаичных народов в современные нации на основе гражданства. В этой связи Эрнест Геллнер утверждал, что национализм и нации есть следствие модернизации общества, породившей прогрессирующую экономику и новую индустриальную культуру, для обеспечения существования которой «нужны силы государства, эквивалентного всему обществу». Зарождение индустриального мира, по мнению Эрнста Гелленера, привело к «наступлению века национализма» [6. С. 287-288]. Понимание исторического процесса на основе теории модернизации предполагает, что другие народы будут развиваться по сходному пути. Модернисты, связывающие национализм с модернизацией, по сути, предлагают универсалистское понимание национализма.

Универсальную модель развития исторического процесса подвергают критике сторонники цивилизационной теории, справедливо указывающие, что западное общество - это вовсе не типичный образец движения социума от стадии к стадии. Согласно взглядам цивилизационного подхода социальное пространство не едино, но распадается на изолированные друг от друга части - по числу выделяемых цивилизаций. Каждая из цивилизаций в своей основе и в качестве того, что ее отличает от других цивилизаций, содержит такую системообразующую ценностнонормативную структуру, как культура. Содержательные различия цивилизаций нивелируются тем, что в основе их внутренней динамики лежит одинаковый принцип – «органицистская метафора», поскольку цивилизация – это социально-культурный организм, а значит, как организм она рождается, растет, расцветает, переживает надлом и умирает. Сильная сторона цивилизационной онтологии - это сосредоточение внимания на реальной специфике каждой большой исторической целостности, т.е. цивилизации, осмысление действительно имеющих место циклических процессов, фиксируемых историей. Таким образом, цивилизационная теория отстаивает партикулярную модель развития исторического процесса с многообразием национализмов.

Вместе с тем цивилизационной теории присущи свои недостатки. Во-первых, между цивилизациями отсутствуют непроницаемые перегородки. Они со-

единяются, разделяются, перетекают друг в друга, а главное – способны сильно влиять друг на друга на всем протяжении всемирной истории. Во-вторых, стройной структуры в рамках принципа цивилизационных изменений также нет – скорее, есть цивилизационные приливы (расцветы) и отливы (кризисы), но это чередование не имеет строгой регулярной структуры. В-третьих, цивилизационная специфика не мешает проявлению универсальных геополитических и геоэкономических закономерностей развития человечества (например, включение всех цивилизаций в структуру глобальной мировой экономической и политической систем).

Современные исследователи много теоретизируют вокруг проблем «нация и модернизация», «нация и империя», но, к сожалению, проблема «нация и цивилизация» пока остается за рамками теоретических дискуссий о национализме. Любая цивилизация полиэтнична. Из этого следует, во-первых, что для цивилизационной теории важны вопросы о взаимоотношениях национализмов этнических групп внутри цивилизации (уровень горизонтальной коммуникации национализмов). В России эпохи Гражданской войны в качестве примера таких взаимоотношений можно рассматривать отношения украинских и сибирских националистов. При горизонтальной коммуникации цивилизационная специфика определяет характер такого взаимодействия. Во-вторых, важны вопросы об отношениях национализмов этнических групп с культурой, являющейся ядром цивилизации (уровень вертикальной коммуникации национализмов). В качестве примера здесь можно привести взаимоотношения русского и алтайского национализмов. В контексте рассматриваемой проблемы «нация и цивилизация» важно подчеркнуть, что национализм, основанный на образующей цивилизацию культуре, будет иметь и обусловленную культурой цивилизационную специфику. Так, например, Эрнест Геллнер утверждал, что национализм вырос из культуры модерна, которая подрывает влияние религии в обществе. По его мнению, высокая индустриальная культура больше не связана с религией и церковью [6. С. 287]. С некоторыми оговорками это справедливо для западноевропейской цивилизации. Однако данная схема не подходит для объяснения русского национализма, который в качестве одной из своих основ использовал православие. С учетом определяющего значения православия для формирования русского народа исторически русский национализм - это религиозный национализм. В частности, в годы Гражданской войны в России именно так позиционировало его Белое движение, активно использовавшее националистический дискурс в своей пропаганде [15].

Несмотря на кажущуюся победу модернистов, в последние годы наблюдается активизация перенниалистов, которые не собираются уступать поле битвы в споре с модернистами. В современной науке наблюдается своеобразный Ренессанс перенниализма. Например, сегодня все большее внимание к себе привлекают работы современных перенниалистов Стефана Ван Эверы [16] и Мюрата Байяра [17], которые не

без успеха критикуют слабые места у модернистов, отстаивая значение культуры и исторических традиций, обращая при этом внимание в том числе и на влияние эмоционального фактора для развития этничности. Перенниалистских взглядов придерживаются и многие отечественные специалисты, что отчасти объясняется влиянием советской школы, где перенниализм традиционно доминировал. В этой связи отметим статью Л.И. Шерстовой, которая справедливо отмечает, что «укрепление антропологического подхода с его принципами "надэтничности", "внеисторичности" мало помогает пониманию причин возрастания роли и значимости этнического фактора как во внутренней жизни государств, так и в международных отношениях» [18. С. 176].

Современную методологическую ситуацию изучения национализма уместно проиллюстрировать через шахматную метафору. Изучение национализма вне истории можно сравнить с пристальным разглядыванием и оценкой фигуры вне связи с другими фигурами на шахматной доске. Вне шахматной доски фигура теряет свое значение, становясь просто предметом. Фигура является таковой только на доске в окружении других фигур, при этом от их расстановки зависит ее значимость. Историческое знание дает возможность проанализировать партию, разобрав ход игры и оценить значимость каждой из фигур в отдельных эпизодах разыгранной партии. Историческое поле выполняет для национализма роль шахматной доски, где действуют правила, по которым фигурами ведется игра. Изучение национализма вне истории абстрактно, оторвано от реальной действительности. Создание «синтетической» теории национализма «на поле истории и под ее эгидой» возможно, поскольку внешне разные фигуры играют по общим правилам, действующим на доске. Для того чтобы понять ход партии, необходимо знать правила и следить за действиями всех фигур оценивая развитие партии в динамике.

При этом при объяснении реальных исторических процессов нациестроительства плодотворным было бы отказаться от строго детерминированных моделей истории, страдающих определенной однобокостью трактовок и интерпретаций исторического процесса. Известный отечественный социальный Н.С. Розов в этой связи предложил опираться на так называемый факторный подход. Данный подход не предполагает жесткой детерминации, поскольку он только показывает сами факторы. Такой подход, прежде всего, стремится воспользоваться сильными сторонами обеих охарактеризованных выше метатеорий исторического процесса. Необходимо отметить, что в основе данного подхода лежит взгляд на общество как результат комплексного воздействия системы факторов, обусловливающих историческую динамику и социальную эволюцию. Для приведения факторов в систему Н.С. Розов предложил выделять базовые факторы. Под базовыми факторами исторической динамики и социальной эволюции он понимает комплексы механизмов и закономерностей, которые являются универсальными и неотъемлемыми свойствами основных компонентов социальной действительности и относительно независимы от конкретных исторических явлений и процессов. При этом характер действия базовых факторов может зависеть от своих фундаментальных условий, которые могут меняться при кумулятивном действии исторических явлений. В некотором смысле базовые факторы - это динамические субстанциальные свойства социальной действительности, наличие и действие которых специальных объяснений не требует. Напротив, то, почему не «работает» тот или иной базовый фактор, почему его действие принимает ту или иную (особенно необычную) форму - требует отдельного объяснения. В понятии базовости факторов также подразумевается, что все остальные факторы исторической динамики и социальной эволюции в рамках этой модели считаются следствиями действия одного или комбинаций влияния нескольких базовых факторов [19. С. 148–149, 174–181].

Национализм и цивилизационные основы советской модернизации жизни российских бурят в 1920-х гг.

Использование элементов цивилизационной теории и теории модернизации для изучения этнополитических процессов, позволяет выделить в качестве базовых факторов, обусловивших зарождение и развитие национализма у народов России, фактор принадлежности к цивилизации (цивилизационной специфики) и фактор модернизации, перманентно продолжающейся в России на протяжении XVIII—XXI вв.

Исследователи цивилизационной специфики России отмечают, что это многонациональная цивилизация - исторически сложившееся сообщество народов с объективно присущими ему этноинтегрирующими факторами и конфликтогенными противоречиями. Это сообщество обладает собственной оригинальной государственной организацией, которая впитала опыт и традиции государственности присоединенных народов. Не менее важными для интеграции народов оказались прогрессирующие экономические взаимосвязи и взаимовлияния, а также культурное взаимодействие [20. С. 372]. История России рассматривается приверженцами цивилизационной парадигмы как целостное явление со своей спецификой во внутреннем развитии. Однако оно происходит не изолированно, а с учетом вызова мировой ситуации. Это нужно учитывать при анализе состояния страны в первой четверти XX в. В тот период своего исторического развития российская цивилизация переживала системную модернизацию всех сфер общественной жизни. Под модернизацией в современной науке понимается всеобъемлющий процесс инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному обществу, который, в свою очередь, может быть представлен как совокупность процессов: структурной и функциональной дифференциации общества, индустриализации, урбанизации, бюрократизации, профессионализации, рационализации, становления современных мотивационных механизмов и т.д. [21. С. 3]. Современные исследователи признают, что модернизационный процесс включает в себя формирование новых социокультурных, политических и социальноэкономических институтов и механизмов, позволяющих использовать новые технологии для решения задач общественного развития [22].

В начале XX в. перед российской цивилизацией стояла задача перехода к индустриальному обществу путем модернизации всех сфер социальной жизни. Общим для российской и западной цивилизаций являлся технологический аспект модернизации, выражавшийся в бурном индустриальном развитии. При этом методологически важное значение имеет тезис о том, что модернизацию России начала XX столетия некорректно отождествлять с вестернизацией. Израильский социолог Шмуэль Ной Эйзенштадт выдвинул идею о множественности модернизаций, зависящих от культуры. Соответственно, он доказал, что нельзя отождествлять модернизацию и вестернизацию, западный образец является лишь одним из вариантов модернизации. По этому вопросу применительно к современному миру ученый писал: «Идея множественных Модернов предполагает, что лучший способ понять современный мир – а в действительности объяснить историю современности – это рассматривать его как историю постоянного создания и воссоздания множества культурных программ. Эти программы, если мы обращаемся к реконструкции множественных институциональных и идеологических паттернов, переносятся конкретными социальными субъектами и тесно связаны с социальными, политическими и интеллектуальными активистами, а также общественными движениями, претворяющими в жизнь различные программы современности и придерживающихся очень разных взглядов на то, что именно делает общество современным» [23. Р. 2]. Современное научное сообщество в большинстве своем приняло идеи Эйзенштадта. Известный отечественный специалист по проблемам модернизации В.Г. Федотова по поводу «национальной специфики модернизации» отмечает: «Сегодняшние представления социальной науки о многообразии "модернизмов" принципиально отличаются от признания национальной специфики в классической модернизационной теории. Отличие в том, что классическая теория модернизации рассматривала Запад как единственный образец, а эмпирические несовпадения с этим образцом трактовала как незавершенную или неуспешную модернизацию. Новая концепция множества "модернизмов" и национальных модернизаций считает различия в модернизации разных стран закономерными, отрицая единый образец» [24].

Н.М. Солодуха и А.М. Сабирзянов предложили приложить к теории факторов методологию ситуационного подхода. Под ситуацией они понимают «такое событие, которое возникает в результате внешних или внутренних факторов системы, характеризуемое как сложившиеся условия или обстоятельства, ведущие к смене одного положения и состояния фрагмента бытия другим» [25. С. 57]. Такой подход к теории факторов особенно важен для исторического исследования, ограниченного хронологическими рамками, от-

ражающими определенную ситуацию. Например, революционные события и Гражданская война детерминировали модернизацию всех сфер бытия российской цивилизации в первой четверти XX в. Именно ситуационный подход позволяет применять факторную теорию в историческом исследовании, руководствуясь исследовательским императивом «на поле истории и под ее эгидой».

Понимая модернизацию как осовременивание основных сфер общественной жизни в ответ на вызов, исходивший со стороны индустриально развитой западной цивилизации, подчеркнем, что в ходе революций и Гражданской войны страна искала собственные формы цивилизационного ответа на вызов Запада. Эти формы были национальными, альтернативными по отношению к западному устройству общества, и, вне всякого сомнения, они были найдены. Выдающийся английский историк Арнольд Тойнби подчеркивал значение духовного фактора в межцивилизационной борьбе: «Столкновение между остальным миром и Западом переходит из сферы технологической в сферу духовную» [26. С. 261]. В этой связи о модернизации в Советской России он справедливо писал: «Коммунистическая Россия была, пожалуй, первой незападной страной, признавшей возможность полного отделения сферы промышленного производства от западной культуры, заменяя ее эффективной социальной идеологией» [Там же. С. 51].

Рассмотрим пример модернизации межэтнических отношений в России на основе собственного исторического опыта. В результате модернизации на Западе происходило включение широких масс населения в политический процесс, строилось общество, основанное на либеральных ценностях. В западной цивилизации изживалось понятие национальности, основанной на этнической идентичности. Руководствуясь «правом наций на самоопределение» (под нацией понималась гражданская общность), Запад строил общество индивидов и социальных групп, придя впоследствии к идеям поликультурности и мультикультуризма.

Модернизация государственной политики в отношении отдельных народов российской цивилизации проходила по принципиально иному пути. Рецепт модернизации межэтнических отношений был предложен лидером большевиков В.И. Лениным, который мечтал о создании рабочим классом нового типа государства, в котором «разные нации свободно и мирно уживались вместе или расходились (когда это им удобно), составляя разные государства... Ни одной привилегии, ни одной нации, ни для одного языка! Ни малейшего притеснения, ни малейшей несправедливости! – вот принципы рабочей демократии» [27. С. 150].

Судьбоносным для народов России стал X съезд РКП(б), который проходил в марте 1921 г. Съезд широко известен как последний съезд партии, проходивший в условиях локализации Гражданской войны в России, на котором было продекларировано решение о проведении НЭП. Решения съезда по национальному вопросу на десятилетия определили развитие межэтнических отношений в России. Съезд принял программную резолюцию «Об очередных задачах партии в национальном вопросе». Он утвердил феде-

рацию как наиболее приемлемую для Советской России форму государственного устройства. «Федерация советских республик, основанная на общности военного и хозяйственного дела, является той общей формой государственного союза, которая дает возможность: а) обеспечить целость и хозяйственное развитие как отдельных республик, так и федерации в целом; б) охватить все разнообразие быта, культуры и экономического развития различных наций и народностей, стоящих на разных ступенях развития и, сообразно с этим, применять тот или иной вид федерации; в) наладить мирное сожительство и братское сотрудничество наций и народностей, связавших так или иначе свою судьбу с судьбой федерации. Опыт России с применением различных видов федерации, с переходом от федерации, основанной на советской автономии (Киргизия, Башкирия, Татария, горцы Дагестана), и федерации, основанной на договорных отношениях с независимыми советскими республиками (Украина, Азербайджан) и с допущением промежуточных ступеней между ними (Туркестан, Белоруссия), целиком подтвердил всю целесообразность и гибкость федерации как общей формы государственного союза советских республик» [28. С. 602].

Для развития народов России особо важным представлялось то, что делегатами съезда была подчеркнута «необходимость умелого и организованного использования в советской работе на восточных окраинах всех честных и доказавших свою преданность Советской власти элементов национальной интеллигенции ранее угнетенных народов» [Там же. С. 607]. В дальнейшем значение привлечения на советскую службу представителей национальных элит нерусских народов постоянно подчеркивалось в руководящих партийных документах. В итоговой резолюции IV Совещания ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей, проходившем в июне 1923 г., говорилось: «Роль местной интеллигенции в республиках и областях во многих отношениях иная, чем роль интеллигенции центральных районов Союза Республик. Окраины настолько бедны местными интеллигентными работниками, что каждый из них должен быть привлечен на сторону Советской власти всеми силами» [29. С. 283]. По итогам совещания ЦК РКП(б) выпустил циркулярное письмо о мероприятиях по реализации постановлений совещания, в котором местным партийным организациям предписывалось «произвести учет беспартийной, но лояльной интеллигенции по национальностям» [30. С. 171].

Х съезд подчеркнул полное политическое и правовое равенство народов Советской России как результат политики РКП(б) в национальном вопросе. Съездом партии ставилась задача ликвидации государственной, хозяйственной и культурной отсталости российских народов. Резолюция указывала на необходимость помощи народам окраин в развитии промышленности, в развитии и укреплении советской государственности, органов власти и хозяйства, суда, прессы, школы и т.д., что позволило бы «трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию» [28. С. 604].

Следует подчеркнуть, что советская модернизация политики государства в отношении народов России проводилась с учетом цивилизационных особенностей России, включающих в себя элементы как западного, так и восточного типов культуры. Сама модернизация межнациональных отношений имела западную направленность исходя из решения задач привлечения интеллигенции нерусских народов к управлению своими народами и включения масс нерусского населения в политическую жизнь, поднятия уровня культуры и повышения жизни этих народов. Однако само государственное устройство Советской России и позднее Советского Союза с учетом этнического критерия способствовало сохранению этнического своеобразия восточных народов и признаков восточного типа культуры внутри российской цивилизации. При этом у народов, относящихся к восточному типу культуры, было сильно родовое начало, которое было интегрировано в новую систему власти.

Подтвердим это суждение примером становления органов национальной автономии бурят и политики коммунистов в их отношении. Бурятское движение организационно оформилось вскоре после Февральской революции на общенациональном съезде, проходившем с 23 по 25 апреля 1917 г. в Чите под председательством Э.-Д. Ринчино. Съезд положил начало образованию национальной автономии бурятского народа, которая сложилась с учетом родовой принадлежности по схеме сомон–хошун–аймак–Временный бурятский национальный комитет.

После завершения широкомасштабной Гражданской войны на территории Иркутской губернии коммунисты были вынуждены определять свое отношение к органам национального самоуправления бурят. В рамках Комиссии по административному делению Иркутской губернии была создана специальная подкомиссия по вопросу о выделении бурятских национальных административно-хозяйственных единиц. В ее работе от бурятской коммунистической секции принял участие член первой бурятской большевистской группы в Иркутске Г.Г. Данчинов. Как оказалось, его позиция по вопросу о выделении бурятских органов национального самоуправления принципиально отличалась от позиции русских членов подкомиссии В. Неупокоева и Н. Шубина. Возникла необходимость подготовить для комиссии доклад о выделении бурятских национальных административнохозяйственных единиц. Русские советские работники признали, что «существуют факторы, возникающие естественным путем, вызывающие и обусловливающие выделение бурятских национальных организаций, и располагаются они по своей важности в следующей постепенности: экономические, хозяйственные, административные и политические - и решили, что по такой схеме должен быть составлен и сам доклад». С мнением русских членов комиссии категорически не согласился бурят Г.Г. Данчинов. Он заявил: «Принимая во внимание, что, во-первых, национальная обособленность не противоречит Советской Конституции и национальное самоопределение отдельных народностей включено в программу Коммунистической партии, что, во-вторых, среди бурят, несомненно существует сильное и массовое стремление к обособленности и что, наконец, в бурятской массе наблюдаются явные, так сказать, рудиментарные остатки прежней родовой наследственности и кочевого скотоводческого быта, а потому необходимо возникшие уже явочным порядком и существующие бурятские национальные организации временно сохранить. Таким образом, доминирующим в решении вопроса является фактор политический, что же касается факторов экономического, хозяйственного и административного, то значение их второстепенное и, скорее, отрицательное, чем положительное» [31. C. 310-311]. Под политическим вопросом Г.Г. Данчиновым понимался вопрос о суверенизации бурят путем легализации уже существовавших органов бурятского самоуправления. Показательно, что буряты сумели защитить свои интересы и их родовая система была институционализирована в системе местных советов. По существовавшей аймачной схеме, в основе которой лежал принцип родовой принадлежности, были созданы местные советы. Приведенный пример показывает то, как родовое устройство бурятского социума было институализировано в системе местных национальных советов, решившей задачу модернизации политики государства в отношении народов России по обеспечению широкого участия этнических элит в управлении своими народами и участию масс в политических процессах. Также он подтверждает важнейший методологический тезис Лии Гринфилд о том, что «национализм определяет современность, а не определяется ею» [7. С. 22]. Получается, что не модернизация порождает национализм, а национализм модернизацию. Соотнося цивилизационную составляющую, основанную на традиции (партикуляризм), с модернизацией, основанной на новации (универсализм), отметим, что национализм бурятской элиты позволил сохранить традиционные институты жизни народа, при этом открыв дорогу для их модернизации.

современном научном И общественнополитическом дискурсе стало модным критиковать политику Советского государства в отношении народов России. Известный отечественный специалист в области нациопонимания А.И. Миллер считает, что «советская национальная политика совершенно не умела защищать меньшинства и знала только один способ решения проблем этнических меньшинств превращение их в большинство или титульную национальность в специально созданных для этого административных образованиях. На практике часто получалось, что другие группы населения, проживавшие на территории автономий, в том числе русские, оказывались ущемлены в своих правах» [32. С. 136]. В приведенных словах есть доля правды. Но ложка дегтя не должна испортить бочки меда. В результате модернизации в России, сопровождавшейся революциями и Гражданской войной, был найден собственный цивилизационный рецепт включения масс в политические процессы. В Советской России была построена достаточно стройная структура советских органов власти, а в основу «права наций на самоопределения» была положена этническая идентичность, основанная на культурных традициях. Правящая коммунистическая партия обеспечила участие этнических элит во власти, тем самым укрепив государственное единство и обеспечив завершение Гражданской войны в местах компактного проживания нерусских народов. Заслугу большевиков по восстановлению России после Гражданской войны признавали многие их противники. В частности, Г.К. Гинс по этому поводу писал: «Как показали события, Россию надо было восстанавливать по частям, но адмирал Колчак и генерал Деникин не смогли найти общего языка с теми, кто проявил склонность к сепаратизму. Большевики, как интернационалисты, совершенно безучастно относящиеся к идее единой России, фактически объединили ее и почти уже разрешили проблему воссоздания России, направив ее развитие в новое русло» [33. С. 611–612].

Советская модернизация межэтнических отношений в России проводилась на основе опыта собственного цивилизационного развития. Современный западный исследователь советской национальной политики Т. Мартин предложил для характеристики ее сущности термин «империя положительной деятельности»: «Большевики пытались объединить выдвигавшееся националистами требование собственной национальной территории, культуры, языка и элиты с требованиями социалистов, ставившими своей целью создание экономически и политически единого государства. В этом смысле мы бы могли назвать большевиков интернационалистическими националистами, или, еще точнее, националистами положительной деятельности» [34. С. 28]. Советское государство стремилось сберечь народы России, сохранив их этническое своеобразие в условиях системной модернизации всех сфер жизни российского социума, успешного становления индустриального общества. В недавнем прошлом «отсталые инородцы» стали полноправными советскими гражданами, выйдя на качественно новый уровень культурного развития и социально-экономических условий жизни. Показательно, что в результате политики коммунистов в отношении нерусских народов России слово «инородцы» вышло из официального употребления. В языке советской эпохи те народы, которые при старом режиме юридически определялись как «инородцы», были объединены под новым термином «отсталые народы», и центральная власть стала перераспределять значительную часть общегосударственных ресурсов на цели поднятия общего уровня развития их культур и социальноэкономическое развитие заселенных этими народами территорий.

Модернизация российской цивилизации по своей сущности не была вестернизацией, страна нашла собственный рецепт осовременивания политики государства в отношении народов России при сохранении и развитии их культурного своеобразия, обеспечивший широкое участие этнических элит в управлении своими народами и включивший массы в политические процессы. Специфика цивилизационного развития России определила своеобразие ее модернизации.

В свою очередь, советская модернизация вела к перерождению архаичных народов в современные нации, т.е. народы России шли по общему для всех других народов пути национального развития. Образно выражаясь, цивилизационная специфика не отменила общие для всех народов цель и направление развития, но задавала им собственную траекторию.

Перспективы синтетической теории национализма

О необходимости познания национализма в современных условиях Лия Гринфилд просто и точно заявила: «Национализм занимает центральное место в нашем существовании... понять его сегодня - жизненно необходимо» [7. С. 30]. Социальные науки, несмотря на наблюдаемый в них бурный рост интереса к исследованиям феноменов наций и национализмов, продолжают пока отставать от развития современной политической практики. В этой связи И.С. Семененко справедливо считает, что они оказались «не готовыми к объяснению бурного роста национализма в условиях глобализации...» [35. С. 94]. При этом следует согласиться с Мирославом Хрохом, указыващим, что «все "теории национализмов" приходится рассматривать как планы дальнейших исследований» [36. С. 121]. В настоящее время очевидно, что постмодернистская парадигма развития научного мышления в области межэтнических отношений, породившая концепцию мультикультурализма, не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Крах мультикультурализма признан лидерами ведущих государств Западной Европы. Противостояние партикулярных национализмов глобализации обостряется по всему миру. При всех различиях конкретных национализмов, национакак явление культуры и общественнополитической жизни имеет общие паттерны. Для теоретического объяснения феномена национализма необходима валидная «синтетическая» теория, позволяющая выделить их. В то же время она должна быть достаточно гибкой, основанной на факторном подходе, чтобы учитывать исторические особенности многообразных национализмов и националистических практик. В таких условиях перспектива «синтетической» теории национализма заключается в том, что она придаст новый импульс его теоретическому объяснению, интегрируя теории, объясняющие его отдельные аспекты, и будет способствовать совершенствованию практики регулирования межэтнических отношений.

Обращаясь к вопросу о перспективе построения «синтетической» теории национализма, следует признать, что одной из основных характеристик национализма является его историчность. В этой связи «синтетическая» теория национализма не может быть создана «на поле истории и под ее эгидой» без применения принципов историзма и методологического синтеза. Подобная теория изучения национализма может быть создана в ходе активного взаимодействия гуманитарных и социальных наук. Взгляд на национализм на основе общих метатеорий исторического процесса позволяет смотреть на этот феномен в ши-

роком историческом контексте с учетом факторов, обусловливающих специфику развития отдельных национализмов, увидеть в национализмах универсальное и партикулярное, что присуще им по природе. Особую роль для исследования национализма играют теории модернизации и цивилизационная. Они позволяют исследовать национализм как исторический феномен в рамках глобальных культурных, социальных, политических и экономических явлений и процессов. Стоит заметить, что сами по себе логики исследования теорий модернизации и цивилизационной с чисто формальной точки зрения идентичны. Обе эти теории в равной степени нацелены на изучение исторических трансформаций. Различие состоит лишь в том, что цивилизационная теория исследует трансформационные процессы в рамках культуры, в то время как для теории модернизации приоритетными областями анализа являются трансформационные процессы в рамках политических и экономических институтов. Однако если согласиться с Лией Гринфельд, утверждающей, что отношения между Модерном и национализмами состоят в том, что не Модерн рождает национализмы, а, напротив, национализмы открывают страны для модернизации, а также принять во внимание тот факт, что национализмы стимулируют модернизационные процессы комплексно, затрагивая и культуру, и политику, и экономику, то стоит признать, что различия и методологические противостояния модернизационного и цивилизационного подходов могут быть успешно преодолены. Хотя, разумеется, рассматривая любой комплексный процесс, тем более такой сложный, как модернизация, включающий в себя несколько коррелятивно связанных линий трансформации, мы всегда оставляем место для споров и дискуссий между сторонниками цивилизационного и модернизационного подходов.

Иными словами, вопросы о ведущей и производной составляющих в таком сложном комплексе, как модернизация, включающем в себя культуру, политику и экономику, безусловно, остаются. Однако желание сбалансировать между собой универсалистский вектор модернизации и партикуляристский вектор цивилизационной принадлежности открывает широкие перспективы для использования междисциплинарного в своей основе факторного подхода, поскольку только в рамках последнего обеспечивается релевантное сочетание элементов цивилизационной и модернизационной теорий в создаваемых объяснениях быстрой трансформации архаичных народов в современные нации со всеми присущими им атрибутами: национальным самосознанием и институтами национально-терри-ториального самоуправления.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Кон Х. Идея национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010. С. 27-61.
- 2. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб. : Алетейя, 1998. 298 с.
- 3. Breuilly J. Reflections on Nationalism // Philosophy of the Social Sciences. 1985. Vol. 15, № 1. P. 65–75.
- 4. Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма // Мифы и заблуждения в изучении национализма. М.: Новое издательство, 2010. С. 62–109.
- 5. Ozkirimli U.The nation as an artichoke? A critiqueof ethnosymbolist interpretations of nationalism // Nations and Nationalism. 2003. № 9 (3). P. 339–355.
- 6. Геллнер Э. Нации и национализм / ред. и послесл. И.И. Кручинина. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
- 7. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2012. 528 с.
- 8. Энтони Д. Смит. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / пер. с англ. А.В. Смирнова, Ю.М. Филлипова, Э.С. Загашвили и др. М.: Праксис, 2004. 464 с.
- 9. Bell D. Ethnicity and social change // Ethnicity: Theory and Practice / N. Glazer, D. Moynihan (eds). Cambridge MA: Harvard University Press, 1975 P. 141–174
- 10. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос-Альтера, ЕссеНото, 2003. 272 с.
- 11. Geary P.J. The Myth of Nations: The Medieval Origins of Europe. Princeton: Princeton University Press, 2002.
- 12. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышление об истоках распространения национализма / пер. с англ. В. Николаева ; вступ. ст. С. Баньковской. М. : КАНОН-пресс-Ц ; Кучково поле, 2001. 288 с.
- 13. Hayes C. Nationalism as a Religion // Essays on Nationalism. NewYork: Macmillan, 1926.
- 14. Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. М. : Логос, 2005. 192 с.
- 15. Сушко А.В. Использование колчаковским режимом религиозных чувств населения в годы Гражданской войны // Омский научный вестник. 2012. Сер. Общество. История. Современность. № 5 (112). С. 7–10.
- 16. Van Evera S. Primordialism lives! // Newsletter of the Organized Section in Comparative Politics of the American Political Science Association. 2001. Vol. 12, № 1. P. 20–22.
- 17. Bayar M. Reconsidering primordialism: an alternative approach to the study of ethnicity // Ethnic and Racial Studies. 2009. Vol. 32, № 9. P. 1639–1657.
- 18. Шерстова Л.И. Этническая консолидация или конструирование: проблема генезиса традиционных культур // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. С. 176–180.
- 19. Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 1: Пролегомены. М.: Логос, 2002. 656 с.
- 20. Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия / отв. ред. В.В. Трепавлов ; Ин-т рос. истории. М. : Наука, 2003. 378 с.
- 21. Опыт российских модернизаций. XVIII-XX века. М.: Наука, 2000. 246 с.
- 22. Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 3–39.
- 23. Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // Daedalus. 2000. Vol. 129, № 1. P. 1–29.
- 24. Федотова В.Г. От догоняющей модернизации к национальной: теоретический аспект. URL: http://perspectivy.info/rus/gos/ot_dogonajushhej_modernizacii_k_nacionalnoj_teoreticheskij_a (дата обращения: 22.06.2016).
- 25. Солодухо Н.М., Сабирзянов А.М. Переоценка теории факторов: методология ситуационного подхода // Ученые записки Казанского государственного университета. 2007. Т. 149, кн. 5. С. 53–61.
- 26. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М.: Айрис-Пресс, 2003. 592 с.
- 27. Ленин В.И. Рабочий класс и национальный вопрос // Полн. собр. соч. 5-е. изд. М.: Изд-во полит. лит., 1973. Т. 23. С. 149–150.

- 28. Десятый съезд РКП(б). май 1921 г. Стенографический отчет. М., 1963.
- 29. Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9-12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М.: ИНСАН, 1992. 296 с.
- 30. ЦК РКП (б)-ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918-1933 гг. / сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН,
- 31. Сушко А.В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2014. 376 с.
- 32. Миллер А.И. Нация, или Могущество Мифа. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2016. 146 с.
- 33. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М.: Айрис-пресс, 2008. 672 с.
- 34. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 855 с.
- 35. Семененко И.С. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 11. С. 91-102.
- 36. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; пер с англ. и нем. Л.Е. Переславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002. C. 121-145.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 августа 2016 г.

THE THEORY OF NATIONALISM AND HISTORICAL RESEARCH: UNIVERSALISM VS. PARTICULARISM

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 142–152.

DOI: 10.17223/15617793/410/23

Alexey V. Sushko, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation); Omsk Tank-Automotive Engineering Institute (Omsk, Russian Federation). E-mail: Alexsushko@rambler.ru

Andrey V. Nekhaev, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: A_V_Nehaev@rambler.ru

Keywords: nationalism; nation; civilization theory; modernization theory; perennialism; factor approach to historical processes.

The article proves that the historicity of the phenomenon of nationalism makes its theory only possible "in the field of history and under its auspices" using the principles of historicism and methodological synthesis. Such a "synthetic" theory for the study of nationalism should be established in the active interaction of the Humanities and Social Sciences. A look at nationalism on the basis of common historical meta-theories allows us to take the phenomenon in a broader historical context, to take into account factors that determine the specific development of peculiar nationalisms, to find in nationalism the particular and the universal features which are inherent in its nature. A special role for nationalism study belongs to the modernization theory and the civilization theory reflecting the particular and the universal principle in the development of humankind. From a formal point of view the study logic of these theories is identical. Both theories are equally focused on the study of historical transformations. The only difference is that the civilization theory investigates the processes of transformation within culture, while for the modernization theory the priority areas of analysis are the transformation processes in political and economic institutions. The ability to balance between the universalistic vector of modernization and the particularistic vector of the civilizational identity opens up broad prospects for the use of the multidisciplinary factor approach, because only the latter provides a relevant combination of elements of civilization and modernization theories for explanations of the rapid transformation of archaic peoples in the modern nation with all their attributes like national identity and institutions of national and local government. To justify this theoretical scheme the authors of the article provide an empirical example associated with the modernization of state policy in the 1920s for the Buryats by the Communists that were in power. On this basis, it is concluded that the Soviet modernization of state policy towards the peoples of Russia was carried out taking into account Russian civilizational peculiarities that included elements of both western and eastern culture types. The modernization of interethnic relations was westernized. It was solving problems of attracting intellectuals in non-Russian peoples to control their own peoples and inclusion of the non-Russian bulk of the population in the political life, in raising of the culture level and quality of life for these peoples. However, the very political system of Soviet Russia and the Soviet Union contributed to the preservation of ethnic identity of the Eastern peoples and features of the eastern type of culture within the Russian civilization. At the same time among the peoples belonging to the eastern type of culture there was a strong kinship principle which was integrated into the new government system.

REFERENCES

- 1. Kon, Kh. (2010) Ideya natsionalizma [The idea of nationalism]. In: Gerasimov, I. Mogil'ner, M. & Semenov, A. (eds) Mifty i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma [Myths and misconceptions in the study of empire and nationalism]. Moscow: Novoe izdatel' stvo.
- 2. Hobsbawm, E. (1998) Natsii i natsionalizm posle 1780 goda [Nations and Nationalism since 1780]. St. Petersburg: Aleteyya.
- 3. Breuilly, J. (1985) Reflections on Nationalism. Philosophy of the Social Sciences. 15:1. pp. 65-75.
- 4. Brubaker, R. (2010) Mify i zabluzhdeniya v izuchenii natsionalizma [Myths and misconceptions in the study of nationalism]. In: Gerasimov, I. Mogil'ner, M. & Semenov, A. (eds) Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma [Myths and misconceptions in the study of empire and nationalism]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- 5. Ozkirimli, U. (2003) The nation as an artichoke? A critique of ethnosymbolist interpretations of nationalism. Nations and Nationalism. 9 (3), pp.
- 6. Gellner, E. (1991) Natsii i natsionalizm [Nations and nationalism]. Moscow: Progress.
- 7. Greenfield, L. (2012) Natsionalizm. Pyat' putey k sovremennosti [Nationalism. Five ways to modernity]. Moscow: PER SE.
- 8. Smith, A.D. (2004) Natsionalizm i modernizm: Kriticheskiy obzor sovremennykh teoriy natsiy i natsionalizma [Nationalism and modernism: A critical review of the modern theories of nations and nationalism]. Moscow: Praksis.
- 9. Bell, D. (1975) Ethnicity and social change. In: Glazer, N. & Moynihan, D. (eds) Ethnicity: Theory and Practice. Cambridge MA: Harvard University Press.
- 10. Balibar, E. & Wallerstein, I. (2003) Rasa, natsiya, klass. Dvusmyslennye identichnosti [Race, nation, class. Ambiguous identity]. Moscow: Logos-Al'tera, EcceHomo.
- 11. Geary, P.J. (2002) The Myth of Nations: The Medieval Origins of Europe. Princeton: Princeton University Press.
- 12. Anderson, B. (2001) Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshlenie ob istokakh rasprostraneniya natsionalizma [Imagined Communities. Thinking about the origins of the spread of nationalism]. Moscow: KANON-press-Ts; Kuchkovo pole.

- 13. Hayes, C. (1926) Nationalism as a Religion. In: Hayes, C. Essays on Nationalism. New York: Macmillan.
- 14. Mogil'nitskiy, B.G. & Nikolaeva, I.Yu. (eds) (2005) Metodologicheskiy sintez: proshloe, nastoyashchee, vozmozhnye perspektivy [Methodological synthesis: past, present and possible perspectives]. Moscow: Logos.
- 15. Sushko, A.V. (2012) Regarding the issue of speculating upon religious beliefs of citizens by Kolchak regime during the Civil war. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' Omsk Scientific Bulletin. Society. History. Modernity.* 5 (112), pp. 7–10. (In Russian).
- Van Evera, S. (2001) Primordialism lives! Newsletter of the Organized Section in Comparative Politics of the American Political Science Association. 12:1. pp. 20–22.
- 17. Bayar, M. (2009) Reconsidering primordialism: an alternative approach to the study of ethnicity. *Ethnic and Racial Studies*. 32:9. pp. 1639–1657. DOI: 10.1080/01419870902763878
- 18. Sherstova, L.I. (2016) Ethnic consolidation versus construction: traditional cultures genesis problem. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Tomsk State University Journal. 402. pp. 176–180. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/402/24
- 19. Rozov, N.S. (2002) Filosofiya i teoriya istorii [Philosophy and theory of history]. Vol. 1. Moscow: Logos.
- 20. Trepavlov, V.V. (ed.) (2003) Rossiyskaya mnogonatsional naya tsivilizatsiya: Edinstvo i protivorechiya [The multinational Russian civilization: Unity and contradictions]. Moscow: Nauka.
- 21. Alekseev, V.V. (ed.) (2000) Opyt rossiyskikh modernizatsiy. XVIII–XX veka [The experience of Russian modernization. The 18th–20th centuries]. Moscow: Nauka.
- 22. Voprosy filosofii. (1993) Rossiyskaya modernizatsiya: problemy i perspektivy (materialy kruglogo stola) [The Russian Modernization: Problems and Prospects (roundtable materials)]. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 3–39.
- 23. Eisenstadt, S.N. (2000) Multiple Modernities. Daedalus. 129:1. pp. 1-29.
- 24. Fedotova, V.G. (n.d.) Ot dogonyayushchey modernizatsii k natsional'noy: teoreticheskiy aspekt [From catch-up to national modernization: the theoretical aspect]. [Online] Available from: http://perspectivy.info/rus/gos/ot_dogonajushhej_modernizacii_k_nacionalnoj_teoreticheskij_a. (Accessed: 22nd June 2016).
- 25. Solodukho, N.M. & Sabirzyanov, A.M. (2007) Pereotsenka teorii faktorov: metodologiya situatsionnogo podkhoda [Revaluation of the theory of factors: the methodology of the situational approach]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta Proceedings of Kazan University*. 149:5. pp. 53–61.
- 26. Toynbee, A. (2003) Tsivilizatsiya pered sudom istorii [Civilization before the trial of history]. Moscow: Ayris-press.
- 27. Lenin, V.I. (1973) Rabochiy klass i natsional'nyy vopros [The working class and the national question]. In: Lenin, V.I. *Poln. sobr. soch.* [Complete works]. 5th ed. Vol. 23. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- 28. State Publishing House of Political Literature. (1963) Desyatyy s''ezd RKP(b). may 1921 g. Stenograficheskiy otchet [The Tenth Congress of the RCP (b). May 1921. Transcript]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- 29. INSAN. (1992) Tayny natsional noy politiki TsK RKP. Chetvertoe soveshchanie TsK RKP s otvetstvennymi rabotnikami natsional nykh respublik i oblastey v g. Moskve 9–12 iyunya 1923 g. Stenograficheskiy otchet [Secrets of the Central Committee of the Communist Party of the national policy. The fourth meeting of the Central Committee of the RCP with senior officials of the national republics and regions in Moscow, 9–12 June 1923. Transcript]. Moscow: INSAN.
- 30. Gatagova, L.S., Kosheleva, L.P. & Rogovaya, L.A. (2005) *TsK RKP(b)-VKP(b) i natsional'nyy vopros* [The Central Committee of the RCP (B)–UCP (b) and the national question]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
- 31. Sushko, A.V. (2014) *Protsessy suverenizatsii narodov Sibiri v gody Grazhdanskoy voyny* [Processes of gaining sovereignty of the peoples of Siberia during the Civil War]. 2nd ed. Moscow: LENAND.
- 32. Miller, A.I. (2016) Natsiya, ili mogushchestvo Mifa [Nation, or the power of myth]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
- 33. Gins, G.K. (2008) Sibir', soyuzniki i Kolchak. Povorotnyy moment russkoy istorii. 1918–1920 [Siberia, allies and Kolchak. The turning point in Russian history. 1918–1920]. Moscow: Ayris-press.
- 34. Martin, T. (2011) *Imperiya "polozhitel'noy deyatel'nosti"*. *Natsii i natsionalizm v SSSR*, 1923–1939 [Empire of "positive activities". Nation and nationalism in the USSR, 1923–1939]. Moscow: ROSSPEN: Fond "Prezidentskiy tsentr B.N. El'tsina".
- 35. Semenenko, I.S. (2015) Nations, Nationalism, National Identity: New Dimensions in Academic Discourse. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya World Economy and International Relations*. 11. pp. 91–102. (In Russian).
- 36. Khrokh, M. (2002) Ot natsional'nykh dvizheniy k polnost'yu sformirovavsheysya natsii: protsess stroitel'stva natsiy v Evrope [From the national movements to a fully formed nation: the process of nation-building in Europe]. In: Anderson, B. et al. (eds) *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow: Praksis.

Received: 11 August 2016

УДК 94(47).084

К.А. Тишкина

УЧАСТИЕ Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА В РАБОТЕ И ЛИКВИДАЦИИ ТРЕТЬЕГО СИБИРСКОГО НОВОНИКОЛАЕВСКОГО ВРАЧЕБНО-ПИТАТЕЛЬНОГО ОТРЯДА (1917–1918 гг.)

На основе архивных источников и материалов периодической печати автор восстанавливает основные этапы деятельности Третьего Сибирского Новониколаевского врачебно-питательного отряда на фронтах Первой мировой войны, выявляет роль учреждения в поддержании больных и раненых воинов. Особое место в статье уделено деятельности сибирского писателя Г.Д. Гребенщикова, участвовавшего в работе отряда в последние годы войны. Он представлен не только как творческая личность, но и как ответственный руководитель, неравнодушный к судьбе своей Родины.

Ключевые слова: Первая мировая война; Сибирское общество подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны; Всероссийский союз городов; Юго-Западый фронт; благотворительность.

В годы Первой мировой войны для поддержки русских воинов на фронте учреждались так называемые врачебно-питательные отряды. Работа их сотрудников заключалась в следующем: «принять раненых с линии боя, дать раненому первую помощь, перевязать, накормить и эвакуировать в ближайший тыл» [1. С. 15]. Непосредственно вблизи военных действий работали так называемые летучки, летучие отряды – мобильные перевязочно-питательные пункты. Организация и финансирование отрядов осуществлялись за счет средств как столичных, так и провинциальных благотворительных организаций Российской империи.

Активное участие в создании вышеназванных учреждений принимало Сибирское общество подачи помощи больным и раненым воинам. Организация была создана осенью 1914 г. в Петрограде по инициативе проживавших там сибиряков. Председателем стал Владимир Платонович Сукачев. Первоначально цели Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам заключались в создании полевых госпиталей и врачебно-питательных отрядов для попечения раненых воинов-сибиряков. В связи с расширением деятельность и весной 1915 г. организация была преобразована в Сибирское общество подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны. Ее сотрудники стали заниматься оказанием поддержки семьям фронтовиков. Финансирование организации осуществлялось за счет членских взносов, различных пожертвований, сборов по подписным листам, доходов от устройства благотворительных мероприятий. Поддержку обществу оказывал образованный в августе 1914 г. Всероссийский союз городов (Согор). У обеих организаций были во многом схожие задачи – создание врачебно-питательных пунктов, сбор разнообразных пожертвований для фронта и т.д. [2. С. 101].

Деятельность Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны постепенно вышла за пределы Петрограда. Штаб организации в столице впоследствии стал именоваться Центральным отделом. Благодаря активной пропагандистской работе членов организации к 1 октября 1915 г. на территории Российской империи действовали 34 отдела организации, из них 5 функционировали в европейской части России (Москва, Харьков, Киев, Рига и Варшава), остальные располагалась в населенных пунктах на территории Сибири.

К формированию Первого Сибирского врачебнопитательного отряда члены благотворительной организации приступили в октябре 1914 г. Расходы по приобретению необходимого оборудования были разделены между Всероссийским союзом городов и Сибирским обществом подачи помощи больным и раненым воинам. Предполагалось, что выделенная Всероссийским союзом городов сумма (до 80 тыс. руб.) впоследствии будет возмещена Сибирским обществом подачи помощи больным и раненым воинам. Возглавили Первый Сибирский врачебно-питательный отряд Н.В. Некрасов и Н.К. Волков. Они лично осуществляли подбор медицинского персонала отряда, рассматривая заявления добровольцев, представленные в Сибирское общество подачи помощи больным и раненым воинам. Списки с фамилиями кандидатов утверждались Главным управлением Российского общества Красного Креста. Штат отряда состоял из одного старшего и трех младших врачей, 16 сестер и братьев милосердия, 50 санитаров. Сибирским обществом подачи помощи больным и раненым воинам для медицинского персонала были выделены подъемные средства: врачам по 500 руб., студентаммедикам по 150 руб., братьям и сестрам милосердия по 100 руб., санитарам по 50 руб. [3. С. 2]. Отряд был обеспечен транспортными средствами: 10 автомобилями и более чем 20 лошадьми. 21 ноября 1914 г. отряд отправился на Варшавский фронт.

Одновременно с учреждением Первого Сибирского врачебно-питательного отряда члены благотворительной организации формировали Второй Сибирский врачебно-питательный отряд. На его оборудование было затрачено 120 тыс. руб. В марте 1915 г. сотрудники этого отряда под руководством И.П. Толмачева приступили к работе на Галицийском фронте.

Члены действовавших на территории Сибири отделов благотворительной организации также стремились создать собственные отряды. Одними из первых данную инициативу проявили сотрудники Новониколаевского отдела Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам. Учреждение действовало с 23 ноября 1914 г. Председателем стал предприниматель Н.А. Туркин. Товарищами председателями являлись И.К. Пименов и А.Г. Бутович, секретарями – П.Е. Майлов и А.М. Муромов. И.К. Пименов выступил с инициативой по организации на

фронте «санитарного отряда имени Новониколаевского отдела» [4. С. 3]. Стать уполномоченным отряда было предложено члену Государственной думы В.Н. Пепеляеву.

Отряд был окончательно сформирован к 8 марта 1915 г. Его оборудование обошлось в 100 тыс. руб. Из них 60 тыс. руб. было выделено Всероссийским союзом городов, а остальную сумму внес Новониколаевский отдел Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам. В состав отряда вошли 125 человек: уполномоченный, 2 его заместителя, 4 врача, бухгалтер, делопроизводитель, 3 фельдшера, 16 сестер милосердия, 9 старших санитаров, 20 младших санитаров, 2 шофера и т.д. При отряде было 2 автомобиля, 100 лошадей, 10 двуколок для перевозки раненых [5. Л. 1].

Отряд прибыл в Варшаву 12 марта 1915 г., затем направился в Цеханов. Здесь на территории сахарного завода были открыты лазарет на 66 кроватей, дезинфекционная камера и прачечная. Специалисты осуществляли амбулаторный прием не только воинов, но и местных жителей. При отряде были оборудованы слесарные, кузнечные и шорные мастерские, действовали 4 походные кухни и 2 водовоза. В близлежащие деревни Лагуны и Леснево-Дольне были отправлены так называемые летучки. В конце июня 1915 г. в связи с наступлением германской армии, сотрудники одной из «летучек» вынуждены были переместиться из д. Лагуны в д. Дзбони, а затем в д. Муравы. Из-за изменения линии фронта другая «летучка» вместе с госпиталем передислоцировались в г. Пултуск. Затем мобильные отряды воссоединились в д. Гладчине, к 10 июля они отошли к д. Пнево, а 11 июля перебрались на железнодорожную станцию г. Вышков. Здесь были организованы перевязочный и питательный пункты. В городском госпитале размещали тяжелораненых воинов [6. Л. 3]. К концу 1915 г. из-за отступления русской армии отряд переместился на восток Белоруссии.

Специально для Третьего Сибирского Новониколаевского врачебно-питательного отряда сотрудниками Третьего Строительного отряда Всероссийского союза городов к лету 1915 г. были установлены 13 бань, прачечные с дезинфекционными камерами. По данным отчета Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны, в период с 14 марта по 1 августа 1915 г. в банях побывали 59 204 человека, выдано нового белья — 30 821 шт., выстирано белья — 14 698 шт. [1. С. 25].

Третий Сибирский Новониколаевский врачебнопитательный отряд также оказывал помощь беженцам. Как указывалось в справке о деятельности Третьего Сибирского Новониколаевского врачебно-питательного отряда за 1916 г., в местечке Р. (предположительно Рогачево, Могилевской губернии. – K.T.) в двух пустовавших домах осенью 1915 г. были устроены питательный пункт и больница. За период с октября 1915 г. по январь 1916 г. было выдано 92 942 порции горячей пищи и 2 450 сухого пайка [7. Л. 2].

С 1 февраля 1916 г. действовал Новониколаевский транспортный отряд. В задачи его сотрудников вхо-

дила доставка продовольствия и фуража для Третьего Сибирского Новониколаевского врачебно-питательного отряда.

В феврале 1917 г. В.Н. Пепеляев сложил с себя обязанности уполномоченного отряда. На его место был назначен Я.С. Розен. Вскоре и он покинул пост, передав обязанности врачу Третьего Сибирского Новониколаевского врачебно-питательного отряда Е.Л. Шлизенгеру. В марте в отряде произошел конфликт, повлекший за собой уход Е.Л. Шлизенберга и 6 человек персонала. В мае 1917 г. уполномоченным Третьего Сибирского Новониколаевского врачебнопитательного отряда стал Г.Д. Гребенщиков.

Георгий Дмитриевич Гребенщиков родился 23 апреля 1883 г. в с. Николаевский Рудник Алтайского округа Томской губернии в семье горнорабочего. В 1894 г., не окончив сельской школы, он начал самостоятельную жизнь. Молодой человек сменил множество профессий: мойщик окон, ученик аптекаря, санитар, писарь, помощник фельдшера и т.д. Его первая книга «Отголоски печати» вышла в свет в 1906 г. В начале 1912 г. по рекомендации Г.Н. Потанина Гребенщиков устроился редактором барнаульской газеты «Жизнь Алтая». В 1913-1914 гг. Георгий Дмитриевич написал ряд значительных произведений («Ханство Батырбека», «Волчья жизнь» и т.д.), подготовил к публикации первый том сборника рассказов и повестей «В просторах Сибири», в 1915 г. приступил к написанию романа-эпопеи «Чураевы».

Воспоминание о начале войны Георгий Дмитриевич отразил в очерке «Грань». Изложение идет от первого лица. Решив переночевать на берегу Чарыша, герой очерка любовался вечерней природой, его внимание привлекла одинокая ворона, каркающая в дали. Уснув возле костра, герой увидел сон о «царе-сироте» и «царевне в голубом кокошнике». Вдруг мимо его палатки неожиданно пронесся всадник на коне, это разбудило и напугало героя. Он больше не смог уснуть и всю ночь бродил по лугу. Утром повстречавшиеся казаки сообщили о начале мобилизации на войну. «Теперь, спустя два года, я все ярче и ярче вспоминаю эту грань прошлого и настоящего, и особенно отчетливо - мирную и важную ворону на стогу... О царевне же мне вспоминать немножко совестно... Ненастоящая она. Выдуманная...», - завершил очерк писатель [8. С. 377].

Будучи человеком неравнодушным к судьбе родины, Г.Д. Гребенщиков остро переживал участие России в войне. В январе 1915 г. он писал Максиму Горькому: «Что бы там ни ожидали в будущем, как бы не оправдывали войну — будь проклято все на свете, что в ней нуждается!.. Не нахожу в совести своей ни одного мотива в ее пользу, хотя житейские истины и преподносят рассудку сотни выкладок: и то, что до войны все мы были какие-то дремотные и менее отважные, и более эгоистичные, и менее сплоченные...» [9. С. 341].

Писателя вдохновляла работа Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны. По его мнению, этой организации удалось сплотить вокруг себя «лучшую интел-

лигенцию Сибири». Из-за близорукости Георгий Дмитриевич не был военнообязанным. Желание «действенно и воочию видеть войну, переносить лишения, жертвовать собою» привело писателя к решению отправиться на фронт добровольцем. Осенью 1915 г. он переехал в Петроград, поступил на курсы по подготовке санитаров. Во многом ему помогал предыдущий опыт работы помощником фельдшера. В столице писатель принимал участие в заседаниях Центрального отдела Сибирского общества подачи помощи больным и ранеными и пострадавшим от войны.

В конце декабря 1915 г. Георгий Дмитриевич прибыл в Тернополь для вступления в должность старшего санинструктора Второго Сибирского врачебнопитательного отряда. Его передвижение по железной дороге было бесплатным, также Гребенщиков получил суточные (по 24 руб.). Воспринимая свою работу как добровольную и бескорыстную, писателя удивил тот факт, что он получил за нее деньги. Г.Д. Гребенщиков «ничего не нашел лучше, как пойти в кафе и угостить на них своих товарищей» [10. С. 2]. Помимо выполнения обязанностей санинструктора, писатель состоял на фронте корреспондентом одной из крупнейших газет страны – «Русские ведомости».

В первые месяцы на фронте как санитар Георгий Дмитриевич занимался дезинфекционными работами в помещениях для больных сыпным тифом. Вместе с другими сотрудниками отряда выезжал в поселения беженцев.

Вскоре по решению Центрального отдела Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны Г.Д. Гребенщиков был назначен уполномоченным по формированию сибирских санитарных транспортных отрядов. Для приобретения необходимого транспортного инвентаря он был командирован в Москву и Финляндию. В конце марта 1916 г. 28-й санитарно-транспортный отряд имени служащих Томской железной дороги был окончательно укомплектован и отправлен в 59-ю пехотную дивизию на Двинский фронт. Впоследствии отряд был направлен в Карпаты. Здесь Г.Д. Гребенщиков был ранен.

Свои фронтовые будни писатель включил в цикл очерков «Странички военного быта». Очерки публиковались в газетах «Русские ведомости», «Киевская мысль», «Сибирская жизнь», «Жизнь Алтая».

Летом 1916 г. Г.Д. Гребенщиков по делам санитарно-транспортного отряда приехал в Томск. Он предполагал также осуществить сбор пожертвований для служащих в полках 59-й пехотной дивизии. Со страниц газет «Жизнь Алтая» и «Сибирская жизнь» писатель обращался к неравнодушным к судьбам воннов гражданам. Он писал: «Из подарков для солдат лучше всего лакомство, табак и в особенности музыкальные инструменты, хотя по 1 на полк и по 1 на дивизион (всего 6–7). Предпочтительно хорошия гармоники – "размыкать на досуге тоску по родине"» [11. С. 3]. За короткий период времени Г.Д. Гребенщикову удалось собрать значительные по объему пожертвования. Так, от жителей Бийска был получен 21 ящик, в которых размещались «1 270 кисетов и узелков с

разного рода гостинцами — табаком, мылом, лакомствами, разными вещами и проч.». От служащих Алтайского союза кооперативов поступили по одному ящику табаку и мыла, а также 40 руб. на приобретение двух гармоний. Центральный комитет Томской железной дороги передал на подарки санитарам своего подшефного отряда 300 руб. [12. С. 3]. Прибыв на фронт 9 июля 1916 г., Г.Д. Гребенщиков лично занимался раздачей привезенных грузов.

Февральская революция 1917 г. и изменение политического режима в России повлияли на положение на фронте. Внутри врачебно-питательных отрядов на почве провозглашения общественных свобод начались нарушения дисциплины, многие члены персонала, ссылаясь на дороговизну, отказывались работать за установленное ранее жалование.

Георгий Дмитриевич Гребенщиков решил покинуть пост уполномоченного 28-м санитарно-транспортным отрядом имени служащих Томской железной дороги и перейти на должность уполномоченного Третьего Сибирского Новониколаевского врачебнопитательного отряда.

Прибыв в середине мая 1917 г. в отряд, располагавшийся недалеко от Луцка, Георгий Дмитриевич столкнулся с непризнанием его в качестве уполномоченного. Председатель совета отряда Любимов и секретарь Лисицын высказали неодобрение кандидатуры Г.Д. Гребенщикова. Вернувшись в Киев, он обратился в Фронтовой Комитет с просьбой освободить его от обязанностей главы отряда. Писатель собирался вступить в ряды армии в качестве солдата, так как ему представлялось, «что, в сущности положение солдата самое хорошее, там можно отдохнуть от многосложных забот и снять всякую ответственность начальника» [13. Л. 1]. В начале июня 1917 г. из Центрального отдала Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны была получена телеграмма, которая подтверждала статус Г.Д. Гребенщикова в качестве уполномоченного. Георгий Дмитриевич приступил к подбору нового персонала для отряда. Были приглашены: хирург, бухгалтер, сестра милосердия, шоферы. На выданный аванс в 10 тыс. руб. Г.Д. Гребенщиков закупил сапоги, телеги и пр. Прибыв в Луцк, писатель вновь столкнулся с пренебрежением подчиненных. Так, никто не прислал на станцию повозку, чтобы забрать привезенный груз. Добравшись до местонахождения отряда, он получил документы из Фронтового комитета, где его кандидатура полностью одобрялась. 8 июня в отряде состоялось экстренное общее собрание, на котором присутствовали 75 человек. На собрание были зачитаны телеграммы от Исполнительного комитета Всероссийского союза городов и Центрального Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войподтверждались которых полномочия Г.Д. Гребенщикова. Большинством голосов при голосовании (6 воздержавшихся) Георгий Дмитриевич был утвержден уполномоченным отряда.

Приступив к служебным обязанностям, Г.Д. Гребенщиков ввел строгие нормы поведения, уволил не-

которых сотрудников, которые, по его мнению, вносили смуту в деятельность учреждения. В целом отряд произвел на писателя удручающее впечатление. «Какова же работоспособность... 100 легко больных цингой, которые по вечерам поют песни и устраивают пляски» [14. Л. 2 об.]. Для более продуктивной деятельности Третьего Сибирского Новониколаевского врачебно-питательного отряда Г.Д. Гребенщиков считал нужным усиление дисциплины персонала. Георгий Дмитриевич обнаружил, что, уезжая из отряда, сотрудники присваивали себе казенные вещи (шубы, одеяла, спальные мешки и пр.). Ввиду этого было постановлено осуществлять проверку вывозимого имущества. Г.Д. Гребенщиков осознавал, какую ответственность он несет в качестве уполномоченного: «... очень не легко теперь ладить и с т.н. интеллигенцией, но когда знаешь, какое мы переживаем время, приходится мириться со многим, а главное необходимо поменьше думать о себе» [13. Л. 7].

От корпусного врача Г.Д. Гребенщиков получил задание создать хирургическо-терапевтический лазарет и питательный пункт. Сотрудники Третьего Сибирского Новониколаевского врачебно-питательного отряда предложили также открыть культурный кружок, на устройство которого Георгий Дмитриевич выделил свои личные средства – 260 руб.

Летом 1917 г. началось наступление германской армии на Юго-Западном фронте. Для упорядочения работы санитарных учреждений Г.Д. Гребенщиков был назначен уполномоченным Всероссийского союза городов при XI армии [15. С. 149]. Руководство Третьим Сибирским Новониколаевским врачебнопитательным отрядом из-за плохого дорожного сообщения осуществлялось им заочно. Восстановление работы санитарных учреждений оказалось затруднительным, так как не хватало средств, продовольствия и людей. В связи с этим Г.Д. Гребенщиков запросил для себя максимально возможные полномочия и свободу действия.

В августе 1917 г. Г.Д. Гребенщиков вместе с уполномоченным Согора И.А. Кирилловым посетил территорию размещения XI армии для ознакомления с работой отрядов, находившихся в ведении Всероссийского союза городов. Наиболее продуктивно трудились сотрудники I Строительного отряда под руководством М.Н. Ветчинкина. В остальных учреждениях наблюдалась разруха, требовалась проверка отчетной документации. Дивизионные врачи с неодобрением относились к работе Согора и других благотворительных организаций на фронте, так как, по их мнению, «они развращают наших солдат и вносят дезорганизацию». Это проявлялось в том, что санитары лазаретов питались гораздо лучше, чем находившиеся на лечении больные. Жалование солдата, состоящего при отряде, было в два раза выше, чем жалование бойца на передовой позиции. Уменьшение оплаты труда негативно сказывалось на работе фронтовых учреждений. Свое недовольство сотрудники вымещали на руководстве отрядов. Так, начальник 25-го Амурского отряда поделился с Г.Д. Гребенщиковым своей точкой зрения: «Я не могу платить своим санитарам вдвое жалование потому, что со стороны армейских солдат растет угроза погромов моего транспорта, а между тем санитары, зная о постановлении Комитета, угрожают расправится со мной» [16. Л. 2].

Несмотря на сложное положение на фронте и отступление XI армии, было принято решение не прекращать работу отрядов. В Староконстантинове была учреждена база Управления Всероссийского союза городов (Управсогор) XI армии, а в Кременце отрыты материальный и аптечный склады, организована ветеринарная помощь, осуществлялся медико-санитарный надзор. К сентябрю 1917 г. в районе действия XI армии числились 46 учреждений Согора. В них состояли 27 врачей, 89 сестер милосердия и фельдшеров. На содержание всех отрядов Всероссийским союзом городов выделялось 300 тыс. руб.

В ноябре 1917 г. была провозглашена Украинская Народная Республика. Изменения на фронте, а также политические преобразования привели к началу спешной ликвидации Согором врачебно-питательных отрядов на территории новообразованной республики. Ликвидационная работа Третьего Сибирского Новониколаевского врачебно-питательного отряда проходила при участии замещавшего Г.Д. Гребенщикова старшего врача А.Н. Погорецкого. Товарищем уполномоченного отряда был назначен член ликвидационной комиссии Согора при XI армии В.В. Васильев. При ликвидации Третьего Сибирского Новониколаевского врачебно-питательного отряда было потрачено 3 231 руб. 80 коп. К концу весны 1918 г. средства ликвидированных отрядов были переданы в Согор. Имущество благотворительных учреждений на сумму 50 354 руб. 90 коп., находившееся в Староконстантинове, перешло к Украинской Народной Республике [17. Л. 1].

Г.Д. Гребенщиков не был доволен итогами работы ликвидационной комиссии. Его не устраивал тот факт, что имущество отряда было распродано по низкой цене, а персонал получил сверх жалования еще по 90 руб. Кроме этого, по мнению Георгия Дмитриевича, часть вырученных денег была присвоена А.Н. Погорельским и В.В. Васильевым. Для выяснения данных обстоятельств он сделал запрос бухгалтеру отряда С.В. Бондаренко, заведующему хозяйственной частью отряда Л.Д. Шнейдеру, а также В.В. Васильеву. К тому времени А.Н. Погорецкий уехал за границу. Выяснилось, что в феврале 1918 г. персонал до завершения окончательной эвакуации отряда жил за свои средства в гостинице в Ровно, а также совершал разъезды по делам Согора. Выплаченные деньги должны были покрыть эти траты. Имущество Третьего Сибирского Новониколаевского врачебно-питательного отряда было распродано в спешном порядке по причине того, что его в любой момент мог конфисковать «как немец, так и украинец» [18. Л. 4]. В мае 1918 г. был заключен Брестский мир, согласно которому Россия вышла из войны.

Бывшие члены отряда с теплотой отзывались о Г.Д. Гребенщикове, высоко оценивая его организаторские способности. «Большое спасибо Вам, Георгий Дмитриевич, за то участие, которое Вы приняли в

когда-то нашем Отряде и в нас», – писали сестры милосердия А. Атласова и И. Залесская [19. Л. 1]. М.Ф. Шикарнов, надеясь на дальнейшее общение с писателем, отмечал: «...желаю вам быть таким же добрым и счастливым и полезным людям» [20. Л. 1 об.].

Георгий Дмитриевич негативно отнесся к политическим изменениям в России, не принял Октябрьскую революцию. Находясь в мае 1918 г. в Киеве, Г.Д. Гребенщиков отмечал: «И вот теперь мы видим, что Отечество наше растерзано, разграблено, убито, и больше уже нечего у него взять и сами мы, беспомощны, пленники, сидим в чужой стране и ждем, что вот нас выгонят отсюда и мы не будем, знать, где преклонить нам голову» [10. Л. 1]. С осени Георгий Дмитриевич жил в Ялте, работал корреспондентом в местных газетах. Деньги отряда (около 100 тыс. руб.), которые, по его мнению, являлись «неприкосновенной частной собственностью Сибирского Общества помощи пострадавшим от войны» он передал на хранение. Часть оставшейся суммы Г.Д. Гребенщиков вложил в недвижимость в Ялте [21. С. 209].

В январе 1919 г. И.А. Кириллов потребовал от писателя передачи денег для работы Екатеринодарского отдела Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны и на содержание сибирских врачебно-питательных отрядов на Кубани. Однако Г.Д. Гребенщиков считал нужным сохранить средства для последующего развития медицины в Сибири и направить их на «увеко-

вечение памяти павших сибиряков путем устройства кумысолечебной, климатической или другой санатории на Алтае». Сам Георгий Дмитриевич надеялся в скором времени вернуться в Сибирь и передать все средства Томскому отделу Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны. Впоследствии Г.Д. Гребенщиков все-таки «деньги сдал по принадлежности».

Георгий Дмитриевич не собирался покидать Россию. Он обращался к М. Горькому с надеждой на то, что пролетарский писатель проявит участие в его судьбе. Но из-за плохого сообщения между Петроградом и югом России письма не доходили до адресата. В 1920 г. Г.Д. Гребенщиков выехал из России, жил во Франции, а затем перебрался на постоянное жительство в США. Умер Георгий Дмитриевич Гребенщиков 11 января 1964 г.

Деятельность Г.Д. Гребенщикова в годы Первой мировой войны заслуживает уважения. Пройдя путь от добровольца-санитара до уполномоченного Всероссийского союза городов при XI армии, он зарекомендовал себя в качестве добросовестного работника, готового отстаивать свою точку зрения. Сохранившиеся архивные документы позволили реконструировать биографию писателя во время его пребывания на фронте, отобразить сложности работы в качестве руководителя Третьего Сибирского Новониколаевского врачебно-питательного отряда, показать сложные межличностные отношения на фоне политических изменений в стране.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Отчет о деятельности Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны. Первый год с 1 октября 1914 по 1 октября 1915 г. Петроград, 1916. 104 с.
- 2. Тишкина К.А. Роль Е.Л. Зубашева в организации отделов Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам в 1914 г. // Сибирь и войны XIX–XX веков : сб. материалов всерос. науч. конф. Новосибирск, 2014. С. 99–104.
- 3. Сибирский передовой отряд // Сибирская жизнь. 1914. 8 нояб. С. 2.
- 4. Заседание комитета Сибирского общества // Алтайское дело. 1914. 4 дек. С. 3.
- 5. Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая (далее ГМИЛИКА). Личный фонд писателя Г.Д. Гребенщикова. ОФ № 15473/49.
- 6. ГМИЛИКА. Личный фонд писателя Г.Д. Гребенщикова. ОФ 15473/46.
- 7. ГМИЛИКА. Личный фонд писателя Г.Д. Гребенщикова. ОФ 15473/44.
- 8. Гребенщиков Г.Д. Собрание сочинений в шести томах. Барнаул, 2013. Т. 2. 528 с.
- 9. Горький в зеркале эпохи (неизданная переписка). Сер. «М. Горький. Материалы и исследования» основана в 1989 г. М., 2010. Вып. 10. 736 с.
- 10. ГМИЛИКА. Личный фонд писателя Г.Д. Гребенщикова. ОФ № 56739/3.
- 11. Гребенщиков Г. Вниманию читателей // Жизнь Алтая. 1916. 19 июня. С. 3.
- 12. Гребенщиков Г. Сибирские подарки в несибирской дивизии // Сибирская жизнь. 1916. 11 авг. С. 3.
- 13. ГМИЛИКА. Личный фонд писателя Г.Д. Гребенщикова. ОФ № 15473/4.
- 14. ГМИЛИКА. Личный фонд писателя Г.Д. Гребенщикова. ОФ № 15473/15.
- 15. Тишкина К.А. Тема Первой мировой войны в произведениях Г.Д. Гребенщикова // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сб. материалов Всерос. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2015. С. 142–150.
- 16. ГМИЛИКА. Личный фонд писателя Г.Д. Гребенщикова. ОФ № 15473/8.
- 17. ГМИЛИКА. Личный фонд писателя Г.Д. Гребенщикова. ОФ № 15473/31.
- 18. ГМИЛИКА. Личный фонд писателя Г.Д. Гребенщикова. ОФ № 377/210.
- 19. ГМИЛИКА. Личный фонд писателя Г.Д. Гребенщикова. ОФ № 377/189.
- 20. ГМИЛИКА. Личный фонд писателя Г.Д. Гребенщикова. ОФ № 377/188.
- 21. Черняева Т.Г. Письма Г.Д. Гребенщикова и В.Я. Шишкова (1912–1919) // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2008. Вып. 4. C. 195–240.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 июня 2016 г.

PARTICIPATION OF G.D. GREBENSHCHIKOV IN THE WORK AND ELIMINATION OF THE THIRD SIBERIAN NOVONIKOLAEVSK MEDICAL AND NUTRITIONAL GROUP (1917–1918)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta-Tomsk State University Journal, 2016, 410, 153-158.

DOI: 10.17223/15617793/410/24

Ksenia A. Tishkina, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: ksetishkina@mail.ru

Keywords: World War I; Siberian society rendering help to sick and wounded soldiers and war victims; All-Russian union of the Cities; Southwestern Front; charity.

The article describes the activities of G.D. Grebenshchikov, a representative of the Third Siberian Novonikolaevsk Medical and Nutritional Group, a Siberian writer. Medical and nutritional groups played a significant role in the preservation of the lives of soldiers in the difficult conditions of war. Their activities consisted in evacuations of the wounded from battlefields, first aid, serving hot meals, organizing baths and disinfection chambers, etc. According to the author, an active charity group that funded the work of the groups was the Siberian Society Rendering Help to the Sick and Wounded Soldiers. The organization was created in September 1914 at the initiative of the Siberians living in Petrograd. In cooperation with the All-Russian Union of the Cities 11 medical and nutritional groups were sent to the front. An example of such work is the activities of the Third Siberian Novonikolaevsk Medical and Nutritional Group created at the initiative of members of the Novonikolaevsk Siberian Society Rendering Help to the Sick and Wounded Soldiers. On the basis of archival sources and materials of periodicals the chronology of the main stages of work of the Third Siberian Novonikolaevsk Medical and Nutritional Group is reconstructed. Since March 1915, the group was located on the Warsaw front. While under enemy fire, the staff carried out medical care for wounded warriors. By the end of 1915, because of the retreat of the Russian army the group moved to the east of Belarus. In 1916, the group was placed on the Southwest front. In May 1917, G.D. Grebenshchikov (1883?-1964), a famous Siberian writer, became the authorized representative of the Third Siberian Novonikolaevsk medical and nutritional group. Previously, he was able to establish himself as a medical orderly, helped refugees, was engaged in disinfection work in the premises for patients with typhus. On the front, the writer continued his artistic career, he wrote essays and stories for various Russian newspapers, started work on his epic novel Churaevy [The Churaevs]. Upon assuming the office of the representative, G.D. Grebenshchikov set to restore the work of the Third Siberian Novonikolaevsk Medical and Nutritional Group and managed to do it fast. In the summer of 1917, G.D. Grebenshchikov was appointed representative of the All-Russian Union of the Cities at the XI Army. In spite of the fact that the situation was difficult on the front, and the XI Army was retreating, the All-Russian Union of the Cities decided not to cease the work of groups. In November 1917, the Ukrainian National Republic was proclaimed. The author notes that the changes on the front and political transformations led to the elimination of urgent medical and nutritional groups on the territory of the republic. G.D. Grebenshchikov hoped to transfer the funds left after the liquidation of the Third Siberian Novonikolaevsk Medical and Nutritional Group to the development of medicine in Siberia. He did not accept the October revolution, he left Russia in 1920. The writer lived in France, and then moved to the USA for a permanent residence. G.D. Grebenshchikov made an essential contribution to the work of the Third Siberian Novonikolaevsk Medical and Nutritional Group.

REFERENCES

- 1. Anon. (1916) Otchet o deyatel'nosti Sibirskogo obshchestva pomoshchi bol'nym i ranenym voinam i postradavshim ot voyny. Pervyy god s 1 oktyabrya 1914 po 1 oktyabrya 1915 g. [Report on the activities of the Siberian society of helping the sick and wounded soldiers and victims of war. The first year from 1 October 1914 to 1 October 1915]. Petrograd.
- 2. Tishkina, K.A. (2014) [The role of E.L. Zubashev in the organization of the departments of the Siberian society of helping the sick and wounded soldiers in 1914]. Sibir' i voyny XIX–XX vekov [Siberia and the wars of the 19th–20th centuries]. Proceeding of the All-Russian conference. Novosibirsk: Parallel'. pp. 99–104. (In Russian).
- 3. Sibirskaya zhizn'. (1914) Sibirskiy peredovoy otryad [Siberian vanguard]. Sibirskaya zhizn'. November 8. p. 2.
- Altayskoe delo. (1914) Zasedanie komiteta Sibirskogo ob-va [The meeting of the Committee of the Siberian Society]. Altayskoe delo. December 4. p. 3.
- 5. National Museum of the History of Literature, Art and Culture of Altai (GMILIKA). *Lichnyy fond pisatelya G.D. Grebenshchikova* [The personal fund of the writer G.D. Grebenshchikov]. Fund 15473/49.
- 6. National Museum of the History of Literature, Art and Culture of Altai (GMILIKA). *Lichnyy fond pisatelya G.D. Grebenshchikova* [The personal fund of the writer G.D. Grebenshchikov]. Fund 15473/46.
- 7. National Museum of the History of Literature, Art and Culture of Altai (GMILIKA). *Lichnyy fond pisatelya G.D. Grebenshchikova* [The personal fund of the writer G.D. Grebenshchikov]. Fund 15473/44.
- 8. Grebenshchikov, G.D. (2013) Sobranie sochineniy v shesti tomakh [Collected works in six volumes]. Vol. 2. Barnaul.
- 9. Spiridonova, L.A. (ed.) (2010) Gor'kiy v zerkale epokhi (neizdannaya perepiska) [Gorky in the mirror of the era (unpublished correspondence)]. Vol. 10. Moscow; IMLI RAN.
- 10. National Museum of the History of Literature, Art and Culture of Altai (GMILIKA). *Lichnyy fond pisatelya G.D. Grebenshchikova* [The personal fund of the writer G.D. Grebenshchikov]. Fund 56739/3.
- 11. Grebenshchikov, G. (1916) Vnimaniyu chitateley [To the Reader]. Zhizn' Altaya. 19 June. p. 3.
- 12. Grebenshchikov, G. (1916) Sibirskie podarki v nesibirskov divizii [Siberian gifts in a non-Siberian Division]. Sibirskaya zhizn'. August 11. p. 3.
- 13. National Museum of the History of Literature, Art and Culture of Altai (GMILIKA). *Lichnyy fond pisatelya G.D. Grebenshchikova* [The personal fund of the writer G.D. Grebenshchikov]. Fund 15473/4.
- 14. National Museum of the History of Literature, Art and Culture of Altai (GMILIKA). *Lichnyy fond pisatelya G.D. Grebenshchikova* [The personal fund of the writer G.D. Grebenshchikov]. Fund 15473/15.
- 15. Tishkina, K.A. (2015) [The theme of the First World War in the works of G. Grebenshchikov]. Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh [Topical problems of historical research: views of young researchers]. Proceedings of the All-Russian youth conference. Novosibirsk: Parallel'; Institute of History SB RAS. pp. 142–150.
- 16. National Museum of the History of Literature, Art and Culture of Altai (GMILIKA). *Lichnyy fond pisatelya G.D. Grebenshchikova* [The personal fund of the writer G.D. Grebenshchikov]. Fund 15473/8.
- 17. National Museum of the History of Literature, Art and Culture of Altai (GMILIKA). *Lichnyy fond pisatelya G.D. Grebenshchikova* [The personal fund of the writer G.D. Grebenshchikov]. Fund 15473/31.
- 18. National Museum of the History of Literature, Art and Culture of Altai (GMILIKA). *Lichnyy fond pisatelya G.D. Grebenshchikova* [The personal fund of the writer G.D. Grebenshchikov]. Fund 377/210.
- 19. National Museum of the History of Literature, Art and Culture of Altai (GMILIKA). *Lichnyy fond pisatelya G.D. Grebenshchikova* [The personal fund of the writer G.D. Grebenshchikov]. Fund 377/189.
- National Museum of the History of Literature, Art and Culture of Altai (GMILIKA). Lichnyy fond pisatelya G.D. Grebenshchikova [The personal fund of the writer G.D. Grebenshchikov]. Fund 377/188.
- 21. Chernyaeva, T.G. (2008) Pis'ma G.D. Grebenshchikova i V.Ya. Shishkova (1912–1919) [Letters of G.D. Grebenshchikov and V.Ya. Shishkov (1912–1919)]. In: Altayskiy tekst v russkoy kul'ture [Altai text in Russian culture]. Vol. 4. Barnaul. pp. 195–240.

Received: 09 June 2016

УДК 327.7(061.1ЕС)

Е.Ф. Троицкий

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ФЕДЕРАТИВНЫХ ГОСУДАРСТВ В СОВЕТЕ ЕС: РОЛЬ РЕГИОНОВ

Статья подготовлена в рамках гранта имени Жана Монне № 561105-EPP-1-2015-1-RU-EPPJMO-CHAIR «Европейский регионализм и политика сплочения ЕС».

Статья посвящена анализу практики делегирования представительства стран ЕС в Совете Европейского Союза регионам. Рассматриваются происхождение этой нормы и ее реализация тремя входящими в ЕС федеративными государствами. Делается вывод о том, что эта норма широко применяется Бельгией, в узких сферах — Германией и не работает в Австрии. Соответственно, появление этой новации в праве ЕС, казавшейся в свое время важным шагом на пути к «Европе регионов», на практике не сыграло значительной роли.

Ключевые слова: Совет ЕС; Маастрихтский договор; федеративные государства; субнациональные единицы.

Совет ЕС, разделяющий с Европейским парламентом законодательные и бюджетные функции, — институт, в котором страны Европейского Союза отстаивают и согласовывают национальные интересы. Хотя Совет воплощает межправительственный элемент европейской интеграции (уравновешивая Европейскую Комиссию, являющуюся средоточием наднационального начала), в ЕС существует практика делегирования представительства государств в Совете субгосударственным единицам. Эта возможность предусмотрена законодательством трех входящих в ЕС федеративных государств — Германии, Бельгии и Австрии.

В настоящей статье рассматриваются соответствующие законодательные нормы и практика их применения. За ее рамками остается анализ деятельности представителей регионов как членов национальных делегаций в Совете; в этом качестве, без права подачи голоса от имени государства и с возможностью участвовать в дискуссии только с согласия главы делегации, региональные представители могут входить не только в делегации федеративных государств, но и в делегации Испании (министры правительств автономных сообществ страны) и Великобритании (члены правительств Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии).

До вступления в 1993 г. в силу Маастрихтского договора в Европейском экономическом сообществе (ЕЭС) действовала норма, согласно которой правительство каждой из стран-участниц должно было делегировать в Совет «одного из своих членов» [1. Р. 121]. В Маастрихтском договоре соответствующая статья приобрела новую формулировку: «В состав Совета входят по одному представителю от каждого государства-члена на министерском уровне, уполномоченному создавать обязательства для правительства государства-члена, которое он представляет» [2. Р. 64]. Эта формулировка, воспроизводившаяся в последующих договорах и дополненная в действующем Лиссабонском договоре словами «уполномоченному... осуществлять право голоса» [3. Р. 25], создает юридическое основание для того, чтобы государство было представлено в Совете ЕС министром регионального правительства.

Внесенная Маастрихтским договором новация закрепила уже начавшую складываться практику: с

1985 г. правительство Германии стало уполномочивать представителей земель участвовать в отдельных заседаниях Совета, рассматривающих вопросы, которые, согласно законодательству ФРГ, находились в исключительной компетенции земельных властей [4. Р. 235]. Неудивительно, что инициатива соответствующей новации исходила именно от Германии, столкнувшейся, в качестве единственного в то время федеративного государства, входящего в ЕЭС (Бельгия стала федерацией только в 1993 г.), с проблемой несоответствия между расширением компетенций Сообщества и внутригосударственным распределением компетенций между Федерацией и землями.

Следует подчеркнуть, что процитированное положение никоим образом не означает, что регион получает право представительства в Совете, поскольку члены региональных правительств могут участвовать в дискуссиях и голосовании только от имени делегировавшего их государства, а не своего региона. Это положение также не дает ни одному из регионов стран-членов права в каком бы то ни было случае требовать представительства в Совете. Решение о передаче представительства в Совете министру регионального уровня — исключительное право национального государства, требующее реализации, разработки и осуществления соответствующих внутригосударственных процедур.

В Германии проблематика учета интересов земель в рамках участия государства в европейской интеграции регулируется ст. 23 Конституции, введенной в действие законом, принятым в декабре 1992 г. для адаптации национальной правовой системы к Маастрихтскому договору. Пункт 1 этой статьи установил, что «для создания объединенной Европы» «Федерация может путем принятия закона, требующего одобрения Бундесрата, передавать суверенные права» [5. Р. 28]. Таким образом, поскольку Бундесрат формируется из членов правительств земель, земли получают право коллективно заблокировать передачу прав на наднациональный уровень. Более того, конституция оговаривает, что «Германия участвует в развитии Европейского Союза, который привержен принципам... федеративного государства, а также принципу субсидиарности» [Там же].

Конституция ФРГ устанавливает общие нормы «участия Бундесрата в формировании воли Федерации» в европейском строительстве. Если в вопросах, относящихся к сфере исключительной компетенции Федерации, «затрагиваются интересы земель», федеральное правительство лишь должно принимать во внимание позицию Бундесрата. Если существенным образом затрагиваются «законодательные полномочия земель, структуры земельных властей или земельные административные процедуры», позиция Бундесрата должна стать определяющей при формировании позиции Федерации, но при этом «должна обеспечиваться общегосударственная ответственность Федерации», а в случаях, которые могут повлечь за собой увеличение расходов или уменьшение расходов, требуется согласие федерального правительства [5. Р. 29]. При возникновении между федеральным правительством и Бундесратом разногласий запускается арбитражная процедура, предусмотренная законом 1993 г. о сотрудничестве между Федерацией и землями в европейских вопросах. При отсутствии компромисса Бундесрат может подтвердить свою позицию двумя третями голосов.

Если же затрагиваются исключительные законодательные полномочия земель в сферах школьного образования, культуры или телерадиовещания, то «осуществление прав, принадлежащих ФРГ как члену Европейского Союза, должно быть делегировано Федерацией представителю земель, назначенному Бундесратом» [Там же]. Таким образом, при рассмотрении вопросов, затрагивающих эти сферы, Германию в Совете ЕС должен представлять министр одного из земельных правительств, но, как уточняет Конституция, «эти права должны осуществляться с участием федерального правительства и по согласованию с ним; при этом должна обеспечиваться общегосударственная ответственность Федерации» [Там же]. Таким образом, в Совете ЕС, наряду с представителем Бундесрата, присутствует и представитель федерального правительства. Земельные министры, однако, не могут председательствовать в Совете ЕС.

По оценкам экспертов, система согласования интересов земель и Федерации в сфере участия Германии в ЕС функционирует эффективно, не вызывая существенных нареканий со стороны земель [4. Р. 247]. В 2008 г. в Конституцию ФРГ было внесено положение, позволяющее Бундесрату и Бундестагу обращаться в Суд ЕС для оспаривания законодательства ЕС, нарушающего принцип субсидиарности [5. Р. 28]. В то же время для воздействия на федеральные власти в целях защиты своих компетенций в рамках ЕС земли Германии должны действовать сообща; возможности каждой отдельной земли очень ограничены.

Если в Германии европейские договоры требуют для ратификации коллективной воли земель, то в Бельгии, поскольку договоры затрагивают региональные компетенции, необходима ратификация не только национальным парламентом, но и парламентом каждого субъекта Федерации (регионов Брюсселя, Валлонии, Фландрии, Немецкоязычного и Французского сообществ), а также Комиссией французского сообщества Брюсселя и Совместной комиссией сообществ Брюсселя [6]. Проблематика представительства Бель-

гии в Совете ЕС регулируется Соглашением о сотрудничестве между Федерацией, сообществами и регионами, заключенным в марте 1994 г. Соглашение предусматривает четыре категории представительства. Если рассматриваемый вопрос относится исключительно к федеральной компетенции, Бельгию представляет федеральный министр; если преимущественно к федеральной – федеральный министр, которому ассистирует представитель региональный министр, которому ассистирует его федеральный министр, которому ассистирует его федеральный коллега; если исключительно к региональной – представительство делегируется региональному министру [7].

Министр-ассистент «помогает министру-представителю... в вопросах, относящихся к его уроню власти», «высказывается, по согласованию с министром-представителем, по этим вопросам» и в случаях, если ход дискуссий требует уточнения бельгийской позиции, связывается с коллегами своего уровня власти и оказывает содействие определению позиции страны [Там же]. Представительство субъектов Федерации в формациях Совета осуществляется в рамках системы ротации, происходящей каждые полгода и обеспечивающей равенство между регионами и сообществами. Исключения, согласно внесенным в 2001 г. изменениям в Соглашение, составляют Совет по рыболовству, где Бельгию представляет правительство Фландрии, и Совет по сельскому хозяйству, где страну представляет федеральный министр, которому ассистируют фламандский и валлонский коллеги. На практике на заседаниях Совета ЕС часто присутствуют несколько представителей регионов и сообществ.

Позиция Бельгии в Совете вырабатывается в ходе встреч Дирекции Управления по европейским делам федерального Министерства иностранных дел, причем эти встречи проводятся «перед каждым заседанием Совета... какая бы сфера компетенции ни затрагивалась» [Там же]. В состав Дирекции входят представители федерального правительства, правительств регионов и сообществ. Решения принимаются консенсусом, т.е. все участники - каждый из трех регионов, каждое из трех сообществ и федеральное правительство – равны. Если консенсус не найден, вопрос должен быть передан на рассмотрение Межминистерской конференции по иностранным делам. Если предварительно согласованное решение отсутствует, представитель Бельгии в Совете должен воздержаться при голосовании.

Соглашение 1994 г. предусматривает, что если во время заседания Совета или Комитета постоянных полномочных представителей позиция Бельгии должна быть срочно скорректирована, представитель страны обязан провести необходимые согласования. Если же на это нет времени или обнаруживаются непреодолимые разногласия, представитель высказывает «исключительно "ad referendum" (условно) позицию, наиболее соответствующую удовлетворению общего интереса», а окончательная позиция Бельгии доводится до председателя Совета после урегулирования вопроса соответствующими внутригосударственными процедурами [Там же]. Как отмечалось юристами, это

положение не соответствует Договору о ЕС, требующему, чтобы представитель страны в Совете был уполномочен «создавать обязательства» для своего правительства, и вряд ли может быть использовано для оспаривания в Суде ЕС решения, принятого бельгийским представителем [4. Р. 250].

На практике, однако, бельгийская система выработки позиции страны в Совете ЕС работает достаточно эффективно. Как правило, в рамках работы Дирекции Управления по европейским делам стороны приходят к согласию, и случаи, когда Бельгии приходится воздерживаться при голосовании из-за отсутствия внутригосударственного консенсуса, довольно редки. Показательно, что в 1994 г. премьер-министр Фландрии, отражая общегосударственную позицию, выступил в Совете в поддержку промышленной политики Валлонии, которую он жестко критиковал на внутриполитической арене [Ibid. P. 239].

Во втором полугодии 2001 г., когда Бельгия председательствовала в Совете ЕС, на заседаниях Совета по научным исследованиям председательствовал глава правительства Брюссельского региона. Это отступление от сложившейся практики было подвергнуто критике Францией и Европейской Комиссией [8. Р. 15]. Во время председательства Бельгии в Совете во втором полугодии 2010 г. министры региональных правительств председательствовали в рамках Совета по конкурентоспособности (по внутреннему рынку -Федерация, по промышленной политике – Валлония, по научным исследованиям - Брюссель, по туризму -Немецкоязычное сообщество), Совета по охране окружающей среды (Фландрия), Совета по образованию, молодежной политике, культуре и спорту (образование и молодежная политика «достались» Фландрии, культура - Французскому сообществу, спорт -Фландрии), Совета по сельскому хозяйству и рыболовству (по сельскому хозяйству и по рыболовству -Фландрия) [9. Р. 108]. Таким образом, для обеспечения представительства всех субъектов бельгийской федерации конфигурации Совета были разбиты на более мелкие подразделения; для обеспечения политической преемственности ротация между регионами и сообществами была приостановлена на полтора года, в течение которых Бельгия входила в руководящую «тройку» EC. Вопреки многим ожиданиям сложная система представительства Федерации и ее субъектов в Совете не создала помех при председательстве страны в Совете ЕС. Возражений со стороны других стран ЕС против председательства региональных министров на заседаниях Совета зафиксировано

Раздел Конституции Австрии, посвященный участию страны в ЕС, устанавливает, что «если Федерации представлено единое мнение земель по проекту, касающемуся вопросов, законодательство в которых является делом земель, то Федерация становится связанной этим мнением при обсуждении и голосовании по этому проекту в Европейском Союзе» [10. Р. 33]. Однако Федерация может не принять во внимание это

мнение в силу «вынужденных обстоятельств политики в сфере европейской интеграции или внешней политики» [10. Р. 33]. Конституция допускает передачу федеральным правительством представительства Австрии в Совете ЕС члену земельного правительства, если рассматриваемый вопрос относится к сфере компетенции земель. Оговаривается, что осуществление этого права происходит при сотрудничестве и координации с соответствующим федеральным министром, а положение о «вынужденных обстоятельствах» сохраняет при этом силу [Там же]. Это положение Конституции ни разу не применялось на практике, если не считать единственного случая представительства на неформальной встрече министров регионального планирования [11. Р. 84]. Представители земель, однако, иногда входят в австрийскую делегацию, хотя имеют право выступать на заседаниях Совета лишь с согласия главы делегации – федерального чиновника; впрочем, по собственной оценке земельных администраций, более продуктивным является участие представителей земель в подготовительных встречах на уровне рабочих групп Совета [12. Р. 14].

Таким образом, в трех федеративных государствах ЕС норма, допускающая делегирование представительства в Совете регионам, по-разному преломляется в национальном законодательстве и воплощается на практике. В Австрии, где земли располагают более узкими компетенциями и меньшими ресурсами, чем в Германии, делегирование является правом, а не обязанностью федерального правительства, а сама норма остается «мертвой буквой». В Германии делегирование, если речь идет о трех названных в Конституции сферах, является обязанностью федерального правительства, однако действует оговорка, позволяющая федеральной исполнительной власти при необходимости взять волеизъявление в Совете в свои руки. В Бельгии принципы и порядок делегирования закреплены соглашением между Федерацией и ее субъектами, а позиция государства является выражением согласованной позиции регионов и сообществ.

В целом появившаяся со вступлением в силу Маастрихтского договора норма, позволяющая государствам делегировать представительство в Совете субнациональным единицам, на практике затрагивает только два государства, Германию и Бельгию, причем Германией применяется лишь в трех сравнительно узких сферах. Вряд ли можно приписывать ей значение крупного шага на пути к расширению участия регионов в европейской политике или видеть в ней пример реализации концепции «многоуровневого управления», предполагающей, что в EC государства утрачивают роль «привратника», контролирующего доступ регионов к процессу принятия решений на уровне Союза. Случай Бельгии является ярким исключением, лишь подтверждающим общее правило и отражающим уникальный статус ее регионов, с каждой новой реформой бельгийской государственности все более приобретающих функции квазигосударств.

ЛИТЕРАТУРА

- Traite instituant la Communaute Economique Europeenne et documents annexes. URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/PDF/?uri=CELEX:11957E/TXT&from=EN
- 2. Treaty on European Union. URL: http://europa.eu/eu-law/decision-making/treaties/pdf/treaty_on_european_union/treaty_on_european union en.pdf
- 3. Consolidated Version of the Treaty on European Union. URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012M/TXT&from=EN
- 4. Levrat N. L'Europe et ses collectivites territoriales. Reflexions sur l'organisation et l'exercice du pouvoir territorial dans un monde globalise. Bruxelles, 2005.
- Basic Law for the Federal Republic of Germany. URL: https://www.bundestag.de/blob/284870/ce0d03414872b427e57fccb703634dcd/basic_law-data.pdf
- Vanden Bosch X. The Belgian Parliaments and EU Affairs: the reasons behind their limited involvement. URL: http://www.egmontinstitute.be/wp-content/uploads/2014/03/EPB-28-ENG-Parliaments.pdf
- 7. Accord de cooperation entre l'Etat federal, les Communautes et les Regions, relatif a la representation du Royaume de Belgique au sein du Conseil de Ministres de l'Union europeenne. URL: http://environnement.wallonie.be/legis/accords_de_cooperation/representationUE.htm
- 8. Eggermont F. In the Name of Democracy: The External Representation of the Regions in the Council // The Role of the Regions in EU Governance. Berlin, 2011. P. 3–20.
- 9. Criekemans D., De Ville F. Intra-Belgian Coordination of the Council Presidency: A Diplomat's Paradise // Readjusting the Council Presidency: Belgian Leadership in the EU. Brussels, 2012. P. 101–114.
- 10. Constitution of the Federal Republic of Austria. URL: http://www.legislationline.org/documents/section/constitutions
- 11. Morass M. Austria: The Case of a Federal Newcomer in European Union Politics // The Regional Dimension of the European Union: Towards a Third Level in Europe? L.; N.Y., 2015. P. 76–95.
- 12. Kiefer A. External Relations of the Austrain Laender Examples of Salzburg. URL: http://www.forumfed.org/libdocs/2009/2008-09-18-Kiefer.pdf

Статья представлена научной редакцией «История» 29 июля 2016 г.

REPRESENTATION OF FEDERAL STATES IN THE COUNCIL OF THE EU: ROLES OF THE REGIONS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 159–163.

DOI: 10.17223/15617793/410/25

Evgeny F. Troitskiy, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: eft@rambler.ru

Keywords: Council of the EU; Maastricht Treaty; federal states; sub-national entities.

The article focuses on the practice of delegating the nation states' representation in the Council of the EU to ministers of regional governments. Both the relevant norm itself and the specifics of its implementation in three EU's federal states, Germany, Austria and Belgium, are analyzed. The introduction of the norm allowing a state to be represented in the Council of the EU by a regional official into the Maastricht Treaty was initiated by Germany and was a reaction to the expansion of the EU's prerogatives into the areas where the Federation and the Laender shared competence or the Laender had exclusive competence. The legal innovation codified the practice that had existed since the late 1980s when the German government began to include the representatives of the Laender into the national delegation when the Council debated the issues falling under the competence of the Federation units. The analysis shows that Germany's representation in the Council must be delegated to a minister of a Land government if questions of school education, culture and television or radio communication are considered. The representative has to express the collective position of the Laender. In other areas touching the prerogatives of the Laender the position of the state is determined by the Bundesrat, the upper chamber of the Parliament which represents the Federation units. In any case the Laender have to act collectively to make a decisive influence on Germany's position in the Council. Similar procedures exist in Austria. However, the norm allowing for the delegation of the country's representation in the Council to a regional minister is not applied in practical policy. In Belgium there is a complicated system for the formulation of the country's position in the Council where the Federation and the regions and communities are essentially equal. Accordingly, each region or community of Belgium can make an individual impact on the working out of the national position. The delegation of Belgium's representation to regions and communities is practiced widely, with rotation being the underlying principle. The article concludes that in fact the norm introduced by the Maastricht Treaty has not become a major step to the expansion of regional participation in the EU's decision-making. Member states have retained control over the access of regions to this process and the formulation of national positions, the Belgian case being an exception reflecting a unique status that the country's regions have in the present-day Europe.

REFERENCES

- 1. Eur-lex.europa.eu. (c. 1962) *Traite instituant la Communaute Economique Europeenne et documents annexes* [Treaty establishing the European Economic Community and related documents]. [Online] Available from: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/PDF/?uri=CELEX: 11957E/TXT&from=EN.
- 2. Europa.eu. (n.d.) *Treaty on European Union*. [Online] Available from: http://europa.eu/eu-law/decision-making/treaties/pdf/treaty_on_european_union/treaty_on_euro-pean_union_en.pdf.
- 3. Eur-lex.europa.eu. (c. 2012) Consolidated Version of the Treaty on European Union. [Online] Available from: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012M/TXT&from=EN.
- 4. Levrat, N. (2005) L'Europe et ses collectivites territoriales. Reflexions sur l'organisation et l'exercice du pouvoir territorial dans un monde globalise [Europe and its local communities. Reflections on the organization and exercise of territorial power in a globalized world]. Brussels: Peter Lang S.A.
- 5. Bundestag.de. (2012) Basic Law for the Federal Republic of Germany. [Online] Available from: https://www.bundestag.de/blob/284870/ce0d03414872b427e57fccb703634dcd/basic law-data.pdf.
- 6. Vanden Bosch, X. (2014) The Belgian Parliaments and EU Affairs: the reasons behind their limited involvement. [Online] Available from: http://www.egmontinstitute.be/wp-content/uploads/2014/03/EPB-28-ENG-Parliaments.pdf.

- 7. Environnement.wallonie.be. (1994) Accord de cooperation entre l'Etat federal, les Communautes et les Regions, relatif a la representation du Royaume de Belgique au sein du Conseil de Ministres de l'Union europeenne [Cooperation agreement between the Federal State, the Communities and Regions, relating to the representation of the Kingdom of Belgium in the Council of Ministers of the European Union]. [Online] Available from: http://environnement.wallonie.be/legis/accords_de_cooperation/representationUE.htm.
- 8. Eggermont, F. (2011) In the Name of Democracy: The External Representation of the Regions in the Council. In: Panara, C. & De Becker, A. (eds) *The Role of the Regions in EU Governance*. Berlin: Springer-Verlag Berlin Heidelberg.
- 9. Criekemans, D. & De Ville, F. (2012) Intra-Belgian Coordination of the Council Presidency: A Diplomat's Paradise. In: Van Hecke, S. & Bursens, P. (eds) *Readjusting the Council Presidency: Belgian Leadership in the EU*. Brussels.
- 10. Legislationline.org. (2014) Constitution of the Federal Republic of Austria. [Online] Available from: http://www.legislationline.org/documents/section/constitutions.
- 11. Morass, M. (2015) Austria: The Case of a Federal Newcomer in European Union Politics. In: Jeffery, Ch. (ed.) *The Regional Dimension of the European Union: Towards a Third Level in Europe?* London; New York: Routledge.
- 12. Kiefer, A. (2009) External Relations of the Austrain Laender Examples of Salzburg. [Online] Available from: http://www.forumfed.org/libdocs/2009/2008-09-18-Kiefer.pdf.

Received: 29 July 2016

УДК 342.8 (571.1)

А.Б. Храмцов

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1870-е гг.)

Исследована реализация норм Городового положения 1870 г., определявшего процесс формирования органов местного самоуправления в городах Западной Сибири. Установлено, что в процессе выборов возникали различные нарушения и конфликты. Наряду с несовершенным механизмом голосования на результатах сказалась низкая электоральная активность. Местные условия не соответствовали вводимым правилам. Многие города не имели опыта формирования подобных органов, допускали ошибки, отступления от норм.

Ключевые слова: выборы; Городовое положение 1870 г.; городские думы; городские головы; гласные; органы местного самоуправления; Западная Сибирь.

Динамические процессы социально-экономического развития России после крестьянской реформы 1861 г. потребовали модернизации всей системы административного управления в стране, в том числе на местном уровне. Быстрый рост населения городов, усиление торгово-промышленного значения городских центров вызывали необходимость формирования принципиально новой модели городского управления, основанной на принципах бессословности и самостоятельности в решении вопросов развития местного хозяйства.

Новым этапом развития городского самоуправления стала реформа 1870 г., которая, по мнению ряда исследователей, являлась прогрессивным явлением исторического развития России в последней трети XIX в. [1. С. 5]. В этой связи научный интерес вызывает вопрос практической реализации норм нового городского законодательства, в частности в городах Западной Сибири (Тобольской и Томской губерний).

Процесс формирования органов местного самоуправления обусловливался различными факторами: территориальными, экономическими, климатическими, социально-демографическими и др. В то же время ключевыми здесь стали статьи Городового положения 1870 г. («правила электоральной игры»), определявшего условия приобретения активного и пассивного избирательного права [2. С. 823–839].

Реформа вводилась в городах постепенно, прежде всего в губернских и областных центрах, в данном случае — Тобольске и Томске. Подготовка к местным выборам начиналась с составления списка лиц, имевших право избирать и быть избранным в городскую думу. По закону все избиратели вносились в общий список по убывающей величине платимых сборов в пользу города или казны, а затем делились на три части, т.е. «разряды». При этом разряды не являлись закрытыми «кастами». Каждое избирательное собрание могло выбирать гласных как из своей среды, так и других разрядов, что явно противоречило принципу представительства, «соразмерности прав и обязанностей» [3. С. 74—75].

Соблюсти в полном объеме эти требования местные власти не смогли. Уже организация первых выборов в губернских городах обнаружила разные противоречия и нестыковки, а также отступления от правил. Так, Главное управление Западной Сибири

21 сентября 1870 г. доложило в МВД, что при составлении списка избирателей в Тобольске были допущены следующие «недоразумения»: по утвержденному мнению Госсовета, впредь до образования городских дум на указанных в законе основаниях и до установления ими сбора в доход города с недвижимых имуществ право голоса предоставлять лишь тем владельцам недвижимых имуществ, которые уплачивают с них налог в пользу казны. В Тобольске же, кроме однопроцентного сбора на квартирную повинность, не существовало более никакого налога с недвижимости ни в пользу казны, ни в пользу города. «Кто в таком случае может быть внесен в список избирателей?» — спрашивал генерал-губернатор [4. Л. 5—6].

8 ноября 1870 г. МВД дал «свои соображения» генерал-губернатору Западной Сибири относительно списка избирателей, куда включать «купцов, домовладельцев, торгующих мещан» [Там же. Л. 23–23 об.]. В Тобольске в список избирателей внесли владельцев недвижимости, которые платили процент с оценки имуществ, а также плательщиков сборов со свидетельств на торговлю и промыслы, хотя и не имевших в городе недвижимости.

В Томске в список избирателей вошли плательщики квартирного сбора с недвижимых имуществ и плательщики сборов по производству торговли и промыслов в пользу казны. Список избирателей по Томску был утвержден губернатором 28 ноября 1870 г. В него вошли 947 лиц: І разряд — 45 чел. с общей суммой уплачиваемых налогов 5 710 руб. 86 коп., ІІ разряд — 197 чел. — 5 413 руб. 99 коп., ІІІ разряд — 705 чел. — 4 929 руб. 9 коп.; всего сборов — 16 054 руб. [Там же. Л. 64]. В местную думу были избраны 54 гласных.

Томская городская дума по завершении местных выборов 4 февраля 1871 г. представила губернатору формулярные списки избранных городским головой (Д.И. Тецкова) и заступающим место головы (Е.И. Королева) для утверждения их в МВД. Губернатор «не встретил препятствий» для ходатайства, так как к раскольническим сектам указанные лица не принадлежали, под судом и следствиям не состояли [Там же. Л. 157].

Несмотря на разные мелкие нарушения выборного производства, МВД не стало отменять результаты выборов, сославшись на то, что существенных от-

ступлений от правил допущено не было. Кабинет министров 6 июля 1871 г. утвердил записку МВД о выборах в Томске. Торжественное открытие Томской городской думы состоялось 30 августа 1871 г. [4. Л. 236, 259–260 об.].

Выборы в Тобольске по разным причинам неоднократно переносились, в результате формирование местной думы затянулось до 1872 г. Согласно постановлению Тобольской городской думы от 17/19 декабря 1871 г. городским головой был избран А.А. Сыромятников, его заместителем М.Д. Плотников [Там же. Л. 304–305].

Тобольское губернское по городским делам Присутствие результаты выборов городского головы и его заместителя решило отменить, так как была нарушена процедура их проведения (выборы городского головы должны были проводиться отдельно от выборов других должностных лиц). Тем не менее МВД 29 марта 1872 г. «не усмотрело достаточных оснований к отмене выборов» [Там же. Л. 370].

Тобольский губернатор заявил также, что выборы гласных 17 декабря 1871 г. не следует признавать, так как власти отступили от норм Городового положения. В состав 72 гласных вошли: 3 священника, 30 чиновников, 23 купца, 15 мещан, 1 отставной унтер-офицер, 1 крестьянин. Большинство гласных высказались против назначения содержания новому городскому голове. Противостояние между чиновничеством («за» Жилина, с назначением ему содержания) и купечеством («за» Сыромятникова, без назначения ему содержания) привело к конфликту и победе купеческого ставленника [5. Л. 49 об.].

Помимо нарушений на местных выборах, новая городская власть достаточно сложно входила с систему отношений с правительственными и общественными учреждениями, полицией и местными жителями. Нередко конфликты случались и на заседаниях дум. В частности, Томский губернатор 19 ноября 1874 г. представил в МВД журнал губернского по городским делам Присутствия об оскорблении город-Д.И. Тецковым головой гласного П.В. Михайлова. Губернатор ходатайствовал назначить следствие по жалобе гласного. МВД ответило, что в «Городовом положении ничего не говорится о такой обязанности». Распоряжение по этому делу не зависит от МВД [6. Л. 40, 43]. Тем не менее губернатор продолжал жаловаться на городского голову. 7 января 1875 г. он подал рапорт, в котором говорилось о том, что купец Тецков оказался совершенно неспособным к исполнению принятой на себя обязанности городского головы, отчасти по старости лет (65 лет), а главное «по недостатку развития» [Там же. Л. 44]. Он несколько раз выражал желание отказаться от службы, но откладывал «боясь обнаружить перед обществом запутанность счетов по прежнему управлению городским хозяйством» [Там же] (был главой города в 1864-1867 гг. и с 1870 г.) и дослужил положенный четырехлетний срок. Все четыре года городское хозяйство, считал губернатор, шло самым плачевным образом, городская касса растрачена («или, лучше сказать, разошлась по карманам разных строителей»). Жалобы жителей на управу почти совсем не рассматриваются в думе и, наконец, не всегда исполняются распоряжения Правительства. Несмотря на общее недовольство городским управлением, заключает губернатор, Тецков, пользуясь влиянием капитала, успел сгруппировать возле себя сильную партию и помышляет вновь стать городским головой. В этой связи губернатор ходатайствовал перенести выборы на март, когда с Ирбитской ярмарки вернется влиятельное купечество, что не позволит Тецкову посредством влияния на не участвовавших в ярмарке мелких купцов и мещан достигнуть своей цели. В итоге на выборах на следующее четырехлетие победил Е.И. Королев (служивший заместителем Тецкого) [6. Л. 45].

Для надзора за деятельностью городских дум и управ учреждались особые Присутствия. Томский губернатор 15 сентября 1870 г. рапортовал в МВД, что 31 августа открыто Губернское по городским делам Присутствие. Делопроизводство впредь до избрания городового секретаря возложено им на начальника І отделения Общего губернского управления. Тобольский губернатор 4 ноября 1870 г. доложил об открытии Губернского по городским делам Присутствия, состоящего из председателя Тобольского губернского управления, председателя казенной палаты, губернского прокурора и Тобольского городского головы, с возложением делопроизводства на городового секретаря [4. Л. 7, 28].

С первых дней осуществления их надзорной деятельности возникали конфликтные ситуации с городами. Присутствия часто опротестовывали решения местных дум. Закон позволял обжаловать решения губернских присутствий в высшей судебной инстанции страны – Правительствующем Сенате. Стороны активно пользовались правом апелляции, зачастую успешно. Первый департамент Сената, осуществлявший судебное производство по административным делам, надо заметить, не всегда находил решения губернских присутствий юридически верными, нередко их отменял как «неправильные», «лишенные надлежащего основания» и «противоречащие существующим законоположениям» [7. С. 286, 296]. В то же время и постановления городских дум зачастую были несогласованными, а подчас необдуманными. Для их текущей нормотворческой работы требовались образованные люди, квалифицированные юристы, инженеры, экономисты, которых не хватало, особенно в малых поселениях.

В других городах региона формирование местных органов самоуправления сталкивалось с еще большим числом трудностей. Ввиду отсутствия опыта проведения выборов городские власти допускали различные ошибки. Например, жители г. Мариинска приняли 8 декабря 1874 г. общественный приговор о желании ввести Городовое положение 1870 г. МВД не встретило препятствий к введению закона, однако, указав, что разделение избирателей на II разряда неверно, так как неравномерно разделена общая сумма сбора в 4 075 руб.: I разряд — 212 чел. с платежом 3 507 руб. 30 коп., а II разряд — 372 чел. — 567 руб. 70 коп.; при разделении на III разряда: I — 35 лиц, 1 332 руб.; II —

76 лиц, 1 360 руб.; III – 473 лица, 1 332 руб. [6. Л. 55, 56–59, 60–61]. Интересно, что лиц, владевших в городе недвижимой собственностью, насчитывалось 884 чел., однако в список избирателей вошли лишь 584. По всей видимости, эти 300 лиц являлись недо-имщиками по сборам, которые исключались из числа избирателей.

Неравномерность распределения избирателей по разрядам наблюдалась во всех городах Сибири. При «трехразрядной» системе избиратели I разряда «проходили» в думу и без выбора. В частности, в Барнауле I разряд включал 19 чел., II – 74, а III – 1 872 чел. При таком количестве избирателей подлежало избрать 72 гласных думы, т.е. на каждый разряд по 24 [Там же. Л. 145-146]. При этом в г. Нарыме «насобирать» избирателей на III разряда не удалось. При числе жителей менее 2 000 чел. избирательным правом могли воспользоваться лишь 174 (9%). Губернское присутствие, рассматривая вопрос о проведении выборов в этом городе, установило, что в I разряд вошли 4 чел., во II – 10, а в III - 160 чел. В этой связи решено было поделить избирателей на II разряда, о чем и просить разрешения у МВД [Там же. Л. 89, 106].

Разработчики реформы 1870 г., предоставляя право выбора гласных лишь налогоплательщикам, полагали, что последние будут заинтересованы в правильном ведении городского хозяйства, будут активно участвовать в его управлении. Однако практика показала обратное. Средняя явка на местных выборах составила 18%. На первых выборах в Томске из 947 избирателей участие в выборах приняли всего 250 чел., т.е. 26%. В Барнауле из 1 370 – лишь 91 (6%), в Тю-

мени из 2 115 – 301 (14%), в Тобольске из 1 507 – 163 (11%) [8. С. 11, 31, 167, 185]. Стало быть, данная группа горожан мало интересовалась выборами и общественными делами, а другие категории были лишены избирательного права.

Кроме этого, малые города «по недостаточности городских средств» не могли содержать большой штат служащих местной думы и управы, поэтому ходатайствовали перед губернатором о том, чтобы не образовывать управу, возложив ее обязанности на городского голову и его помощников. Такая мера применялась в Нарыме, Кузнецке, Березове [6. Л. 111, 121]. Скажем, ярмарок и базаров в Нарыме не проводилось. Обрабатывающая промышленность была слабо развита: в 1875 г. насчитывалось всего 38 ремесленников, а фабрик и заводов вовсе не было. Земледелие не представляло выгод из-за климата. Ежегодно на заработки в другие места уходили 625 чел. (1/3 от всех жителей) [8. С. 207]. Очевидно, что при такой общей скудности формировать городскую думу, управу, различные комиссии и комитеты, содержать штат служащих не было нужды, а другой формы управления, скажем, для «поселков городского типа», закон не предусматривал.

Реализация положения 1870 г. в городах Западной Сибири показала, что соблюсти все его требования оказалось невозможно. Местные условия поселений («почва») не соответствовали вводимым правилам. Многие города не имели опыта формирования подобных органов, допускали ошибки, отступления от норм, что вызвало необходимость пересмотра закона и проведения в 1892 г. новой реформы.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Лен К.В. Городовое положение 1870 г.: аспекты историко-правового компромисса // Алтайский юридический вестник. 2014. № 2 (6). С 4–7
- 2. Высочайше утвержденное Городовое Положение (ст. 48498) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. СПб., 1874. Т. XLV. Отд-е 1-е.
- 3. Писарькова Л.Ф. Городовое положение 1870 г. и социальный состав городского управления в губерниях Центрально-Черноземного района // Буржуазные реформы в России второй половины XIX в. Воронеж, 1988. С. 72–81.
- 4. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1255. Ч. І.
- 5. РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1256. Ч. II.
- 6. РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1436.
- 7. Сборник определений первого Департамента Правительствующего Сената по городским и земским делам за 10 лет (1891–1900) / сост. Я.А. Канторович. СПб. : Тип. Брокгауз-Ефрон, 1903.
- 8. Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб. : МВД, 1882.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 декабря 2015 г.

PROBLEMS OF LOCAL GOVERNMENT FORMATION IN THE CITIES OF WESTERN SIBERIA (THE 1870S)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 164–167. DOI: 10.17223/15617793/410/26

Aleksandr B. Khramtsov, Tyumen Industrial University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: khramtsov_ab@bk.ru **Keywords:** elections; City Regulation of 1870; city councils; mayors; city council members; local governments; Western Siberia.

Implementation of the 1870 City Regulations determining the formation of local government bodies in the cities of Western Siberia is researched. The key factors that caused the specifics of local elections are considered: number of people, social and class structure of local society, level of economic and cultural development of settlements, their administrative status (provincial, district or unimportant city). It is established that under the law all voters were entered in the general list in the decreasing size of charges they paid for the benefit of the city or treasury, and then they were divided into three parts, i.e. "categories". As a result the "three-category" electoral system gave clear advantages to large owners and dealers, depriving small taxpayers of a possibility of being elected to the city council. The analysis of archive documents has shown that during the preparation and elections there were various violations of law, difficulties with determination of their participants, negligence of citizens-voters to elections, and also conflict situations with the governor, other organizations and the population. Organization of the first elections in the provincial cities (Tomsk and Tobolsk), in the course of which there were different contradictions, disagreements and rule violations, is considered. Despite

violations in elections, the Ministry of Internal Affairs did not cancel their results. The opening of the Tomsk City Council took place on August 30, 1871. The election date in Tobolsk changed repeatedly, and was delayed until 1872. It is shown that along with the imperfect mechanism of voting, low electoral activity affected its results. It is counted that the average appearance on the first elections in the cities of Western Siberia made up 18 % of the total number of voters. Moreover, small cities, "due to the insufficient city funds", could not afford a big staff of local councils and, therefore, asked the governor not to form councils, and to assign council duties to the mayor and his assistants. Such a measure was used in Narym, Kuznetsk, Beryozovo. According to sources, the new city authorities had problems entering the system of relations with government and public institutions, police and the locals. Quite often conflicts took place at meetings of the councils. Thus, the research of implementation of the 1870 City Regulations in the cities of Western Siberia specifies that to observe all its requirements in practice was impossible. Local conditions of settlements ("soil") did not correspond to the introduced rules. Many cities had no experience of forming of similar bodies, made mistakes, violations from regulations, which caused the necessity to revise the law and conduct a new reform in 1892.

REFERENCES

- 1. Len, K.V. (2014) Gorodovoe polozhenie 1870 g.: aspekty istoriko-pravovogo kompromissa [1870 City Regulations: aspects of the historical and legal compromise]. Altayskiy yuridicheskiy vestnik. 2 (6). pp. 4–7.
- Russian Empire. (1874) Vysochayshe utverzhdennoe Gorodovoe Polozhenie (st. 48498) [Highly approved City Regulations (Art. 48498)]. In:
 Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. II. Vol. XLV. St. Petersburg: Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V.Kantselyarii.
- 3. Pisar'kova, L.F. (1988) Gorodovoe polozhenie 1870 g. i sotsial'nyy sostav gorodskogo upravleniya v guberniyakh Tsentral'no-Chernozemnogo rayona [1870 City Regulationsand the social composition of the municipal government in the provinces of the Central Black Soil region]. In: Karpachev, M.D. & Korotkikh, M.G. (eds) *Burzhuaznye reformy v Rossii vtoroy poloviny XIX v*. [Bourgeois reforms in Russia in the second half of the 19th century]. Voronezh: Voronezh State University.
- 4. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1287. List 38. File 1255. Pt. I. (In Russian).
- 5. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1287. List 38. File 1256. Pt. II. (In Russian).
- 6. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1287. List 38. File 1436. (In Russian).
- 7. Kantorovich, Ya.A. (1903) Sbornik opredeleniy pervogo Departamenta Pravitel'stvuyushchego Senata po gorodskim i zemskim delam za 10 let (1891–1900) [Collection of the orders of the first Governing Senate Department for urban and rural affairs for 10 years (1891–1900)]. St. Petersburg: Tip. Brokgauz-Efron.
- 8. Maykov, L.N. & Raevskiy, M.N. (1882) *Ekonomicheskoe sostoyanie gorodskikh poseleniy Sibiri* [Economic situation of urban settlements in Siberia]. St. Petersburg: MVD.

Received: 10 December 2015

УДК 94(47)046 /047+39

С.А. Чернышов

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ В XVI-XVII вв.

Рассматриваются основные направления торгово-экономического и политического взаимодействия аборигенных политических образований Западной Сибири с соседями по евразийскому континенту в XVI—XVII вв. Анализируются система сложившихся взаимоотношений, основные субъекты взаимодействия, выгоды и сферы влияния рассматриваемых субъектов. Делается вывод о том, что Сибирские ханство и его периферия до определенной поры играли важное торговое значение и потому были сферой интересов разных сторон, а ко второй половине XVI в. стали «лишним звеном» в силу формирования новых путей и съем торговых связей на континенте.

Ключевые слова: Сибирь; торговля; политика.

Внутренняя и внешняя торговля дорусской Западной Сибири — слабоизученный вопрос отечественной историографии. Для характеристики внешнеторговых связей Западной Сибири с сопредельными территориями условно структурируем эти сношения по трем основным направлениям — южному, северному и западному.

Южное направление торговли долгое время было стратегическим для Западной Сибири. Само расположение Западной Сибири, рельеф местности и направление течения основных рек (прежде всего Иртыша) способствовали ее связям не с западными, а с южными соседями. Впрочем, простоту этого пути нельзя переоценивать. По данным уже русских таможенных книг известно, что большая часть (около двух третей) среднеазиатских торговых караванов появлялась в Прииртышье в сентябре-октябре, что было связано «со стремлением бухарских купцов миновать среднеазиатские пустыни и казахские степи до наступления в них летнего зноя и зимней стужи» [1. С. 179]. То есть у торговцев в силу климатических условий в течение года оставался небольшой временной промежуток для ведения внешнеэкономической деятельности.

Для среднеазиатских государств традиционное торгово-экономическое значение Западной Сибири в целом (от Алтая до нижнего течения Оби) определялось двумя направлениями взаимодействия. Прежде всего, территория вплоть до впадения Тобола в Иртыш (где неподалеку располагался город Искер – столица Сибирского ханства) имела транзитное значение во взаимодействиях Средней Азии с государствами Приволжья (Волжская Булгария, а затем – Золотая Орда и откалывающиеся от нее государства, в частности Казанское и Астраханское ханства). Путь из Средней Азии в Поволжье через Сибирь, известный как «камский путь» или позже - «сибирско-камский путь», известен, по меньшей мере, со второй половины 1 тыс. до н.э. – к этому времени относят целый ряд соответствующих археологических находок, в частности серебряные сосуды эпохи Сассанидов, попадающиеся на берегах рек, принадлежавших к бассейну Камы [2. С. 93].

Принято считать, что товарный обмен между народами Западной Сибири и Средней Азией начал активно развиваться с начала II тыс. н.э., и это связано с освоением основными субъектами торговой деятельности Евразии сибирского рынка пушнины [3. С. 19]. В середине XIII в. развитие такой торговли на

время прерывают монгольские завоевания, однако внешнеэкономические взаимодействия быстро восстанавливаются. И уже русские источники к концу XIV фиксируют, что ко времени включения Западной Сибири с состав Русского централизованного государства, «бухарские караваны при своих странствиях доходили даже до низовий Оби, выменивая везде, где только было можно, мягкую рухлядь на предметы восточного ремесла» [1. С. 173].

То, что активная торговля между Западной Сибирью продолжалась и после присоединения этой территории к Русскому государству (за исключением непродолжительного периода, когда торговые связи прервались в силу военных действий и социальнополитической нестабильности в Западной Сибири в связи с русским завоеванием), позволяет нам с определенной точностью проанализировать и структуру товарообмена по данному направлению. Наиболее полный анализ торговых взаимоотношений приводит в своих работах О.Н. Вилков. В частности, он подсчитал, что в начале XVII в. (и эти данные, на наш взгляд, в целом применимы и к XVI в.) в Тобольск ввозилось порядка 90 наименований восточных товаров, из них на долю среднеазиатских приходилось 47 видов (в основном ткани, одежда, бумага, специи, металлические изделия), а остальное - «калмыцкие» (одежда, скот и т.п. – всего 28 наименований), китайские (12 наименований – в основном одежда и чай) и арабские [Там же. С. 184–185]. В структуре экспорта, в свою очередь, ожидаемо преобладала пушнина – в XVI–XVII вв. На ее долю приходилось 40,6% совокупной номенклатуры и 58,1% товарной стоимости, на втором месте по объемам экспорта стояла бобровая и кабарожья струя - ароматическое и лечебное снадобье [Там же. С. 196-197].

Стратегическое значение южного торгового направления подчеркивает и поведение русской администрации после присоединения Западной Сибири. После разгрома Сибирского ханства едва ли не главной задачей местной администрации (помимо подавления мятежей и налаживания связей с местным населением) становится восстановление торговых связей между присоединенными территориями и Средней Азией. Яркий пример: гибель Ермака, который попал в ловушку, следуя за ложным известием о том, что в пути находится бухарский купеческий караван, который собирается вести с русскими торговлю в Сибири, хан Кучум же будто бы его задерживает и не дает возможности купцам проехать. Ермак в ответ берет

вместе с собой в поход 150 казаков [4. С. 256] — судя по русским летописям, большую часть имеющегося в его распоряжении войска. Кроме восстановления единства единых континентальных путей была и другая причина особого внимания к бухарским купцам. Дело в том, что долгое время, особенно в 1605—1615 гг., Сибирь почти ничего не получала из-за Урала [1. С. 177] (в Московском государстве бушевало «Смутное время»), поэтому расширение связей со Средней Азией диктовала обыкновенная потребность хотя бы в товарах первой необходимости.

В дальнейшем, по мере укрепления связей Сибири с метрополией, происходит постепенное снижение роли бухарских купцов в структуре сибирской торговли. Так, если в середине XVII в. доля бухарцев составляла 78,3% товарооборота Западной Сибири, то к концу века — лишь 23,8% [5. С. 86]. Параллельно с этим происходило постепенное повышение таможенных пошлин для бухарцев. А окончательно всех льгот бухарские купцы лишились только в 1834 г. Но следует отметить, что более трех столетий именно этот вектор торговли во многом определял путь развития Западной Сибири.

Следующее важное направление торговых сношений для определенной части Западной Сибири условно названо «северным». Под этим направлением мы будем понимать торговые операции с Новгородским государством (а после присоединения Новгорода в 1492 г. к Москве – с Русским государством), а также возможные контакты местного населения с европейскими странами. Жители крайнего Севера Западной Сибири (полуостров Ямал) еще в древности для своего морского промысла покупали металлические гарпуны [6. С. 30] у насельников современного российского Северо-Запада. А позже самоеды, жители области, известной под названием Мангазея, развивают торговые связи с русскими, у которых они выменивают на соболей сукно, котлы, сало, масло, панцири и толокно [Там же. С. 34].

Однако в первой половине XVI в. в Западной Европе происходят события, которые резко меняют торговые взаимодействия в этой части континента. В это время историки фиксируют резко изменившуюся мировую конъюнктуру в ценах на моржовые клыки, и особенно «мягкую рухлядь», что вынуждало западноевропейских купцов и мореплавателей искать новые рынки закупок [7. С. 68]. Традиционно сибирская пушнина доставлялась в Западную Европу и раньше – через Новгород, тесно связанный с европейскими государствами торговыми отношениями [8. С. 71]. Но в середине XVI в. мы встречаем первые сведения о том, что европейцы прокладывают прямые торговые пути в Северном Ледовитом океане и достигают сибирского побережья вплоть до устья Енисея [2. С. 90]. Известно, что англичане открывают морской путь в Россию в 1553 г. [9. С. 140] (в 1558 г. создается торговый порт в Ругодиве, а после неудачи Русского государства на Балтийском море в 1585 г. основывается «Архангельский город»), а плавание по Ледовитому впервые документально зафиксировано в дневнике английского путешественника Стефана Бёрро в 1556 г. [2. С. 90]. Первое голландское плавание вплоть до устья Оби фиксируется в 1595 г. [9. С. 140]. Как справедливо указывает А.П. Окладников, «развернувшаяся во второй половине XVI века английские и голландские экспедиции в водах Северного Ледовитого океана, усиленные поиски иностранными купцами "северного пути в Индию" настораживали правительство Ивана IV, боявшегося превращения северной части Азии в английскую или голландскую торговую факторию» [10. С. 25]. На наш взгляд, именно это и побудило русское правительство начать активные политические и военные действия в Западной Сибири, стремясь превентивно распространить свою власть на перспективные с точки зрения регионы добычи пушнины.

Наконец, в западном направлении ключевую роль играли взаимоотношения с Московским княжеством, а также государствами — осколками Золотой Орды, прежде всего Казанским и Астраханским ханствами.

Торговые отношения Западной Сибири с русскими княжествами, как показывают археологические находки, существовали по крайней мере уже с X в. Хотя еще в курганах древнего Киева, датируемых IX в., археологи обнаружили вещи, изготовленные в верховьях Камы, близ современной Чердыни [11. С. 5] (граница современных Пермского края и Тюменской области). Известно также, что в то время «у русских вогулы выменивали сукна, топоры, ножи, котлы, шеломы, воинские доспехи, украшения. У башкир и татар они в обмен на пушнину приобретали лошадей, крупный рогатый скот, овец» [6. С. 58].

Торговые отношения радикально изменились в начале XVI в., и эти изменения вновь следует связать с европейской революцией в ценах на пушнину. Пушной обмен в том или ином виде здесь существовал и ранее. Так, уже в XIV в. московский князь Иван Калита, который добился того, чтобы новгородские бояре уступили ему право взимания дани пушниной с некоторой части населения, обитавшего по Вычегде и Печоре. А уже его преемник, князь Дмитрий Донской «и вовсе отобрал у Новогорода его владения по Мезени и Печоре» [11. С. 5].

Продолжая эту политику, в середине XVI в. царь Иван Васильевич принимает под свое покровительство некоторых представителей остяцких и вогульских объединений, требуя в обмен в среднем по одному соболю с человека. Уже применительно к 1557—1558 гг. Г.Ф. Миллер замечал, что такое «покровительство» в отношении сибирских аборигенов диктовалось, в том числе, и тем, что «в Пермской и других землях соболь уже в древние времена попадался очень редко» [4. С. 208].

Ведущую роль в этом обмене в XVI в. начали играть русские промышленники Строгановы. Они «вступали в сношения с вогульскими и остяцкими князьками и вели с ними торг, выменивая различные дешевые безделушки — вроде бисера — и металлические изделия на дорогую пушнину» [8. С. 72]. Заметим, что, по всей видимости, у Строгановых к этому времени уже существовали деловые связи с местными жителями — будучи выходцами из Поморья, они вполне могли участвовать в торговых операциях Новгородского государства с Югрой.

Постепенно ареал деятельности Строгановых расширялся. Так, Г.Ф. Миллер фиксирует, что к Анике Строганову «приезжали ежегодно люди с дорогой мягкой рухлядью и разными товарами <...> приезжавшие называли себя самоедами и другими незнакомыми именами» [4. С. 207]. А пришедшие в остяцкий городок Сумгут-ваш, располагавшейся на реке Северная Сосьва в 40 километрах от ее впадения в Обь (на месте которого позже был основан русский город Березов), русские колонисты, обнаружили там своих соотечественников, которые пришли туда «прямой сухопутной дорогой через Югорские горы» [Там же. С. 210]. Эти факты позволяют сделать вывод о том, что торговые взаимоотношения между Западной Сибирью и Русским государством вначале сложились на уровне коммерческого взаимодействия русских промышленников и местных жителей еще до политического присоединения данной территории.

Интересен и другой аспект внешнеэкономических сношений Западной Сибири, связанный с ее транзитным значением как одного из коридоров между Средней Азией и Европейским континентом. С одной стороны, после захвата Московским царством Казани, Астрахани и признания в конце 1550-х гг. ногайскими мурзами холопства перед Иваном IV расширило свои владения непосредственно до Каспийского моря и границ Дешт-и-Кипчак [12. С. 56] и Бухары. С другой стороны, для бухарских государств к концу XVI в. взаимоотношения со своими северными партнерами, выход на рынки Европы стали основной целью, по-

скольку сложившиеся к этому времени враждебные отношения с Ираном делали невозможным широкий товарооборот Мавераннахра в западном и южном торговых направлениях [12. С. 43]. Кто мог обеспечить этот товарооборот? Очевидно, что к концу XVI в. такой силой могло быть только Русское государство, но его враждебные взаимоотношения с сибирским ханом Кучумом существенно ограничивали транзитные возможности независимого Сибирского ханства.

Представляется, что именно поэтому, когда в 1596 г. Кучум попросил у бухарского хана рати, он получил вежливый отказ. Это объясняется экономическим расчетом – бухарцам, в результате присоединения Сибири к России, открывался доступ к рынкам Европейского Зауралья [13. С. 207]. Таким образом, в рассматриваемый период Западная Сибирь оказалась в поле экономических и, как следствие, политических интересов ведущих государств Европы и Азии, что и предопределило судьбу независимого Сибирского ханства. Независимое Сибирское ханство Кучума во второй половине XVI в. оказалось лишним в существующих между Европой, Московским государством и Средней Азией торгово-экономических отношениях (касающихся не только и не столько правительств, сколько представителей крупной международной торговли - бухарских купцов, Строгановых, европейских промышленников), что и предопределило отсутствие международной поддержки Кучума в период присоединения Западной Сибири к Московскому царству.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири в конце XVI начале XVII в. Новосибирск, 1992.
- 2. Бахрушин С.В. Пути в Сибирь в XVI-XVII вв // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1.
- 3. Павлов П.И. Об участии и роли различных категорий населения в сибирском пушном промысле в 40–70-е годы XVII в. // Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX в. / отв. ред. В.И. Шунков. Новосибирск, 1969.
- 4. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1941. Т. 1.
- 5. Вилков О.Н. Сибирские бухарцы и их торговля в XVII в. // Обменные операции городов Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 70—90
- 6. Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960.
- 7. Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. М., 1960.
- 8. Карцов В.Г. Народы Сибири. Очерки прошлого. М., 1935.
- 9. Бахрушин С.В. Русское продвижение за Урал // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 2, ч. 1.
- 10. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. / ред. А.П. Окладников, В.И. Шунков. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. Л.: Наука, 1968.
- 11. Фадеев А.В. Россия и народы Северной Азии. М., 1965.
- 12. История народов Узбекистана. Т. 2: От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции / под ред. С.В. Бахрушина. Ташкент, 1947.
- 13. Бахрушин С.В. Сибирь и Средняя Азия // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1959. Т. 4.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 июля 2016 г.

WESTERN SIBERIA IN INTERNATIONAL RELATIONS IN THE 16TH-17TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 168–171.

DOI: 10.17223/15617793/410/27

Sergey A. Chernyshov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 1502911@mail.ru **Keywords:** Siberia; trade; politics.

The main directions of the trade-economic and political interaction between indigenous political structures of Western Siberia with its neighbors in the Eurasian continent in the 16th–17th centuries are discussed. The existing system of relations, the main subjects of cooperation, benefits and spheres of influence of the subjects under consideration are analyzed. The focus is on three areas: southern, western and northern. The south direction of trade was long strategic for the Western Siberia. The very location of Western Siberia, the terrain and the direction of flow of the main rivers (mainly the Irtysh) contributed to relations with its southern, rather than western, neighbors. For the Central Asia states traditional Western Siberia trade and economic significance as a whole (from the Altai to the lower reaches of the Ob) was determined by two areas of cooperation: as a transit corridor in the interactions of Central Asia and the Volga states (Volga Bulgaria, later the Golden Horde and states separated from it, in particular, the Kazan and Astra-

khan Khanates) and as an importer of a number of commodities, especially furs. In the first half of the 16th century, in the northern direction Western Europe witnessed events that drastically altered trade cooperation in this part of the continent. At this time, historians record dramatic changes in the world situation with prices of walrus tusks, especially the "soft stuff", which forced Western merchants and explorers to find new procurement markets. It is well known that the British opened the sea route to Russia in 1553, the first Dutch voyage up to the mouth of the Ob is recorded in 1595. In the author's opinion, this is what prompted the Russian government to start active political and military actions in Western Siberia, seeking to proactively extend its authority to the regions perspective from the viewpoint of fur production. Finally, in the west relations with the Moscow principality, as well as states left of the Golden Horde, above all the Kazan and Astrakhan Khanates, played a key role. It is concluded that in the period under review Western Siberia was in the scope of economic and, as a consequence, political interests of the leading countries of Europe and Asia, which determined the fate of the independent Siberian Khanate. The independent Siberian Kuchum Khanate in the second half of the 16th century turned out irrelevant in the trade and economic relations between Europe, the Moscow state and Central Asia (concerning not only and not so much governments, but representatives of the major international trade – Bukhara merchants, the Stroganovs, European industrialists), which determined the absence of the international support of Kuchum during the accession of Western Siberia to the Moscow state.

REFERENCES

- 1. Vilkov, O.N. (1992) Ocherki sotsial 'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri v kontse XVI nachale XVII v. [Essays on the socio-economic development of Siberia in the end of the 16th early 17th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
- 2. Bakhrushin, S.V. (1955) Puti v Sibir' v XVI—XVII vv [Ways to Siberia in the 16th–17th centuries]. In: Zimin, A.A. (ed.) Nauchnye trudy [Research works]. Vol. 3. Pt. 1. Moscow: USSR AS.
- 3. Pavlov, P.I. (1969) Ob uchastii i roli razlichnykh kategoriy naseleniya v sibirskom pushnom promysle v 40–70-e gody XVII v. [On the participation and role of various categories of the population in the Siberian fur trade in the 1640s–1670s]. In: Shunkov, V.I. (ed.) *Ekonomika, upravlenie i kul'tura Sibiri XVI–XIX v.* [Economy, management and culture of Siberia in the 16th–19th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
- 4. Miller, G.F. (1941) Istoriya Sibiri [The history of Siberia]. Vol. 1. Moscow: USSR AS.
- 5. Vilkov, O.N. (1990) Sibirskie bukhartsy i ikh torgovlya v XVII v. [Siberian Bukhara people and their trade in the 17th century]. In: *Obmennye operatsii gorodov Sibiri perioda feodalizma* [Exchange operations of Siberian cities in the feudal period]. Novosibirsk.
- 6. Boyarshinova, Z.Ya. (1960) Naselenie Zapadnoy Sibiri do nachala russkoy kolonizatsii [The population of Western Siberia before the beginning of Russian colonization]. Tomsk: Tomsk State University.
- 7. Mirzoev, V.G. (1960) *Prisoedinenie i osvoenie Sibiri v istoricheskoy literature XVII v.* [Annexation and development of Siberia and in the historical literature of the 17th century]. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury.
- 8. Kartsov, V.G. (1935) Narody Sibiri. Ocherki proshlogo [The peoples of Siberia. Sketches of the past]. Moscow: Molodaya gvardiya.
- 9. Bakhrushin, S.V. (1955) Russkoe prodvizhenie za Ural [Russian expansion beyond the Urals]. In: Zimin, A.A. (ed.) *Nauchnye trudy* [Research works]. Vol. 2. Pt. 1. Moscow: USSR AS.
- 10. Okladnikov, A.P. & Shunkov, V.I. (eds) (1968) Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney: v 5 t. [History of Siberia since ancient times to the present day: in 5 vols]. Vol. 2. Leningrad: Nauka.
- 11. Fadeev, A.V. (1965) Rossiya i narody Severnoy Azii [Russia and the peoples of Northern Asia]. Moscow: Mysl'
- 12. Bakhrushin, S.V. (ed.) (1947) Istoriya narodov Uzbekistana [The history of the peoples of Uzbekistan]. Vol. 2. Tashkent: Uzbek SSR AS.
- 13. Bakhrushin, S.V. (1959) Sibir' i Srednyaya Aziya [Siberia and Central Asia]. In: Zimin, A.A. (ed.) *Nauchnye trudy* [Research works]. Vol. 4. Moscow: USSR AS.

Received: 03 July 2016

ПРАВО

УДК 34.08

Д.В. Карелин, Э.И. Мещерякова, А.В. Ларионова, П.А. Трусов

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ СОЦИОПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И ЛИЧНОСТНО-КОММУНИКАТИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ

С целью рассмотрения психологических особенностей профессиональной деятельности судебных приставов-исполнителей представлены результаты исследования их социопрофессиональных (стаж, возраст) и личностно-коммуникативных характеристик в аспекте жизнестойкости и влияния на выбор стиля межличностного взаимодействия. На основании результатов исследования рассмотрены стратегии их психологического сопровождения профдеформаций и профессионального выгорания судебных приставов.

Ключевые слова: профессиональная деятельность; судебные приставы; личностно-коммуникативные и социопрофессиональные характеристики; психологическое сопровождение.

Сегодня в юридической профессии все более востребованными становятся компетентные специалисты, способные эффективно функционировать в новых динамичных социально-экономических условиях. Особенно это актуально для профессий экстремального профиля, где значимость и ответственность выполняемых должностных обязанностей напрямую влияют на восприимчивость профессионала к стрессовым условиям, на формирование деструктивных психологических характеристик, которые приводят к быстрому профессиональному выгоранию [1]. Одной из таких профессиональных групп является профессия судебного пристава. Служба судебных приставов в современных условиях играет огромную роль в укреплении законодательства и выработки в обществе истинного ценностного отношения к праву как к социальному институту, без которого нельзя решать стратегические задачи повышения эффективности правового воздействия. Эта служба контролирует исполнение судебных актов и актов других органов, предусмотренных ФЗ «Об исполнительном производстве», а также следит за поддержанием установленного порядка деятельности судов [2].

Профессиональная деятельность судебных приставов характеризуется высокими требованиями, которые предъявляются не только к профессиональным знаниям и умениям, но и к психологическим качествам личности человека, выполняющего служебные обязанности, а именно к коммуникативной компетентности. Она является необходимой профессионально значимой характеристикой личности в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительной сферы как неотъемлемая часть коммуникативной культуры [3, 4]. К коммуникативной компетенции относятся личностные свойства, позволяющие сотруднику успешно решать коммуникативные задачи (устанавливать и поддерживать психологический контакт с различными категория граждан, умение внимательно слушать, доходчиво и понятно объяснять, структурировать и объективно оценивать полученную информацию, способность располагать к себе людей); также необходимы знание социальных норм, позволяющих сотруднику ориентироваться в ситуации коммуникативного взаимодействия, поведенческая способность реализации коммуникативного плана [5]. Ежедневное взаимодействие судебного пристава-исполнителя в системе должник — взыскатель вовлекает его в участие в конфликтных напряженных ситуациях, в которых необходимо не только уметь эффективно разрешать противоречия, но и исполнять решение суда [6], что провоцирует высокий риск эмоционального выгорания представителей данной профессии. Высокий уровень развития коммуникативной компетентности специалиста позволяет ему эффективно взаимодействовать в различных конфликтных ситуациях, что способствует достижению поставленных профессиональных целей.

Центральное место в деятельности судебных приставов занимает работа с людьми, т.е. она относится к субъект-субъектной деятельности, и достижение ее целей протекает в системе человек - человек. Соответственно, успешность такой деятельности во многом определяется умением грамотно и профессионально строить свое общение. Профессиональная деятельность судебного пристава характеризуется высоким разнообразием, сопровождается множеством деловых и межличностных контактов с людьми как внутри, так и вне организационной системы, характеризуется быстрой сменой событий, многообразием выполняемых действий [7]. В этих условиях можно выделить основные профессионально важные коммуникативные компетенции судебных приставов: способность к быстрому установлению контактов с новыми людьми; способность располагать к себе людей, вызывать у них чувство доверия, ориентируя их на взаимодействие; умение быстро найти нужный тон, целесообразную формулу общения в зависимости от психологического состояния и индивидуальных особенностей собеседника; умение отстаивать свою точку зрения; умение вживаться в роль, способность к перевоплощению; умение слушать и тактически грамотно переводить разговор на значимые темы; умение убеждать в собственной точке зрения и добиваться поставленной цели [8].

Целью исследования явилось изучение особенностей взаимосвязи социопрофессиональных и личност-

но-коммуникативных характеристик судебных приставов для выстраивания стратегий их психологического сопровождения. Предполагаем, что тип коммуникативного взаимодействия судебного пристава-исполнителя в условиях профессиональной деятельности взаимосвязан с уровнем его жизнестойкости и обусловливается определенными социопрофессиональными и личностно-коммуникативными характеристиками.

Выборка и методы исследования. Эмпирическую базу исследования составили 37 судебных приставовисполнителей в возрасте от 22 до 39 лет, средний возраст — 28,17 лет. Из них 35 человек женского пола, 2 человека — мужского, 36 респондентов имеют высшее образование. Стаж работы — от 3 месяцев до 14 лет. С целью изучения особенностей проявления коммуникативной компетентности в зависимости от социопрофессиональных характеристик судебных приставов было проведено психодиагностическое исследование судебных приставов-исполнителей Федеральной службы судебных приставов (ФССП) России по Томской области. В качестве социопрофессиональных характеристик профессиональной деятельности выступали: возраст сотрудника ФССП и стаж работы.

Для изучения личностно-коммуникативных характеристик судебных приставов были использованы:

- 1. Тест коммуникативных умений Михельсона, перевод и адаптация Ю.З. Гильбуха (2007). Тест направлен на определение уровня коммуникативной компетентности и качества сформированности основных коммуникативных умений. Опросник содержит описание 27 коммуникативных ситуаций. К каждой ситуации предлагается пять возможных вариантов поведения, которые характеризуют три стиля общения: зависимый, компетентный (компетентностный) и агрессивный [9].
- 2. Опросник «Стиль поведения в конфликте» К. Томаса (адаптация Н.В. Гришиной (2001)). Предназначен для изучения личностной предрасположенности к конфликтному поведению, адаптационных и коммуникативных особенностей личности, стиля межличностного взаимодействия и выявления определенных стилей разрешения конфликтной ситуации. К. Томас выделил пять способов регулирования конфликтов: соревнование (конкуренция), приспособление, компромисс, избегание и сотрудничество [Там же].
- 3. Тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой (2006). Тест жизнестойкости представляет собой адаптацию Д.А. Леонтьевым опросника Hardiness Survey, разработанного американским психологом Сальваторе Мадди. Методика направлена на изучение ресурсов личности в процессе совладания с трудными жизненными ситуациями. Жизнестойкость включает в себя три сравнительно самостоятельных компонента: вовлеченность, контроль, принятие риска [10].
- 4. Опросник «Мини-мульт» (сокращенный вариант многофакторного опросника для исследования личности ММРІ) в адаптации В.П. Зайцева (2004). Опросник позволяет оценить уровень нервно-эмоциональной устойчивости, степень интеграции личностных свойств, уровень адаптации личности к социаль-

ному окружению, обусловленные экстремальными условиями жизнедеятельности. Опросник «Минимульт» представляет собой сокращенный вариант ММРІ, содержит 71 вопрос, 11 шкал, из них 3 — оценочные. Оценочные шкалы измеряют искренность испытуемого, степень достоверности результатов тестирования и величину коррекции, вносимую чрезмерной осторожностью. Остальные 8 шкал являются базисными и оценивают свойства личности [11].

Основанием выбора методов исследования послужили следующие воззрения репрезентативных авторов. Жизнестойкость является ключевой личностной переменной, опосредующей влияние стрессогенных факторов (в том числе хронических) на соматическое и душевное здоровье человека, а также на успешность его профессиональной деятельности. С точки зрения С. Мадди, жизнестойкость – это база, исходя из которой перерабатываются стрессовые воздействия, это катализатор поведения, который позволяет трансформировать негативные впечатления в новые возможности [12]. Э. Вернер (1994) отмечает, что люди с высокими показателями жизнестойкости активно вовлечены во взаимодействие с другими людьми, у них развиты коммуникативные умения, они обладают хорошими навыками разрешения проблем [13]. Опросник «Мини-мульт» позволяет изучить конституционные, индивидные и личностные особенности профессионала, оценить сформированность профессиональноважных психологических особенностей, выявить предикторы профдеформации и выгорания специалиста с целью их профилактики.

Результаты исследования и их обсуждение. С целью изучения психологических характеристик судебных приставов-исполнителей был проведен анализ средних значений, позволяющий дать общую характеристику профессиональной группы по 23 показателям (табл. 1).

В табл. 1 представлены средние показатели с целью анализа коммуникативной компетентности и психоэмоционального состояния судебных приставов. Сравнительный анализ полученных данных с нормативными значениями, выделенными авторамиразработчиками методик, позволил определить показатели, превышающие пороги нормы.

Хотя по тесту определения способов регулирования конфликтов нормативных значений не представлено разработчиком (К. Томас), однако он создал шкалу для определения оптимальной стратегии в конфликте, согласно которой необходимо применять все пять тактик поведения, и каждая из них имеет значение в интервале от 5 до 7 баллов. Согласно данным, представленным в табл. 1, испытуемые чаще всего в конфликтных ситуациях используют стратегию компромисса (7,16±2). По определению Томаса данная стратегия предполагает разрешение конфликтных ситуаций через соглашение на основе взаимных уступок, снимающих возникшее противоречие (конфликт).

Согласно полученным результатам по тесту Михельсона для судебных приставов более свойствен компетентностный тип общения. По шкале Михель-

сона показатели в диапазоне 17–22 являются повышенными. Сопоставляя полученные результаты по тесту Томаса с результатами по тесту Михельсона, отмечаем особенности коммуникативной компетентности судебных приставов: для них характерно умение вступать в контакт с другими людьми, выражать

положительные чувства и оценки в отношениях, адекватно реагировать на поведение окружающих в зависимости от ситуации. При этом в сложных, конфликтных ситуациях они готовы выслушать оппонента и нацелены на решение проблемных ситуациях в обшении.

Таблица 1 Личностные и коммуникативные особенности по выборке (средние показатели по всем шкалам методик)

Методика	Переменная	Среднее	Мин	Макс	Стандарт. откл.
	L (ложь)	55,27	38	70	15,61
	F (достоверность)	50,4	40	80	9,42
	К (коррекция)	51,74	37	70	9,81
	Hs (педантичность)	50,82	38	71	7,73
	D (настроение)	42,94	35	72	8,46
Мини-мульт	Ну (эмоциональность)	47,88	28	74	10,23
	Pd (мотивированность)	41,42	20	68	11,26
	Ра (ригидность)	47,42	26	84	13,34
	Pt (тревожность)	44,14	15	77	13,66
	Sc (индивидуалистичность)	43,62	15	63	11,45
	Ма (активность)	46,57	30	68	10,03
	Жизнестойкость	96	64	135	18,98
Тест жизнестойкости	Вовлеченность	40,56	25	54	7,83
тест жизнестоикости	Контроль	35,91	23	51	8,24
	Принятие риска	19,51	10	30	4,52
	Соперничество	5,37	0	12	3,22
T T C	Приспособление	6,29	3	12	2,11
Тест Томаса «Стиль поведения	Компромисс	7,16	3	10	2
в конфликте»	Избегание	6,64	3	10	2,15
	Сотрудничество	4,54	0	10	2,43
Т	Зависимый тип	7,18	0	16	3,84
Тест коммуникативных умений	Компетентный тип	17,13	5	27	5,23
Михельсона	Агрессивный тип	2,75	0	12	3,11

Результаты по тестам «Мини-мульт» и «Жизнестойкость» позволяют оценить психоэмоциональное состояние судебных приставов с учетом выбора стратегий коммуникации. Повышенный показатель по тесту «Жизнестойкость» по шкале «Принятие риска» (19,51) при норме 13,91±4,39 говорит о готовности судебных приставов действовать в отсутствие надежных гарантий успеха на свой страх и риск, рассматривая трудные ситуации как способ приобретения опыта. По тесту «Мини-мульт» все показатели находятся в пределах нормативных значений, однако показатели D (42,94) и Pd (41,42) находятся практически на нижней границе нормы. Сочетание пониженных показателей по данным

шкалам свидетельствует о противоречивом типе реагирования, в котором совмещаются разнонаправленные тенденции — высокая поисковая активность и динамичность процессов возбуждения, с одной стороны, и выраженная инертность и неустойчивость — с другой. Психологически это проявляется в наличии противоречивого сочетания высокого уровня притязаний с неуверенностью в себе, высокой активности с быстрой истощаемостью.

На следующем этапе анализа данных был проведен корреляционный анализ по Спирмену с целью выявления взаимосвязей между компонентами коммуникативной компетентности и психологическими особенностями судебных приставов (табл. 2).

Таблица 2 Результаты взаимосвязи компонентов коммуникативной компетентности и психологических характеристик (р ≤ 0,05)

Переменная	Соперниче-	Приспособле-	Избегание	Зависимый	Компетентный	Агрессивный
Переменная	ство	ние	изостанис	тип	тип	тип
F (достоверность)	1	_	-	-	-0,34	_
К (коррекция)	-	-	-	-0,36	0,43	-0,35
Hs (педантичность)	-	-0,4	-	-	-	-
D (настроение)	0,42	-	-0,36	-	-	-
Ра (ригидность)	1	-	-	0,41	-0,47	_
Sc (индивидуалистичность)	0,3	-	-0,49	_	-	-
Ма (активность)	-	_	ı	1	_	0,38
Вовлеченность	ı	_	-0,35	ı	0,42	_
Принятие риска	ı	0,35	ı	ı	_	_

Данные табл. 2 свидетельствуют, что обнаружена прямая взаимосвязь между показателями шкалы «Соперничество» и шкал D (r=0,42), Sc (r=0,3); взаимосвязь между показателями шкалы «Приспособление», шкалой «Принятие риска» (r=0,35) и обратная взаимосвязь со шкалой Hs (r=-0,4); обратные вза-

имосвязи показателей шкалы «Избегание» и шкал: D (r=-0,36), Sc (r=-0,49); вовлеченность (r=-0,35). Показатели шкалы «Зависимый тип» имеют прямую взаимосвязь с показателями шкалы Pa (r=0,41) и обратную со шкалой K (r=-0,36). Показатели шкалы «Компетентный тип» имеют прямую взаимосвязь

с показателями шкал K (r=0,43) и «Вовлеченность» (r=0,42) и обратную со шкалами F (r=-0,34) и Ра (r=-0,47). Показатели шкалы «Агрессивный тип» имеют прямую взаимосвязь с показателями шкалы Ма (r=0,38) и обратную со шкалой K (r=-0,35).

Результаты корреляционного анализа показывают, что использование стратегии соперничества в конфликтных ситуациях в процессе профессиональной деятельности взаимосвязано с переживанием негативных эмоциональных состояний, тенденцией к волнениям, пониженным настроением, тревогой, которые проявляются в межличностных отношениях в виде затруднений коммуникации, амбивалентности в отношениях с людьми, дистанцированности. Стратегия приспособления взаимосвязана с адаптивными ресурсами личности, энергичностью, способностью успешно разрешать трудности, способностью принимать рискованные решения. Стратегия избегания конфликтных ситуаций взаимосвязана с эмоциональной неустойчивостью, жизнерадостностью, недостаточной сдержанностью, хорошей приспособляемостью, уступчивостью, покорностью и консервативностью. Зависимый стиль общения взаимосвязан с упорством в трудовой деятельности, мнительностью, эгоцентризмом, длительным переживанием собственных неуспехов в деятельности, озабоченностью своим престижем, склонностью преувеличивать межличностные конфликты. Компетентный тип общения взаимосвязан с удовлетворением от профессиональной деятельности, миролюбием, гибкостью мышления, подчеркиванием своих миротворческих устремлений, озабоченностью своим социальным статусом, с соблюдением принятых норм, отрицанием затруднений в межличностных отношениях. Агрессивный тип общения взаимосвязан с активностью, стремлением быть в центре внимания, эмоциональными всплесками, быстрой отходчивостью, непостоянством в привязанностях, с затруднением межличностных отношений из-за склонности преувеличивать или недооценивать существенность конфликтов.

Следующей задачей исследования являлось изучение личностных и коммуникативных характеристик во взаимосвязи с возрастными особенностями данной профессиональной группы. Выборка была разделена на две группы — молодых специалистов, к которым были отнесены 24 сотрудника до 30 лет (молодыми специалистами считаются работники до 30 лет), и 11 специалистов, которым более 30 лет (табл. 3).

Таблица 3 Сравнение средних показателей (личностных и коммуникативных) в разновозрастных группах с использованием t-критерия Стьюдента

Методика	Переменные	Среднее в группе до 30 лет	Среднее в группе после 30 лет	р-уровень
Мини-мульт	Sc	48,54	30,89	0,00
Тест Томаса	Соперничество	6,2	3,7	0,04
тест томаса	Избегание	5.8	8.4	0.00

Результаты, представленные в табл. 3, свидетельствуют о том, что молодые специалисты предпочитают соперничество в качестве решения конфликтных ситуаций. Данная стратегия совладания с конфликтом выражается в стремлении молодых специалистов добиться удовлетворения своих интересов в ущерб оппоненту по взаимодействию. Для сотрудников в возрасте от 30 лет в большей степени свойственна стратегия избегания конфликта, которая характеризуется отсутствием стремления к кооперации и достижению собственных целей. Использование непродуктивной стратегии совладания с конфликтной ситуацией можно объяснить более высокими значениями по шкале Sc (индивидуалистичность) по сравнению со второй возрастной группой. Это говорит о наличии у молодых специалистов затруднения в коммуникативной сфере и беспокойства по поводу принадлежности и значимости своей личности.

На следующем этапе анализа данных решалась задача определения влияния стажа работы на особенности коммуникативной компетентности и психоэмоционального состояния судебных приставов. Данный анализ преследовал две цели: во-первых, изучить формирование коммуникативных умений и навыков, т.е. развитие профессионализма, и, во-вторых, изучить влияние временного диапазона на развитие психоэмоционального истощения, снижение стрессоустойчивости, т.е. формирование профдеформации. Группа респондентов была разделена на три подгруппы по следующим критериям: в первую группу вошли сотрудники со стажем работы до года (адаптационный этап профессиональной деятельности) (N = 12 человек), во вторую группу - со стажем от 1 до 3 лет (формирование профессионализма) (N = 12 человек), в третью группу со стажем от 3 трех лет (профессионалы) (N = 7 человек) (табл. 4).

Таблица 4 Сравнение средних показателей (личностных и коммуникативных) с использованием t-критерия Стьюдента в группах с различным стажем работы

Методика	Переменные	Среднее в группе со стажем до года	Среднее в группе со стажем 1–3 года	р-уровень
Тест жизнестойкости	Вовлеченность	43,5	37,85	0,05
Тест Михельсона	Компетентностный тип	18,58	14	0,01
тест михельсона	Агрессивный тип	1,67	4,92	0,01
Методика	Переменные	Среднее в группе со стажем 1–3 года	Среднее в группе со стажем более 3 лет	р-уровень
Тест Михельсона	Компетентностный тип	14	21,25	0,00
тест михельсона	Агрессивный тип	4,92	1,25	0,03
Методика	Переменные	Среднее в группе со стажем до года	Среднее в группе со стажем более 3 лет	р-уровень
Мини-мульт	Sc	46	35,38	0,03
Тест Томаса	Приспособление	5,5	7,63	0,03

При сравнении подгрупп со стажем работы до года и от года до 3 лет было обнаружено, что для судебных приставов, находящихся на стадии адаптации (стаж до года) свойственны компетентный тип общения и более высокая вовлеченность. Это свидетельствует о том, что судебные приставы в первый год работы получают удовольствие от деятельности, умеют найти подход к оппонентам по коммуникации и положительно настроены в процессе общения. Для судебных приставов со стажем от года до 3 лет более свойствен агрессивный тип общения, т.е. в процессе взаимодействия им свойственны резкость, раздражительность, гневливость и категоричность суждений, они склонны негативно оценивать других людей. При сравнении подгруппы респондентом со стажем работы от года до 3 лет были получены схожие результаты с предыдущей группой. Для судебных приставов со стажем от года до 3 лет более свойствен агрессивный тип общения, судебные приставы со стажем от 3 лет проявляют больше компетентный стиль общения. Сравнение подгрупп со стажем работы до года и более 3 лет позволило выявить, что для молодых сотрудников свойственна индивидуалистичность (схожие результаты были обнаружены при сравнении по возрастному критерию). Для сотрудников со стажем от трех лет более присуще принесение в жертву собственных интересов ради разрешения спорных ситуаций. Согласно полученным данным группу со стажем от года до 3 лет можно отнести к группе риска, что согласуется с общей тенденцией в профессиональной сфере судебных приставов, связанной с текучестью кадров и профдеформацией.

Направления психологического сопровождения профессиональной деятельности судебных приставов. С помощью проведенного исследования были определены социопрофессиональные и личностнокоммуникативные характеристики судебных приставов как мишени психологической помощи в психологическом сопровождении их профессиональной деятельности. Исходя из анализа полученных результатов, разработана стратегия оказания психологической помощи судебным приставам по развитию коммуникативной компетентности и жизнестойкости, которая рассматривается как первичная профилактика их профессионального выгорания. Психологическая помощь и психологическое сопровождение осуществляются психологами, работающими с контингентом судебных приставов-исполнителей. Основные стратегии психологического сопровождения деятельности судебных приставов включают три направления: психодиагностическое, тренинговое и консультационное.

Психодиагностика направлена на создание психологического портрета судебного пристава-исполнителя, т.е. психограммной части его профессиограммы, включающей описание индивидуально-психологических и коммуникативных особенностей личности, отвечающих / не отвечающих требованиям профессии. Тренинговая работа ориентирована на создание новых функциональных образований (либо развития уже существующих), т.е. намеренное изменение психологических феноменов (коммуникативной компе-

тентности и жизнестойкости) судебного пристава с целью гармонизации его профессионального и личностного бытия человека. Таким средством является тренинг «Ресурсы стрессоустойчивости» Г.Б. Монина и Н.В. Раннала (2009), развивающий компетенции, необходимые в условиях напряжённых коммуникаций, за счет которых повышается и уровень жизнестойкости [14]. Консультационная аналитическая работа психолога с судебными приставами-исполнителями включает экзистенциальные элементы [15, 16]. Экзистенциальный подход незаменим в ситуациях с разновекторной мотивационной направленностью: приставам надо соблюдать закон и, вместе с тем, удерживать ситуацию эффективной коммуникации, минимизирующую конфликты и их влияние на собственное психоэмоциональное состояние.

Выводы:

- 1. Анализ особенностей предпочтения коммуникативных стратегий судебных приставов в процессе профессиональной деятельности показал, что для исследуемой группы в целом свойствен компетентностный тип общения, который сопровождается удовлетворением профессиональной деятельностью, значимостью социального статуса, нормативностью поведения, дружелюбным отношением к оппонентам по общению. Наиболее предпочтительной стратегией регуляции конфликтов является компромисс, что характеризует их способность отказаться от достижения личных целей ради разрешения конфликтных ситуаций. Однако для судебных приставов также свойственны противоречивые типы реагирования, сочетающие разнонаправленные тенденции - высокую поисковую активность и динамичность процессов возбуждения, с одной стороны, и выраженную инертность и неустойчивость - с другой. Психологически это проявляется в противоречивом сочетании высокого уровня притязаний с неуверенностью в себе, высокой активности с быстрой истощаемостью. Наличие данных характеристик в профиле судебных приставов было проинтерпретировано как предпосылки развития стресса.
- 2. Сравнительный анализ психологических особенностей в зависимости от возраста позволил установить, что молодые специалисты предпочитают стратегию соперничества в качестве решения конфликтных ситуаций, что характеризует наличие у молодых специалистов затруднения в коммуникативной сфере и беспокойство по поводу принадлежности и значимости своей личности. Предпочтение стратегии соперничества в конфликтных ситуациях взаимосвязано с переживанием негативных эмоциональных состояний (волнения, тревоги), которые затрудняют коммуникацию, понимание оппонента по общению, адекватную эмоциональную реакцию в процессе общения. Сотрудникам старше 30 лет свойственна стратегия избегания конфликта с отсутствием стремления к кооперации и достижению собственных целей. Использование в конфликтных ситуациях стратегии избегания взаимосвязано с хорошей приспособляемостью, уступчивостью, покорностью и консервативностью, но при этом также с эмоциональной неустойчивостью и недостаточной сдержанностью.

- 3. Изучение личностно-коммуникативных характеристик судебных приставов в зависимости от стажа работы позволило определить, во-первых, особенности сформированности коммуникативных умений и навыков на разных этапах профессиональной деятельности (адаптивный, постадаптивный и профессиональный), во-вторых, определить временной диапазон проявления психоэмоционального истощения, снижение стрессоустойчивости, T.e. профдеформации. Для судебных приставов, находящихся на стадии адаптации (стаж до года), свойственны компетентностный тип общения и более высокая вовлеченность. Это свидетельствует о получаемом удовольствии от работы, умении найти подход к оппонентам по коммуникации и положительном настрое в процессе общения. Стратегия соперничества как совладания с конфликтом, используемая ими, выражается в стремлении молодых специалистов добиться удовлетворения своих интересов в ущерб оппоненту по взаимодействию. Для судебных приставов со стажем от года до 3 лет (постадаптивный этап) свойственны предпочтение агрессивного типа коммуникации, снижение включенности в деятельность, они более подвержены профессиональным стрессам, чем
- сотрудники со стажем до года и более 3 лет. В период профессионального роста (стаж 1-3 года) сотрудники уже смогли адаптироваться к профессиональным обязанностям, романтические мотивы профессионализации снизились (или исчезли), но опыт еще недостаточен для высокого уровня профессиональных умений и компетенций. Данный период можно рассматривать как переходный этап от «новичка» к «профессионалу», поэтому он заслуживает пристального внимания со стороны психолога, независимо от наличия у сотрудников проблем. Для специалистов со стажем от 3 лет (профессиональный этап) свойственны компетентностный тип общения и приспособление в конфликтных ситуациях. Выбор данных стратегий межличностного взаимодействия обусловлен формированием профессиональных компетенций и умением сознательно выбирать оптимальный стиль коммуникации в профессиональной деятельности.
- 4. В качестве первичной профилактики профдеформаций и профессионального выгорания на основании результатов исследования разработана стратегия психологического сопровождения и оказания психологической помощи судебным приставам по развитию у них коммуникативной компетентности и жизнестойкости.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Молчанова Л.Н. Закономерности трансформации состояния психического выгорания у представителей экстремальных профессий // Перспективы науки и образования. 2013. № 4. С. 161–171.
- Лапина А.П. История становления российского института судебных приставов // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 3 (6). С. 115–118.
- 3. Мещерякова Э.И., Петрушин А.И. Обучение в юридической клинике и развитие коммуникативной компетентности студентов-юристов // Сибирский психологический журнал. 2013. № 49. С. 59–64.
- Мещерякова Э.И., Ларионова А.В., Горчакова О.Ю., Гриднева А.А. Сравнительный анализ гендерных особенностей эмоциональнокоммуникативной сферы руководящего состава службы исполнения наказаний // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 163–171.
- 5. Романов В.В. Юридическая психология. М., 2004. 588 с.
- 6. Кузьмина А.С. Ценностные ориентации судебных приставов-исполнителей // Известия Алтайского государственного университета. 2014. Т. 2, № 2 (82). С. 33–37.
- 7. Марьин М.И., Касперович Ю.Г., Петров В.Е. и др. Психологическое обеспечение формирования и развития культуры общения и коммуникативной компетентности у сотрудников органов внутренних дел: учеб.-метод. пособие / под ред. В.Л. Кубышко. М., 2007.
- 8. Коблов Ф.Ч. Коммуникативная компетентность и культура общения в служебной деятельности сотрудника полиции // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. Т. 18, № 4. С. 79–81.
- 9. Психологические тесты: в 2 т. / под ред. А.А. Карелина. М.: Владос-Пресс, 2007. Т. 2. 246 с.
- 10. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. Методическое руководство по новой методике психологической диагностики личности с широкой областью применения. Предназначается для профессиональных психологов-исследователей и практиков. М.: Смысл, 2006.
- 11. Зайцев В.П. Психологический тест СМОЛ // Актуальные вопросы восстановительной медицины. 2004. № 2. С. 17–19.
- 12. Maddi S. Dispositional Hardiness in Health and Effectiveness // Encyclopedia of Mental Health / H.S. Friedman (Ed.). San Diego (CA): Academic Press. 1998. P. 323–335.
- 13. Werner E. Resilience in development // Current direction in psychological science. 1995. Vol. 4. P. 81–85.
- 14. Монина Г.Б., Раннала Н.В. Тренинг «Ресурсы стрессоустойчивости». СПб. : Речь, 2009. 250 с.
- 15. Лэнгле A. Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности. М.: Генезис, 2005, 159 с.
- 16. Längle A. Die Methodenstruktur der Existenzanalyse und Logotherapie // Existenzanalyse. 2001. № 18. 2/3. P. 19–30.

Статья представлена научной редакцией «Право» 29 июля 2016 г.

SPECIAL ASPECTS OF INTERCONNECTION BETWEEN SOCIO-PROFESSIONAL AND PERSONAL-COMMUNICATIVE CHARACTERISTICS OF BAILIFFS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 172–178. DOI: 10.17223/15617793/410/28

Dmitriy V. Karelin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: karelin@inbox.ru

Emma I. Meshcheryakova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mei22@mail.ru

Anastasiya V. Larionova, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vktusur@mail.ru

Petr A. Trusov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: education@psy.tsu.ru

Keywords: professional activity; bailiffs; socio-professional and personal-communicative characteristics; psychological follow-up.

The article deals with the psychological aspects of professional activities of bailiffs. Their analysis enabled the authors to determine their important professional skills, a communicative skill being one of them. When studying the interconnection between the socio-professional and personal-communicative characteristics of bailiffs the following methods were used: Test of Communication Skills by L. Mykhelson (adapted by Yu. Gilbukh); the Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument (adapted by N.V. Grishina); the Hardness Lifestyle Test by S. Maddi (adapted by D.A. Leontieva & E.I. Rasskasova); the Mini-Mult test (adapted by V.P. Zaitseva). The research involved 37 bailiffs of the Federal Bailiff Service of Russia in Tomsk Oblast at the age of 22–39. It has been established that in the course of their professional activities bailiffs often use a competence-based type of communication while in conflicts they prefer to compromise. A comparative analysis of bailiffs in terms of their age (young or experienced specialists) and the stage of work (adaptive, post adaptive and professional) enabled the authors to specify some personal-communicative characteristics that serve as prerequisites for the development of professional stress (difficulties in the communication sphere, affectability, emotional stresses, etc.). The obtained data helped to determine that the post adaptive stage of professional activities is a transitional phase from a "newbie" to a "professional". This phase is connected with some negative tendencies in the personal-communicative profiles of employees (stepped-up aggressiveness, decrease of activity involvement, etc.) since they have to re-examine themselves as professionals. The authors propose some strategies of a psychological follow-up and psychological help for bailiffs in order to prevent predeformations and professional burnout.

REFERENCES

- 1. Molchanova, L.N. (2013) Transformation of the mental burnout the workers of extreme professions. *Perspektivy nauki i obrazovaniya Perspectives of Science and Education*. 4. pp. 161–171. (In Russian).
- 2. Lapina, A.P. (2015) Istoriya stanovleniya rossiyskogo instituta sudebnykh pristavov [The history of the Russian institute of bailiffs]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. 3 (6). pp. 115–118.
- 3. Meshcheryakova, E.I. & Petrushin, A.I. (2013) Training in the legal clinic as a factor development of communicative competence of law students. Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology. 49. pp. 59–64. (In Russian).
- Meshcheryakova, E.I. et al. (2016) Comparative analysis of gender characteristics in the field of emotional communication skills of the penitentiary service management staff. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 403. pp. 163–171. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/403/27
- 5. Romanov, V.V. (2004) Yuridicheskaya psikhologiya [Legal psychology]. 2nd ed. Moscow: Yurist".
- 6. Kuz'mina, A.S. (2014) Value Orientations of Bailiffs. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta News of Altai State University*. 2:2(82). pp. 33–37. (In Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2014)2.2-04
- 7. Mar'in, M.I. et al. (2007) Psikhologicheskoe obespechenie formirovaniya i razvitiya kul'tury obshcheniya i kommunikativnoy kompetentnosti u sotrudnikov organov vnutrennikh del [Psychological support of formation and development of a culture of communication and communicative competence in police officers]. Moscow: TsOKR MVD Rossii.
- 8. Koblov, F.Ch. (2012) Communicative competence and culture of communication in the performance of the police officer. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova.* 18:4. pp. 79–81. (In Russian).
- 9. Karelin, A.A. (2007) Psikhologicheskie testy: v 2 t. [Psychological tests: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Vlados-Press.
- 10. Leont'ev, D.A. & Rasskazova, E.I. (2006) Test zhiznestoykosti. Metodicheskoe rukovodstvo po novoy metodike psikhologicheskoy diagnostiki lichnosti s shirokoy oblast'yu primeneniya. Prednaznachaetsya dlya professional'nykh psikhologov-issledovateley i praktikov [Test on viability. A methodological guide to the new method of psychological diagnosis of personality with the wide range of applications. Designed for professional psychologists, researchers and practitioners]. Moscow: Smysl.
- 11. Zaytsev, V.P. (2004) Psikhologicheskiy test SMOL [Psychological test SMOL]. Aktual'nye voprosy vosstanovitel'noy meditsiny. 2. pp. 17–19.
- 12. Maddi, S. (1998) Dispositional Hardiness in Health and Effectiveness. In: Friedman, H.S. (ed.) Encyclopedia of Mental Health. San Diego (CA):
 Academic Press.
- 13. Werner, E. (1995) Resilience in development. Current Direction in Psychological Science. 4. pp. 81–85.
- 14. Monina, G.B. & Rannala, N.V. (2009) Trening "Resursy stressoustoychivosti" [Training "Resources of stress resistance"]. St. Petersburg: Rech'.
- 15. Längle, A. (2005) Person: Ekzistentsial'no-analiticheskaya teoriya lichnosti [Person: the existential-analytic theory of personality]. Moscow: Genezis.
- 16. Längle, A. (2001) Die Methodenstruktur der Existenzanalyse und Logotherapie [The methods and structure of existential analysis and logotherapy]. Existenzanalyse. 18:2/3. pp. 19–30.

Received: 29 July 2016

УДК 343.953

Р.О. Хоменков, Р.Л. Ахмедшин

КЛАССИФИКАЦИЯ СЕРИЙНЫХ УБИЙЦ: СИНТЕЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

Анализируется классификация серийных преступников, преимущественно серийных убийц. Классификация серийных убийц предопределяет понимание типовых характеристик личности серийного преступника, способствуя первичному типированию в процессе построения психологического профиля неизвестного серийного преступника. Посредством использования биографического метода и анализа независимых характеристик выявлены криминалистически значимые аспекты modus operandi серийных преступников. В статье речь идет о мультикультурных особенностях совершения серийных преступлений.

Ключевые слова: серийный преступник; серийный убийца; визионер; гедонист; охотник; миссионер; психологический профиль; профилирование.

Обзор существующих классификаций серийных убийц. Серийные преступления традиционно воспринимаются обществом как наиболее наглядное доказательство высокого уровня преступности в государстве. Неудивительно, что социальный заказ со стороны последнего предопределил разработку криминалистической методики борьбы с данной группой преступлений. Эта методика получила название «криминалистическое профилирование». Оговоримся сразу, что к серийным преступникам мы относим только лиц, совершивших три и более отдельных, разделенных между собой периодами эмоционального покоя, убийств с особой жестокостью людей, подпадающих под сложившийся в сознании преступника образ жертвы.

Содержание методики построения психологического профиля неизвестного преступника заключается в том, что на основании представленных данных специалист по составлению психологического профиля моделирует примерное описание преступника, в котором указываются предполагаемые социобиологические характеристики. Данная информация устанавливается по следующей схеме:

- по результатам осмотра места происшествия определяется цель совершения данного преступления;
- исходя из анализа содержания цели определяется мотив совершения преступления;
- прослеживаются генезис и природа мотива (через мотив к потребностям, от потребностей к психологическим свойствам преступника);
- смоделированные личностные особенности выводят исследователя на формы их реализации у лица, совершившего преступление, в сфере микросоциальной (семья, работа, социальный статус, привычные модели поведения, типичные ролевые реакции), что и является непосредственно поисковым образом, конструирование которого становится важнейшей задачей психопрофилирования;
- выявленные особенности личности преступника соотносятся с типовыми моделями отдельных групп преступников, о существовании которых говорилось и в отечественной криминалистике [1. С. 148–152]. Неустановленные свойства с высокой вероятностью будут тождественны соответствующим характеристикам конкретного типа серийных преступников.

Типология серийных убийц, таким образом, является не просто необходимым элементом криминалистического познания системы «преступление» [2.

С. 91–93], а выступает содержательным элементом практического использования криминалистического знания. Таким образом, от полноты и обоснованности использующейся классификации серийных убийц будет зависеть завершающий этап построения профиля серийного убийцы.

Классификации серийных убийц можно условно разделить на три большие группы, различие в которых происходит на уровне задач, решаемых той или иной классификацией. Существующие классификации серийных убийц целесообразно сгруппировать в три блока — описательные, теоретические и практикоприкладные.

Описательные классификации серийных убийц не имеют основной цели ни вскрыть природу исследуемого явления, ни дать какие-либо рекомендации по оптимизации мер контроля и борьбы с исследуемым явлением. Целью данных классификаций являются вычленение и оценка значимости второстепенных признаков, характерных для серийных убийц, а задачи сводятся к следующим:

- определение круга исследуемых явлений на первоначальной стадии исследования, когда эмпирический материал не собран в объеме, необходимом для построения законченных теорий и разработки детальных рекомендаций;
- выделение квалифицирующих признаков, которые впоследствии сформируют, изменят или подтвердят адекватность уголовно-правовой нормы жизненным реалиям;
- обеспечение сбора и систематизации эмпирического материала, который впоследствии будет статистически обработан.

Примерами служебных классификации могут выступать классификации серийных убийц по количеству участников преступления (серийные убийцыодиночки и члены группы серийных убийц) и классификация по используемому орудию преступления (серийные убийцы, использующие огнестрельное оружие; серийные убийцы, использующие холодное оружие; серийные убийцы, использующие взрывные устройства; серийные убийцы, применяющие различные подручные средства; серийные убийцы, использующие несколько видов оружия) [3. С. 10].

Теоретические классификации серийных убийц в целевом аспекте определяет доминантное стремление исследователей выявить природу исследуемого явле-

ния. Это не значит, что теоретические классификации совершенно не предназначены для решения научнопрактических задач, просто основная цель данной группы классификаций – исследовать феномен в рамках той или иной теории или области знаний. Сказанное находит отображение в классификации серийных убийц по природе психического отклонения (невротические и психотические серийные убийцы) [4. С. 147–149] и в классификации серийных убийц по виду парафилии (серийные убийцы – садисты; серийные убийцы – некрофилы; серийные убийцы – апотемнофилы) [5. С. 68–74].

Среди теоретических классификаций серийных убийц наиболее известна и признана классификация по направленности мотивации серийных убийц [6. C. 202], включающая:

- убийц-визионеров совершающих убийства под воздействием иллюзий и галлюцинаций (например, Д. Берковец);
- убийц-миссионеров совершающих убийства людей из группы риска (проституток, наркоманов, гомосексуалистов), а также по расовым или национальным признакам, избавляя, по их мнению, общество от «грязи» (например, С. Ряховский);
- убийц-гедонистов убивающих, потому что им нравиться убивать (например, Г. Михасевич). У представителей этой группы форма социопатии преимущественно характеризуется эгоцентричностью, которая выражается в признании нормальности удовлетворения своих потребностей, даже если при этом необходимо лишить человека жизни;
- убийц-охотников убивающих для прочувствования своего превосходство над беспомощной жертвой, стремящихся компенсировать этим свое ощущение ничтожества и бесполезности (например, Р. Берделла).

Основное назначение практико-прикладных классификаций серийных убийц определяется адаптацией теоретических познаний в реальной действительности.

На сегодняшний момент наиболее признанной является классификация серийных убийц по фактору организованности. Организованность-дезорганизованность есть показатель способности к контролю пространства, времени, жертвы преступления. Уме-

ние просчитать вероятностные элементы предстоящего или текущего криминального события, оптимизировать свой физический и психический потенциалы, способность предотвратить наступление негативных последствий для себя, доминанта интеллектуальной составляющей над эмоциональной — вот те характеристики, которые относят серийного убийцу к группе организованных серийных убийц. Соответственно, доминанта эмоционального начала над интеллектуальным есть признак дезорганизованного серийного убийцы.

Классификация по фактору организованности базируется также на классификации по природе психического отклонения. Так, сравнивая характеристики типов серийных убийц в обеих классификациях, видно, что организованный серийный убийца одновременно входит в группу невротических серийников, а дезорганизованный — соответственно психотический представитель рассматриваемой группы преступников. Отметим, что против целесообразности сопоставления этих двух классификаций в середине и конце 90-х гг. ХХ в. шла оживленная дискуссия.

Комплексная классификация серийных убийц. К сожалению, вышеперечисленные классификации серийных убийц не позволяют полностью раскрыть специфику механизма совершения преступлений серийными убийцами, а впоследствии определить типичные материальные следы преступления, характерные для каждого типа серийных убийц. Поэтому, чтобы восполнить этот пробел, нужно рассматривать личность серийного убийцы в рамках сдвоенной классификации, т.е. совместить классификацию по фактору организованности (как в наибольшей степени обладающей функцией применения) с классификацией по направленности мотивации серийных убийц (как в наибольшей степени обладающей функцией объяснения). В результате этого синтеза в процессе использования биографического метода [7. С. 70-71] и метода анализа независимых характеристик были выделены следующие типы серийных убийц: организованный гедонист; дезорганизованный гедонист; организованный охотник; дезорганизованный охотник; организованный миссионер; дезорганизованный миссионер. Рассмотрим каждый тип отдельно.

1. Организованный гедонист; примеры: А. Чикатило, Г. Михасевич, П. Сатклифф, С. Ткач, С. Мартынов, Дж. Кристи, Е. Мельников.

Элемент	Содержательная характеристика
Время	Дневное или вечернее время суток
Место	Собственный дом / квартира или безлюдное место в городе / сельской местности
Мотив	Получение удовольствия
Жертва	Преимущественно молодые женщины как наиболее доступная и желанная жертва
Орудие	Колюще-режущие инструменты (ножи, тесаки и т.п.), ударно-дробящие инструменты (молотки и т.п.)
Способ подготовки к совершению	В силу развитых коммуникативных способностей легко устанавливает психологический контакт с жертвами. После заманивает их в заранее подготовленное место – собственный дом / квартиру. Если убивает в безлюдном месте в городе / вне города – может использовать автомобиль
Способ совершения преступления	Удушение, нанесение многочисленных колюще-режущих ранений, нанесение ударов тупым предметом. Жертва часто подвергается изнасилованию
Способ сокрытия следов	Не оставляет на месте преступления орудие убийства. Трупы может засыпать землей / песком / снегом и т.п. Если убийства произошли дома у убийцы, то прячет труп в потайном месте, а потом избавляется от него
Постпреступное поведение	После совершения убийства начинается стадия эмоционального покоя, во время которой он живет своей обычной жизнью, не выделяясь среди остальных. Примерная продолжительность периода: 1 месяц – 1 год. В исключительных случаях, в случае предчувствия опасности этот период может растянутся до нескольких лет

2. Дезорганизованный гедонист; примеры: А. Чикатило, А. Чайка, Р. Чейз, В. Ионесян, А. Евсеев, Д. Берковиц, Р. Рамирес.

Элемент	Содержательная характеристика		
Время	Дневное или вечернее время суток		
Место	Малолюдное или безлюдное место в городе / сельской местности		
Мотив	Получение удовольствия		
Жертва	Преимущественно случайная. За один эпизод может быть (крайне редко) две жертвы		
Орудие	Колюще-режущие инструменты (ножи, тесаки и т.п.); ударно-дробящие инструменты (молотки и т.п.); иногда огнестрельное оружие		
Способ подготовки к совершению	Как правило, данная стадия у этого типа серийных убийц отсутствует в силу неразвитых коммуникативных навыков. Они могут бесцельно бродить на определенной территории, как только увидят доступную жертву – нападают. Изредка такой серийный убийца может заговорить с жертвой, но, как правило, разговор этот непродолжительный		
Способ совершения преступления	Нападает внезапно, чаще всего со спины, чтобы жертва не смогла быстро отреагировать на нападение. Способ убийства немало зависит от цели: с целью наживы – путем нанесения многочисленных колюще-режущих ранений, нанесения ударов тупым предметом; с целью получения сексуального удовлетворения – перед убийством ещё следует изнасилование, в том числе и в извращенной форме		
Способ сокрытия следов	Как правило, после убийства не пытается спрятать / избавиться от трупа, но старается спрятать / избавиться от орудия преступления. Часто после каждого убийства орудие убийства меняется		
Постпреступное поведение	После совершения убийства находится в нестабильном состоянии. Для снятия стресса злоупотребляет алкоголем, наркотическими веществами и т.п. Примерная продолжительность периода: 1–2 месяца. К концу криминальной карьеры этот период может сократиться до 1 недели		

3. Организованный охотник; примеры: Т. Банди, Дж. У. Гейси, Д. Даммер, А. Сливко, Р. Берделла, С. Головкин.

Элемент	Содержательная характеристика	
Время	Дневное или вечернее время суток	
Место	Дом / иное помещение, принадлежащее серийному убийце. Также может выбирать и безлюдные места (например, заброшенные помещения)	
Мотив	Господство над жертвой	
Жертва	Жертва заранее определена, соответствует идеальному образу серийного убийцы. В зависимости от сексуальной ориентации серийного убийцы это либо мужчина, либо женщина молодого возраста	
Орудие	Предметы, позволяющие связать и обезвредить жертву, например веревки, скотч и т.п. Могут использовать для этой цели и фармакологические препараты. Имеют «набор для пыток», состоящий из различных орудий	
Способ подготовки к совершению	Ярко выраженный «сталкинг». Жертву может долго выслеживать, получая данные о постоянных местах посещения, месте жительства, наличии родственников и т.п. Максимальная коммуникация с жертвой в процессе знакомства. Может использовать автомобиль для передвижения и выслеживания жертв	
Способ совершения преступления	Знакомится с жертвой, после чего быстро завоевывает её доверие. Потом заманивает в заранее подготовленное место, после чего в течение продолжительного времени истязает жертву, в завершении – совершает убийство	
Способ сокрытия следов	Старается спрятать / избавиться от трупа, орудие преступления обычно не выбрасывает, используя многократно	
Поспе совершения убийства начинается стадия эмоционального покоя, во время которо он живет обычной жизнью, не выделяясь среди остальных. Примерная продолжительно периода: 1 месяц – 1 год. В случае предчувствия опасности этот период может растянут до нескольких лет		

4. Дезорганизованный охотник; пример: Ю. Цюман.

Элемент	Содержательная характеристика
Время	Дневное или вечернее время суток
Место	Город / сельская местность, в безлюдных местах (например, заброшенное строение)
Мотив	Господство над жертвой
Жертва	Случайная. В зависимости от сексуальной ориентации серийного убийцы это либо мужчина, либо
жертва	женщина молодого возраста
Орудие	Чаще всего подавляет сопротивление жертвы собственной физической силой. Может использо-
Орудис	вать предметы, позволяющие связать и обезвредить жертву, например веревки, скотч и т.п.
Способ подготовки к совершению	Средне выраженный «сталкинг». Может заговорить с жертвой, но, как правило, разговор этот
спосоо подготовки к совершению	непродолжительный
	Нападает внезапно, чаще всего со спины, чтобы жертва не смогла быстро отреагировать на
Способ совершения преступления	нападение. Для подавления сопротивления может оглушить жертву, после чего транспортирует ее
	в безопасное для него место, изнасиловать и убить
Способ сокрытия следов	Как правило, после убийства не пытается спрятать / избавиться от трупа, но старается спрятать /
Спосоо сокрытия следов	избавиться от орудия преступления. Часто после каждого убийства орудие убийства меняется
Постпреступное поведение	После совершения убийства находится в нестабильном состоянии. Для снятия стресса злоупо-
	требляет алкоголем, наркотическими веществами и т.п. Примерная продолжительность периода:
	1–2 месяца. К концу криминальной карьеры этот период может сократиться до 1 недели

5. Организованный миссионер; примеры: Р. Хамаров, В. Третьяков, А. Пичушкин, Дж. Кл. Вон.

Элемент	Содержательная характеристика		
Время	Дневное или вечернее время суток		
Место	Город. Выбирает малолюдные места. «Надомники» могут убивать в собственном доме / ином		
	помещении		
Мотив	Одержимость идеологией / религиозный фанатизм		
Жертва	Жертва заранее определена, соответствует идеальному образу серийного убийцы, который зави-		
	сит от конкретной идеи серийного убийцы. Например, если он приверженец нацистской идеоло-		
	гии, то жертвами будут лица «нечистого происхождения»		
Орудие	Диапазон широкий – от удавки до огнестрельного		
Способ подготовки к совершению	Некоторой части серийных убийц этой категории свойствен «сталкинг». Жертву может опреде-		
	ленный период выслеживать, получать о ней данные о постоянных местах посещения, месте жи-		
	тельства, наличии родственников и т.п. Может использовать автомобиль для передвижения и		
	выслеживания жертв. Часть серийных убийц этого вида могут совершить преступление в случае		
	непристойного, по их мнению, поведения жертвы, например злоупотребления алкоголем		
Способ совершения преступления	В зависимости от личности убийцы: некоторая часть серийных убийц этой категории знакомится		
	с жертвой, завоевывает её доверие, заманивает к себе домой / в безлюдное место, после чего со-		
	вершает убийство. Другая часть нападает импульсивно		
Способ сокрытия следов	Старается спрятать / избавиться от трупа, орудие преступления обычно не выбрасывает,		
	используя многократно		
	После совершения убийства начинается стадия эмоционального покоя, во время которой он жи-		
Постпреступное поведение	вет обычной жизнью, не выделяясь среди остальных. Примерная продолжительность периода:		
постироступное поведение	1 месяц – 1 год. В случае предчувствия опасности раскрытия этот период может растянутся до		
	нескольких лет		

6. Дезорганизованный миссионер; примеры: С. Ряховский, П. Войтов и Е. Лобачева.

Элемент	Содержательная характеристика
Время	Преимущественно вечернее время суток
Место	Город / сельская местность, выбирает малолюдные места
Мотив	Одержимость идеологией / религиозный фанатизм
Жертва	Как правило, жертва заранее определена, соответствует идеальному образу серийного убийцы, который зависит от конкретной идеи серийного убийцы. Например, если он приверженец нацистской идеологии, то жертвами будут лица «нечистого происхождения»
Орудие	Преимущественно колюще-режущее и ударно-раздробляющее
Способ подготовки к совершению	Как правило, данная стадия у этого типа серийных убийц отсутствует в силу неразвитых комму- никативных навыков. Они могут бесцельно блуждать на определенной территории, как только увидят доступную жертву – нападают. Изредка такой серийный убийца может заговорить с жерт- вой, но, как правило, разговор этот непродолжительный
Способ совершения преступления	Нападает импульсивно
Способ сокрытия следов	Как правило, после убийства не пытается спрятать / избавиться от трупа, но старается спрятать / избавиться от орудия преступления. Часто после каждого убийства орудие убийства меняется
Постпреступное поведение	После совершения убийства находится в нестабильном состоянии. Для снятия стресса злоупотребляет алкоголем, наркотическими веществами и т.п. Примерная продолжительность периода: 1–2 месяца. К концу криминальной карьеры этот период может сократиться до 1 недели

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Ведерников Н.Т. Личность преступника в криминалистике и криминологии // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 148–152.
- 2. Ахмедшин Р.Л., Алексеева Т.А. Проблемы криминалистической типологизации личности // Алтайский юридический вестник. 2014. № 3 (7). С. 91–93.
- 3. Методика расследования серийных убийств: метод. пособие. М., 1998.
- 4. Turvey B.E. Criminal profiling: an introduction to behavioral evidence analysis N. Y.: Academic Press, 1999.
- 5. Старович 3. Судебная сексология М.: Юрид. лит., 1991.
- 6. Шехтер Х., Эверит Д. Энциклопедия серийных убийств. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998.
- 7. Юань В.Л. Систематизация источников информации о личности допрашиваемого на этапе подготовки к допросу // Сборник материалов криминалистических чтений. 2015. № 11. С. 70–72.

Статья представлена научной редакцией «Право» 18 июня 2016 г.

CLASSIFICATION OF SERIAL KILLERS: A SYNTHESIS OF THE RESULTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 179–183. DOI: 10.17223/15617793/410/29

Roman O. Khomenkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 555rom@sibmail.com Ramil L. Akhmedshin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com Keywords: serial offender; serial killer; visionary; hedonist; hunter; missionary; psychological profile; profiling.

The content of the technique of the unknown perpetrator's psychological profile construction is that on the basis of the data presented FBI employees, specializing in drawing up psychological profiles, make a description of the offender, which shall include estimated socio-biological characteristics. This information is set as follows: the results of the inspection of the crime scene determine the purpose of committing the crime; the analysis of the content of the purpose determines the motive of the crime; the genesis

and nature of the motif are traced (the motif indicates needs, needs indicate the psychological properties of the offender); modeled personality traits lead researchers to the forms of their realization in the person who committed the offense in the micro-social sphere (family, work, social status, habitual patterns of behavior, typical role reactions), which is the direct search profile, the construction of which becomes the most important task of profiling; identified personality traits are related to typical models of individual groups of criminals, whose existence is mentioned in the national forensic science. Unidentified properties with high probability will be identical to the corresponding characteristics of a particular type of serial criminals. The typology of serial killers in this way is not just a necessary element of forensic knowledge of the "crime" system, but a substantial element of practical application of forensic knowledge. Thus, the completeness and validity of the classification of serial killers used will determine the final stage of a serial killer's profile construction. Unfortunately, the existing classifications of serial killers do not allow to fully disclose the specifics of the mechanism of committing crimes by serial killers and, subsequently, to determine the typical material traces of the crime, specific to each type of serial killers. Therefore, in order to fill this gap, it is necessary to consider the identity of a serial killer in the framework of a dual classification, i.e. combine the classification by the factor of organization (as most applicable) and the classification by the orientation of the motivation of serial killers (as most explanatory). As a result of this synthesis, the process of using the biographical method and independent characteristics of the method of analysis the following types of serial killers have been identified: organized hedonist; disorganized hedonist; organized hunter; organized hunter; organized missionary, disorganized missionary,

REFERENCES

- 1. Vedernikov, N.T. (2014) The identity of the offender in criminalistics and criminology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Tomsk State University Journal*. 384. pp. 148–152. (In Russian).
- 2. Akhmedshin, R.L. & Alekseeva, T.A. (2014) Problems of criminalistics personality typology. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik Altai Law Journal*. 3 (7), pp. 91–93. (In Russian).
- 3. Soya-Serko, P.A. et al. (eds) (1998) *Metodika rassledovaniya seriynykh ubiystv* [Technique of investigation of serial murders]. Moscow.
- 4. Turvey, B.E. (1999) Criminal profiling: an introduction to behavioral evidence analysis. New York: Academic Press.
- 5. Starovich, Z. (1991) Sudebnaya seksologiya [Court sexology]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
- 6. Schechter, H. & Everitt, D. (1998) Entsiklopediya seriynykh ubiystv [Encyclopedia of serial killers]. Moscow: KRON-PRESS.
- 7. Yuan', V.L. (2015) Sistematizatsiya istochnikov informatsii o lichnosti doprashivaemogo na etape podgotovki k doprosu [Ordering of sources of information about the person being questioned in preparation for interrogation]. Sbornik materialov kriminalisticheskikh chteniy. 11. pp. 70–72.

Received: 18 June 2016

№ 410 Сентябрь 2016

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБСЕМЕТОВ Марат Оралбаевич — канд. ист. наук, генеральный директор Национального архива Республики Казахстан (г. Астана, Казахстан). E-mail: m.absemetov@gmail.com

АРАПИНА Светлана Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета. Е-mail: arapina77@mail.ru

АХМЕДОВ Теюб Ахмед оглы – канд. ист. наук, доцент кафедры экономики и социально-гуманитарных дисциплин Технического института (филиала) Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова в г. Нерюнгри. E-mail: RSevoi@yandex.ru

АХМЕДШИН Рамиль Линарович – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: raist@sibmail.com

БАДМАЕВ Андрей Захарович – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ). E-mail: badmaevaz@yandex.ru

БУРМАКИНА Галина Александровна — канд. ист. наук, доцент кафедры психологии, педагогики и экологии человека Красноярского государственного аграрного университета. E-mail: burmakinagalina@rambler.ru

ГАЙДИН Сергей Тихонович — д-р ист. наук, зав. кафедрой истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета. E-mail: gaydinsergey@rambler.ru

ГЕТМАН Маргарита Алексеевна — магистрант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета. E-mail: margarita.getman2015@yandex.ru

ГОРДЕЕВ Александр Геннадьевич – аспирант кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (г. Бийск). E-mail: lex.ag@mail.ru

ЗАХАРОВ Алексей Игоревич – аспирант кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Волгоградского государственного университета. E-mail: alex 07 cool@mail.ru

ЗИНОВЬЕВ Василий Павлович – д-р ист. наук, зав. кафедрой отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: vpz@tsu.ru

ИВАНОВА Лариса Михайловна — магистрант кафедры всеобщей истории, социологии и политологии Омского государственного педагогического университета. E-mail: Larisa ivanova92@mail.ru

КАРЕЛИН Дмитрий Владимирович – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Томского государственного университета. E-mail: karelin@inbox.ru

КАРИН Антон Д**митриевич** – магистрант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета. E-mail: donfernando.karin@yandex.ru

КОЗЛОВ Алексей Евгеньевич – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

КОМИЛОВА Хосият Гуфроновна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Российско-Таджикского (Славянского) университета (г. Душанбе, Таджикистан). E-mail: khosiyat.komilova@gmail.com

КОМЛЕВА Евгения Владиславовна – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. сектора истории второй половины XVI – начала XX в. Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: feodal@history.nsc.ru

КОСЫГИНА Светлана Валерьевна – аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: cool.balanar2014@yandex.ru

КРЫЛОВА Вера Климентьевна – канд. искусствоведения, ст. науч. сотр. сектора истории Якутии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук. E-mail: kvkrepressgur@mail.ru

КУРНАКОВ Александр Николаевич – аспирант кафедры новой истории и мировой политики Тюменского государственного университета. E-mail: kurnakov.aleksandr@gmail.com

ЛАРИОНОВА Анастасия Вячеславовна – ст. преподаватель кафедры философии и социологии Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: vktusur@mail.ru

ЛИДЖИЕВА Ирина Владимировна – канд. ист. наук, ученый секретарь Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук. E-mail: irina-lg@yandex.ru

МАЛЬЦЕВ Роман Константинович – аспирант кафедры культурологии Кемеровского государственного института культуры. E-mail: mrk1992@mail.ru

МЕНЯЙЛО Вера Владимировна – канд. филол. наук, доцент департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург). E-mail: menyaylo917@mail.ru

МЕЩЕРЯКОВА Эмма Ивановна — д-р психол. наук, профессор кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета. E-mail: mei22@mail.ru

МИШЕНИН Сергей Евгеньевич – канд. ист. наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории Кемеровского государственного университета. E-mail: s-e-m-57@mail.ru.

НЕХАЕВ Андрей Викторович – д-р филос. наук, профессор кафедры философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета. E-mail: A V Nehaev@rambler.ru

САВЕЛОВА Ольга Алексеевна — соискатель кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: savol@bk.ru

САФОНОВА Ольга Евгеньевна – соискатель кафедры истории России Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. E-mail: olgasafonova81@yandex.ru

СПИЧАК Александра Владимировна – соискатель кафедры документоведения и всеобщей истории Нижневартовского государственного университета. E-mail: spichak-89@mail.ru

СУШКО Алексей Владимирович – д-р ист. наук, профессор кафедры «Отечественная история» Омского государственного технического университета; профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Омского автобронетанкового инженерного института. E-mail: Alexsushko@rambler.ru

ТИШКИНА Ксения Алексеевна — аспирант кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: ksetishkina@mail.ru

ТРОИЦКИЙ Евгений Флорентьевич – д-р ист. наук, профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: eft@rambler.ru

ТРУСОВ Петр Андреевич – аспирант кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета. E-mail: education@psy.tsu.ru

ХОМЕНКОВ Роман Олегович – студент юридического института Томского государственного университета. E-mail: 555rom@sibmail.com

ХРАМЦОВ Александр Борисович — канд. ист. наук, доцент кафедры сервисного инжиниринга и правового обеспечения в жилищно-коммунальном и строительном комплексе Тюменского индустриального университета. E-mail: khramtsov_ab@bk.ru

ЧЕРНЫШОВ Сергей Андреевич – соискатель кафедры востоковедения Томского государственного университета. E-mail: 1502911@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Общенаучный периодический журнал

2016 № 410 Сентябрь

Председатель научно-редакционного совета – Э.В. Галажинский Главный редактор – В.П. Зиновьев Ответственный секретарь – Д.А. Катунин

ФИЛОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ. ПРАВО

Печатная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694. ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694. ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж). Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Адрес редакционного совета

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ. Журнал «Вестник ТГУ» Телефон 8+(382-2)–52-96-67

Подписано к печати 20 сентября 2016 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Усл. печ. л. 21,6. Тираж 250 экз. Заказ № 2091.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, К.В. Полькина Корректор – Н.А. Афанасьева Оригинал-макет А.И. Лелоюр Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательского Дома Томского государственного университета 634050, г. Томск, Ленина, 36 Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является общенаучным периодическим изданием. Учредитель — Томский государственный университет. Первоначально он выходил под названием «Труды Томского государственного университета», в 1998 г. издание университетского журнала было возобновлено уже под новым названием, и всего к 2016 г. был выпущен 401 номер. В настоящее время журнал «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России». Цена свободная.

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет», редакция журнала «Вестник ТГУ».

Телефон 8(382-2)–52-96-67 Факс 8(382-2)–52-98-46 Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин. E-mail: vestnik@mail.tsu.ru Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Founder – Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740). Free price.

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Editorial Office address: TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University 36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050 Tel: 8(382-2)–52-96-67 Fax: 8(382-2)–52-98-46 Executive Editor: Dmitry Katunin

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru